

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1985

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

1(172)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1985

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *Л. П. Маринович*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
д. и. н. *В. И. Кузицин*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Шгаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

В. И. Абаев

ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЕ *abičariš* В БЕХИСТУНСКОЙ НАДПИСИ

(К вопросу о социальном характере термина)

На юго-западе Ирана, примерно в 30 км от нынешнего Керманшаха в местности Бехистун (др. иран. *Bagastāna* «Обитель богов»), на древнем караванном пути из Багдада в Тегеран можно видеть один из самых замечательных по объему и значению памятников мировой эпиграфики — надпись персидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.). Она высечена на скале клинописью на трех языках — древнеперсидском, эламском и аккадском. Надпись повествует о бурных событиях первых лет царствования Дария I.

Персидская держава, созданная царем Киром (558—530 гг. до н. э.), простиралась от Индии до Фракии, от Согдианы до Эфиопии. Она поглотила все существовавшие ранее на этой территории племенные объединения и рабовладельческие государства: Мидию, Ассирию, Вавилонию, Элам, Лидию, Египет и др. Киру наследовал его сын Камбиз (539—522 гг. до н. э.). Бехистунская надпись и Геродот согласно утверждают, что Камбиз убил своего брата Бардию (в греческой передаче — Смердиса). Но народ якобы не знал, что Бардия убит. Этим воспользовался, по словам Дария, некий Гаумата. Он выдал себя за Бардию, захватил царство и благополучно правил семь месяцев. Группа знатных персов, включая Дария, устроила заговор против Гауматы. Они проникли во дворец и убили его. Царем был провозглашен Дарий, который, как Кир и Камбиз, принадлежал к роду Ахеменидов. Но тут начались волнения и мятежи во многих провинциях, и Дарию пришлось проявить кипучую энергию и чудеса оперативности, чтобы справиться с положением и удержаться у власти. Об этих драматических событиях и рассказывает Бехистунская надпись.

Текст надписи к настоящему времени успешно дешифрован и истолкован. Язык древнеперсидской версии простой, лапидарный, с часто повторяющимися стереотипными формулами. Все же есть в тексте несколько слов и пассажей, которые не получили пока однозначного истолкования и дают повод для споров. К числу их относится термин *abičariš*. Он встречается в следующем контексте: Дарий ставит себе в заслугу, что после расправы с самозванцем он «вернул народу (*kārahu* — родительно-дательный падеж от *kāga*- ‘народ’, ‘войско’) то, что Гаумата у него отнял», а именно:

abičariš gaiθamčā māniyamčā viθbiščā

Что означают эти четыре слова? Что отнял у «народа» Гаумата и вернул ему Дарий? У какого «народа»? Ответ на эти вопросы имеет важное значение, так как он должен пролить свет на какие-то диаметрально про-

тивоположные тенденции во внутренней политике лже-Смердиса, с одной стороны, и Дария, с другой¹.

Прошу читателя прежде всего обратить внимание на то, что постпозитивная союзная частица *-šā* стоит после *gaīḏam*, *māniyam* и *viḏbiš*, но отсутствует после *abišariš*. Как увидим ниже, это обстоятельство весьма существенно для правильного понимания текста.

Значение слов *gaīḏa* и *māniya* не вызывает никаких сомнений: *gaīḏa*-, от корня **gau-* 'жить' означает здесь 'скот', *māniya*- из **dmāniya*- от **dmā-* па- 'дом' означает 'домашние', 'челядь', 'слуги', 'рабы'² (по развитию значения ср. греч. *οἰκέτης* 'слуга', 'раб' от *οἶκος* 'дом'). Ничего загадочного нет и в слове *viḏ-*. В ахеменидских надписях оно означает чаще царский дом и двор в широком смысле, включая семью, родню, придворных разного ранга, военную охрану, вспомогательные службы и пр. Такие же *viḏ-*, но только меньшего масштаба, были, несомненно, у всех представителей знати, у провинциальных правителей, сатрапов и т. п. Точное значение дает М. Дандамаев: «Haus mit dem ganzen Wirtschaftskomplex»³. Ср. авест. *vis-* 'Herrenhaus', 'adeliger Hof'⁴. Форма *viḏbiš* — орудийный падеж множ. числа в функции винительного⁵. В разбираемом нами месте Бехистунской надписи *viḏ-* без натяжки можно перевести русским 'усадьба'. Ср. В. Даль: «усадьба — господский дом на селе со всеми ухажаями, садом, огородом». Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: «усадьба — в старину... господский, помещичий дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями». В державе Ахеменидов подобные «усадьбы» могли быть не только в селениях, но и в городских условиях того времени, в административных центрах, как в новое время в Хиве, Бухаре, Самарканде, Ширазе и др.

Итак, по утверждению Дария самозванец Гаумата отнял у «народа» стада, рабов, усадьбы. Нельзя отнять у человека то, чего он не имеет. Владеть стадами, рабами и усадьбами могли не простые люди, крестьяне и ремесленники, а только привилегированная знать. Ее-то и имеет в виду Дарий под словом «народ» (*kāra*).

Вернемся, однако, к главному предмету нашего разбора — термину *abišariš* (*abi-šar-iš*). В его истолковании нет единодушия между специалистами. Большинство переводит его 'пастбище', 'Weide', 'Weideland', 'pasture lands'⁶. Тут возникают прежде всего сомнения реально-исторического порядка.

Есть ли какие-либо указания, что во времена Дария I в персидской державе пастбища находились в частной собственности? Насколько мы знаем, таких указаний нет. Вся земля, годная под выпас, была пастбищем, и отнять ее у «народа» было так же трудно, как отнять воздух или воду.

¹ Предложенные до сих пор истолкования обстоятельно, с обширной библиографией разобраны в известной книге М. А. Дандамаева «Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.)». (М., 1963). Ссылки даются на дополненное немецкое издание: *Dandamaev M. A. Persien unter den ersten Achämeniden* (6. Jahrhundert v. Chr.). Übersetzt von Heinz-Dieter Pohl. Wiesbaden, 1976.

² *Hinz W.* — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 102, 1952, S. 375; *Brandenstein W.*, *Mayrhofer M.* *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden, 1964, S. 131 f.

³ *Dandamaev*. *Op. cit.*, S. 173.

⁴ *Bartholomae Ch.* *Altiranisches Wörterbuch*. В., 1904—1961 (далее — AW), S. 1455.

⁵ *Hoffmann K.* *Aufsätze zur Indoiranistik I—II*. Wiesbaden, 1975—1976, S. 75. В каждом *viḏ-*, как в столице, так и в провинциальных административных центрах, стояла воинская часть, которая несла охранную, гарнизонную службу. Она именовалась *kāra haṃa viḏparati* 'войско, которое при дворе', по современному — 'гарнизон'. И когда Дарий говорит (дважды в Бехистунской надписи): *kāra haṃa viḏparati hašāma hamissiya abava* «войско, которое при дворе, стало мятежным», это надо понимать так, что гарнизон соответствующего административного центра не признал Дария или отложился от него.

⁶ AW, S. 89; *Kent R. G.* *Old Persian*. 2nd ed. New Haven, 1953, p. 120; *Dandamaev*. *Op. cit.*, S. 245 ff.

На чем основан перевод «пастибище»? В Авесте и санскрите основное значение корня *ṣag-* — ‘двигаться’, ‘ходить’, ‘бродить’, также ‘жить’ (ср. осет. *сэгун* ‘жить’), ‘действовать’, ‘производить’, ‘присваивать’ и др.⁷ Верно, что в среднеперсидском находим *ṣagak* ‘пастибище’, а в новоперсидском *ṣarīdan* ‘пасти’. Но к той же индоиранской базе **ṣag-* восходят (со вторичной долготой гласного) среднеперс. *ṣāgak*, новоперс. *ṣāga* ‘средство’. Казалось бы, их тоже надо иметь в поле зрения при разъяснении древнеперсидского *abiṣariš*. Существенно, наконец, то, что в древнеперсидском мы нигде не встречаем отдельно **ṣag-*, а только сочетание (сращение) *abiṣag-*. Между тем известно, что сочетания (сращения) глагольных и именных баз с предложными приставками часто коренным образом меняют значение базы. Русское *образ* этимологически связано с *разить* и *резать* и должно бы означать что-то вроде «удар» или «обрез» (русское *об-* этимологически соответствует древнеперсидскому *abi-*). В действительности оно имеет совсем иное значение. И таких примеров можно привести десятки и сотни: предложные приставки (превербы) могут до неузнаваемости изменить значение базового корня или основы. Поэтому разъяснение древнеперсидского *abiṣariš*, ориентированное на голый корень **ṣag-*, с его множеством значений, имеет лишь весьма относительную доказательную силу. Надо искать соответствия не для *ṣag-*, а для *abiṣag-*. И такие соответствия имеются: среднеперс. *abzār*, *afzār*, *afṣār* (из **abṣār*), новоперс. *afzār*, *abzar*, груз. *abzari*, арм. *auṣar* и др. Наконец, древнеиндийский глагол *abhicar-* ‘владеть’.

Для среднеперсидского *afṣār* Нюберг дает значения: ‘Instrument, Gerät, Austrüstung’⁸. Моле (*afzār*): ‘instrument, arme, outil’⁹, Маккензи (*abzār*, *abṣār*): ‘instrument, means’¹⁰ Зундерман (‘bc (?)г ‘Material’¹¹. Для новоперсидского *abzar*, *afzār* Гаффаров: рабочий инструмент¹²; Рубинчик: 1. инструменты; 2. инвентарь, оборудование; 3. принадлежности, предметы, утварь¹³. Арм. *auṣ’ar* засвидетельствовано в значении ‘средство’, ‘лекарство’.

Никто, насколько я знаю, не привлекал в связи с древнеперсидским *abiṣariš* груз. *abzari*. Оно означает ‘доспехи’, ‘военное снаряжение’¹⁴. Свидетельствуется в грузинском литературном языке с древнейших его памятников, в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре», а также в народной поэзии¹⁵. Приведем еще цитаты.

В поэме Руставели в начале второй главы о главном герое говорится:

Xširad esxa margalit'i
lagam-abzār-unagirsā

«Его уздечка, доспехи (в переводе Marjory Wardrop „armour“¹⁶), седло были обильно усыпаны жемчугом».

⁷ AW, S. 449; Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung bearbeitet von Otto Böhtlingk. I—VII. St. Petersburg, 1879—1889; B. II, S. 216.

⁸ Nyberg H. S. Hilfsbuch des Pehlevi. II. Glossar. Uppsala, 1931, S. 6.

⁹ Molé M. La légende de Zoroastre selon les textes pehlevi. P., 1967, p. 255.

¹⁰ MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971, p. 4.

¹¹ Sundermann W. Mittelpersische und parthische kosmogonische und Paraleltexte der Manichäer. B., 1973, S. 114.

¹² Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1914, с. 51.

¹³ Персидско-русский словарь. Руководитель Ю. А. Рубинчик. Т. I. М., 1970, с. 37.

¹⁴ Kartuli enis ganmartebiti leksik'oni («Толковый словарь грузинского языка»). Под общей редакцией Ари. Чикобавы. Т. I—VIII. Тбилиси, 1950—1964; Т. I, с. 86; Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. На груз. яз. с русск. и англ. рез. Тбилиси, 1966, с. 172, 201, 211 сл., 230.

¹⁵ Цитаты см. в изданиях: Толковый словарь грузинского языка. Т. I, с. 86; Андроникашвили. Ук. соч., с. 216.

¹⁶ The man in the panther's skin. A romantic epic by Shota Rustaveli. A close rendering from the Georgian attempted by Marjory Scott Wardrop. L., 1912.

В поэме Григола Орбелиани (1800—1883) читаем:

Tamaris droša gašales,
Skrba Didubes laškari:
K'axi par-šubit, tuši, xmlit,
Pšav-xevsurs švenis abžari.

«Знамя Тамары они развернули,
в Дидубэ¹⁷ собралось войско:
кахетинец со щитом и копьём, тушинец с пашкой,
пшаву и хевсуру к лицу их доспехи»¹⁸

Здесь обращает на себя внимание, что *abžari* как военное снаряжение в целом противопоставляется отдельным его видам: щиту, копьё, пашке. Ничто не препятствует возводить все приведенные термины к др. перс. *abičariš* (с отпадением форманта *-iš* и компенсаторной долготой предшествующего гласного). При всех семантических вариациях между ними есть нечто общее: они никогда не обозначают отдельный, конкретный предмет, но всегда совокупность, набор предметов, средств, обладание которыми характеризует человека в данном его профессиональном или социальном статусе. Для ремесленника — инструментарий, для воина — доспехи, для домашнего хозяина — домашняя утварь. Такое же обобщающее, собирательное значение мы вправе предполагать в др. перс. *abičariš*.

В среднеперсидской зороастрийской книге Денкарт есть одно место, особенно поучительное для раскрытия значения *afzār*. Творец Ормазд, даря людям земные блага, говорит: *ēt to Mašī i gāv ut ēt yōrtāk ut ōyšān afzār i arāgik* «вот, Маши, твой скот, вот твой хлеб и вот твой остальной *afzār*». Под *afzār* понимаются здесь все средства к жизни, включая скот и хлеб.

Этот пассаж из Денкарта напрашивается на прямое сопоставление с разбираемым отрывком из Бехистунской надписи. В Денкарте *afzār* служит общим наименованием для средств к жизни, таких, как скот, хлеб и прочее. В Бехистунской надписи *abičariš* — общее название для разных видов имущества: скота, рабов, усадеб. Стало быть, др. перс. *abičariš* и ср. перс. *afzār* как этимологически, так и семантически вполне идентичны.

Значение 'средства к жизни', 'имущество' подводит нас вплотную к одному из значений санскритского глагола *abhi-car-* (сочетание *car-* с превербом *abhi*): 'владеть', 'besitzen'¹⁹. По образованию *abičariš* надо рассматривать как отглагольное имя на *-iš* от *abičar-*, стоящее в тексте в винит. падеже среднего рода. Образование такое же, как др. перс. *hadiš* 'дворец, резиденция' от *had-* 'сидеть'²⁰.

Разбираемый отрывок из Бехистунской надписи становится теперь прозрачным. Его надо понимать и переводить так, как если бы после *abičariš* стояло двоеточие: «Я вернул народу имущество (*abičariš*): скот (*ga-išam*), рабов (*māniyam*), усадьбы (*viθbiš*), которые Гаумата-маг отнял».

Становится понятным и то, почему постпозитивная союзная частица *-čā* (этимологически и по функции соответствующая латинскому *-que*) отсутствует после *abičariš*, но стоит после каждого из последующих трех слов. По нормам древнеперсидского языка в ряду двух или более примыкающих друг к другу однородных членов предложения (однородных не только формально, но и по значению) союзная частица *-čā* присоединяется к каждому из них. Например, *Pārsamčā Mādāmčā* «Персию и Мидию»;

¹⁷ Дидубэ — пригород Тбилиси.

¹⁸ Военный наряд пшавов и хевсуров был особенно живописен.

¹⁹ Sanskrit-Wörterbuch..., S. 216.

²⁰ Kent. Op. cit., p. 63.

duvitiyamčā ssitāmčā ʒardam «во второй и третий год»; manasčā ušičā «разум и понимание»²¹.

Частица -čā стоит после *gaiʒam*, *māniyam* и *viʒbiš*, потому что это однородные члены («скот, рабов, усадьбы»). Слово *abičariš* обозначает не отдельный объект, а совокупность средств к жизни, имущество; оно суммирует три последующих конкретных объекта. В терминах современной пунктуации за ним стоит не запятая, а двоеточие. Естественно, что присоединение к нему частицы -čā было бы явно неуместно.

Возвращаясь к реально-историческому смыслу разбираемого отрывка из Бехистунской надписи, мы можем лишь повторить сказанное выше. Антагонизм во внутренней политике между Гауматой и Дарием состоял в том, что Гаумата пытался ограничить экономические привилегии рабовладельческой знати, а Дарий восстановил эти привилегии.

²¹ См. *Kent. Op. cit.*, p. 183. В сочетании *vašna Auramazdāha manačā* «по воле Аурамазды и моей» слова *Auramazdāha* и *mana* не являются однородными ни формально (разные части речи), ни по престижности.

OLD PERSIAN *ABIČARIŠ* IN THE BEHISTUN INSCRIPTION

V. I. Abaev

The author presents the results of a study of the word *abičariš*, which appears in the Behistun inscription, and its meaning. Unlike the words that follow it — *gaiʒamčā māniyamčā viʒbiščā* — *abičariš* has no postpositive connective particle because it summarises the three specific objects mentioned after it. The word *abičariš* is a verbal noun from *abičar-* with the ending *-iš* in the accusative case of the neuter gender. In the Behistun inscription it is used as a general word for various kinds of property: cattle, slaves, estates. Compare, e. g., Middle Persian *abzar*, *afzar*; modern Persian *afzar*; Georgian *abžari*; the ancient Indian verb *abhicar-*.

А. Ю. Согомонов

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕВАНТА: ЭТНИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЭПОХИ АРХАИКИ

Восточное направление греческой колонизации вплоть до середины 30-х годов XX в. выпадало из поля зрения исследователей. Это не вызывает удивления, так как письменная традиция об этом направлении содержит информацию очень ограниченную и в основном мифологического порядка. С открытия английской экспедицией под руководством Л. Вулли античного порта Аль Мины в устье Оронта приступили к постепенной разработке данной тематики — ближневосточный регион включился в число основных азимутов изучения греческого освоения Средиземноморья. Греческая колонизация Восточного Средиземноморья рассматривалась как в трудах обобщающего характера (А. Берн, Дж. Бордман, Т. Брон, Т. Данбэбин, Ч. Старр, Э. Ямаучи)¹, так и освещалась в специальных историко-археологических исследованиях². Трудно переоценить значение этих работ для познания хода и характера раннегреческой колонизации. Менее всего при этом оказались затронутыми вопросы этно- и социокультурных контактов в ходе колонизации данного ареала. Между тем лишь на основе такого анализа можно выявить специфику Левантйского региона как особой зоны колонизации.

«Открытый порт». Обращает на себя внимание — при сравнительном сопоставлении — значительное опережение в освоении греками этого региона. Ранний керамический импорт в ближневосточных центрах датируется уже среднегеометрическим периодом I и II (вторая половина IX — первая половина VIII в. до н. э.)³. Буквально все фрагменты принадлежат сосудам индивидуального пользования (так называемые «питьевые»), а они, по мнению большинства исследователей, никак не могли служить предметами греко-восточной торговли⁴. Эти ранние образцы распадаются

¹ Boardman J. *The Greeks Overseas*. L., 1980 (далее — Boardman. GO); Braun T. F. R. G. *The Greeks in the Near East*. — CAH, v. III.3. Cambr., 1982; Burn A. R. *The Lyric Age of Greece*. L., 1980; Dunbabin T. J. *The Greeks and their Eastern Neighbours*. L., 1957; Starr Ch. G. *The Economic and Social Growth of Early Greece 800—500*. N. Y., 1977; Yamauchi E. M. *Greece and Babylon. Grand Rapids (Michigan)*, 1967.

² Boardman J. *Tarsus, Al Mina and Greek Chronology*. — JHS, 85, 1965; Hegui D. *Die Griechen und der Alte Orient im 9. bis 6. Jhdt. v. Chr. — Mesopotamien und seine Nachbarn*. B., 1982; Riis P. J. *The First Greeks in Phoenicia and their Settlement at Sukas*. — Ugaritica, 1969, v. 6.

³ Coldstream J. N. *Greek Geometric Pottery*. L., 1968, p. 312. Один фрагмент из Ниневии определяется как протогометрический, хотя относится к среднегеометрическому времени. См. Cook R. M. *Ionia and Greece in the Eighth and Seventh Centuries B. C.* — JHS, 46, 1946, p. 83.

⁴ Akurgal E. *Orient und Okzident*. Baden-Baden, 1966, S. 161 f.; Boardman, GO, p. 45; Coldstream J. N. *Geometric Greece*. L., 1979 (далее — Coldstream. GG), p. 95; Riis P. J. *Sukas I. The North East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine*. København, 1970 (далее — Sukas I), p. 129.

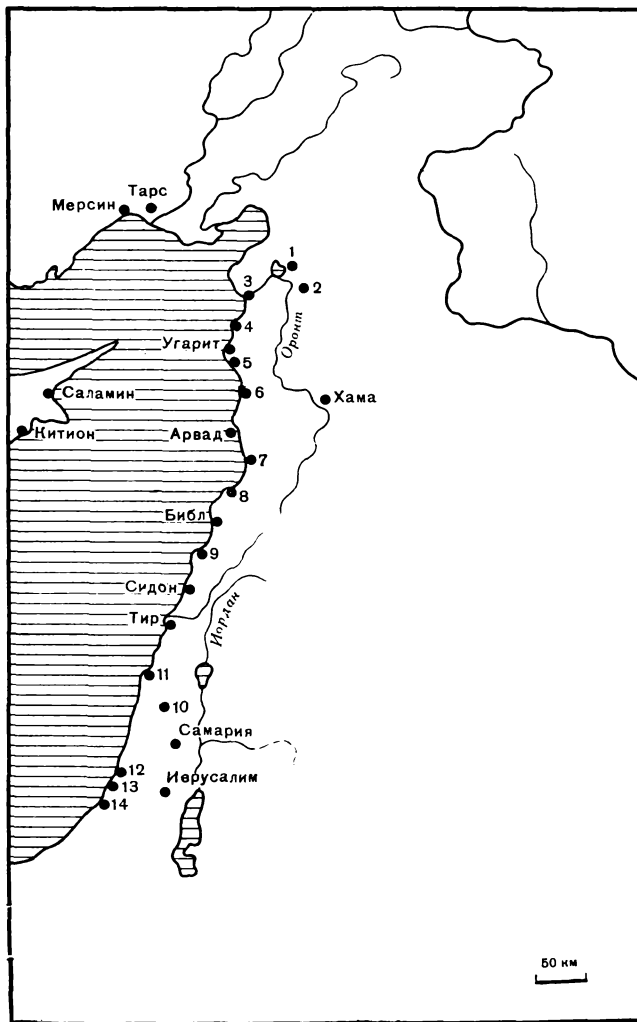

Рис. 1. Левантйское побережье в IX—VI вв. до н. э.
 1 — Телль Тайнат; 2 — Телль Юдайда; 3 — Аль Мина; 4 — Рас эль Басит; 5 — Рас Ибн Хани; 6 — Телль Сукас; 7 — Таббат аль Хаммам; 8 — Триполис; 9 — Халда; 10 — Мегиддо; 11 — Телль Абу Хавам; 12 — Мецад Хашавьяху; 13 — Ашдог; 14 — Аскалон

ся на две группы: аттицизированные среднегеометрические сосуды (они составляют не более одной трети всей массы) и эвбео-кикладские скифосы с концентрическими полукружьями⁵. Мегиддо и Самария — два значительных палестинских центра — дают материал лишь первой группы. Ряд центров — сочетание обеих групп (Хама, Телль Юдайда, Тир и др.). Преобладает же в ближневосточных центрах керамика второй группы (Телль Халаф, Телль Тайнат, Телль Сукас, Таббат аль Хаммам, Халд, Телль Абу Хавам, Аскалон)⁶ (рис. 1). Показателем каких контактов могут служить эти находки?

⁵ Заметим, что аттицизированные среднегеометрические сосуды, по мнению Дж. Н. Колдстрима, представляют собой особую группу эвбео-кикладской имитации аттических образцов, так что практически вся керамика оказывается лишь одного эвбео-кикладского производства (*Coldstream. GG, p. 94*).

⁶ Дисперсия керамических находок дана по *Braun. Op. cit., p. 8*.

Менее всего вероятна гипотеза о случайном, опосредованном проникновении этой керамики в ближневосточные города. В ряде упомянутых центров действительно найдено всего лишь по одному фрагменту (скажем, Телль Халаф и Телль Тайинат)⁷; к тому же многие из них достаточно отдалены от побережья, чтобы можно было предполагать существование прямых морских контактов. И тем не менее эти соображения слабо подкрепляют данную гипотезу. В качестве контраргумента приведем пример с еще более отдаленным центром — Ниневией. У Фокилида находим такое двустишие (fr. 4):

Καὶ τότε Φωκλιίδεω πόλις ἐν σκοπέλω κατὰ κόσμον
οἰκῆυσα σμικρῆ κρέσσων Νίνου ἀφραινούσης⁸.

Вряд ли сам Фокилид мог посещать Ниневию, поскольку последняя была разрушена в 612 г. до н. э., а поэт жил и творил во второй половине VI в.⁹ Но и это не столь важно. Еще в VI в. Фокилид и его аудитория считали само собой разумеющимся прибегать к сравнению с Ниневией. Трудно себе представить, чтобы такой стереотип мышления мог возникнуть опосредованно. О посещении эллинами ассирийских столиц свидетельствуют находки греческих фибул во дворце Саргона и трех керамических фрагментов из раскопок Ниневии (субгеометрический, протогеометрический, родосский)¹⁰. Этот пример довольно наглядно подтверждает мысль о том, что даже столь отдаленные месопотамские центры посещались греками.

Более вероятна гипотеза о торговом посредничестве между Грецией и Ближним Востоком. Таковыми в равной степени могли быть финикийцы, киприоты и критяне. Идея о посредничестве Кипра и Крита в конце «темных веков» остается пока лишь на стадии неразработанного предположения¹¹. Ранний левантский импорт, датируемый второй половиной IX в., концентрируется в основном в четырех центрах Эллады: Керамейкос (Афины), Лефканди (Эвбея), некрополи Коса и Кносса. Он достаточно значителен, чтобы допустить существование регулярной финикийской торговли в эгейских водах¹². Кроме этого Дж. Н. Колдстриму удалось довольно убедительно подтвердить высказанную ранее мысль о миграции финикийских мастеров в Эгеиду¹³. Они оседали главным образом на островах (Кос, Родос, Крит) и занимались преимущественно ювелирным делом¹⁴. Если действительно этих финикийских торговцев и ремесленников можно частично объяснить столь обильный импорт в Эгеиде, то наличие греческого импорта в Леванте все равно остается неразъясненным.

Третья — наиболее достоверная гипотеза — собственно кикладская активность на Ближнем Востоке в IX—VIII вв. Союз островитян под эгидой одного центра мог монополизировать разнообразные контакты с державами левантского побережья. М. Робертсон полагал, что этот союз,

⁷ Hrouda B. Tell Halaf IV. Die Kleinfunde aus historischer Zeit. B., 1962, S. 84; Desborough V. R. A. Proto-geometric Pottery. Oxf., 1952, p. 238.

⁸ Dio Chrys., Or. 36, 11 ss.; Themist., Or. 24, p. 307 c; Michael Choniatis., I, 181, 8 ss. (Lampros).

⁹ Suda s. v. Φωκλιίδης:... ὀλυμπιάδι γεγονότες vθ'.

¹⁰ Loud G. The Palace of Sargon. V. II. Chicago, 1938, pl. 59; Hutchinson R. W.—JHS, 52, 1932, p. 13. В последнее время в Ниневии обнаружены дополнительные свидетельства о греческом импорте, однако они еще не опубликованы (Boardman. GO, p. 45).

¹¹ Coldstream J. N. Greeks and Phoenicians in the Aegean.— In: Phönizier im Westen. Madrider Beiträge. B. VIII. Mainz am Rhein, 1982, p. 265; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth centuries. Edinburg, 1971, p. 404; Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100—650 B. C. N. Y., 1961, p. 216—218.

¹² Coldstream. Op. cit., p. 265.

¹³ Kunze D. Kretische Bronzereliefs. Stuttgart, 1931, S. 236—246; Barnett R. D. Early Greek and Oriental Ivories.— JHS, 68, 1948, p. 6; Dunbabin. Op. cit., p. 41 f.

¹⁴ Coldstream. Op. cit., p. 267 f.

да и вообще экспедиции ранних колонистов на Востоке возглавлял Коринф¹⁵, однако такое допущение остается малоаргументированным ввиду отсутствия раннекоринфского материала. Т. Данбэбин предполагал, что в качестве центра такого союза выступал Делос¹⁶. Позже предпочтение большинства исследователей пало на наиболее вероятного претендента — Эвбею, что вдобавок согласуется с ее ролью пионера-колонизатора Центрального Средиземноморья¹⁷. Выбор этот ныне получил убедительное подкрепление. По инициативе М. Пофэма был проведен химический анализ позднегеометрических черепков из Аль Мины и Лефканди-Халкиды, который подтвердил идентичность их глин¹⁸. Таким образом было установлено, что большая часть раннего греческого импорта на левантийском побережье эвбейского происхождения, хотя и нельзя исключать других ее кикладских партнеров — Наксос, Парос, Самос, Делос¹⁹.

Археологически подкрепленное предположение о «кикладской талассократии» выводит в более широкую проблематику — характер греческой активности и этнокультурное партнерство на Леванте в IX—VIII вв. В решении этого вопроса наметились два основных подхода. Прежде всего — торговая посредническая деятельность. Сравнительно легко предположить, что греки могли вывозить с Востока. Возможно, предметы роскоши, некоторые металлы, причем либо в виде сырья, либо как полуфабрикаты²⁰. Однако нет сколько-нибудь реальной базы для предположения относительно того, что они могли поставлять восточным народам в качестве торгового эквивалента. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые сдержаны в утверждении о систематичности и осознанности торговли греков на Востоке того времени²¹. Для преодоления этого противоречия П. Рийс пытался разработать другой подход, согласно которому первая волна греческой колонизации Востока была исключительно ионийской, причем греки пребывали в ближневосточных центрах в качестве наемников²². Псамметих I, насколько это известно, первым из ближневосточных правителей положил начало практике привлечения греков на военную службу в Египет. Известно, что в VII—VI вв. в египетских войсках служили ионийцы и карийцы²³, а П. Рийс полагает, что их привлекали к службе уже в IX—VIII вв.²⁴

¹⁵ Robertson M. The Excavations at Al Mina, Sueidia IV. The Early Greek Vases.— JHS, 60, 1940, p. 16.

¹⁶ Danbabin T. J. The Early History of Corinth.— JHS, 68, 1948, p. 66.

¹⁷ Boardman J. Early Euboean Pottery and History.— BSA, 52, 1957, p. 5 f.; *idem.* GO, p. 42; *Burn.* The Lyric Age..., p. 47; *Huxley G. L.* The Early Ionians. L., 1968, p. 55; *Starr.* The Origins..., p. 245.

¹⁸ Popham M., Hatcher H., Pollard A. M. Al Mina and Euboea.— BSA, 75, 1980, p. 159 f.

¹⁹ Boardman. GO, p. 40 f.

²⁰ Идея о вывозе греками с Востока металлов, и в первую очередь железа, не получила до сих пор документированного обоснования. Эвбея и Киклады обладали достаточными запасами железа, меди и благородных металлов для нужд металлургического производства в ранний железный век. Отсутствует лишь олово, однако не было его и на Ближнем Востоке. Возможно, кикладцев притягивали оловянные рынки на Леванте, но это остается пока лишь соблазнительным предположением. См. *Waldbaum J. C.* From Bronze to Iron: The Transition of the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978, p. 63 f.

²¹ Starr. The Economic..., p. 59 f.

²² Гипотеза о пребывании греков на Ближнем Востоке в качестве наемников выдвигалась еще Дж. Бордманом (*The Greeks Overseas.* Harmondsworth, 1973, p. 41), но полное свое развитие она получила в выступлении П. Рийса на симпозиуме «Финикийская экспансия в Западном Средиземноморье» (Кельн, 1979): *Riis P. J.* Griechen in Phönizien.— In: *Madriider Beiträge.* B. VIII. Mainz am Rhein, 1982, S. 237—260.

²³ *Herod.*, II, 30, 154; *Strabo*, XIV, 666; XVIII, 801; *Steph. Byz.*, s. v. Abydos. Вдобавок это подтверждается греческими и карийскими надписями из Мемфиса, Абидоса, Абу Симбела и других египетских городов. См. *Boardman.* GO, p. 115—117; *Masson O., Martin G. T., Nicholls R. V.* Carian Inscriptions from North Saqqara and Buhen. L., 1978.

²⁴ *Riis.* Griechen..., p. 253.

И, наконец, примыкающая к предшествующей, но все же стоящая несколько особняком гипотеза о кикладском пиратстве в восточносредиземноморских морях, о повсеместном распространении которого среди островитян писал еще Фукидид²⁵. Иоани Малала сохранил легенду, согласно которой принц Касий, возглавив критян и киприотов, овладел частью северосирийского побережья. Женившись на местной принцессе Амике, он тем самым легализовал свои завоевания на побережье²⁶. Филон Библиский свидетельствует о том, что уже в IX в. греческие пираты вытеснили финикийцев с севера Родоса²⁷, и не исключено, что именно они поставляли на восточные рынки рабов²⁸. Косвенные упоминания об этом содержатся у Гомера, где говорится о работорговле от Сицилии до Сидона (Od. XV, 425—429; XXIV, 211).

Таким образом, эвбейцы и кикладцы в IX—VIII вв. могли заниматься торговлей, пиратством, наемничеством, причем вряд ли следует отделять эти формы активности одну от другой. В раннюю архаику торговля еще не отпочковалась от пиратства²⁹ и находилась в руках «торговой аристократии» или межполисных союзов наподобие *ἀεινάται*, которые, согласно Ж. Велисаропулос, особенно могущественными были в Эретрии и Милете³⁰.

Обратимся еще раз к списку тех ближневосточных центров, где была обнаружена раннегреческая керамика. Многие из них находятся на значительном расстоянии от моря (Хама, Мегиддо, Самария, Телль Юдайда, Телль Халаф, Телль Тайнат). Из лежащих на побережье, за исключением Аскалона, Тира и Халды, все — сравнительно небольшие порты (малые урбанистические единицы). От них шли сухопутные и водные (по Оронту) пути в глубь материка. Аль Мина была своеобразным перевалочным пунктом в долину Амука, Телль Сукас-Хаме, Телль Абу Хавам — в долины Мегиддо и Самарии. Хотя и создается впечатление, будто центры, лежащие в глубине материка, выступали форпостами греческой экспансии, а прибрежные порты служили лишь посредниками, но именно им позднее суждено было стать основными опорными пунктами греческой колонизации Леванта.

Таким образом, как видим, достаточно большая часть левантйских центров была «открыта» для торговли и посещения греков вообще. Возможно, именно здесь мы сталкиваемся с одним из конкретных проявлений феномена «открытого порта», который довольно широко практиковался в древности. Под этим условным термином (не столь существенно, кажется, как именовать такого рода институт³¹) мы понимаем особый статус некоторых восточносредиземноморских центров, когда разным этническим группам, населявшим этот регион, предоставлялась возможность посещать их и вести в них торговый обмен. Подобные порты могли представлять собой крупные ближневосточные центры и находиться под суверенитетом восточных держав (наподобие Аскалона, Тира, Халда, Библа; с большей долей условности — Хамы, Мегиддо, Самарии, поскольку они были материковыми центрами)³². Другие малые урбанистические единицы могли создаваться искусственно для обеспечения безопасности обмена, оставаясь в политическом плане чем-то вроде нейтральных зон

²⁵ *Thuc.*, I, 7—8 (I, 8, I: οὐχ ἤσσον' ληστὰι ἴσαν οἱ νησιῶται).

²⁶ *Iohan Malalas. Chronographia*, VIII, p. 257 (Dindorf).

²⁷ *Philo Bybl.*, *Sunchuniaton.*, VIII, 11.

²⁸ В книге Иезекииля (27 : 13) говорится о работорговле людьми Jawan.

²⁹ *Arist.*, *Polit.*, I, 1256 b.

³⁰ *Vélissaropoulos J. Les naoclères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève — Paris, 1980, p. 21—26.*

³¹ Ч. Старр называет его «дружественным грекам портом», предполагая распространённость такого феномена чуть ли не по всему Средиземноморью (*The Economic...*, p. 60).

³² См. подробнее: *Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980, p. 137.*

(такowymi были Рас эль Басит, Рас Ибн Хани, Телль Сукас, Таббат аль Хаммам, Телль Абу Хавам)³³. При этом, правда, еще не вполне ясно, на каких правах присутствовали греки в этих портах и каким образом они были «открыты», — насильственным путем или по изволению местных правителей³⁴. «Открытые порты» фиксируются, но лишь археологически, на всем Ближнем Востоке. На Кипре подобными портами были Китион, Саламин, Пафос, Сола, Амагус, в Киликии — Тарс и Мерсин³⁵. Благодаря им устанавливались и налаживались греко-восточные контакты. Со второй половины VIII в. начинается более активный этап греческой колонизации Востока.

«Энойкия». Греческие поселения на Леванте от прочих в Средиземноморье отличает то, что они изначально не имели самостоятельного урбанистического статуса. Эта специфика имеет под собой, по крайней мере, два весомых основания. Все они, во-первых, создавались в условиях, «когда побережье контролировалось не слабыми местными племенами, а крупными государственными образованиями»³⁶. Во-вторых, они были предназначены для поддержания наиболее благоприятных условий функционирования регулярного греко-восточного торгового обмена. В этом смысле греки-колонисты не столько были заинтересованы в организации «конституционно» новых урбанистических единиц, сколько в соучастии в уже действующих восточных портах. При основании каждого поселения греки, вероятнее всего, получали «право на вселение» (ἐνοικισμός) и поэтому закономерно за этим типом поселения закрепить сам термин «энойкия» от ἐνοικήρις. П. Рийс не вполне справедливо ввел в литературный обиход категорию «энойкизм» как особый тип поселения греков³⁷. Это лишь юридическая категория, которая встречается только в эллинистическое время (LSJ, s. v. ἐνοικισμός — Right of occupation). Сам же акт вселения (ἐνοικίζω) был уже известен Геродоту (I, 68; II, 66) и Фукидиду (I, 91; VI, 2). В этом смысле, как кажется, корректнее было бы закрепить за особым типом греческого поселения на Востоке термин энойкия.

Практика «вселения» восходит своими истоками еще к II тыс. до н. э. Известно, что уже с XVIII в. до н. э. в Угарите (Рас Шамра) функционировал эмпорий минойских греков, включавший в себя сепаратные жилые кварталы в порту и в самом городе. После непродолжительного перерыва в XIV в. свой эмпорий в нем создают микенские греки; он просуществовал вплоть до конца позднемикенского IIIБ периода (около 1200 г. до н. э.)³⁸.

³³ Polanyi K. Ports of Trade in Early Societies. — Primitive, Archaic and Modern Societies. Essays of Karl Polanyi. N. Y., 1968, p. 238 f.

³⁴ В анналах Тиглатпаласара III (744—727 гг.) сохранилось послание ассирийского правителя Тира и Сидона ко двору монарха, в котором говорится об отпоре попыткам ионийцев (KUR)Ia-u-na-a) насильственным путем проникнуть в зону Сидона (Braun. Op. cit., p. 15).

³⁵ Возможно, такие порты были и в Египте. Есть упоминание о греках, проживавших в Египте за пределами Навкратиса у Геродота (II, 180): οἱ δὲ ἐν Αἰγύπτῳ οἰκούντες Ἑλλήνες.

³⁶ См. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Полис и миграция греков. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 13.

³⁷ Riis. Griechen..., p. 238, 253; Sukas I, p. 129, 158.

³⁸ Culican W. The First Merchant Venturers. The Ancient Levant in History and Commerce. N. Y., 1966, p. 47—49. Подобные греческие кварталы фиксируются также в Тарсе (Киликия); Энкио, Милей, Хала Султан (Кипр); Телль Абу Хавам (Палестина). Boardman. GO, p. 35—36; Clairmont C. Greek Pottery from the Near East. — BSA, 62, 1967, p. 107—147; Immerwahr S. A. Mycenaean Trade and Colonization. — Archaeology, 13, 1960, p. 4—13; Stubbings F. H. Mycenaean Pottery from the Levant. Camb., 1951. Важно отметить, что все эти энойкии бронзового времени носили чисто торгово-ремесленный характер. Так, Телль Абу Хавам был одновременно центром микенского гончарного производства в Леванте (Stubbings. Op. cit., p. 87).

Приведем краткий каталог «вселений» VIII—VII вв. до н. э.

Памятником номер один остается Аль Мина. Время ее основания и хронология археологических уровней продолжает обсуждаться в специальной литературе³⁹. Как порт она начала функционировать лишь с середины VIII в.⁴⁰ Архитектура Аль Мины этого этапа сводится к жалким хибаркам-лачужкам, построенным на галечных основаниях прямо на песке. На рубеже VIII—VII вв. порт застраивается «складскими помещениями», своим внешним видом, по справедливому замечанию Дж. Н. Колдстрима, более напоминающими финикийские, нежели греческие⁴¹. И если на первом этапе порт находился исключительно в руках греков, то уже в первой половине VII в. очевидно преобладание кипрского и сирийско-семитского этнокультурного компонента над греческим. Со второй половины VII в. это положение в порту меняется уже в пользу греческой общины. Однако здесь продолжается кипро-сирийское керамическое производство⁴². На третьем, довольно непродолжительном этапе (занимающем не более первой трети VI в.) преобразуется облик Аль Мины: греческая община становится господствующей в порту. На заключительном этапе (конец VI в. — приблизительно 301 г.) порт приобретает уже чисто греческий облик. Главный урбанистический компонент Аль Мины — крупные, однотипные в своей планировке пакгаузы. В центре такого комплекса прямоугольный двор, который с трех сторон окружен цепью помещений для хранения товара преимущественно одного типа. К примеру, в комплексе Н в одной комнате располагались лишь котилы, в другой — колоколовидные кратеры и т. п.⁴³ В строительной технике преобладают греческие элементы (использование облицовки фасада стен из тесаного камня, черепичный пол), хотя продолжительные этнокультурные контакты в порту дают о себе знать в виде сохраняющихся восточных строительных и архитек-

В чем-то близкой по своей модели была филистимлянская колонизация в субмикенский период. *Desborough V. R. d'A. The Last Mycenaean and their Successors. Oxf., 1964, p. 196—205, 209—214; Hammond N. G. L. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, 1976, p. 133, 145 f.* В «темные века», когда колонизационная активность греков была сосредоточена в Эгейском бассейне, в течение сравнительно долгого времени шел близкий процесс спонтанного вселения в малоазийские города, следуя разработанной схеме минойско-микенской колонизации (*Finley M. I. Early Greece. The Bronze and Archaic ages. L., 1970, p. 75—78*).

³⁹ Л. Вулли предлагал следующую периодизацию археологических уровней памятника: X—IX уровни (750—700 гг.), VIII уровень (700—675 гг.), VII уровень (675—650 гг.), VI—V уровни (650—550 гг.). После непродолжительной лагуны в обживании порт начинает заново функционировать лишь с конца VI в. (*Woolley C. L. Excavations at Al Mina. — JHS, 58, 1938, p. 174*). В 40-е годы эта датировка уровней Аль Мины была подвергнута пересмотру С. Смитом: нижний, X уровень он отодвинул до 800—760 гг., IX—VIII уровни — 760—680 гг., VII—V уровни — 680—580 гг. (*Smith S. The Greek Trade at Al Mina. — AJA, 22, 1942, p. 91*). Эта датировка надолго закрепилась в науке, но уже в конце 50-х годов Ж. Тейлор на базе анализа местной левантйской керамики из порта пришла к необходимости датировать X—VIII уровни 825—720 гг., а VII—V — 720—600 гг. (*Taylor du Plat J. The Cypriot and Syrian Pottery from Al Mina, Syria. — Iraq, 21, 1959, p. 91 f.*). Своеобразный итог этой дискуссии подвел Дж. Бордман. Начальную дату обживания порта он располагает между 850 и 800 гг., а всю раннюю историю Аль Мины делит на два периода: VIII в. (X—VII уровни) и VII в. (VI—V уровни) (*Boardman. GO, p. 39; idem. Euboean Pottery..., p. 5, 8, 14*). В 70-е годы, когда керамические шкалы сирийской, и главным образом кипрской, керамики стали достаточно разработанными, кардинальные изменения в проблему вносит Э. Гьерстад. Нижние уровни порта (X—IX) не дают никакого местного и кипрского керамического материала, а VIII—VII уровни приходятся на кипро-архаический I период, VI—V уровни — на кипро-архаический II период. Датироваются они VII — первой третью VI в. до н. э. (*Gjerstad E. The Stratification at Al Mina (Syria) and its Chronological Evidence. — AA, 45, 1974, p. 115*).

⁴⁰ В нижних слоях Аль Мины были обнаружены фрагменты сосудов среднегеометрического стиля, но удревнять историю порта почти на сто лет на основании лишь этих находок вряд ли возможно (*Robertson. Op. cit., fig. I. d, I. j*).

⁴¹ *Coldstream. GG, p. 93.*

⁴² *Taylor du Plat. Op. cit., p. 81; Gjerstad. Op. cit., p. 115 f.*

⁴³ *Woolley. Op. cit., p. 24.*

турных приемов. Размеры и техника изготовления сырца, по мнению Л. Вулли, восходят к ассирийским, а использование орфостатов — к хеттским традициям⁴⁴.

Южнее Аль Мины располагается Рас эль Басит⁴⁵. На его месте было значительное поселение эпохи бронзы, затем в ранний железный век I наступает характерная для всего левантийского ареала прерывность, после которой вторично городище обживается уже в IX в. Неизвестно, был ли он «открытым портом», но на протяжении IX—VIII вв. в нем существовали два этнокультурных компонента — сирийско-семитский и кипрский. Проникновение греков в порт наступает в конце VIII в.⁴⁶, греческий же эмпорий начинает действовать с VII в. В нем представлены главным образом восточногреческие центры — Хиос, Самос, Родос. При этом керамика коринфского производства образует достаточно весомую группу. На отдаленные торговые связи указывает найденный в порту фрагмент этрусского канфара⁴⁷. VI в. знаменуется сокращением кипрского компонента и соответственно укреплением греческого.

По аналогичной модели шло развитие порта Рас Ибн Хани (в 9 км к северо-западу от Латакии)⁴⁸. После позднебронзовой фазы порт заново обживается в IX в., причем характерная его особенность состоит в постоянном повторном использовании строений бронзового времени⁴⁹. В IX—VIII вв. порт населяли две группы: носители кипрской керамики (кипро-геометрический I—III, кипро-архаический I) и носители керамики «типа Самария» (так называемая красноангобированная). Эмпорий основывается греками в начале VII в.⁵⁰ Греческий этнокультурный компонент представлен преимущественно восточногреческой керамикой («ионийские чаши», хиосские чаши, кратеры и диносы малоазийского производства, чаши с «птицей»)⁵¹.

В 26 км южнее Латакии располагался Телль Сукас. Сам холм достаточно многослойный (с некоторыми перерывами он был заселен от неолитического времени до нашествия крестоносцев). В позднебронзовое время поселение было незначительным по размерам, но уже тогда поддерживало контакты с Эгейским миром, о чем свидетельствуют находки микенской керамики и терракот⁵². В XII—VIII вв. порт представлял собой

⁴⁴ Ibid., p. 10 f.

⁴⁵ Археологические работы на Рас эль Басите проводятся с 1971 г. Его открытие позволило отказаться от идентификации Аль Мины с античным Посидеем, упоминаемым Геродотом (III, 91, 1). Свидетельство историка не несет в себе ровным счетом никакой информации, кроме простой привязки города к границам Киликии с Сирией (από δὲ Ποσειδῆϊον πόλιος τὴν Ἀμφίλοχος ἔσθ' ἄμφω οἰκίος ἐπ' ὄρεσι τοῖσι Κιλίκων τε καὶ Συρίων). Посидей так же мимоходом называет Страбон в перечне северосирийских городов (XVI, 11, 8). Из последнего свидетельства явствует, что город существовал и в эллинистическое время, хотя археологически полное запустение Аль Мины зарегистрировано в конце IV в. Рас эль Басит, напротив, активно функционировал в эллинистическо-римское время, при том, что его нижние слои уходят в бронзовый век, что вполне согласуется с основанием Посидея легендарным Амфилохом из Аргоса (*Herod.*, VII, 91). Не исключено, что античное самоназвание города сохранилось в его современной огласовке — Basit.

⁴⁶ Courbin P. Ras et Basit, Al Mina et Tell Sukas. — RA, 1974, 1, p. 177.

⁴⁷ Ibid., p. 177 f.

⁴⁸ Сам холм и его античные остатки были зафиксированы еще Р. Дюссо (*Dissaud R. Topographie historique de la Syrie antique et médiéval.* P., 127, p. 416 suiv.). Он отождествил Ибн Хани с Плиниевым Диосполисом (*Plin.*, NH, V, 17).

⁴⁹ Bounni A., Lagarce E. et J., Saliby N. Rapport préliminaire sur la première campagne de fouilles (1975) à Ibn Hanî (Syrie). — Syria, 53, 1976, p. 243.

⁵⁰ Фрагменты эвбео-кикладских скифосов и одна деталь сосуда «типа Аль Мина» указывают на то, что порт посещался греками уже во второй половине VIII в. (*Bounni A., Lagarce E. et J., Saliby N. Rapport préliminaire sur la deuxième campagne de fouilles* (1976) à Ibn Hanî (Syrie). — Syria, 55, 1978, p. 282, 284, not. 2).

⁵¹ Bounni, Lagarce, Saliby. Rapport préliminaire sur la deuxième campagne..., p. 284.

⁵² Hankey V. Mycenaean Pottery..., p. 113—114; Ploug G. Sukas II. The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terracottas. København, 1973, p. 6—11.

довольно типичное поселение, ничем не выделявшееся из сложившегося к тому времени северосемитского (финикийского) стереотипа⁵³. В X—IX вв. часть порта заселяется киприотами (кипро-геометрический стиль II и местное кипрское производство)⁵⁴. Основание же греками своего эмпория происходит не ранее первой половины VII в. Он так же представляется в основном восточногреческие центры: Родос, Хиос, Клазомены⁵⁵. Исследователь памятника П. Рийс предполагает, что в эмпории сосуществовали две восточногреческие линии: дорийская (под эгидой Родоса) и ионийская (под эгидой Милета)⁵⁶.

На границах Сирии и Финикии располагался Таббат аль Хаммам (в 45 км севернее Триполи). Этот незначительный памятник, нижние слои которого уходят в неолитическое время, уже в ранний железный век функционировал в качестве «открытого порта»⁵⁷. В нем создается искусственная гавань за счет глубоко выдающегося в море мола (почти 100 м), строительство которого датируется предположительно рубежом IX—VIII вв.⁵⁸ Население порта в это время было представлено двумя этнокультурными группами — господствующей сирийско-семитской (финикийской) и кипрской (почти треть всей керамики)⁵⁹. В VII в. в порту основывается греческая энойкия, причем это фиксируется как керамическим материалом, так и архитектурными (археологически закрытыми) комплексами⁶⁰.

Еще два греческих «вселения» предполагаются в Телль Абу Хавам и Минет эль Бейда. Первый располагался на границах Финикии и Палестины и на его территории в позднебронзовое время размещался микенский квартал⁶¹. В железный век порт во многом повторяет модель развития Таббат аль Хаммам, хотя эллинские черты в нем менее выражены⁶². Минет эль Бейда в позднебронзовое время служил гаванью Угариту (Рас Шамра), а греками был освоен позже всех — основные архитектурные остатки и керамический материал относятся к греко-персидской эпохе (конец VI—IV в. до н. э.)⁶³. Р. Дюссо идентифицировал его с Левкос Лимен⁶⁴.

Особый тип «вселения» (энойкия — форт) на левантийском побережье засвидетельствован лишь одним поселением греков-наемников в Мецад Хашавьяху (Южная Палестина). Судя по керамическому материалу и эпиграфическим данным, там жило смешанное греко-иудейское население⁶⁵. Основная масса местной и восточногреческой керамики датируется последней третью VII в., и, поскольку сам памятник однослойный, вероятнее всего, в конце VII в. форт был покинут и никогда более не обживался⁶⁶. Этот пока еще единичный случай не может указывать на практику

⁵³ Sukas I, p. 21—24.

⁵⁴ Riis. Griechen..., S. 239 f.

⁵⁵ Ibid., S. 241.

⁵⁶ Ibid., S. 253.

⁵⁷ О посещении греками порта свидетельствуют фрагменты греческой посуды геометрической эпохи (*Braidwood R. J. Report on Two Sondages on the Coast of Syria, South of Tartous.*— Syria, 21, 1940, p. 191).

⁵⁸ Ibid., p. 208.

⁵⁹ Ibid., p. 192—195.

⁶⁰ Р. Брейдвуд подчеркивает, что греческая керамика в порту представлена наполовину импортом, наполовину местным производством (ibid., p. 190). Это утверждение, однако, выглядит несколько спорным.

⁶¹ Harif A. A. Mucenaeen Building at Tell Abu Hawam in Palestine.— Palestine Exploration Quarterly, 106, 1974, p. 83—90.

⁶² Hamilton R. W. Tell Abu Hawam.— QDAP, 3, 1933; 4, 1934.

⁶³ Contenson H., Courtois J.-C., Lagarce E. et J., Stucky R. La XXXIIIe campagne de fouilles à Ras Shamra en 1972, rapport préliminaire.— Syria, 50, 1973, p. 284—287; Contenson H., Courtois J.-C., Lagarce E. et J., Stucky R. La XXXIVe campagne de fouilles à Ras Shamra en 1973, rapport préliminaire.— Syria, 51, 1974, p. 2—4.

⁶⁴ Dussaud. Topographie historique..., p. 417.

⁶⁵ Strange J.—Studia Theologica, 22, 1966, p. 136—139 (цит. по Riis. Griechen..., S. 251).

⁶⁶ Naveh J. The Excavations at Meşad Hashavyahu.— IEJ 12, 1962, p. 98f.

основания фортов на Леванте, хотя, как уже отмечалось выше, в Египте именно во второй половине VII в. подобного рода форты были довольно типичным явлением. Известно об их существовании в Элефантине, Дафне, Абидосе, Мемфисе ⁶⁷.

Греческие энойки на Леванте, как можно заключить из приведенного каталога, объединяет ряд общих черт. Они основаны в тех поселениях, которые своими корнями уходят в бронзовое время. Исключение составляет лишь Аль Мина ⁶⁸. Почти все порты в ранний железный век (IX—VIII вв.) функционировали в качестве «открытых портов». В них сосуществовали два основных этнокультурных компонента — местный сирийско-финикийский и кипрский. Основание энойкий греками начинается лишь на рубеже VIII—VII вв. и, вероятнее всего, совпадает с началом родосско-ионийской волны в колонизации, поскольку среди метрополий ведущая роль принадлежала восточноточеским центрам (Родосу, Самосу, Хиосу, а возможно, и Милету). С момента «вселения» в портах, следовательно, уже сталкиваются три этнокультурные группы, а в Аль Мине не исключено присутствие и четвертой группы — киликийской ⁶⁹.

Ни одно из левантйских поселений не располагало особыми фортификационными сооружениями, в них, пожалуй, просто не ощущалась необходимость. Но при этом все они представляли собой самостоятельные урбанистические единицы. Это были порты с естественными, удобными гаванями. На северосирийском побережье (от устья Оронта до Латакии) немного удобных бухт и самые значительные из них были заняты греческими поселениями: в дельте Оронта, бухта Басит, на мысу Ибн Хани ⁷⁰. Некоторые порты имели даже по две гавани (к примеру, Телль Сукас и Рас Ибн Хани) ⁷¹.

В ходе эволюции портов в большинстве из них складывается и развивается ремесленное производство. В Аль Мине, Рас эль Басите, Телль Сукасе, Таббат аль Хаммаме функционировало кипрское керамическое производство (в Аль Мине вдобавок еще сирийское). В конце VIII в. в Аль Мине, а в VI в. в Телль Сукасе было налажено греческое керамическое дело ⁷². Эти сами по себе изолированные факты при сопоставлении выстраиваются в определенную систему. По-видимому, кипрское и сирийское керамическое производство удовлетворяло исключительно нужды местного кипрского и сирийско-финикийского этнокультурного компонентов в портах. Керамика «типа Аль Мина» отвечала запросам левантйских греков вообще, поскольку она обнаруживается в значительном числе ближневосточных центров ⁷³. В керамических мастерских Телль Сукаса уже

⁶⁷ Austin M. M. Greece and Egypt in the Archaic Age. Camb., 1970, p. 19—22; Braun T. The Greeks in Egypt. — САН, v. III, 3², p. 43—52.

⁶⁸ Большая часть Аль Мины в настоящее время затоплена, а на доступной археологическому исследованию площади не выявлены слои ранее VIII в. (Woolley. Op. cit., p. 7—9). Но если учитывать связь порта с городом Телль Сабуни, где были обнаружены микенская керамика, терракота, аттическая чернофигурная керамика, то ex hypothesi Аль Мина могла функционировать и в позднебронзовое время (Woolley L. The Date of Al Mina. — JHS, 68, 1948, p. 148).

⁶⁹ Coldstream. GG, p. 93.

⁷⁰ Woolley. Excavations..., p. 3 f.

⁷¹ Bounni, Lagarce, Saliby. Rapport préliminaire sur la première campagne..., p. 233; Sukas I, p. 11. Интересно заметить, что многие финикийские города и колонии строились именно на мысу, дабы обладать подобными двойными гаванями (Библ, Тир, Сидон, Сарпента, Нора, Фаррос и др.). См. Pritchard J. The Phoenicians in their Homeland. — Expedition, 14, 1972, p. 18.

⁷² Boardman J. Greek Potters at Al Mina? — Anatolian Studies, IX, 1959, p. 163—169.

⁷³ Керамика «типа Аль Мина» встречается на Кипре (6 фр.), в Телль Сукасе (5 фр.), Библи и Халде (по 1 фр.), Рас Ибн Хани (2 фр.). См. Boardman. Greek Potters..., p. 166f.; Riis. Griechen..., S. 241; Bounni, Lagarce, Saliby. Rapport préliminaire sur la deuxième campagne..., p. 282. Внешне этот тип сосудов чрезвычайно напоминает кипрские подражания, но поскольку основное число фрагментов (26) было найдено в Аль Мине, то, вероятнее, центр ее производства все же находился там (Riis. Griechen..., S. 256).

производилась тара, очевидно, связанная с торговой деятельностью его обитателей⁷⁴. Все это позволяет предположить, что греческие энойки одновременно были центрами производства, обмена и потребления, что соответствует основным характеристикам античного города⁷⁵. Параллельно развитию ремесла шел процесс освоения хоры. К сожалению, целенаправленные исследования хоры городов еще не велись. Известно, однако, что с VII в. греческая керамика начинает прорываться за пределы портов. Наивысшее распространение греческой керамики в хоре Телль Сукаса и Таббат аль Хаммама фиксируется в VI в.⁷⁶ Не ясно еще, создавалась ли сельская округа в виде системы клеров или же она носила характер «подсобной хоры»⁷⁷.

Эволюция архитектурного и градостроительного обликов портов свидетельствует об их внутренних социокультурных процессах. Наиболее красноречивый пример этого являет Аль Мина. Градостроительный облик ее на первых порах в принципе не меняется. В планировке города заметно преобладание местных северосирийских традиций. Помещения, принадлежавшие разным комплексам, смыкались друг с другом (строились по разные стороны одной общей стены); многокомнатные комплексы отделялись широкими и довольно извилистыми проходами, обеспечивая компактность при хронической нерегулярности застройки. Сравнивая раннюю Аль Мину с Рас Шамрой, П. Рийс, несмотря на значительный (по крайней мере в шесть — восемь веков) хронологический разрыв между ними, обнаруживает несомненное урбанистическое соответствие⁷⁸. Поздняя Аль Мина (VI—IV вв.) подчинена уже принципиально новому плану — город обретает чисто греческий облик. Основной тип постройки универсализируется, в строительной технике господствуют греческие приемы. В порту хотя и имеют хождение финикийские монеты (Сидон, Арвад), но преобладающий нумизматический материал — аттические тетрадрахмы и местная мелкая монета, которая чеканилась прямо в порту в подражание аттическим образцам⁷⁹. Греческие надписи из порта датируются V—IV вв.⁸⁰

В других поселениях греческие архитектурные элементы выражены не столь рельефно. В Таббат аль Хаммаме четко заметна грань между периодом господства финикийских архитектурных принципов и последующим периодом греческих. Ранние стены Таббат аль Хаммама строились вперемежку из булыжника и тесаного камня. Это довольно характерная финикийская техника, при которой лицо стены складывалось из тесаного камня, а сама кладка заполнялась хаотично расположенным булыжником. Подобный строительный прием встречается как в метрополиях финикийцев, так и в их колониях (Сарпта, Мотья, Нора)⁸¹. На следующем этапе преобладает уже чисто греческая техника: все наружные стены зданий выполняются из тесаного камня, а внутренние выкладываются из булыжника⁸².

⁷⁴ Керамисты Телль Сукаса из местных глин производили амфоры греческих стандартов (в подражание самосским VII—VI вв., родосским и хиосским VI в.). См. *Ploug G. Sukas II*, p. 84—87.

⁷⁵ О сущности античного города и его соотношении с полисной структурой см. *Коселенко Г. А. Полис и город*. — ВДИ, 1980, № 1.

⁷⁶ *Braidwood*. Op. cit., p. 217; *Riis. Griechen...*, S. 257.

⁷⁷ Справедливо различение «подсобной хоры», которая была призвана гарантировать от случайностей в снабжении продовольствием, и «товарной», ориентированной уже на получение прибавочного продукта. См. *Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье*. — В кн.: *Античная Греция. Т. 1. М., 1983, с. 380.*

⁷⁸ *Sukas I*, p. 163.

⁷⁹ Монетные находки из Аль Мины опубликованы: *Robinson E. A. — Numismatical Chronicle, V-th Series, 17, 1937; Woolley. Excavations...*, p. 22; *Boardman. GO*, p. 54; *Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. L., 1976, p. 148 f., 301—305.*

⁸⁰ *Woolley. Excavations...*, p. 163. Лучшей сохранности надписей второй половины V — начала IV в.: *μαν(δρι)ος κολις καλη*. (*Aeph. 1953/1954, № 1, p. 205 f.*); *Riis. Griechen...*, S. 241.

⁸¹ *Pritchard*. Op. cit., p. 19.

⁸² *Braidwood*. Op. cit., p. 191.

«Архаический синкретизм». Анализ социокультурных контактов в энойких побуждает обратиться к погребальному обряду Телль Сукаса и Аль Мины. Согласно исследованиям Карлсбергской экспедиции в Финикии, некрополь в Мина Сукасе (южная гавань городища) датируется последней четвертью VII — первой четвертью IV в. до н. э.⁸³ В большинстве случаев зафиксировано простое труположение (ямные погребения в песке и ямные погребения, обмазанные глиной). Имеются и урновые захоронения, в которых нередко содержатся кремационные останки. Замечены также следы погребального жертвенного костра. В ориентации погребенных отсутствует строгая система, хотя чаще встречаются захоронения ногами на запад. Керамический инвентарь представлен целыми и фрагментированными сосудами финикийской и греческой посуды. Финикийские пифосы и амфоры в большинстве захоронений использовались в качестве погребальных урн, а вся столовая посуда представлена исключительно греческим импортом: килики, лекифы, кратеры, кувшинчики⁸⁴.

Как видно, финикийские и чисто греческие традиции переплетаются в погребальном обряде некрополя Мина Сукас, ибо и грекам и финикийцам были известны ямные и урновые захоронения, труположение и кремация, погребальный костер⁸⁵. Но тот вид, в котором они представлены на некрополе, говорит скорее о следовании финикийским традициям. К этому же выводу можно прийти на основе анализа левантийских и североафриканских параллелей⁸⁶. Но отдельные черты были безусловно греческими по происхождению. К их числу следует отнести использование черепичных перекрытий⁸⁷, ориентацию погребенных на восток (ионийская традиция)⁸⁸, а также случай курганного захоронения (погребение № 29)⁸⁹.

Смешанные некрополи — довольно типичное явление для греческой ойкумены (Сирис, Поликоро, Панорм, некрополи Кипра)⁹⁰. Нередко греки-колонисты продолжали использовать некрополи своих предшественников⁹¹. В Истрии греческий некрополь вырос вокруг местных курганных захоронений VI в., что обусловило переплетение в нем варварских погребальных традиций и греческого инвентаря⁹². Материал некрополя Мина Сукас, как кажется, свидетельствует не столько о параллельных захоронениях, сколько о смешанном характере погребального обряда⁹³. В условиях взаимовлияния греческих и местных традиций складывается новый синкретический обряд, причем синтез выступает основным механизмом его формирования⁹⁴.

Погребальный материал из Аль Мины, напротив, не позволяет сделать подобного вывода. Абсолютное преобладание там греческих традиций,

⁸³ В своем развитии этот некрополь прошел пять исторических фаз общей продолжительностью с 625 по 380 гг. См. *Riis P. J. Sukas VI. The Graeco-Phoenician Cemetery and Sanctuary at the Southern Harbour. København, 1979* (далее — *Sukas VI*), p. 30.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 32.

⁸⁵ *Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. L., 1971*, p. 307—309, 322 f.; *Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1972*, p. 100.

⁸⁶ *Sukas VI*, p. 30 f.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 34.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 32.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 25 f.; *Kurtz, Boardman. Op. cit.*, p. 79 f.

⁹⁰ *Kurtz, Boardman. Op. cit.*, p. 309, 322; *Graham A. J. The Colonial Expansion of Greece.— САН, v. III, 3², p. 174, 184.*

⁹¹ *Vallet G. Rhégion et Zancle. P., 1957*, p. 84.

⁹² *Alexandrescu P. Les rapports entre indigènes et Grecs à la lumière des fouilles de la nécropole d'Histria.— VIIIe Congrès International d'archéologie classique. P., 1965*, p. 336—339.

⁹³ П. Рийс придерживается несколько иного взгляда: «греки и финикийцы были захоронены бок о бок» (*Sukas VI*, p. 32).

⁹⁴ *Lévêque P. Essai de typologie des syncrétismes.— Les syncrétismes dans les religions grecque et romaine. P., 1973*, p. 183 suiv.

главным образом обряда ингумации, свидетельствует в пользу большего единообразия⁹⁵.

Социокультурные контакты по археологическим материалам имеют, наконец, и религиозно-культурный аспект⁹⁶. На всем доэллинистическом Леванте пока известны лишь два греческих святилища из Телль Сукаса. На самом городище к настоящему времени вскрыты три комплекса различной культовой принадлежности (VII—VI вв. до н. э.). Один из них представляет собой прямоугольную террасу размерами 3,7 × 7 м, каменное основание которой было перекрыто сырцовою стеной. В северной части террасы располагалась культовая яма⁹⁷. Композиция комплекса и материал, очевидно, указывает на его сакральный характер, а многочисленные финикийские параллели позволяют отнести его к типу так называемой *bātā* — культовой платформе в семитских религиях.

Два других комплекса расположены *vis-à-vis*. Один, размерами 7,35 × 4,32 м, квалифицируется П. Рийсом как храм. Ряд его характеристик (прямоугольность формы, каменный цоколь и сырцовая стена)⁹⁸, а также ориентация храма по оси «восток — запад» находят многочисленные ближневосточные параллели преимущественно эпохи бронзы⁹⁹. Тем не менее П. Рийс полагает, что строить его мог лишь «греческий архитектор или эллинизированный местный строитель»¹⁰⁰. В слое храма была обнаружена черепица (она определяется одним из локальных вариантов коринфского типа второй половины VII в.), а это уже чисто греческий феномен. Это пока единственный известный случай использования в это время греческой черепицы на левантском побережье. Известно, что качественные изменения в храмовом строительстве Греции в начале VII в. связаны именно с повсеместным распространением черепичной крыши¹⁰¹. На определенном расстоянии от храма против входа расположен алтарь прямоугольной формы. Материал и особенно остеологические остатки подтверждают его культовую принадлежность. Алтарь ориентирован с запада на восток, он довольно массивен и, возможно, относится к типу «церемониальных». Алтарь и храм составляют единую структуру и уже, взятые вкуче, обретают значительно большую эллинскую окраску и синхронные параллели¹⁰².

После археологически фиксируемой катастрофы на городище в первой половине VI в. святилище подвергается заметным перестройкам. Храм отстраивается заново на фундаменте предшествующего, причем настолько укрепленном, что последний приобретает форму стилобата. Цокольный ряд стен состоял из тесаных облицованных блоков, а сами сырцовые стены были покрыты стукком. Храм имел две колонны дорического ордера с каменным основанием и стукком. В пронаосе располагался дополнительный алтарь круглой формы. Весь храм был перекрыт коринфской черепицей VI в. до н. э.¹⁰³ Пространство между храмом и алтарем полностью лишено каких-либо артефактов (за исключением остеологических остатков), что позволяет предполагать единство обоих ком-

⁹⁵ Kurtz, Boardman. Op. cit., p. 322; Woolley. Excavations..., p. 155—157.

⁹⁶ По справедливому замечанию А. Снодграсса, религия остается наиболее глубинным показателем греческой общины, поскольку она представляла, кроме всего прочего, религиозную ассоциацию людей, объединенных общностью культа (*Snodgrass. Op. cit.*, p. 33).

⁹⁷ Sukas I, p. 41.

⁹⁸ Sukas I, p. 55 f.

⁹⁹ Примечательно, что святилище имело «трехчастную» планировку, по своей схеме чрезвычайно близкую многим хананейским храмам. Так, храм в Хазоре состоял из крытой галереи (портика), центрального помещения и святилища. Для хананейских храмов, однако, не характерна систематичность в их расположении и ориентации. См. *Culican. Op. cit.*, p. 74.

¹⁰⁰ Sukas I, p. 52.

¹⁰¹ Starr. The Origins..., p. 250; Snodgrass. Op. cit., p. 61.

¹⁰² Sukas I, p. 54, 56.

¹⁰³ Ibid., p. 69 f.

плексов и, более того, функционирование теменоса. Важно отметить, что не менее кардинальной перестройке подвергается финикийская платформа, в культовой принадлежности которой П. Рийс не сомневается¹⁰⁴. В середине VI в. Телль Сукас потрясает новая катастрофа, после которой наступает разрушительная фаза греческого обживания порта. Культовый центр разрушается, на месте святилища возводится небольшой храмик, неприметный по своим архитектурным характеристикам. Период этот, однако, был непродолжительным, и в самом начале V в. порт запустел и перестал существовать¹⁰⁵.

Закономерно поставить вопрос о культовой принадлежности греческого храма. При археологическом его исследовании не было обнаружено никаких прямых свидетельств, хотя множество жертвенных костей, лутерий и алтарь для возлияний в пронаосе могли бы указывать на хтонический характер почитаемого божества. В этом случае подавляющее количество греческой керамики, найденной в храме, следовало бы отнести к жертвенной. И, действительно, на одном из фрагментов сосуда местного производства обнаружена надпись votивного характера: $\alpha\lambda\iota\omicron\eta\mu$, читаемая как $\eta\alpha\lambda\iota\acute{o} \eta\mu$ ¹⁰⁶. Судя по всему, она должна относиться к первой половине VI в. и соответствовать аттическому: Ἡλίου εἶμι , указывающая тем самым на посвящение Гелиосу. Известно, что его культ был довольно типичен для Родоса. Восточногреческая линия в VI в. на Телль Сукасе достаточно сильна, причем Родос особенно выделяется в сравнении с другими центрами¹⁰⁷. Аполлон, как известно, патронировал греческую колонизационную активность, на что указывают такие его эпитеты, как Κτίστης или Οἰκιστῆς ¹⁰⁸. Все это придает убедительность указанной гипотезе¹⁰⁹.

Ряд находок в храме свидетельствует в пользу того, что культ одновременно отправлялся и местным семитским населением. Свидетельство тому — уже упоминавшиеся кости жертвенных животных, бронзовые votивные фигурки левантийских образцов и, наконец, кремневые ножи, которыми пользовались на Ближнем Востоке еще с эпохи бронзы, особенно при совершении ритуальных операций¹¹⁰. По всей вероятности, культ, отправляемый в храме, соответствовал одновременно двум божествам: греческому и восточному, причем между ними должно было существовать определенное конфессиональное сходство.

Известно, что на Леванте Аполлон идентифицировался с Решефом (Рашафом). И то и другое божество принадлежало к числу солярных¹¹¹. Позднеклассические билингвы с Кипра позволяют с точностью установить соответствие этих божеств. Во всех надписях в семитской части выступает $\text{r}^{\text{h}}\text{r}$, а в греческой же части — Аполлон. К примеру, в двух билингвах из Тамасс упоминается Ἀπόλλων Ἀλασιώτας ¹¹² и Ἀπειλὼν ὁ Ἐλείτας ¹¹³.

¹⁰⁴ Ibid., p. 71 f.

¹⁰⁵ Возможно, запустение порта связано с превращением этого региона (Кипр, Сирия, Финикия) в единую пятую сатрапию (*Herod.*, III, 91).

¹⁰⁶ См. подробнее: Sukas I, p. 75 ff.

¹⁰⁷ Статистический анализ керамических данных с городища эпохи расцвета (первая половина VI в.) показал, что 55,6% всей керамики — группа восточногреческих чаш (Родос, Самос); стиль «диких козлов» — 30,6% (также главным образом родосского производства); остальные 13,8% — другие центры (Хиос, Клазомены, Фикеллюра). П. Рийс указывает на сходный спектр керамики в Навкратисе и Истрии, что позволяет предполагать в качестве лидеров милетян и родосцев (*Ris. Griechen...*, S. 241).

¹⁰⁸ *Wernicke K. Apollon.* — RE, 2, 1895, Sp. 57, 62.

¹⁰⁹ В Навкратисе храм Аполлона был основан милетянами (*Herod.*, II, 178, 3).

¹¹⁰ Sukas I, p. 85.

¹¹¹ *Boyancé P. L'Apollon solaire.* — *Mélanges Carcopino. Napoli*, 1966; *Schretter M. K. Alter Orient und Hellas. Innsbruck*, 1974, p. 173; *Teixidor J. Bulletin d'épigraphie sémitique*, 1972—*Syria*, 49, 1972, p. 418 suiv.

¹¹² Эпитет Ἀλασιώτας , возможно, связан с топонимом Alašija («Кипрский»). См. *Dussaud R. L'Apollon-Reshef d'Alasia.* — In: *Schaeffer C. F. Enkomi-Alasia. Nouvelles missions en Chypre. 1946—1950. P.*, 1952, p. 4—8.

¹¹³ *Schretter. Op. cit.*, S. 152—154.

В билингве из Идалиона зафиксировано соответствие гър. *mkl* и Ἀπόλλων Ἀψωλος¹¹⁴. Большинство современных исследователей не сомневаются в единстве Аполлона и Решефа, причем одним из основных средств их ассимиляции выступает эпитет Решефа ἤρ, указывающий на одну из основных его функций «бичующего» бога, что, возможно, также соответствует близким функциям Аполлона (II. I, 45—52)¹¹⁵. Важно отметить, что Решеф всегда выступает в надписях в своей неизменной форме (ḡr), в то время как Аполлон писался по-разному: Ἀπόλλων, Ἀπεῖλων, Ἀπέλλων, Ἀπλων¹¹⁶. Идентичность обоих божеств подтверждается данными античной письменной традиции. Так, Полибий говорит о посвящении тирийцев на Делосе Аполлону (IV в. до н. э.). Сама надпись была сделана по-финикийски, хотя автор приводит ее в греческом переводе¹¹⁷.

После того как главное святилище в порту перестало функционировать, основным культовым центром становится храм в южной гавани — Мина Сукас. Во второй половине VI в. здесь возводится архаический храм примитивной планировки и оформления. Он располагался на территории некрополя городища, в плане имел квадратную форму и был ориентирован по сторонам света. У южной стены находился алтарь, представляющий собой два сбитых каменных блока вторичного использования, позднее его заменил довольно типичный для эпохи эллинизма многосоставной подий¹¹⁸. Композиция храма сравнительно невыразительна, чтобы по ней можно было судить о его культовой принадлежности. Расположенный почти в самом центре святилища бэтил свидетельствует как в пользу женского, так и мужского божества¹¹⁹. Об этом же говорят и вотивные терракотовые статуэтки (которые являются либо подражанием кипрским, либо вовсе кипро-финикийского производства).

Известно, что территория Телль Сукаса находилась в зависимости от Арада, а позже — в нововавилонское и персидское время — от Тира. Не без основания можно было бы предположить, что на самом городище в это время почитались тирские божества, скорее всего Ба'алшамш, Аштарт и Мелькарт. П. Рийс полагает, что изначально святилище было посвящено культу Мелькарта-Геракла¹²⁰. Это суждение подтверждается вотивными терракотовыми изображениями некоторых атрибутов Геракла (дубина, львиная шкура и др.). В то же время, насколько можно доверять Страбону (XVI, 11, 24), у тирийцев почитание Геракла было чрезвычайно распространено. Идентичность Геракла и Мелькарта на Леванте подтверждается также эпиграфическими и нумизматическими данными. Так, накануне и после завоевания Тира Александром в городе производился чекан серебряных дидрахов с изображением Мелькарта в виде лучника и параллельно серебряных тетрадрахов с изображением Геракла на аверсе¹²¹. В одной поздней надписи Мелькарт называется главой тирского пантеона, в греческой же части ему соответствует Геракл¹²². В целом храмы, посвященные совместно культу Геракла-Мелькарта,

¹¹⁴ Ibid., S. 155 f.

¹¹⁵ Nicolaou K. The Historical Topography of Kition. Göteborg, 1976, p. 118—119; Teizidor J. Bulletin d'épigraphie sémitique, 1977.— Syria, 54, 1977, p. 258; Teizidor J. Rev.: Karageorghis. Fouilles de Kition III. Les inscriptions. Nicosia 1977.— Syria, 56, 1979, p. 384 suiv.

¹¹⁶ Schretter. Op. cit., S. 225.

¹¹⁷ Polyb., XXXI, 12, 11—12: Τύρου καὶ Σίδωνος εἰκόνας οἱ ἐκ Τύρου ἱεροναῦται Ἀπόλλωνι ἀνέθηκαν.

¹¹⁸ Sukas VI, p. 41—43.

¹¹⁹ Ibid., p. 47.

¹²⁰ Ibid., p. 67.

¹²¹ Lemaire A. Le monnayage de Tyr et celui dit d'Akko dans le deuxième moitié du IVe siècle av. J. C.— Revue numismatique, 1976, № 8, p. 13—24.

¹²² CIS, I, 122. См. Teizidor J. Bulletin d'épigraphie sémitique, 1974.— Syria, 51, 1974, p. 307.

представляют довольно типичное явление в Средиземноморье. Таковыми были храмы в Китионе, Гадесе, Фасосе, да и в самом Тире ¹²³.

Таким образом, на городище Телль Сукас на протяжении его эволюции функционируют два святилища, в единых композиционно-пространственных рамках которых сосуществуют два культа — греческий и финикийский (Аполлон-Решеф и Геракл-Мелькарт). На первый взгляд подобная аккумуляция может показаться маловероятной, однако господствующая на Ближнем Востоке сравнительная религиозная терпимость ¹²⁴ в значительной степени проясняет религиозную ситуацию в порту. Вероятнее всего, в данном случае мы имеем дело с одним из наиболее древних проявлений греко-семитского синкретизма.

На Страсбургском коллоквиуме по проблемам религиозного синкретизма в греко-римском мире в 1971 г. П. Левек предложил универсальную типологическую схему религиозного синкретизма. В ней были выделены следующие типы: «синкретизм-заимствование» (*syncretisme-emprunts*), «паритетный синкретизм» (*syncretisme-juxtaposition*), «синкретизм-девиация» (*syncretisme-infléchissement*), «синкретизм-амальгама» (*syncretisme-crase ou amalgame*), «синкретизм-генотеизм» (*syncretisme-hénotheisme*) ¹²⁵. Рассмотренные выше примеры относятся к конкретным проявлениям паритетного синкретизма. Этот тип наиболее характерен для эллинистического Востока: либо в форме ассимиляции культов, либо в форме возникновения на этой почве новых религиозных феноменов — «синтетических божеств» ¹²⁶. Второе явление представляет собой более высокую степень синкретизации. На Безансонском коллоквиуме в 1973 г. М. Ле Глэ и Ф. Дюнан внесли в содержание этого типа важные дополнения: он формируется в условиях тесной ассоциации религиозных систем (подобно тому, что было в порту Телль Сукас, когда бок о бок сосуществовали две общины — греческая и финикийская) и окончательно оформляется в результате плюрализации культов (идея о культовой эквивалентности) ¹²⁷. И несмотря на некоторые сомнения Ф. Дюнан в том, возможно ли вообще именовать подобный феномен в полном смысле синкретизмом ¹²⁸, это было достаточно распространенным явлением на эллинистическом Востоке. При этом весь приведенный выше фактический материал, как видим, позволяет распространить эти выводы на более ранний период, хотя «архаический синкретизм» в Телль Сукасе мог и не отражать массовой практики.

Анализ этнических и социокультурных контактов в ходе греческого проникновения на Левант еще не позволяет сделать окончательного заключения о специфике восточного направления Великой греческой колонизации. В литературе мы находим разноречивые версии на этот счет. Принято считать, что на Ближнем Востоке в доэллинистическую эпоху не существовало греческих колоний в полном смысле этого слова. Совсем еще недавно А. Дж. Грейэм подчеркивал, что даже «в Аль Мине и Телль Сукасе нет ничего, что указывает на то, что они были колониями. В Аль Мине раннего периода нет ни греческих погребений, ни греческих надписей, ни греческих культов, ни греческой архитектуры» ¹²⁹. Подобные

¹²³ *Nicolaou*. Op. cit., p. 101—105; *Berchem D. van*. Sanctuaire d'Hercule-Melqart. Contribution à l'étude de l'expansion phénicienne en Méditerranée.— *Syria*, 44, 1967, p. 80—109.

¹²⁴ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 342 сл.

¹²⁵ *Lévêque*. Essai de typologie..., p. 179—187.

¹²⁶ *Ibid.*, p. 181 suiv.

¹²⁷ *Le Glay M.* Les syncrétismes dans l'Afrique ancienne.— In: *Lévêque P., Dunand F.* Les Syncrétisme dans les religions de l'antiquité. P., 1975, p. 147; *Dunand F.* Les syncrétismes dans la religion de l'Égypte romaine.— In: *Lévêque, Dunand*. Les syncrétismes dans les religions..., p. 156—159.

¹²⁸ *Dunand*. Op. cit., p. 156.

¹²⁹ *Graham*. The colonial expansion..., p. 93.

суждения встречаются и в отечественной историографии. Так, В. П. Яйленко подчеркивает, что «...благодаря своему культурно-экономическому превосходству греки основывали свои полисы по всему Средиземноморью и Понту (при всем многообразии местных условий в различных районах), и только в одном регионе — на Ближнем Востоке — они не смогли сделать этого»¹³⁰.

Вместе с тем уже на Кёльнском симпозиуме в 1979 г. в обсуждении проблем эллинского освоения Леванта прозвучала мысль о том, что Аль Мина все же укладывается в единый тип греческих поселений на Востоке и, скорее всего, была основана при не известных еще нам обстоятельствах, но как апойкия¹³¹. Нижние слои порта действительно чисто греческие¹³², присутствие же на последующих этапах кипрского и сирийско-финикийского этнокультурных компонентов не противоречит этому факту, так как они могли осесть в порту исключительно в интересах обеспечения торгового обмена. Близкую мысль высказывал Ю. Г. Виноградов. По его мнению, «...анализ античной терминологии, а также литературных, эпиграфических и археологических свидетельств о таких поселениях, как Аль Мина, Телль Сукас, Адрия, Спина, Массалия, Навкратис, которые современными исследователями характеризуются как типичные торговые фактории или эмпории, резко отличающиеся от полисов, не дает права отказывать этим апойкиям ни в автономии, ни в известном политическом статусе, ни в наличии собственной гражданской общины и организованной политической жизни»¹³³.

На Ближнем Востоке в самом деле мы не обнаруживаем следов ни синойкизма¹³⁴, ни основания апойкий (за исключением Аль Мины) в чистом их виде. Складывание полисной организации в этом регионе могло идти более сложным путем — в ходе внутренней эволюции энойкий. В письменной традиции содержатся два прямых свидетельства о существовании полиса на левантийском побережье в доэллинистическую эпоху. Геродот упоминает полис Посидей и его ойкиста Амфилоха на границах Сирии и Киликии (III, 91), а Плиний — Диосполис на северосирийском побережье (NH, V, 17).

Исходя из рассмотренного выше археологического материала и данных письменной традиции кажется несправедливым исключить всякую возможность существования греческой гражданской общины (полиса) в рамках левантийских урбанистических единиц. Этот феномен не выходит за пределы эллинской колонизационной практики. Страбон указывал, что «смешанные» поселения — достаточно типичное явление в греческом мире (III, 160). В них местный компонент мог сравнительно быстро аккультурироваться и такие города приобретали эллинский облик — в этом нас убеждают некоторые сопоставления с греческими апойкиями в Сицилии (Леонтины) и Адриатике (Эпидамн). Ускоренная аккультурация в Центральном и Западном Средиземноморье оказалась возможной благодаря главным образом слабости культурных традиций местного населения. В восточном же направлении греческой колонизации греки столкнулись с устойчивыми городскими культурами, уходящими своими

¹³⁰ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982, с. 252.

¹³¹ Riis. Griechen..., S. 256.

¹³² Gjerstad. Op. cit., p. 118.

¹³³ Виноградов. Ук. соч., с. 386.

¹³⁴ В последнее время в ряде работ все чаще встречается тезис, согласно которому синойкизм был скорее абстрактной моделью генезиса полиса, нежели физической (Snodgrass. Op. cit., p. 35). Очевидно, следует согласиться с П. Музиолоком, что синойкизм в архаическое время означает не более чем политическое объединение ряда полисов в государство, а не генезис самого полиса. Он, в частности, ссылается на известное высказывание Фукидида (II, 15) по поводу аттического синойкизма, где говорится, что Тезей объединил τῶν ἄλλων πόλεων... ἐς τὴν ὕν πόλιν. В эпоху классики и в эллинистическое время синойкизм означает уже чисто урбанистическое явление. См. Musiölek P. Zum Begriff und zur Bedeutung des Synoikismos.— Klio, 63, 1981, H. 1, S. 212 f.

корнями еще в бронзовый век. Эта кардинальная особенность всего ближневосточного региона предопределила специфику всего левантийского региона — социокультурный синкретизм. Он проявился в религии (слияние на паритетных началах восточных и греческих культов), погребальном обряде (синтез греческих и сирийско-финикийских традиций), архитектуре (сочетание греческих и местных градостроительных канонов и техники), ремесле (восточная гончарная техника с подражанием греческим образцам). Во многом этот процесс предвосхитил последующую эллинизацию Востока и прежде всего ее магистральную линию — синтез восточного и греческого.

GREEK| SETTLEMENTS IN THE NEAR EAST AND THEIR ETHNO-CULTURAL CONTACTS IN THE ARCHAIC PERIOD

A. Yu. Soghomonov

As early as the 8th and 7th centuries eastward oriented colonisation was monopolised by the Cycladic Greeks under the aegis of Euboea. They made their way into many Near Eastern centres (the «open ports» phenomenon), where they got their living as mercenaries, traders, and also perhaps as pirates preying on shipping in East Mediterranean waters. After the turn of the 8th to 7th centuries, when the Rhodian and Ionian wave joined the colonisation movement, Greeks began to settle as permanent residents (ἐνοικεῖν) in the Levantine ports. In these port towns three ethno-cultural elements came into close contact with each other, the Greek, the Cyprian and the Phoenician. All the Greek settlements in the Levant kept their separate status as residents, except in the case of Al Mina, which from the 6th century on appears to have been inhabited by Greeks only. Despite the strictly urban character of the Greek *enoikēsis* it cannot be denied that these settlements had independent economic and political status, or that some of them may have evolved into *poleis*. Long-continuing social and cultural contacts among the ethnic groups in the ports of the Levant led to their most prominent feature, a tendency towards syncretism. This tendency can be seen in burial ceremony, architecture, handicraft and religion (in one port town, Tell Sūkās, we find Graeco-Semitic syncretism in the form of Graeco-Phoenician cult assimilations: Apollo-Rešef and Heracles-Melkart). This socio-cultural syncretism anticipated a far more comprehensive syncretic process, the Hellenisation of the East.

В. В. Рубан

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОЛЬВИЙСКОЙ ХОРЫ в IV—III вв. до н. э.

Период расцвета Ольвийского государства насыщен бурными событиями во всех сферах жизни и деятельности ольвиополитов. Многие из этих событий получили отзвук в ряде эпиграфических документов, по праву заслуживающих особого внимания антиковедов. Вместе с тем в изучении истории Ольвии огромную роль играют и археологические источники. В особенности это касается Ольвийской хоры, новые исследования на территории которой позволяют не только полнее изучить ее собственную историю, но и глубже понять особенности исторического развития Ольвийского полиса в целом. По существу еще недавно нам было известно примерно лишь то, что вокруг Ольвии существовал ряд поселений и городищ, об исторических судьбах которых имелось самое поверхностное, а часто и ошибочное представление. Ситуация в корне изменилась в последние 15 лет, когда об археологических исследованиях Ольвийской хоры стало возможным говорить не только в количественном аспекте, но и в качественном. Важнейшим результатом последнего является разработка хронологии античных памятников ольвийского окружения, выявление новых типов населенных пунктов, обнаружение огромного количества ранее неизвестных поселений и публикация новых источников. Из этих исследований не замедлил выявиться целый ряд вопросов общеполисного, а в некоторых случаях и общепонтийского исторического значения, о которых раньше никто не подозревал. Иными словами, если еще каких-нибудь полтора десятка лет назад в общих работах по истории Ольвии поселения ее округа лишь попутно упоминались как нечто абстрактное, то в настоящее время абсолютно очевидно, что написание истории Ольвийского полиса без учета его аграрной территории просто немыслимо.

С другой стороны, археологические исследования последних лет со всей определенностью продемонстрировали не только то, насколько мало мы знали Ольвийскую хору, но и насколько много мы о ней еще не знаем. Поэтому в данной работе оказалось возможным говорить лишь о некоторых чертах истории ольвийской хоры периода расцвета полиса на основании данных, полученных к началу 80-х годов текущего века.

Нужно подчеркнуть, что как бы ни были значительны исследования и находки наших современников, они не в состоянии затмить важность и необходимость работ археологов старших поколений, начинавших свою деятельность буквально на пустом месте и постепенно подготовивших фундамент для наших изысканий. В этой связи нельзя не вспомнить с почтением имена И. А. Стемпковского, А. С. Уварова, В. И. Гошкевича, И. В. Фабрициус, Ф. Т. Каминского, М. С. Сеницына, П. Н. Шульца, Ф. М. Штительман, Б. М. Рабичкина, А. П. Манцевич, С. И. Капошиной, М. Ф. Болтенко, Т. Н. Фармаковской, В. В. Лапина, а также ныне пло-

дотворно работающих ветеранов изучения античных древностей Нижнего Побужья А. В. Буракова и Я. В. Доманского.

Изложению основного материала считаем целесообразным предпослать краткий обзор исследований (особенно новых) поселений IV—III вв. до н. э. на территории Нижнего Побужья, тем более что таковой в литературе пока отсутствует.

Некоторые поселения и отдельные находки рассматриваемого времени в Нижнем Побужье известны еще с прошлого столетия¹. Тем не менее первые стационарные раскопки приольвийских сельских населенных пунктов были предприняты лишь накануне Великой Отечественной войны². Весьма значительные археологические раскопки и разведки памятников IV—III вв. до н. э. были затем проведены в первые послевоенные годы³, после чего в изучении классической и эллинистической хоры Ольвии наступил довольно продолжительный перерыв. Несмотря на солидный объем материальных остатков, открытых на описанном этапе исследований, археологические источники не получили должного освещения, так как исследователи ограничивались преимущественно публикациями суммарного характера. В теоретическом плане вопрос о существовании Ольвийской хоры как таковой еще не был поставлен, а сами поселения практически не рассматривались в контексте ольвийской истории.

В середине 60-х годов было положено начало новому этапу в археологическом изучении сельской округи Ольвии рассматриваемого времени. В ходе разведок по правобережью Бугского лимана в 1965 г. нам удалось обнаружить грунтовой некрополь и остатки усадьбы в урочище Дидова Хата⁴. В 1968 г. А. С. Русяевой зарегистрированы остатки поселения IV—III вв. до н. э. на северо-западной окраине с. Парутино⁵, а несколько позже В. Н. Ключинцевым обследован ряд поселений на левом берегу Бугского лимана⁶.

В это же время было осознано, что античные поселения Нижнего Побужья составляли Ольвийскую хору и их материалы нашли соответствующее отражение в работах по истории Ольвии⁷.

¹ Дореволюционная литература собрана в кн.: *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Ч. I. Киев, 1951.

² *Синицин М. С.* До питання про населення Північно-Західного Причорномор'я в IV—III вв. до н. е.— *Наук. зап. ОДПІ*, т. VIII, Одеса, 1947, с. 145 сл.; *он же.* Поселения в с. Варварівка за розкопками 1938 р.— *Праці ОДУ*, т. 149. Сер. іст. наук, 1959, вип. 7. Археологічний збірник, № 1, с. 113—133; *Шульц П. Н.* Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева.— *КСИИМК*, вып. V, 1940, с. 71—75.

³ *Штительман Ф. М.* Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1952; *она же.* Поселения скифского времени на побережье Бугского лимана.— *КСИА АН УССР*, 1953, № 2, с. 46 сл.; *она же.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— *МИА*, № 50, 1956, с. 255—272; *она же.* Поселения, городища и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.— *КСИА АН УССР*, 1954, № 3, с. 102—105; *она же.* Поселения біля Закисової балки.— *АП*, т. VII, 1958, с. 131—142; *Славін Л. М.* Поселения ольвийської периферії біля с. Чортуватого.— *Вісн. КДУ*, 1958, № 1. Сер. іст., філос., вип. 2, с. 139—149; *он же.* Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр.— *АП*, т. V, 1955, с. 127—150; *Рудык Ф.* Древнее поселение Викторівка I.— *МАСП*, вып. 1, 1957, с. 63—66; *Русяева Г. С.* Поселения Пітухівка I біля Ольвії.— *Археологія*, ХХХ, 1968, с. 206—213 (автор публикует материалы раскопок послевоенных лет).

⁴ Охранные раскопки проводились с 1965 г.; в 1969 г.— совместно с В. В. Лапиным (материалы хранятся в НКМ). Указанная усадьба впоследствии получила порядковый № 3.

⁵ *Русяева А. С.* Разведки и раскопки поселения близ Ольвии.— *АИУ* в 1968 г., вып. III, Киев, 1971, с. 181 сл.

⁶ *Славін Л. М.* Работы Ольвийской экспедиции.— *АО* 1971 года, 1972, с. 331.

⁷ *Зуц В. Л.* До питання про утворення Ольвійської держави.— *Археологія*, т. XIX, 1965, с. 36—46; *он же.* Територія Ольвійської держави догетського часу.— *Археологія*, ХХІ, 1969, с. 80—89; *Ланін В. В.* Хора Ольвії.— В кн.: *Археологія Української РСР*, т. II, Київ, 1971, с. 306—311; *Wąsowicz A.* Olbia pontique et son territoire, L'aménagement de l'espace. P., 1975.

С 1973 г. периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР были начаты разведочные работы в районе Березанского лимана, охватившие и эллинистические поселения⁸. Экспедицией НКМ был открыт и частично исследован один из наиболее ярких памятников ольвийского окружения — усадьба № 1 в урочище Дидова Хата⁹. В 1974 г. отрядом Ольвийской экспедиции в степной зоне Березанского лимана обнаружены временные стоянки пастухов¹⁰. В результате археологических разведок на Бугском лимане, проведенных экспедицией НКМ, открыт ряд новых населенных пунктов и уточнена их хронология¹¹. С этого же времени к работам в Нижнем Побужье подключился отряд ЛОИА¹². В следующем году экспедицией НКМ была исследована сельская усадьба № 1 в урочище Дидова Хата¹³ и проведены раскопки остатков аналогичных памятников у Чертоватой балки¹⁴. Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН СССР проведена разведка на побережье Днепровского лимана между Ольвией и Очаковым¹⁵. Отряд ЛОИА вел раскопки поселений Козырка II и Лиманы I¹⁶. На первом из названных памятников проведены также охранные работы экспедицией НКМ¹⁷. Годом позже продолжались исследования эллинистических памятников у Чертоватой балки и с. Кателино¹⁸, проводились разведки на Днепровском лимане¹⁹ и раскопки поселения Козырка II²⁰, завершённые в 1977 г.²¹ В 1977—1978 гг. на поселениях восточной части Днепровского лимана небольшие исследования были предприняты Херсонским музеем²². В 1978—1979 гг. проведены исследования поселений в урочище Скелька и Куцуруб III²³. На рубеже 70—80-х годов археологическое изучение приольвийских поселений IV—III вв. до н. э. заметно снизилось. Исключение составляют лишь проведенные нами в 1979 г. охранные

⁸ Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1973 года, 1974, с. 253.

⁹ Рубан В. В. Античная усадьба на побережье Бугского лимана. — АО 1973 года, 1974, с. 335 сл.

¹⁰ Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б., Назарчук В. И. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1974 года, 1975, с. 262 сл.

¹¹ Рубан В. В. Разведка по правобережью Бугского лимана. — АО 1975 года, 1976, с. 346 сл.; он же. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. II, Киев, 1975, с. 87—89.

¹² Доманский Я. В., Марченко К. К., Рубан В. В. Исследования поселений на берегах Бугского лимана. — АО, 1974 года, 1975, с. 276.

¹³ Рубан В. В., Буйских С. Б. Исследования в урочище «Дидова Хата». — АО 1975 года, 1976, с. 386.

¹⁴ Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Чертоватое II. — АО 1975 года, 1976, с. 387.

¹⁵ Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Дудкин В. П. Разведки Периферийного и Геофизического отрядов Ольвийской экспедиции. — АО 1975 года, 1976, с. 311.

¹⁶ Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В. Раскопки поселений античного времени на Бугском лимане. — АО 1975 года, 1976, с. 357.

¹⁷ Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 60—80.

¹⁸ Рубан В. В., Рычка В. М. Исследования античных памятников близ Ольвии. — АО 1976 года, 1977, с. 362 сл.

¹⁹ Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 года, 1977, с. 274 сл.

²⁰ Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В., Рубан В. В. Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 года, 1977, с. 331.

²¹ Марченко К. К., Доманский Я. В., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Шауб И. Ю. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье. — АО 1977 года, 1978, с. 354.

²² Оленковская М. И., Оленковский Н. П. Разведки на территории Херсонской области. — АО 1977 года, 1978, с. 364; Абикулова М. И., Оленковский Н. П., Рольник Г. В. Охранные работы на Нижнем Днепре. — АО 1978 года, 1979, с. 286; Абикулова М. И. Исследования поселения на Днепровском лимане. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 124.

²³ Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1978 года, 1979, с. 310.

ные раскопки поселения Козырка XII и классической усадьбы Чертоватое VII В, перекрывающей архаические слои (1980—1982 гг.), а также исследования археологических остатков IV—III вв. до н. э. на поселении в с. Куцуруб возле Очакова²⁴.

Параллельно с полевой деятельностью с 1975 г. была начата публикация материалов новых раскопок и их культурно-историческая интерпретация²⁵. Вместе с тем общая картина особенностей развития истории Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. на основании новых открытий до сих пор не представлена, что и попытаемся сделать в настоящей работе.

Что касается датировки поселений Нижнего Побужья рассматриваемого времени, то мы не видим особой необходимости останавливаться здесь на ней детально, так как этот круг вопросов разрабатывался специально в другом месте²⁶. Напомним лишь в самых общих чертах, что на основе анализа керамического, нумизматического и эпиграфического материалов вырисовывается следующая хронологическая схема развития этих памятников. После загустения, которое Ольвийская хора переживала во второй половине V в. до н. э.²⁷, начало следующего столетия от-

²⁴ Марченко К. К. Работы Нижнебугской античной экспедиции.— АО 1980 года, 1981, с. 279 сл.; *он же*. Исследования памятников античного времени в Нижнем Побужье.— АО 1981 года, 1983, с. 286.

²⁵ Рубан В. В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975, с. 130—132; *он же*. Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры.— ЕИРНН. XIV Международная конференция античников социалистических стран. Ереван, 1976, с. 367 сл.; *он же*. Фасосская амфора с энглифическим клеймом.— В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976, с. 190—197; *он же*. Рец. на кн.: *Wąsowicz A. Olbia pontique et son territoire*. Р., 1975.— ВДИ, 1977, № 2, с. 147—154; *он же*. Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 65—83; *он же*. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени.— В кн.: Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории» по проблеме «Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры». М., 1978, с. 43—45; *он же*. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане.— КСИА, 156, 1978, с. 32—36; *он же*. О датировке поселения Козырка II.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 60—80; *он же*. Раннеэллинистические лентные кратеры из Нижнего Побужья.— СА, 1980, № 1, с. 287—289; *он же*. Внешнеполитический фактор в истории населения хоры греческого периферийного полиса (На примере Ольвии догетского времени).— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 110 сл.; *он же*. Хора Ольвии в период эллинизма.— В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье» (Цхалтубо, 21—27 мая 1982 г.). Тбилиси, 1982, с. 82—84; *он же*. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I.— В кн.: Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982, с. 54—58; Рубан В. В., Урсалов В. Н. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана.— ВДИ, 1978, № 3, с. 83—87; Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В. К истории ольвийской сельской округи.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 3—18; Доманский Я. В., Марченко К. К. Поселение ольвийской хоры Козырка 2.— АС, 1980, 21, с. 20—38; Урсалов В. Н. Литая ольвийская монета, найденная на поселении Козырка II.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 28—30; Абикулова М. И., Пиворович В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (по материалам Херсонского музея).— Там же, с. 30—32; Марченко К. К. Ойкеты декрета в честь Протогена (IRE, I², 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени.— В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума..., с. 61—63; Отрешко В. М. О миксэллинах.— Там же, с. 82; Рубан В. В. Магистратура агораномів в Ольвії.— Археологія, 1982, № 39, с. 30—40.

²⁶ Рубан. Из истории приольвийских поселений..., с. 65—83; *он же*. О датировке поселения Козырка II, с. 60—80; Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 83—87.

²⁷ О времени загустения жизни архаических и раннеклассических поселений Нижнего Побужья см. Рубан В. В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хиосских амфор).— В кн.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982, с. 96—113. Для окончательного выяснения даты прекращения жизни приольвийских поселений в V в. до н. э. требуется допол-

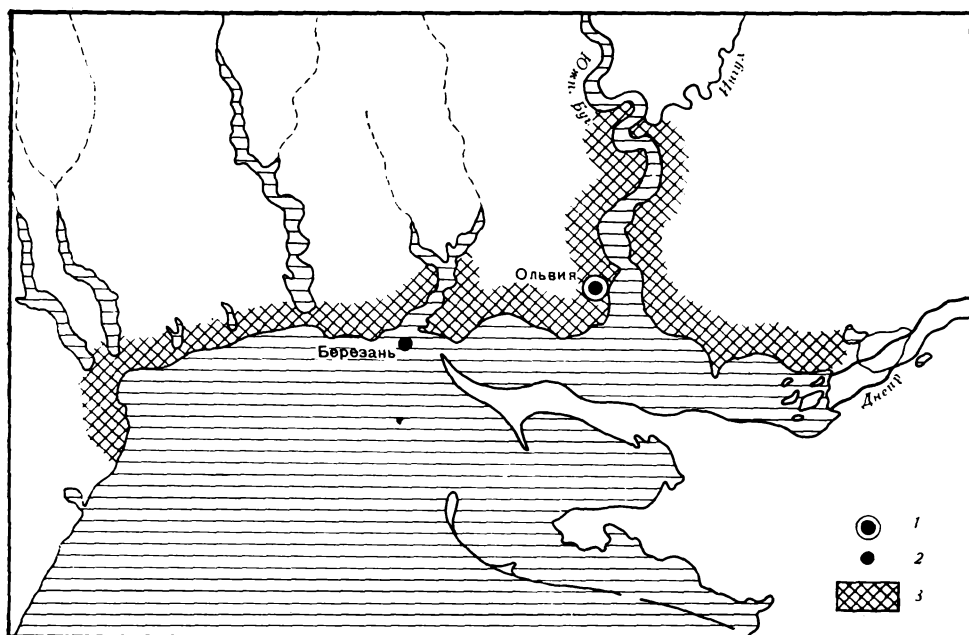

Рис. 1. Нижнее Побужье и Северное побережье Одесского залива в IV — первой половине III в. до н. э.: 1 — центр полиса; 2 — город в составе полиса; 3 — сельские поселения

мечено появлением новых поселений на территории Нижнего Побужья. На рубеже второй и последней трети этого же века поселения претерпевают разрушения, на некоторых из них жизнь больше не возобновляется, но основная их масса была восстановлена, а также появился ряд новых населенных пунктов. Около середины III в. до н. э. большая часть поселений и усадеб Ольвийской хоры погибла и жизнь на них в дальнейшем не возобновилась. Во второй половине столетия слабые следы жизни прослеживаются лишь на немногих памятниках.

Ареал сельских поселений рассматриваемого периода, которые могли бы принадлежать Ольвийскому государству, в настоящее время очерчивается довольно точно. На севере цепь этих памятников обрывается на широте устья Ингула, на востоке — у Днепровской дельты, на западе — в районе Одесской бухты. На юге территория Ольвийской хоры упиралась в северные берега Днепровского лимана и Черного моря (рис. 1). О последней группе населенных пунктов следует сказать несколько слов отдельно. Хотя сходство материальной культуры поселений Одесского залива с синхронными памятниками Нижнего Побужья давно уже наталкивало исследователей на мысль об их связи с Ольвией²⁸, все же этот вопрос пока не получил однозначного решения²⁹. Наша точка зрения на этот счет аналогична взглядам Э. И. Дьяманта и заключается в том, что указанные памятники входили в состав Ольвийского государства и составляли наиболее удаленную часть его хоры³⁰. В пользу при-

нительный анализ керамики, так как в последние годы на многих памятниках удалось обнаружить фрагменты сосудов середины — третьей четверти этого столетия.

²⁸ См., например, *Синіцин*. До питання про населення..., с. 154.

²⁹ *Зуц*. Територія Ольвійської держави..., с. 80—89; *Ланін*. Хора Ольвії, с. 308 сл.; *Славін Л. М.* Стародавня Ольвія: стан і завдання її дослідження. — Вісник АН УРСР, 1972, № 3, с. 63—72; см. *Wasowicz*. Op. cit., p. 25 и рец. на эту кн.: *Брашинский И. Б.* — СА, 1977, № 3, с. 303.

³⁰ *Рубан*. Динамика территориальных границ..., с. 44; *Дьямант Э. И.* Монетные находки Кошарского городища (К вопросу о западной границе Ольвийского полиса). — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 241—249.

надлежащие этим памятникам Ольвийскому полису можно привести следующие аргументы. Во-первых, хронология античных поселений на побережье Одесского залива полностью соответствует вышеприведенной схеме развития сельских населенных пунктов Нижнего Побужья. Во-вторых, нумизматический материал из рассматриваемых памятников в своей массе состоит из ольвийской меди³¹, за исключением одной истрийской монеты из Лузановки³², которая ни в коей мере не меняет общей картины денежного обращения в этом районе. Следует сказать, что состав монетных находок на поселениях Одесского залива стопроцентно совпадает с таковым из античных сельских поселений Нижнего Побужья, включая даже одно «истрийское колесико» из Дидовой Хаты³³. Почти полное отсутствие иноземных денег на всей указанной территории представляется неслучайным. Если вспомнить, как уже неоднократно указывалось³⁴, официальное постановление гражданской общины ольвиополитов о порядке обмена иностранной валюты и регламентации денежных расчетов на территории государства³⁵, синхронное нашим памятникам³⁶, то надо полагать, что на поселения Одесского залива распространялось законодательство Ольвии, из чего должна вытекать их принадлежность этому полису³⁷.

Поселения первых двух третей IV в. до н. э. изучены пока весьма слабо, так как почти все они перекрыты напластованиями эллинистического времени. Исключение составляют пока лишь два памятника, не нарушенные более поздними застройками. Это — поселение Козырка XII и сельская усадьба Чертоватое VII в, раскопки которых начаты в самое последнее время. Из-за недостатка соответствующих материалов судить о внешнем облике и планировочной структуре поселений этого времени весьма затруднительно, поэтому мы можем составить себе о них представление лишь в самых общих чертах.

Судя по имеющимся остаткам, поселения классического периода как Нижнего Побужья, так и Одесского залива не обладали никакими фортификационными сооружениями. Их размеры не превышали 1—2 га (рис. 2, а). Единственная известная для этого времени усадьба имела площадь около 500 кв. м. Хотя о планировочной структуре классических поселений ольвийского окружения, как уже говорилось, известно очень мало, можно, однако, предполагать существование каменно-сырцовых наземных сооружений, о чем свидетельствуют фрагменты каменных

³¹ Зограф А. Н. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г. — МАСП, вып. 1, 1957, с. 97—101; Сымонович Э. А. Ольвийские монеты с Кошарского городища. — ВДИ, 1969, № 2, с. 105 сл.; Карышковский П. О. Находки античных и византийских монет в Одесской области. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976, № 18—20; *Диамант*. Ук. соч., с. 241—249.

³² Загинайло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизматическим данным. — МАСП, вып. 8, 1976, с. 76.

³³ Детально эти вопросы рассмотрены в нашем совместно с В. Н. Урсаловым подготовленном к печати исследовании «История денежного обращения на хоре Борисфениды и Ольвии догетского времени».

³⁴ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 87; Рубан. Динамика территориальных границ..., с. 44.

³⁵ IOSPE, I², № 24, 13—16.

³⁶ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. — ВДИ, 1976, № 4, с. 25—27.

³⁷ Не так давно И. Б. Брашинским (ук. соч., с. 303) было высказано предположение, что поселения Одесского залива составляли ольвийскую перею. Однако географическое положение этих памятников по отношению к Ольвии не вполне соответствует значению указанного термина. Видимо, указанная мысль показалась не очень убедительной и Ю. Г. Виноградову, заключившего слово «перей» в кавычки (см. Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. — В кн.: Античная Греция, т. I, М., 1983, с. 390).

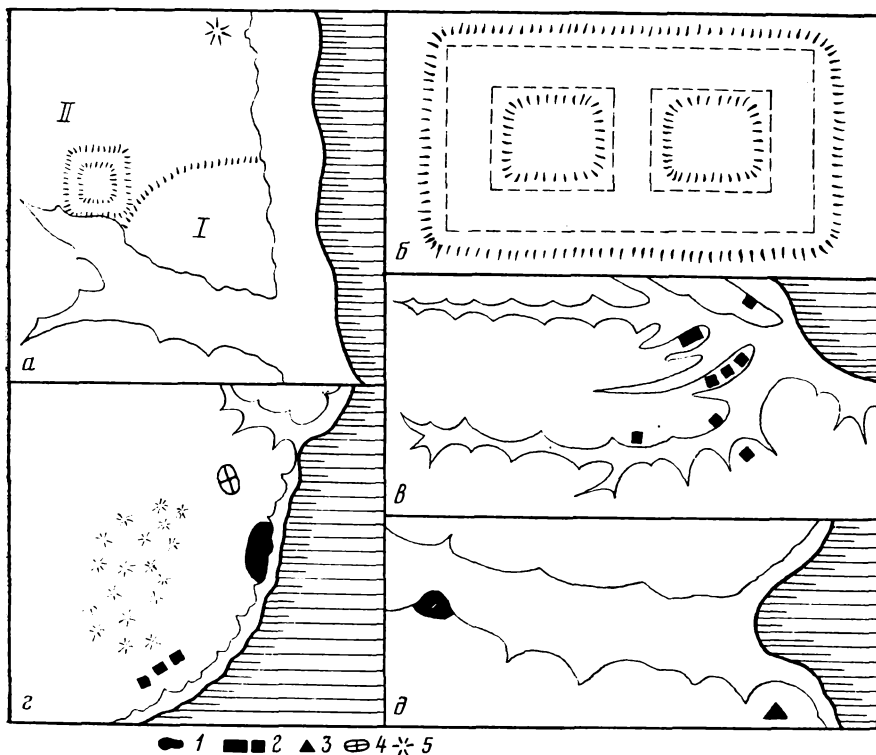

Рис. 2. Типы населенных пунктов Нижнего Побужья IV—III вв. до н. э.: а — классическое поселение (I) и эллинистическая усадьба (II) Козырка XII; б — схема плана до раскопок усадьбы № 1 у Чертоватой балки; в — агломерация усадеб у Чертоватой балки; г — агломерация Козырка II — Козырка VIII; д — поселение Новая Богдановка II и рыбацкая стоянка. 1 — поселения; 2 — усадьбы; 3 — стоянки; 4 — грунтовые некрополи; 5 — курганы

цокольных кладок, множество камней и обломков черепицы в культурном слое³⁸.

На многих из описанных поселений открыты остатки земляночных сооружений, датируемые началом — первой половиной IV в. до н. э. Поскольку в литературе об античном домостроительстве в Нижнем Побужье речь обычно идет об архаических землянках, а данные о таких строениях более позднего времени не систематизированы, остановимся на них более подробно.

Три землянки открыты на поселении Петуховка I. Одна из них, прямоугольная в плане (размеры 2,8 × 2 м, глубина 0,9 м), имела вход с севера в виде ступенек, вырезанных в материке; на полу прослежены углубления для опорных столбов, на которых покоилась кровля. Второе помещение меньше первого (длина 2 м) и углублено в материк на 0,7 м. На другом участке Петуховки I частично исследована третья аналогичная землянка³⁹.

Остатки помещения, подобного описанному, исследованы нами в 1979 г. на поселении Козырка XII. Большая часть землянки не сохранилась поэтому удалось только выяснить, что она имела прямоугольную в плане форму при глубине от древней дневной поверхности 0,7 м. Пол землянки сохранил следы неоднократной подмазки глиной. Керамический материал из этого помещения позволяет датировать его первой половиной IV в.

³⁸ Русяева. Поселения Петухівка I, с. 207; Рубан. Из истории приольвийских поселений..., с. 81 сл.; он же. О датировке..., с. 77.

³⁹ Русяева. Ук. соч., с. 207—209.

до н. э. Аналогичные сооружения открыты и в других местах Ольвийской хоры. Остатки четырехугольных землянок исследованы недавно на поселении в с. Куцуруб (дата этих помещений — первая половина IV в. до н. э.)⁴⁰. Наиболее многочисленны земляночные сооружения в ранних слоях поселений на побережье Одесского залива. В Лузановке они открыты как в процессе довоенных раскопок⁴¹, так и в ходе новых изысканий, проведенных Одесским археологическим музеем⁴². Такие же землянки найдены и на Жеваховском поселении между Хаджибейским и Куяльницким лиманами⁴³.

Таким образом, совершенно очевидно, что существование земляночного типа жилищ на рассматриваемой территории в первой половине IV в. до н. э. было закономерностью, а не случайностью. На основании этого факта следует считать, что в ходе реколонизации Нижнего Побужья и освоения Одесского залива в начале IV в. до н. э. снова вошел в употребление земляночный тип жилищ как экономически наиболее доступный первым поселенцам⁴⁴. Впоследствии он был вытеснен наземным типом домов, что свидетельствует о хозяйственном подъеме Ольвийской хоры и росте благосостояния ее населения на протяжении первых двух третей IV в. до н. э. С другой стороны, выявленный факт позволяет скорректировать сложившееся представление о развитии домостроительства на поселениях сельской территории Ольвии догетского времени, которые сводятся к тому, что архаические земляночные сооружения сменяются каменными зданиями, которые продолжают существовать и в более поздние периоды⁴⁵.

В настоящее время схему эволюции домостроительства Ольвийской хоры можно представить в следующем виде. На протяжении VI и, возможно, в начале V в. до н. э. на этой территории преобладали земляночные жилые и хозяйственные постройки, которые сменились в первой половине указанного столетия наземными зданиями. После запустения хоры во второй половине V в. до н. э. ее реколонизация в начале следующего века характеризуется возвратом к первоначальному типу домов, который заменяется наземными зданиями, наибольшее развитие получившими в эпоху эллинизма. Этим эволюция сельского домостроительства в Нижнем Побужье заметно отличается от городского ольвийского⁴⁶.

Несомненно, что повторное сельскохозяйственное освоение рассматриваемого региона было следствием неких коренных изменений в государственной структуре Ольвии, каких-то реформ, затронувших основы землевладения и землепользования. Каковы же возможные причины отмеченного явления?

Прямыми данными, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, мы не располагаем, поэтому не остается ничего другого, как обратиться к косвенным свидетельствам. Известно, что в античном обществе различные реформы аграрного характера в основном представляли собой результат апогея в накале социальной борьбы, сопровождавшейся полити-

⁴⁰ Марченко. Работы Нижнебугской экспедиции, с. 279; *он же*. Исследования памятников античного времени, с. 286.

⁴¹ Синицын М. С. Древнее поселение в Лузановке (По раскопкам 1929—30 и 1937—39 гг.). — МАСП, вып. 1, 1957, с. 69.

⁴² Дьямант Э. И. Поселение античного времени на территории г. Одессы. — АО, 1973 года, 1974, с. 270 сл.

⁴³ Дьямант Э. И., Кузьменко В. И. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива. — АО 1976 года, 1978, с. 290; *они же*. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива. — АО 1977 года, 1978, с. 321 сл.

⁴⁴ В период первичного освоения древними греками Нижнего Побужья земляночный тип строений был преобладающим на всех памятниках.

⁴⁵ См., например, Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982, с. 11—46.

⁴⁶ Ср. *он же*. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 121.

ческими метаморфозами в жизни полисов. По некоторым данным наличие подобной ситуации можно предполагать и в Ольвии. В науке уже неоднократно высказывались догадки о тираническом характере политического устройства Ольвийского государства в V в. до н. э.⁴⁷, совсем недавно впервые получившие развернутое доказательство в работе Ю. Г. Виноградова⁴⁸. В то же время хорошо известно, что в IV—III вв. до н. э. Ольвия была демократическим полисом. Все это в свое время навело нас на мысль о том, что где-то на рубеже V—IV вв. до н. э. произошел переход от тирании к демократии, за чем последовали изменения в аграрных отношениях⁴⁹.

В этой связи нельзя не упомянуть одну из давно известных ольвийских надписей с посвящением Зевсу Элевтерию (Διὶ Ἐλευθερίῳ). В издании В. В. Латышева она датируется первой половиной III в. до н. э. или несколько более ранним временем⁵⁰. Однако по монументальности шрифта и манере письма упомянутый документ следует датировать не позже первой половины IV в. до н. э.⁵¹, скорее всего ближе к началу столетия⁵².

Эпиклесис Ἐλευθερίος (Освободитель) прилагался к различным эллинским божествам наряду с более древним Σωτήρ (Спаситель). Иногда он обозначал божество как олицетворение личной свободы, но как правило этот эпитет ассоциировался с понятием полисной свободы и независимости и в основном сопутствовал Зевсу⁵³. Во многих случаях именно Зевсу Элевтерию воздвигались посвящения в связи с падением тирании и установлением демократической формы государственного устройства. Письменные свидетельства об этом и соответствующая литература приведены в названной выше статье Ю. Г. Виноградова, а потому считаем излишним их повторение. Добавим лишь, что нумизматические данные о падении власти сиракузского тирана Дионисия II, когда Сиракузы и другие зависимые от него города начали интенсивный выпуск монет с изображением Зевса и надписью Ζεὺς Ἐλευθερίος, подробно изучен в обширной статье С. Гарраффо⁵⁴. Следовательно, упомянутую здесь ольвийскую надпись можно рассматривать в качестве важного свидетельства в пользу предположения об освобождении ольвиополитов от власти тирана примерно на рубеже V—IV вв. до н. э.⁵⁵ Коль скоро именно с падением тирании в Ольвии наиболее вероятна связь нового интенсивного освоения земель, заселенных в архаическую эпоху, можно полагать, что концентрация демографического потенциала сельского населения в V в. до н. э. в городе могла проводиться и насильственным путем⁵⁶, возможно, для проведения крупномасштабных строительных

⁴⁷ Цыбульский С. А. Греческие монеты. СПб., 1894, с. 21; Штерн Э. Р. Археологические новинки.—ЗООИД, XXV, 1904, Протоколы, с. 54; Зуц В. Л. Державный лад Ольвии.—УИЖ, 1970, № 9, с. 71—79; Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 79 сл.

⁴⁸ Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства. I.—ВДИ, 1981, № 2; то же, II.—ВДИ, 1981, № 3.

⁴⁹ Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 80.

⁵⁰ IOSPE, I², № 160.

⁵¹ Ср. шрифт надписи HO, 4.

⁵² Виноградов. Синопа и Ольвия..., II, с. 63 сл.

⁵³ Jessen O. Eleutherios.—RE, Bd. V, Hbbd. 9, Stuttgart, 1903, Sp. 2348.

⁵⁴ Garraffo S. Zeus Eleutherios — Zeus Olympios. Note di numismatica siracusana.—IINA, v. 23—24, 1976—1977, p. 9—50, tav. I—IV.

⁵⁵ Когда уже была написана предлагаемая работа, вышла в свет статья Ю. Г. Виноградова (Синопа и Ольвия...: II, с. 63 сл.), в которой исследователь приводит две новые ольвийские надписи с эпитетом Зевса Элевтерия, до этого нам недоступные. Показательно, что относительно времени падения тирании в Ольвии и связанного с этим возрождения хоры мы с Ю. Г. Виноградовым пришли практически к одним и тем же выводам независимо друг от друга.

⁵⁶ Примеры принудительного переселения жителей мелких поселений для создания более крупного центра известны в истории Греции. Так, Павсаний (VIII, 27, 4—6), рассказывая об основании города Мегалополя в Аркадии, сообщает, что он был образован из целого ряда расположенных в округе поселений. Когда же обитатели се-

работ, которые были весьма характерны в качестве престижных мероприятий для политики греческих тиранов ⁵⁷.

Рассматриваемая проблема имеет и другой аспект. Речь идет о том, что поселения IV в. до н. э. распространились не только на той территории, которую занимала Ольвийская хора в первой половине V в. до н. э. ⁵⁸, но и освоили новые земли, в западном направлении, достигнув Одесской бухты. Вызывает большой интерес последовательность заселения всего этого региона. Нами уже отмечалось, что освоение Нижнего Побужья в IV в. до н. э. с пространственно-временной точки зрения носило радиальный характер, т. е. сначала происходило основание ближайших к Ольвии поселений, затем — более удаленных от нее ⁵⁹. Весь этот процесс начиная примерно с рубежа V—IV вв. до н. э. или с самого начала IV в. длился не более четверти столетия. Вместе с тем отмеченная тенденция не была присуща поселениям на побережье Одесского залива, которые, хотя и были наиболее удалены от Ольвии, и, казалось бы, должны были быть основаны еще позже указанного времени, возникли на рубеже V—IV вв. до н. э. ⁶⁰. В этой связи невозможно обойти молчанием один из обычаев древнегреческой колонизационной практики, который заключался в том, что земли, наиболее удаленные от города и худшего качества, предоставлялись полисом новым контингентам колонистов, прибывавших из других районов античной Греции ⁶¹. А если учесть, что Нижнее Побужье по сравнению с побережьем Одесского залива в экологическом отношении было намного более благоприятным для экономической деятельности населения, то из сопоставления всех приведенных данных можно сделать заключение об освоении приольвийского района посредством собственных людских ресурсов и о приеме каких-то новых поселенцев, которым были отведены наиболее удаленные и ранее не занятые земли.

Это предположение может быть подкреплено и другими данными, уже исторического порядка. Речь идет об условиях для миграций, которые назрели в Восточном Средиземноморье к концу V в. до н. э. В это время завершалось гигантское столкновение двух претендентов на гегемонию в Греции — Афин и Спарты, и масса населения разоренных областей находила в бегстве спасение от бедствий, вызванных Пелопоннесской войной. Кроме того, греческие полисы Малой Азии снова оказались под персидским господством, что также предполагает отток определенной части их жителей ⁶². Благодаря географической удаленности от основного театра военных действий Северное Причерноморье и Ольвия, в частности, отличались не только относительной стабильностью внешнеполитической обстановки ⁶³, но и большим количеством незанятых земель, что не могло не привлекать внимания эмигрантов из Средиземноморья. Таким образом, международное положение в античной Греции не противоречит гипотезе о появлении новых колонистов в районе Ольвии. Переселение большого контингента древних греков под воздействием внешних факторов извест-

ления по имени Трапезунт не согласились с переселением, аркадцам пришлось воздействовать силой.

⁵⁷ Kolb F. *Vau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden.*—JDI, 92, 1977, S. 99—138.

⁵⁸ Рубан. Динамика территориальных границ . . . , с. 44.

⁵⁹ Он же. О датировке поселения Козырка II, с. 79.

⁶⁰ Диамант Э. И. Поселение и могильник античного времени на Приморском бульваре в г. Одессе.—МАСП, вып. 8, 1976.

⁶¹ Яйленко В. П. Древнегреческая колонизационная практика.—В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 67—73.

⁶² Ср. рассказ Геродота (I, 164—170) об эмиграции из малоазийских полисов эллинов, спасавшихся от персидского господства в VI в. до н. э.

⁶³ Об этом свидетельствует характер поселений не защищенных какими-либо фортификационными сооружениями (см. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; Рубан. Типы античных памятников . . . , с. 73).

но и внутри Понтийского бассейна. Такой случай, описанный Диодором ⁶⁴, произошел в эллинистический период с жителями Каллатии. Когда Лисимах осадил этот город, тысяча граждан переселилась на Боспор, где им было отведено специальное место для поселения.

Если реконструируемые события в районе Ольвии действительно имели место, то новые поселения должны были иметь иной правовой статус по сравнению с полноправными гражданами государства ⁶⁵. В самом деле, сообщение Макробия о походе Зопириона в 331 г. до н. э. содержит прямое указание на существование в Ольвии неполноправного слоя населения ⁶⁶. А судя по тому, что в числе экстраординарных мер, предпринятых городом перед лицом военной опасности, имелось решение о предоставлении этим *regimini* гражданских прав, последние составляли довольно внушительную силу, иначе ольвиополитам не было бы никакого смысла рассчитывать на какую-либо существенную поддержку с их стороны при отражении агрессии Зопириона.

События 331 г. до н. э. по праву считаются одним из переломных моментов истории Ольвии ⁶⁷. Видимо, с ними и следует связывать разорение поселений хоры, которое стратиграфически фиксируется для рубежа второй и последней третей IV в. до н. э. ⁶⁸. Правда, наши исследования стратиграфии указанных населенных пунктов вызвали сомнение у Я. В. Доманского ⁶⁹. Между тем следы разрушений на Ольвийской хоре, по времени совпадающие с датой похода Зопириона, явственно прослеживаются и по тем памятникам, которые имеют только один, «дозопирионовский», слой без наличия такового эллинистического периода. Если допускать, что поселения IV — первой половины III в. до н. э. не были затронуты военными действиями армии Зопириона, то почему тогда два из них все-таки погибли? Вряд ли полководец Александра, решив наказать за что-то жителей двух мелких селений, оставил бы в неприкосновенности все остальные. Тем более, что, как справедливо замечают Ю. Г. Виноградов и П. О. Карышковский, «... в практике греческих полководцев при осаде вражеского города обычной и первоочередной мерой было опустошение его сельскохозяйственной территории, что давало, с одной стороны, необходимый провиант осаждающим, а с другой — лишало осажденных продовольственной базы снабжения» ⁷⁰. Таким образом, как в чисто археологическом аспекте, так и с точки зрения военного опыта того времени, представляется вполне допустимым разорение сельской округи Ольвии армией Зопириона в 331 г. до н. э.

После Зопирионовой войны подавляющее большинство поселений ольвийского окружения (кроме Козырки XII и Чертоватого VII В) было восстановлено, причем в короткий срок. Более того, в этот период появился целый ряд новых населенных пунктов на ранее необитаемых местах в пределах прежних границ хоры ⁷¹. В настоящее время археологические остатки сельских населенных пунктов Ольвийского пописа представляется возможным разделить на несколько категорий ⁷².

К первой категории относятся поселения, площадь большинства которых составляет около 4 га, а в древности, возможно, была и больше.

⁶⁴ *Diod. Sic.*, XX, 26.

⁶⁵ *Яйленко. Ук. соч.*, с. 70 сл.

⁶⁶ *Macrob.*, Saturn. I, 11, 33.

⁶⁷ *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э., I — ВДИ, 1982, № 4; II — ВДИ, 1983, № 1.

⁶⁸ *Рубан. О периодизации античных памятников...*, с. 131; *он же.* Из истории приольвийских поселений, с. 82.

⁶⁹ См. об этом: *Виноградов, Карышковский. Каллиник...*, II, с. 32, прим. 156.

⁷⁰ Там же, с. 31.

⁷¹ *Рубан. Динамика территориальных границ...*, с. 44.

⁷² *Он же.* Хора Ольвии в период эллинизма, с. 83.

Часть из них ранее считалась городищами⁷³, что не нашло себе подтверждения в процессе новых исследований. Невысокие всхолмления, прослеживаемые визуально по периметру территории этих памятников, оказались остатками расплывшихся свалок и не имеют ничего общего со стратиграфией оборонительных валов⁷⁴. Некоторые из этих всхолмлений, видимо, были зольниками-эсхарами. Прежде всего это относится к тем зольным холмам на окраинах поселений, которые среди прочих выделяются своей высотой. Тем более что на таком зольнике у поселения Кателино I, подвергающемся постоянной распашке, найдено уже немало культовых предметов: терракотовая статуэтка сидящей богини⁷⁵, каменный жертвенник⁷⁶, свинцовые изображения Ахилла на колеснице⁷⁷ и Геракла, опирающегося на палицу (находка 1982 г.).

Пока ни один памятник рассматриваемой категории не раскопан полностью, однако на основании результатов, полученных при частичных исследованиях таких поселений, как Чертоватое I, Закисова балка I, Петуховка I, Дидова Хата I, Козырка II и других, можно констатировать, что их территория была плотно застроена наземными каменно-сырцовыми зданиями с развитой планировкой, разделенными улицами⁷⁸. Стены домов преимущественно были сложены из сырца или самана на каменных цоколях, ширина стен колебалась от 0,5 до 1 м. Полы помещений зачастую углублялись в отnivelированный материк. Кровли устраивались по большей части из тростника, обмазанного глиной, черепица применялась сравнительно редко. Помещения зданий группировались по периметру внутреннего двора. Уплотненная застройка поселений свидетельствует о том, что два или больше домов могли составлять кварталы. На ряде поселений выявлены элементы благоустройства (каменные водостоки, мощеные улицы, дворы и т.п.). Особо следует отметить, что на ближайших к Ольвии поселениях выявлены слоистые основания (на Чертоватом I и Закисовой балке I), весьма характерные для эллинистического домостроительства города. Нельзя также исключить возможность существования на приольвийских поселениях богатых ордерных зданий, о чем свидетельствуют находки архитектурных деталей на поселении Чертоватое I⁷⁹. Таким образом, раннеэллинистические поселения Ольвийской хоры при всем своем сходстве имели и некоторые черты различия, заключающиеся, прежде всего, в разной степени рустификации отдельных памятников в зависимости от их удаленности от города.

К другой категории сельских населенных пунктов принадлежат отдельно стоящие усадьбы-виллы. В настоящее время таких памятников на хоре Ольвии известно около трех десятков, однако практически полностью исследован пока только один из них — усадьба № 1 в урочище Дидова Хата (рис. 3)⁸⁰. По существующей классификации древнегреческих усадеб все известные памятники такого рода относятся к разряду периметральных⁸¹, т. е. ряды помещений образуют замкнутую прямоуголь-

⁷³ Штителъман. Поселения античного периода..., с. 257.

⁷⁴ Рубан. О периодизации античных памятников, с. 132.

⁷⁵ Славин Л. М. Терракотовая статуэтка из поселения у с. Кателино.— В кн.: Терракоты Северного Причерноморья (САИ, вып. Г 1—II). М., 1970, с. 56, табл. 38, 3.

⁷⁶ Рубан, Рычка. Ук. соч., с. 363.

⁷⁷ Рубан. Литое свинцовое изображение..., рис. 1.

⁷⁸ Штителъман. Поселения біля Закисової балки, с. 131 сл.; Славин. Поселення ольвійської периферії, с. 139—149; Рудык. Ук. соч., с. 63—66; Руслева. Ук. соч., с. 206—213; Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 62 сл.; Доманский, Марченко. Ук. соч., с. 20 сл.

⁷⁹ Славин. Ук. соч., с. 142.

⁸⁰ Рубан. Открытие античных усадеб..., с. 367 сл.; он же. Комплекс памятников античного времени..., с. 32—36.

⁸¹ Наман Д. Д. Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени (V—II веков до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1979, с. 14. Из контекста реферата Д. Д. Намана вытекает, что данные об усадьбах Нижнего Побужья почерпнуты им из работ Ф. М. Штителъман и А. Вон-

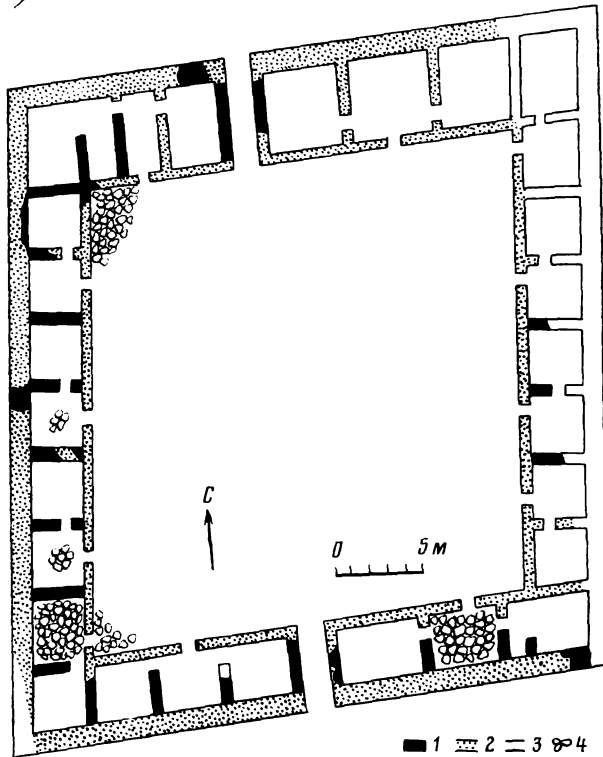
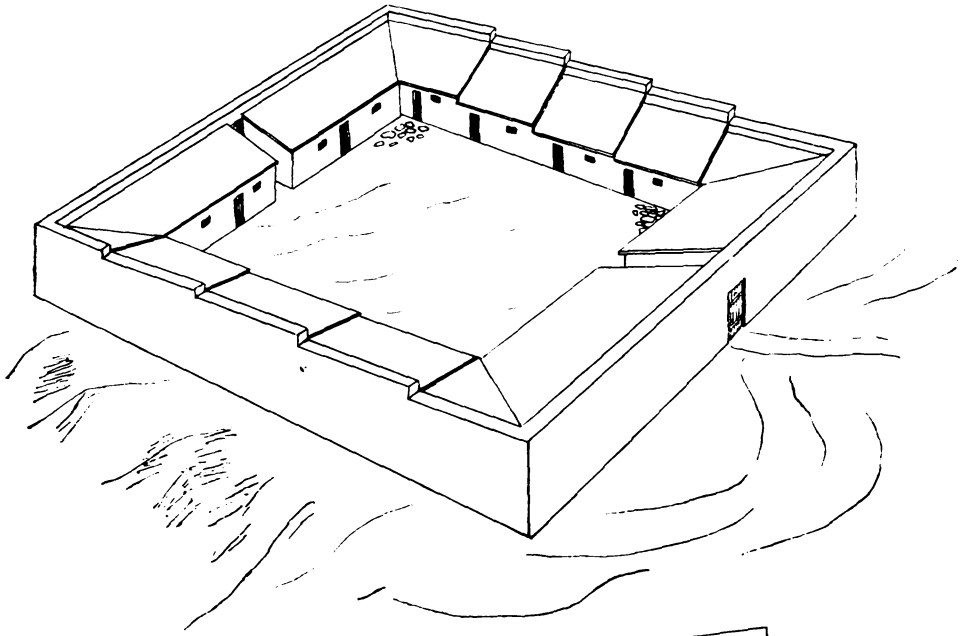

Рис. 3. Усадьба № 1 в урочище Дидова Хата: 1 — каменные кладки; 2 — выборки кладок; 3 — реконструируемые стены; 4 — каменные вымостки

ную геометрическую фигуру вокруг одного или двух внутренних дворов. Площадь помещений усадеб в среднем равняется 10 кв. м. Стены помещений возводились в основном из сырца или самана на каменном цоколе.

сович, а между тем открытие и исследование этой категории памятников никак не связаны с именами названных исследователей.

Полы помещений несколько заглублены в материк. Кровли сооружались преимущественно из тростника, обмазанного глиной. Имелись, правда, и черепичные крыши (например, усадьба Волошская коса II). Толщина внешних стен исследованных усадеб равняется 1 м, внутренних — 0,5 м. Хозяйственные помещения и дворы устилались известняковыми вымостками.

По особенностям планировки и размерам описанную категорию памятников следует разделить на три типа. К первому типу относятся прямоугольные в плане усадьбы с двумя дворами, которые по периметру замкнуты четырьмя рядами помещений, а внутри расчленены пятым рядом (рис. 2, б). К ним принадлежат усадьбы Чертоватое II № 1 и Кателино V⁸². Площадь этих строений составляет около 2000 кв. м. Второй тип включает в себя квадратные в плане здания с одним внутренним двором, их площадь несколько более 1000 кв. м. Судя по количеству отдельных парцелл из двух-трех помещений (например, в усадьбе № 1 в урочище Дидова Хата проживало 12 семей), усадьбы первого и второго типов следует считать коллективными. Наконец, целая серия небольших квадратных в плане усадеб (до 600 кв. м) составляет третий тип, видимо, предназначенных для единоличного пользования.

Как уже говорилось, внешние стены тех немногих усадеб, которые были затронуты археологическими работами, имеют толщину до 1 м. Они могли иметь либо оборонительное значение, либо несли основную тяжесть конструкций. В целом этот вопрос может быть выяснен в ходе дальнейших археологических исследований усадеб разных типов в различных частях Ольвийской хоры.

Следующая, третья категория населенных пунктов раннеэллинистической хоры Ольвии состоит из групп памятников, которые мы предлагаем назвать сельскими агломерациями. Такие агломерации включают в себя как населенные пункты одной категории, например, усадьбы у Чертоватой балки (рис. 2, в)⁸³, так и разных категорий, как, например, поселение и усадьбы в урочище Дидова Хата⁸⁴ или же поселение Козырка II и усадьбы Козырка VIII (рис. 2, г)⁸⁵. Существенным признаком указанных агломераций является то, что они связаны общим некрополем.

Кроме вышеназванных, известны другие категории памятников, которые стратиграфически пока не расчленены на указанные в этой статье этапы развития хоры. К таковым следует прежде всего отнести нередко встречающиеся пункты скопления античной керамики без наличия культурного слоя, трактуемые как сезонные пастушьи стоянки. Они находятся в основном в глубине степи, что делает такое предположение весьма вероятным. Материал из этих памятников относится практически ко всем периодам истории Ольвийской хоры, в том числе и к IV—III вв. до н. э.

Для этого же времени зарегистрированы временные рыболовецкие стоянки на берегу лимана, остатки которых представлены в виде скопления керамики и рыболовных грузил без культурного слоя. Скорее всего, они были местами починки и просушки сетей, а также первичной обработки улова. Эта категория памятников представляет собой большую редкость и встречается там, где поселения расположены не на самом побережье, а несколько удалены от него (рис. 2, д)⁸⁶.

Курганные и грунтовые некрополи располагались недалеко от поселений и агломераций и были, очевидно, связаны с последними специальными дорогами. Погребения обычно устраивались в прямоугольных ямах или подбоях, часто перекрытых большими каменными плитами или заложённых амфорами. Покойников помещали в вытянутом положении го-

⁸² Рубан. Рычка. Ук. соч., с. 362 сл.

⁸³ Там же, с. 362.

⁸⁴ Рубан. Из истории приольвийских поселений, рис. 1.

⁸⁵ Он же. О датировке поселения Козырка II, с. 79.

⁸⁶ Он же. Типы античных памятников..., с. 73.

ловой на восток (отклонения от этой нормы редки) в сопровождении различного погребального инвентаря, по своему составу аналогичного набору вещей в могилах ольвийского некрополя. Различия между грунтовыми и курганными частями некрополей хоры сводятся, в основном, к тому, что погребения в курганах обладают более разнообразными и более богатыми вещами, чем в грунтовых могилах ⁸⁷.

Как уже неоднократно указывалось, основными отраслями хозяйства населения Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. были земледелие, скотоводство и рыбный промысел ⁸⁸. При раскопках каждого памятника в значительном количестве обнаруживаются зернотерки различных типов, каменные ступы, обломки железных серпов и других сельскохозяйственных орудий. О высоком развитии скотоводства свидетельствует большая насыщенность культурного слоя поселений костями домашних животных и существование пастушьих стоянок. Рыболовство фиксируется повсеместным распространением орудий лова — грузил и крючков для сетей и крючковых снастей, челноков для вязания сетей. Судя по групповым находкам рыболовных грузил в помещениях усадьбы № 1 в урочище Дидова Хата, на сеть насаживалось около двух-трех десятков грузил. Большой интерес в этом плане представляет собой находка печи для копчения рыбы на поселении Дидова Хата I ⁸⁹, что свидетельствует о переработке продуктов промысла на месте.

Высокий уровень торговли прослеживается по большому количеству привозной керамики и других изделий — как ольвийского происхождения, так и производства иноземных государств Причерноморья и Средиземноморья. Распространение монет на поселениях и усадьбах Ольвийской хоры свидетельствует о товарно-денежном характере торговли. Судя по контексту декрета Каноба Трасидамантова о деньгах ⁹⁰, продажа продуктов сельского хозяйства и промысла за рубеж должна была проводиться через те рынки, где осуществлялся контроль за торговыми операциями, а таковые имелись не только в Ольвии, но и в других местах полиса ⁹¹, видимо на Березани, а возможно, и на сельских поселениях с относительно крупным хозяйственным потенциалом типа агломераций. Очевидно, с целью отклонения от уплаты пошлины имели место прецеденты контрабандной торговли, о чем может говорить целый ряд мер по наказанию за нарушения в денежно-торговых операциях в упомянутом декрете. Ремесла, за исключением, пожалуй, строительного, существенного значения на хоре не имели ⁹².

На поселениях и усадьбах сельской территории Ольвии обнаружено значительное количество культовых предметов. Наиболее многочисленны терракотовые статуэтки, изображающие преимущественно земледельческие божества. Обнаружены также литые свинцовые изделия — букрании и гермы, а также изображения Ахилла и Геракла. Из культовой керамики следует отметить находки фимиатериев — как местного ольвийского производства, так и импортные. В урочище Дидова Хата и у с. Кателино найдены известняковые алтари-жертвенники ⁹³.

Среди ольвийского сельского населения определенное распространение получила письменность, о чем свидетельствуют многочисленные граффити на древнегреческом языке с чертами ионийского диалекта. Особый интерес вызывают надписи, содержащие антропонимы. Таковы граффити из

⁸⁷ Более подробно погребальный обряд населения Ольвийской хоры рассмотрен нами в подготовленном к печати другом исследовании.

⁸⁸ *Штительман*. Поселения античного периода..., с. 286.

⁸⁹ Там же, с. 268.

⁹⁰ IOSPE, I², № 24.

⁹¹ *Карышковский П. О.* Древнейшая ольвийская проксения херсонесца (НО, № 3+ +12). — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975, с. 126 сл.

⁹² *Рубан*. Хора Ольвии в период эллинизма, с. 83.

⁹³ *Рубан, Рычка*. Ук. соч., с. 362.

Рис. 4. Граффити из античных памятников побережья Бугского лимана

поселения Козырка II, на которых начертаны имена Аристократа ⁹⁴ и Прасилата ⁹⁵, Аристокла из поселения Чертоватое I (рис. 4, 1), Деметрия из Сиверсова маяка (рис. 4, 4), а также граффито на внутренней стороне ножи раннеэллинистического канфара из Варваровки с именем Артема (рис. 4, 5) ⁹⁶. Имя Фанисала (представлено в gen. sing. Φανισα—λους) на плече фасосской клейменной амфоры из усадьбы № 1 в урочище Дидова

⁹⁴ Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 70, рис. 6, 3.

⁹⁵ Доманский, Марченко. Ук. соч., с. 35, рис. 12.

⁹⁶ Синицын. Поселения в с. Варварівка, с. 125; Wąsowicz. Op. cit., p. 142; Рубан. Ук. рец., с. 157.

Хата (рис. 4, 2) состоит из двух основ, первая из которых греческая ⁹⁷, вторая — принадлежит к фракийскому языковому кругу ⁹⁸. Представление о цифровой системе, употреблявшейся населением хоры Ольвии, дает остракон из Сиверсова маяка (рис. 4, 3), на котором в четыре строки процарапаны интерпунктированные числа, акрофонические цифры в которых имеют следующие обозначения $E = 100$, $\triangleright = 50$, $\Delta = 10$, $C = 5$, $I = 1$:

$$\begin{aligned} EEEE\triangleright\Delta C||| &= 469. \\ E\Delta\Delta\Delta C &= 135. \\ \triangleright\Delta\Delta\Delta C \cdot \triangleright\Delta &= 95.60. \\ E\triangleright\Delta\Delta\Delta || &= 182 \end{aligned}$$

Таким образом, на основании этих материалов и с учетом характера погребального обряда можно констатировать, что духовная жизнь населения Ольвийской хоры IV—III вв. до н. э. носила преимущественно эллинистические черты, хотя присутствие варварского этнического компонента ⁹⁹ на рассматриваемой территории мы предполагаем вполне логичным, учитывая периферийное положение Ольвийского полиса.

Необходимо заметить, что в последнее время вторая категория описанных здесь памятников раннеэллинистического периода стала рассматриваться некоторыми исследователями в качестве жилищ миксэллинов со ссылкой на коллективный принцип обитания в усадьбах ¹⁰⁰. Однако мы предпочитаем пока оставить этот вопрос до более полного археологического исследования хоры Ольвии; и вот почему. Во-первых, представление В. М. Отрешко о массовом характере распространения коллективных усадеб в Нижнем Побужье ¹⁰¹ является ошибочным и противоречит имеющимся данным. В таком аспекте, как уже указывалось, с уверенностью можно говорить лишь о трех (если предположительно, то о четырех) пунктах — Дидова Хата, усадьбы № 1 и, возможно, № 2, а также усадьбы Кателино V и Чертоватое II № 1. Поэтому самые завышенные палеодемографические цифры не могут согласоваться с известным по декрету в честь Протогена числом миксэллинов в 1500. Во-вторых, из того же декрета мы знаем, что миксэллины — население пограничных районов, а это никак не увязывается с ареалом усадеб.

Как уже говорилось выше, после отражения агрессии Зопириона на сельской территории Ольвии, наряду с расширением площади прежних поселений, возникло значительное количество новых памятников. Демографические подсчеты, хотя и в весьма приближенной форме, позволяют констатировать увеличение производительных сил не менее чем в 2—3 раза ¹⁰². Можно полагать, что на периферии появилась какая-то часть городского населения, бывшая на положении рабов и получившая свободу, а также другие группы неполноправного населения, обретшие права гражданства в результате реформ, проведенных ольвиополитами во время осады ¹⁰³. Не исключен также прилив новых поселенцев из Греции, кото-

⁹⁷ Ср.: *Ἀρχαιοφάνης, Φινίς* и т. п.

⁹⁸ *Влазов К.* Тракийски лични имена. Фонетико-морфологични проучвания (Studia Thracica). София, 1976, с. 69. Когда уже была написана эта статья, вышла в свет работа: *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 131—148. Автор ее также рассматривает указанное имя в качестве двуосновного с первым компонентом — греческим, вторым, — возможно, фракийским, отмечая при этом, что носитель имени мог быть миксэллином (с. 145, № 14). К последнему замечанию исследователь привлек внимание и в своей новейшей работе (см. *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма. — ВДИ, 1984, № 1, с. 67, прим. 48).

⁹⁹ *Марченко.* Ойкеты, с. 61—63.

¹⁰⁰ *Отрешко.* Ук. соч., с. 82; *Виноградов.* Декрет..., с. 67.

¹⁰¹ *Отрешко.* Ук. соч., с. 82.

¹⁰² *Рубан.* Хора Ольвии в период эллинизма, с. 84.

¹⁰³ *Маслов.,* I, 11. 33.

рая в это время испытывала особо острую нехватку земли ¹⁰⁴. Во всяком случае, как бы ни решался этот вопрос, рост демографического потенциала Ольвийской хоры в раннеэллинистический период весьма очевиден.

Что касается разорения большей части сельской территории Ольвии в начале третьей четверти III в. до н. э. ¹⁰⁵, то на этот счет существуют две точки зрения. Согласно одной из них, отмеченное событие связано с продвижением сарматов ¹⁰⁶, согласно другой — с нашествием галатов ¹⁰⁷. Первая версия представляется маловероятной по крайней мере по четырем причинам. Во-первых, письменная традиция о проникновении сарматов в Северное Причерноморье не содержит надежных хронологических реперов и интерпретируется по-разному ¹⁰⁸. Археологические материалы свидетельствуют о появлении отдельных сарматских элементов в культуре этого региона лишь во II в. до н. э. ¹⁰⁹. Во-вторых, двигаясь к Ольвии с востока, сарматы не избежали бы столкновения с населением нижнеднепровских городищ, существовавших в рассматриваемый период ¹¹⁰. И, наконец, разгромленными оказались именно те памятники, которые находились к западу от Бугского лимана, тогда как восточные поселения продолжали существовать и позже ¹¹¹.

Аналогичная картина прекращения жизни в это время прослеживается на поселениях и далее к западу. Судя по опубликованным материалам, подобная участь постигла поселения северного побережья Одесского залива ¹¹², обоих берегов Днестровского лимана ¹¹³ и округа Истрии в Добрудже ¹¹⁴. Таким образом, в результате археологических наблюдений создается впечатление о каком-то нашествии на античные государства Северо-Западного Причерноморья не с востока, а с запада, из Карпато-Дунайского бассейна или Балкан.

В этой связи необходимо учесть, что как раз на рассматриваемый период приходится военная активность кельтов на Балканах. Как известно, древнегреческие авторы называли галатами центральноевропейских кельтов, которые в III в. до н. э. двинулись на Балканский полуостров ¹¹⁵. Некоторые исследователи усматривали в галатах декрета в честь Протогена ¹¹⁶ именно тех кельтов, царство которых существовало на территории Фракии в 279—213 гг. до н. э. ¹¹⁷. Между тем в последнее время эта точка зрения была оставлена в работах, специально посвященных вопросу о

¹⁰⁴ О миграциях греков в это время см. *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграции греков.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 23—25.

¹⁰⁵ К. К. Марченко, однако, настаивает на конце первой трети III в. до н. э. как на дате гибели хоры (см. *Марченко. Ойкеты*, с. 62).

¹⁰⁶ *Брашинский*. Ук. рец., с. 301.

¹⁰⁷ *Рубан*. Динамика территориальных границ..., с. 45.

¹⁰⁸ *Карышковский П. О.* О времени появления сарматских племен в степях Северного Причерноморья.— В кн.: XV наукова конференція Інституту археології АН УРСР. Одеса, 1972, с. 32 сл.

¹⁰⁹ Там же, с. 32.

¹¹⁰ *Вязьмитина М. І.* Пізньоскіфські городища Нижнього Дніпра.— В кн.: Археологія Української РСР, т. II, Київ, 1971, с. 216.

¹¹¹ *Рубан*. О периодизации античных памятников..., с. 131.

¹¹² *Сымонович Э. А.* Античный памятник на Тилигульском лимане.— КСОГАМ 1962 г., Одесса, 1964, с. 145—153.

¹¹³ *Сальников А. Г.* Итоги полевых исследований у с. Пивденное.— МАСП, вып. 5, 1966, с. 176—225; *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975, с. 192—199.

¹¹⁴ Литературу см. *Simion G. Despre cultura geto-daca din nordul Dobrogei, in lumina descoperirilor de la Enisala.*— In: Peuce, v. II. Tulcea, 1971, p. 63—129.

¹¹⁵ *Венедиктов И.* Кельтского нашествия в наши дни през III в. пр. н. э.— ИП, кн. XI, 1955, с. 77.

¹¹⁶ IOSPE, I², № 32, В. 5—11.

¹¹⁷ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 86; *Славин Л. М.* Ольвия.— В кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, с. 249.

дате указанного эпитафического документа¹¹⁸. Базируясь на результатах исследований Ф. М. Штительман¹¹⁹, их авторы отмечают, что до начала II в. до н. э. не может быть и речи о таком хозяйственном упадке Ольвийской хоры, какой известен из Протогенова декрета. Однако пересмотр хронологии поселений ольвийского окружения, о котором говорилось выше, элиминирует указанный аргумент. Следовательно, вторая половина III в. до н. э. как наиболее вероятный момент появления декрета в честь Протогена вовсе не исключена, поскольку экономический кризис и почти полный упадок хоры Ольвии как раз в это время сейчас уже не вызывает сомнений¹²⁰. С другой стороны, финансовая деятельность коллегии Семи, которая вместе с архонтами внесла предложение о предоставлении почестей Протогену¹²¹, также приходится на вторую половину III в. до н. э.¹²²

Итак, есть основания реабилитировать традиционную точку зрения на галатов декрета в честь Протогена, которые в 279 г. до н. э. разгромили и разграбили Македонию, затем вторглись во Фракию и ринулись в Грецию и Малую Азию. Весьма значительные контингенты кельтских наемников пребывали на службе у разных эллинистических правителей и представляли собой грозную военную силу¹²³. Поэтому нет ничего удивительного в предположении о том, что исторические кельты (галаты), проявившие в III в. до н. э. весьма активную военную деятельность на Дунае и на Балканах, не оставили вне поля своего зрения богатые эллинские полисы Северо-Западного Причерноморья, куда они совершили один или несколько опустошительных рейдов, дотла разгромив их сельские территории.

Как уже указывалось, это событие и положило начало хозяйственному кризису Ольвии, поскольку полис потерял основную часть своей земледельческой территории, составлявшей его экономический базис¹²⁴. Именно с этого момента Ольвия вступила в полосу все углубляющегося кризиса, хорошо известного по эпитафическим источникам¹²⁵. Вскоре от обширного процветавшего государства остался незначительный городок, нуждавшийся в военно-политическом протекторате. Однако этот период истории Ольвии выходит за рамки настоящего исследования.

В итоге рассмотрения наиболее важных моментов истории Ольвийской хоры IV—III вв. до н. э. в свете новых археологических исследований представляется возможным сделать некоторые выводы, необходимые для изучения исторического развития всего государства в целом.

Пересмотр хронологии поселений и разработка периодизации истории хоры, в том числе классического и эллинистического периодов, дают возможность уточнить хронологические рамки и некоторые из причин

¹¹⁸ Книпович Т. Н. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена. — ВДИ, 1966, № 2, с. 142—149; Карышковский П. И. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена. — Археологія. ХХІ, 1968, с. 95—105.

¹¹⁹ Штительман. Поселения античного периода..., с. 272.

¹²⁰ Более подробно эти вопросы рассмотрены в статье: Рубан В. В. Кельти на Південному Бузі та Нижньому Дніпрі. — УІЖ (в печати). Судя по тому, что Ю. Г. Виноградов датирует надпись в честь Антестерия третьей четвертью III в. до н. э. и отмечает, что она на 20—30 лет старше Протогенова декрета, можно заключить, что исследователь считает временем издания последнего документа последнюю четверть III в. до н. э. (см. Vinogradov Yu. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes. — In: Actes du VIIe Congres International d'epigraphie grecque et latine. Bucuresți. — Paris, 1979, S. 311, Ann. 112).

¹²¹ IOSPE, I², № 32 А. 1—2.

¹²² Карышковский П. О. Монеты ольвийской коллегии Семи. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 109—117; Виноградов. Декрет..., с. 76 сл.

¹²³ Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 63—65.

¹²⁴ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 86 сл.

¹²⁵ Vinogradov. Griechische Epigraphik..., S. 306—316; Виноградов. Декрет..., с. 79 сл.

расцвета, кризиса и упадка Ольвийского полиса догетского времени. Типология поселений Нижнего Побужья IV—III вв. до н. э. позволяет констатировать, что в рассматриваемый период на территории Ольвийской хоры отсутствовали укрепленные городища, как это считалось ранее. Отсутствие фортификационных сооружений и системы обороны на хоре свидетельствует о мирном характере отношений Ольвии с окружающими племенами варваров. Такая ситуация давала возможность ольвиополитам беспрепятственно проводить реколонизацию региона в начале IV в. до н. э. (после падения тирании) и непосредственно эксплуатировать обширные земельные пространства и другие природные ресурсы. Судя по типологии, внутренней структуре и внешнему облику населенных пунктов этого времени, освоение хоры проводилось более или менее социально однородным, незажиточным составом поселенцев. Об этом свидетельствует, в частности, употребление землянок в качестве жилищ, что, с другой стороны, приоткрывает до сих пор неизвестную страницу в истории домостроительства хоры, в котором в начале IV в. до н. э. наблюдается возврат к архаизированным земляночным сооружениям.

По сравнению с периодом классики прослеживается значительный рост производительных сил Ольвийской хоры раннеэллинистического времени, о чем можно говорить на основании возникновения значительного количества новых памятников после отражения агрессии Зопириона и расширения площади прежних поселений. В этот период наблюдается усиление классовой дифференциации. Рост имущественного неравенства весьма рельефно выражен в устройстве и наборе инвентаря погребальных комплексов, а также в характере застройки поселений, в которых, наряду со скромными домами существовали более богатые здания на слоистых основаниях с ордерными элементами, аналогичными ольвийским. Типология сельских населенных пунктов свидетельствует о сложной социальной стратификации населения хоры, сильно контрастирующей на фоне «дозопирионовской» однородной структуры поселений. Действительно, в период эллинизма мы видим на ольвийской периферии дома зажиточных землевладельцев, поселения и усадьбы средних и мелких свободных земледельцев, коллективные усадьбы, в которых, вероятнее всего, проживали различные категории зависимого или полузависимого населения. Одним словом, хора Ольвии последней трети IV — первой половины III в. до н. э. в настоящее время предстает перед нами как археологическая структура, отражающая, естественно, соответствующий социально-экономический организм, типичный для эллинистических государств Причерноморья¹²⁶ и Средиземноморья¹²⁷. Именно на этот период приходится максимальный расцвет хоры, самым непосредственным образом способствовавший процветанию Ольвийского полиса. Начало экономического кризиса этого государства следует связывать с изменением внешнеполитической ситуации, повлекшей за собой потерю его аграрной территории.

¹²⁶ Кругликова. Сельское хозяйство Боспора; Щеглов. Северо-Западный Крым в античную эпоху.

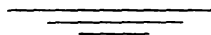
¹²⁷ Свенцицкая И. С. Земельные отношения в Западной Малой Азии эллинистического и римского периодов: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М., 1971.

SOME FEATURES OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE OLBIAN CHORA IN THE FOURTH AND THIRD CENTURIES B. C.

V. V. Ruban

The author reviews the most important turning-points in the history of the Olbian chora, basing his conclusions on a digest of excavation results over the last fifteen years. The chronology of settlements in the chora is overhauled and the following periodisation

adopted: (1) the beginning of the 4th century to 331 B. C. (from the fall of the Olbian tyranny to the siege of the city by Zopyrion); (2) 331 to 250-40 B. C. (from Zopyrion's campaign to the devastation of the *chora* by the Galatae); (3) the second half of the 3rd century (beginning of Olbia's steep decline). Olbian rural settlements extended, in the latitudinal direction, from the Bay of Odessa to the Dnieper delta, while in the northern direction they reached to the mouth of the Ingul river (fig. 1). In the first period there were undefended settlements and one homestead. In the second, undefended settlements, villa-type homesteads, and clusters of villages and homesteads (fig. 2-3), also temporary shepherds' and fishers' encampments. Land-cultivation, stock-breeding and fishing were the principal occupations in the *chora*. Trade expanded and was conducted on a money-commodity basis. Culture and religion show Ionian Greek features (fig. 4). In the first period the *chora* was settled by socially homogeneous and relatively poor colonists. In the early Hellenistic period, when the Olbian *chora* reached its highest point of development, it was, from the archeological standpoint, a model of its kind, typical of those found in the Hellenistic states along the Black Sea and eastern Mediterranean. In this period the population in the rural territory of Olbia was densely stratified, comprising well-to-do landowners, middle and small free farmers and various categories of dependent and semidependent persons.

В. К. Голенко

МОНЕТЫ РАННИХ СЕЛЕВКИДОВ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В настоящем сообщении рассмотрена часть собрания селевкидских монет Отдела нумизматики Государственного Исторического музея¹, принадлежащая чекану первых царей этой династии и охватывающая период 305—187 гг. до н.э. Относительная редкость этих монет в нашей стране² обусловила то обстоятельство, что в отечественной нумизматической литературе им уделялось мало внимания и подавляющая часть музейных собраний селевкидских монет в СССР остается неопубликованной и в ряде случаев неопределенной³. Рассматриваемый в настоящей заметке период охватывает важнейшие этапы становления и расцвета государства Селевкидов и завершается первым поражением этого крупнейшего эллинистического государства в борьбе с Римом. Основные типы монет раннеселевкидских правителей, представленные в собрании ГИМ (рис. 1), позволяют в общих чертах обрисовать эволюцию монетного дела этого государства⁴.

Значительная роль державы Селевкидов в экономических связях эллинистического мира обусловила, с одной стороны, широкий ареал хождения их монет, который распространялся на обширные территории соседних областей Азии, в частности государств Малой Азии. Монеты ранних Селевкидов встречаются также и в монетных кладах Греции, Македонии и Фракии⁵. С другой стороны, важная роль международной торговли в

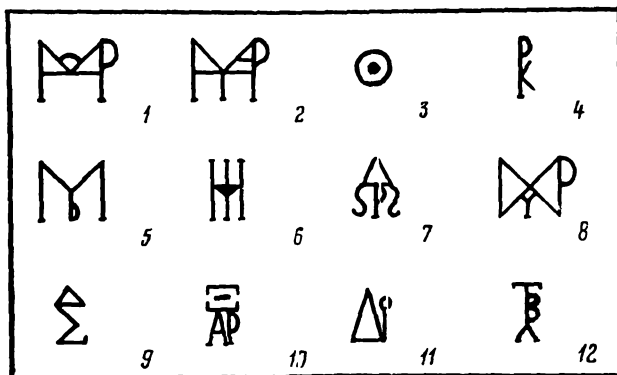
¹ Автор выражает свою искреннюю благодарность сотрудникам Отдела нумизматики ГИМ Н. А. Фроловой и А. Б. Никитину за содействие, оказанное в подготовке настоящей публикации.

² В отличие от монет более поздних селевкидских правителей, которые в большом количестве встречаются в Закавказье. На территории СССР находки монет ранних Селевкидов крайне редки, в основном в южных районах Таджикистана и Узбекистана. Еще реже эти монеты попадаются в числе монетных находок на европейской территории СССР, в Северном Причерноморье. Сюда они проникали из городов Западного Причерноморья (см. *Карышкэвский П. О.* Селевкидские монеты, поступившие в Одесский Государственный музей в 1960 г. — Краткие сообщения ОГУ и ОГМ за 1960 г. Одесса, 1961, с. 86—87; *он же.* Из истории отношений Селевкидского государства с городами Северо-Западного Причерноморья. — Палестинский сборник, вып. 9(79), 1962, с. 105 сл., 109—114). О проникновении монет ранних селевкидских правителей через область Закавказья, связанные в древности с Арменией и Мидией Атропатеной, говорить пока трудно ввиду отсутствия зарегистрированных находок этих монет. В связи с этим основным источником поступления раннеселевкидских монет в фонды музеев СССР остаются приобретения и случайные находки.

³ В настоящее время автором подготавливаются также к публикации аналогичные собрания селевкидских монет Государственного Эрмитажа и ряда других музеев.

⁴ В этой заметке автор сознательно не затрагивает сложную проблему денежного обращения и монетного дела раннеселевкидского государства, а ограничивается частными конкретно-историческими вопросами, возникающими при атрибуции рассматриваемого материала.

⁵ *Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M.* An Inventory of Greek Coin Hoards. N. Y., 1973, № 148, 159, 162, 174, 175, 177, 179, 181, 187, 448, 450, 452—455, 458—460 (имеются в виду только синхронные клады).

Монограммы (1—12)

экономике Селевкидского государства способствовала тому, что более 40 известных в настоящее время мастерских в различных областях государства осуществляли строго унифицированный чекан царской монеты.

До принятия в 305 г. Селевком I титула *басилевса* практически все функционировавшие в то время монетные дворы продолжали чекан старой, так называемого «александровского типа», монеты. Однако в ряде выпусков встречаются дополнительные элементы, которые позже будут характерны для царского чекана Селевка I. Так, например, изображение якоря на этих монетах, согласно древней традиции⁶, связывается с именем Селевка I. Наиболее часто этот мотив встречается на монетах Вавилона (так называемых «львиных статерах»), где он правил в качестве сатрапа по 305 г. (с некоторым перерывом⁷). Якорь встречается также и на монетах других центров, чеканивших под контролем Селевка I посмертные выпуски Александра Македонского. Позже это изображение будет широко распространено в монетном деле самого Селевка I⁸ (в том числе и в качестве самостоятельного изображения) и его ближайших преемников.

Монеты Селевка I Никатора (305—280 гг. до н. э.) в собрании ГИМ представлены пятью тетрадрахмами и тремя выпусками бронзы. Четыре из пяти тетрадрахм принадлежат к основному для монетного дела Селевка I типу, введенному еще Александром Македонским⁹: на лицевой стороне они несут изображение головы Геракла, украшенной шкурой льва, на оборотной — фигуры восседающего на троне Зевса. Первая тетрадрахма (табл. I, рис. 1) имеет общую пару штемпелей с экземпляром, опубликованным Э. Т. Ньюэллом¹⁰, и принадлежит чекану Селевкии на Тигре. Монограмму 1 в поле оборотной стороны Ньюэлл считает принадлежащей Селевку, который осуществлял контроль за выпуском монеты¹¹. Однако, на наш взгляд, нет убедительных оснований принимать это предположение, ибо указанная монограмма как в оригинальном виде, так и в видоиз-

⁶ *App.*, Syg. 52, 56; *Diod.*, XIX, 58.

⁷ Имеется в виду пребывание в Египте у Птолемея, к которому Селевк бежал в 315 г., спасаясь от преследования Антигона.

⁸ *Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III.* NS, 1. N. Y., 1938 (далее ESM), № 8, 42, 294—296 (Селевкия на Тигре); 261—282 (Вавилон); 283, 290, 292—293, 322—323 (Сузы); 463—480, 484—507 (Экбатаны) и т. д.; *idem. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III.* NS, 4. N. Y., 1941 (далее — WSM), № 789—795 (Карры), 911 (Антиохия на Оронте), чекан Марафа (см. ниже) и т. д. Помимо отдельных случаев, якорь обязательно присутствует на «триумфальных» выпусках монет типа «Афина — крылатая Ника» и некоторых других.

⁹ *Head B. V. Historia Numorum. L.*, 1963, p. 224 ff.

¹⁰ ГИМ, инв. № 2415. Табл. I, рис. 1. Ср. *Newell. ESM*, № 4, A₁₀—P₃₄. (Афины).

¹¹ *Ibid.*, p. 17 f.

Таблица I. Монеты ранних Селевкидов

Рис. 2. Фрагмент паптикапейского декрета 1976 г. с Ново-Эспланадного раскопа

менной форме широко употреблялась в монетном деле преемников Селевка I. Мнение П. Гарднера о том, что буквы ΔI, помещенные под треном, указывают дату чекана, Ньюэлл справедливо отвергает, считая их инициалами магистрата¹². Вторая тетрадрахма имеет общую пару штемпелей с тетрадрахмой, также опубликованной Э. Т. Ньюэллом¹³. Третья тетрадрахма также принадлежит чекану Селевкии¹⁴. Единственным ее отличием от экземпляров рассматриваемой серии является то, что дифферент ΔI под треном в поле оборотной стороны заметно смещен к правой ножке трона. Все три тетрадрахмы принадлежат к единой хронологической серии и выделены по своим стилистическим признакам в одну группу. Тем не менее некоторые различия в трактовке черт лица Геракла, львиной шкуры, покрывающей его голову, деталей одежды и трона на известных в настоящее время экземплярах этой обширной серии чекана Селевкии говорят о массовости этого выпуска и о том, что над штемпелями этих монет, выпущенных с целью как можно быстрее пополнить денежный рынок новой монетой, работало одновременно несколько высококвалифицированных резчиков. В настоящее время эта серия датируется 292—281 гг. Н. М. Ваггонер, передатировавшая некоторые серии чекана Селевкии на Тигре¹⁵, признает, что вопрос об окончательной хронологии раннего чекана Селевкии на Тигре остается нерешенным. Введение новых типов серебряной монеты, отличающихся от традиционных александровских, как правило, приурочивалось лишь к важнейшим политическим успехам Селевка I¹⁶, что и обусловило некоторый стилистический «консерватизм» его монетного дела.

Помимо выпусков серебряной монеты александровского типа широкое распространение получили тетрадрахмы и фракции серебра так называемого «триумфального» типа. Одна тетрадрахма этого типа хранится в собрании ГИМ¹⁷: увенчанная лавровым венком голова Зевса вправо помещена в поле лицевой стороны, на оборотной — фигура Афины на колеснице, запряженной квадригой слонов. В руке Афины — щит, перед ним — якорь. Введение этого типа серебряных тетрадрахм приурочивается исследователями к двум историческим событиям: победе при Ипсе¹⁸ и успехам Селевка в Индии около 305 г. Н. М. Ваггонер придерживается последней версии, доводя верхнюю дату чекана монет этого типа до 305 г., и видит в этом сюжете указание на политические успехи Селевка на Востоке и на приобретение 500 боевых слонов у Чандрагупты¹⁹. На наш взгляд, мнение Э. Т. Ньюэлла, который придерживается первой даты, наиболее убедительно. В пользу его гипотезы говорят следующие факты. Тип изображения «Зевс, увенчанный лавровым венком» (Зевс, дарующий победу) заимствован из монетного дела Филиппа II и Александра²⁰. Птолемей в период около 305 г. вводит чекан знаменитых статеров, несущих на оборотной стороне изображение Александра на колеснице, запряженной квадригой слонов²¹. Селевк I мог позволить себе противопоставить свой гений гению Александра (как отметил Э. Т. Ньюэлл) при выборе изображения оборотной стороны (на монетах этого типа всегда присутствует селевкидский якорь, расположенный, как правило, перед фигурой воительницы Афины, изображение которой в противовес статерам Птоле-

¹² Ibid., p. 18.

¹³ ГИМ, инв. № 2416. Табл. I, рис. 2. Ср. *Newell. ESM*, № 4, A₁₁ — P₂₄. (Британский музей).

¹⁴ ГИМ, инв. № 2417. Табл. I, рис. 3.

¹⁵ *Waggoner N. M. The Early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris. — ANSMN*, 15, 1969, p. 21—30.

¹⁶ *Headly R. A. Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus. — JHS*, XCIV, 1974, p. 50—65.

¹⁷ ГИМ, инв. № 2418. Табл. I, рис. 4.

¹⁸ *Newell. ESM*, p. 38 f.

¹⁹ *Waggoner. Op. cit.*, p. 30.

²⁰ *Head. Op. cit.*, p. 223, fig. 136.

²¹ Ibid., p. 849.

мея I сменяет изображение Александра), несомненно, только после событий при Ипсе.

Именно битва при Ипсе в 301 г. не только оформила границы державы Селевка, но и способствовала значительному укреплению его престижа как самостоятельного правителя. В успешных действиях Селевка I и его союзников решающую роль сыграли боевые слоны первого (Деметрий Полиоркет даже назвал Селевка элэфаниархом). Что касается серебряных монет этого «триумфального» типа, то их чекан продолжался вплоть до смерти Селевка I. Обязательное изображение якоря на этом типе монет, которые выпускались большинством монетных дворов, говорит об «официальном» происхождении этого сюжета. Упомянутая выше тетрадрахма из собрания ГИМ чеканена в мастерской Селевкии на Тигре в 301—281 гг.²² Опубликованная Ньюэллом под номером 121 монета полностью идентична нашей²³.

Первый тип бронзовой монеты Селевка I в собрании ГИМ представлен тетрахалком, чеканенным в мастерской Селевкии на Тигре²⁴. Лицевая сторона монеты несет изображение головы коня вправо, украшенной рогом. На оборотной помещено изображение перевернутого якоря, по обеим сторонам веретена которого расположена стандартная легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ. В правом поле монограмма 4. Ньюэллу было известно семь экземпляров этого типа²⁵. Штемпели ни лицевой, ни оборотной сторон нашего тетрахалка не совпадают с экземплярами, опубликованными Ньюэллом. Датировка этого выпуска основывается им на сопоставлении монограммы магистрата с его же выпусками статеров и тетрадрахм 296—295 гг.²⁶ Следуя за Э. Бабелом²⁷, Ньюэлл связывает появление головы коня в качестве монетного типа с легендой, согласно которой конь Селевка I спас его, когда он в бою был потеснен сторонниками Антигона; позже Селевк воздвиг коню памятник²⁸ (на наш взгляд, это предположение является более убедительным, нежели весьма распространенное отождествление изображения коня с легендарным Буцефалом). Этот мотив позднее будет широко использован на выпусках как меди, так и серебра большинства селевкидских правителей.

Следующие две бронзовые монеты достоинством в два халка чеканены в Антиохии на Оронте в 286—281 гг.²⁹ На лицевой стороне этих дихалков помещено изображение головы Медузы Горгоны в крылатом шлеме, вправо. На оборотной — нападающий бык вправо. В экзерге дифферент E. Появление сюжета «Медуза Горгона» в медных выпусках Антиохии связано, по мнению Ньюэлла, с преданием о существовании алтаря, воздвигнутого Персеем в честь своего отца Зевса после возвращения с Кипра³⁰. Появление быка в качестве сюжета для типа оборотной стороны связано с преданием, упомянутым Аппианом³¹: Селевк в присутствии Александра голыми руками усмирил дикого быка, предназначенного для жертвоприношения. Легенда должна была символизировать силу царя. Самое позднее использование этого сюжета зафиксировано в чекане Селевка II³².

Последняя тетрадрахма Селевка I из собрания ГИМ принадлежит к «александровскому» типу и чеканена в мастерской Марафа; она имеет об-

²² Датировка по Э. Т. Ньюэллу — 282—281 гг. (для настоящей серии), по Н. М. Ваггонер — 305—281 гг.

²³ *Newell. ESM*, № 121, pl. XII, 6.

²⁴ ГИМ, инв. № 454338. Табл. I, рис. 5. Ср. *Newell. ESM*, № 45.

²⁵ Из собраний: Национальной библиотеки в Париже, Берлина, Эрмитажа, Британского музея, Вены; из раскопок Селевкии на Тигре и коллекции Э. Т. Ньюэлла.

²⁶ Датировка Э. Т. Ньюэлла (*ESM*, p. 42 f.).

²⁷ *Ibid.*, p. 43.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ ГИМ, инв. № 454332; 454333. Табл. I, рис. 7, 8. Ср. *Newell. ESM*, p. 99 f.

³⁰ *Ibid.*, p. 100.

³¹ *App.*, *Syr.* 57.

³² *Newell. ESM*, № 205—207; *idem. WSM*, № 1156—1161.

щую пару штемпелей с экземпляром, опубликованным Ньюэллом³³. Монограмма 5 отождествляется с названием города. Затертое на штемпеле изображение якоря связывается с именем Селевка. С. Н. Своронос предположил, что Селевк, в 315—312 гг. командуя флотом Птолея, мог чеканить в Марафе монету по александровскому образцу с именем Александра — для оплаты на месте наемного войска³⁴. К этому мнению осторожно присоединился и Э. Т. Ньюэлл, высказав, однако, и предположение, что на выпусках Марафа времени царствования Селевка якорь являлся тамгой какого-либо должностного лица или просто эмблемой. Эту мысль он объясняет тем, что, несмотря на наличие посмертного александровского чекана Арада-Марафа с изображением якоря, в монетном деле Селевка он появляется не ранее 312—304 гг.³⁵ Более того, неизвестно, какая роль в рассматриваемых событиях принадлежит Марафу и Араду, ибо в источниках нет никаких сведений. И сам Ньюэлл признает излишнюю осторожность своего суждения, отмечая широкое использование этого мотива в раннеселевкидском чекане городов, порой не связанных с морским делом. Что касается чекана Марафа при недолгом правлении в этом центре Селевка I, то Ньюэлл не отказывается от мысли о связи с Селевком изображаемого на монетах города якоря. Причиной же, вызвавшей поспешную ликвидацию изображения якоря на штемпелях рассматриваемой группы тетрадрахм, могли, вероятно, явиться нестабильность положения Селевкидов в этом регионе и то обстоятельство, что эта царская эмблема на монетах Марафа могла ассоциироваться с неселевкидским чеканом этого центра или, возможно, с чеканом самого Селевка в его бытность только командиром египетского флота. Стилистические особенности этой группы тетрадрахм, а также ошибка резчика в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ — вместо *эпсилона* вырезана *сигма* — дают возможность допустить, что к выпуску этой кратковременной серии (301—300 гг.) могли быть привлечены местные резчики.

Антиох I Сотер, имя которого (в качестве соправителя) появляется на монетах вместе с именем его отца Селевка I в период около 293 г., первым из Селевкидов начинает помещать на монетах собственный портрет, отличающийся большим реализмом. Основным типом введенной им серебряной монеты был тип «Голова царя, увенчанная лаврами, — Аполлон, восседающий на омфале», который чеканился в большинстве мастерских государства и при его преемниках.

В собрании ГИМ находится тетрадрахма этого типа, чеканенная в Селевкии на Тигре около 265—264 гг.³⁶ Монограммы: 6 и 7. Монеты этой группы в некоторых своих элементах перекликаются с чеканом 267—265 и 270—267 гг.³⁷ Монограмма 7 встречается в видоизмененной форме в чекане 263—261 гг.³⁸ Появление изображения Аполлона и его атрибутов в монетном деле Селевкидов не было случайным явлением. По преданию, оракул Аполлона Дидимейского предсказал Селевку царствование в Азии³⁹. Сам Антиох I за победу над галатами был обожествлен под именем Аполлона Сотера. Культ Аполлона придавался официальный характер, и селевкидские правители уделяли ему значительное внимание⁴⁰.

Чекан Антиоха II представлен двумя тетрадрахмами типа «Аполлон на омфале» и одним халком. Первая тетрадрахма чеканена в Селевкии на

³³ ГИМ, инв. № 2414. Табл. I, рис. 6. Ср. *Newell. WSM*, № 1244, pl. XLIV, 5.

³⁴ *Svoronos S. N. Ta νομίσματα τοῦ κράτους Πτολεμαίων. V. I.* — Athens, 1904, p. 100 f.

³⁵ *Newell. WSM*, p. 192 f. Хотя в настоящее время у нас не так уже и много примеров монетной практики сатрапа Селевка более раннего времени.

³⁶ ГИМ, инв. № 2423. Табл. I, рис. 9. Ср. *Newell. ESM*, № 162.

³⁷ *Ibid.*, p. 67.

³⁸ *Ibid.*, p. 67 f.

³⁹ *App.*, Syr. 56.

⁴⁰ *Welles C. B. Royal Correspondence in Hellenistic Period.* New Haven, 1934, № 15, 18; *Tarn B. Эллинистическая цивилизация.* М., 1949, с. 105.

Тигре около 255—246 гг.⁴¹ На лицевой стороне она несет изображение головы Антиоха I. Монограмма чиновника 9, помещенная на оборотной стороне, позже встречается на монетах Селевка II того же центра. Монограмма 8 помещается на выпусках не только Антиоха II, но и на монетах Селевка II, Селевка III, Антиоха III чекана Селевкийи и других центров⁴². Она зафиксирована также и на выпусках Антиоха Гиеракса⁴³. К сожалению, вопрос о значении монограмм на эллинистических монетах до сих пор остается открытым. Однородное написание монограммы на разновременных монетах, чеканенных в различных мастерских государства, позволяет усомниться в том, что она служила сокращением имени чиновника, но была, возможно, аббревиатурой какого-то общепринятого юридического термина.

Вторая тетрадрахма уже несет на своей лицевой стороне портретное изображение самого Антиоха II. Она чеканена в Апаmee около 252—246 гг.⁴⁴ парой штемпелей общей с экземпляром, опубликованным Ньюэллом⁴⁵. Как известно, Апамея была важнейшим местом расположения селевкидской армии и ее боевых слонов. Это позволило Ньюэллу предположить, что факт находок тетрадрахм Апамеи (среди которых были экземпляры и нашего типа) в составе кладов из Сард⁴⁶, возможно, говорит о частичном перемещении войск из Апамеи в Сарды⁴⁷ для организации военных действий против Птолема II в западных районах Малой Азии.

Бронзовые выпуски Антиоха II в собрании ГИМ представлены халком, чеканенным в столице малоазийских владений Селевкидов — Сардах — около 261—246 гг.⁴⁸ На лицевой стороне помещено изображение головы Аполлона, увенчанной лаврами, вправо, на оборотной — треножник. К сожалению, ни селевкидский якорь в экзерге оборотной стороны, принятый для монет этого типа, ни монограмма не сохранились. Однако стилистические данные этого экземпляра позволяют отнести его к чекану Сард. Этот тип бронзовой монеты был введен Селевком I и широко употреблялся в монетном деле его преемников.

Сразу же после смерти Антиоха II и вступления на престол Селевка II последний оказался втянутым в так называемую «войну Лаодики», которая привела к кратковременной оккупации птолемеевскими войсками Сирии и ряда областей государства⁴⁹. Неудачно закончилась и попытка Селевка II подчинить отпавшие Парфию и Бактрию. Более того, его брат Антиох Гиеракс начинает самостоятельно править в малоазийских сатрапиях. Тем не менее монетное дело Селевка II было более разнообразным, чем у его отца. Сразу же после вступления на престол он вводит новый тип тетрадрахм и их фракций, которые чеканят практически все⁵⁰ находящиеся в его распоряжении мастерские. Лицевая сторона этих монет обычно несет мастерски выполненный портрет Селевка II. На оборотной стороне расположено изящное изображение стоящего Аполлона, который опирается левой рукой на треножник, а в правой держит стрелу. Неоднократно высказывалось предположение, что в основу изображения

⁴¹ ГИМ, инв. № 2422. Табл. I, рис. 11. Ср. *Newell. ESM*, № 191.

⁴² Селевк I, Селевк II и Антиох III — в Селевкии на Тигре; *Newell. ESM*, № 200—203, 204—209, 215, 220; Антиох I и Антиох II в Лаодикее Приморской: *Newell. WSM*, № 516, 542; Антиох III — в Лаодикее Приморской: *ibid.*, № 1232 и др.

⁴³ *Newell. WSM*, № 1568, 1575.

⁴⁴ ГИМ, инв. № 2421. Табл. I, рис. 12. Ср. *Newell. WSM*, p. 162.

⁴⁵ *Ibid.*, № 1142.

⁴⁶ *IGCH*, № 1299, 1300.

⁴⁷ *Newell. WSM*, p. 162.

⁴⁸ ГИМ, инв. № 454334. Табл. I, рис. 13. Ср. *Newell. WSM*, № 1369 или 1409.

⁴⁹ Подробно об этих событиях см. *Will E. Histoire politique du monde hellénistique*. T. I. Nancy, 1966.

⁵⁰ За исключением Лаодикее Приморской, продолжавшей чекан монеты так называемого «александровского» типа, а также Суз.

Аполлона на монетах Селевка II положено какое-то статуарное произведение, возможно работы Праксителя. Сюжет Аполлона с луком был довольно распространен в эллинистическом искусстве⁵¹. Тетрадрахма этого типа из собрания ГИМ принадлежит к чекану Селевкии на Тигре 244—240 гг.⁵², который начался сразу же вскоре после возвращения Селевка II в Месопотамию и стабилизации обстановки после завершения так называемой «войны Лаодики». Монограммы 8 и 9, как отмечалось выше, помещались и на заключительных выпусках Антиоха II в этом же центре.

В заключение упомянем о двух драмах, чеканенных в Экбатанах в 223—187 гг., и одном халке Антиоха III Великого. Первая драхма⁵³ по манере исполнения сходна с драхмой, опубликованной А. Хугтоном и Г. Ле Ридером⁵⁴. В отличие от большинства монет этого типа, чеканенных в Экбатанах, она несет единственную монограмму 10. Вторая драхма сохранилась несколько хуже⁵⁵. Восстановить дополнительные элементы в поле оборотной стороны возможно лишь предположительно. Тем не менее все стилистические данные этого экземпляра говорят о том, что он также чеканен в Экбатанах.

Халк чекана Экбатан выпущен около 209—205 гг.⁵⁶ На лицевой стороне помещен портрет Антиоха III, увенчанного царской диадемой. На оборотной — крылатая Ника с пальмовой ветвью и венком. Изображение дополняют эмблема Экбатан — голова коня и монограмма 11. Иных монограмм в поле оборотной стороны не сохранилось. Появление этого «триумфального» типа объясняется успешными действиями Антиоха III в Парфии и Бактрии в 209—207 гг.⁵⁷

Одним из последствий политики Антиоха III на Востоке явилось оживление экономических связей с восточными областями государства, а также увеличение чекана ряда центров, что хорошо иллюстрируют материалы монетных кладов⁵⁸. Однако обширный чекан в этих городах медной монеты, преобладающей над серебряной, говорит и о том, что основные средства на проведение восточной кампании Антиоха III черпались им из местных источников.

В заключение отметим необычный халк⁵⁹, аналогии которому, к сожалению, найти не удалось (табл. I, рис. 17). На лицевой стороне помещено изображение головы Антиоха I (?), увенчанного царской диадемой, влево, на оборотной — фигура нападающего быка, вправо. К сожалению, ни легенда, ни иные дополнительные элементы в поле оборотной стороны, кроме изображения палицы над фигурой быка, не сохранились. Однако последняя не может быть критерием при атрибуции настоящего экземпляра, ибо изображение палицы довольно часто встречается в чекане ряда мастеров государства. Сюжет оборотной стороны, заимствованный из чекана Селевка I, наиболее часто встречается на эмиссиях Антиоха I, выпущенных в Антиохии на Оронте. Крайне редок и мотив головы царя, повернутой влево, однако также встреченный в чекане Антиоха I в той же Антиохии на Оронте.

⁵¹ Reinach S. Repertoire de la statuaire greque et romaine. V. I. P., 1897, p. 240, fig. 476, a, b; p. 241, fig. 476 c; p. 242, fig. 477; p. 247, fig. 484.

⁵² ГИМ, инв. № 2419. Табл. I, рис. 14. Cp. Newell. ESM, № 201, p. 76—77.

⁵³ ГИМ, инв. № 2425. Табл. I, рис. 15.

⁵⁴ Houghton A. A., Le Rider G. Tresor trouvé pres de Suse. — RN, VIII, 1967, p. 112 suiv., pl. V, 4.

⁵⁵ ГИМ, инв. № 2424. Табл. I, рис. 16.

⁵⁶ ГИМ, инв. № 454335. Табл. I, рис. 17. Cp. Newell. ESM, № 6137

⁵⁷ Idem. WSM, p. 401; idem. ESM, p. 216.

⁵⁸ IGCH, № 1768; Jenkins G. K. A Hellenistic Hoard from Mesopotamia. — ANSMN, 13, 1967, p. 52—55, pl. XIX; IGCH, № 1318, 1405, 1410, 1413, 1414, 1767.

⁵⁹ ГИМ, инв. № 454331. Табл. I, рис. 10.

СПИСОК МОНЕТ

I. Селевк I Никатор (305—281 гг.)

1. Инв. № 2415:
 - л. с. Голова Геракла, украшенная львиной шкурой, вправо; в круге, из точек.
 - о. с.: Зевс, восседающий на троне, влево. Фигура бога полуобнажена, левая рука опирается на скипетр, в правой — орел. Перед коленями Зевса в левом поле монограмма 1; между ножками трона в центральном поле — ΔΙ. Легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (по схеме → 1 ↓ 2). В круге из точек.
 Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 292—281 гг. до н. э. * (305—304 гг. **) ¹, вес — 17,16 г, ось — 2. Общая пара штемпелей: Newell. ESM, № 4, A₁₀ — P₂₄. Табл. I, рис. 1.
2. Инв. № 2416:
 - л. с.: то же, пробита керном.
 - о. с.: то же, монограммы 1 и ΔΙ.
 Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 292—281 гг. * (305—304 гг. **). Вес — 17,09 г, ось — 7. Общая пара штемпелей: Newell. ESM, № 4, A₁₁ — P₂₇.
3. Инв. № 2417:
 - л. с.: то же.
 - о. с.: то же, монограмма 1 и ΔΙ.
 Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 292—281 гг. * (305—304 гг. **). Вес — 16,64 г, ось — 8. Newell. ESM, № 4. Табл. I, рис. 3.
4. Инв. № 2418:
 - л. с.: Голова Зевса, увенчанного лавровым венком, вправо; в круге из точек.
 - о. с.: Афина на колеснице, запряженной квадригой слонов, вправо. В левой руке Афины щит, в правой поднятой — дротик; в круге из точек. Над щитом Афины в центральном поле селевкидский якорь, под щитом — монограмма 2. В экзерге — 3. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (↑₁ → 2).
 Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 282—281 гг. Вес — 15,39 г, ось — 2. (Опубликована Э. Т. Ньюэллом(?) — ESM, № 121.) Табл. I, рис. 4.
5. Инв. № 454 338:
 - л. с.: Вскинутая голова коня, украшенная рогами, вправо; в круге из точек.
 - о. с.: Перевернутый селевкидский якорь; в круге из точек. По обеим сторонам веретена якоря легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (↑¹ ↑²). В правом поле монограмма 4.
 Тетрадрахма. Селевкия на Тигре, 296—295 гг. ** (305—281 гг. *). Вес — 15,83 г, ось — 8. Newell. ESM, № 45. Табл. I, рис. 5.
6. Инв. № 2414: тип см. № 1—3 настоящего списка.
 - о. с.: перед коленями Зевса монограмма 5 и затертое изображение якоря. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (→₁ ↓₂).
 Тетрадрахма. Мараф. Около 301—300 гг. Вес — 17,00 г, ось — 3. Newell. WSM, № 1244. Табл. I, рис. 6.
7. Инв. № 454 332:
 - л. с.: Голова окрыленной Горгоны Медузы, вправо; в круге из точек.
 - о. с.: Нападающий бык, вправо; в круге из точек. В верхнем и нижнем полях легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (↔₂¹). (2 — в экзерге). В экзерге — Ε.

¹ Далее одной звездочкой обозначена датировка Н. М. Ваггонер, двумя — Э. Т. Ньюэлла.

Дихалк. Антиохия на Оронте. 286—281 гг. Вес — 5,42 г, ось — 12.

Newell. WSM, № 925. Табл. I, рис. 7.

8. Инв. № 454 333:

л. с.: то же.

о. с.: то же.

Дихалк. Антиохия на Оронте. 286—281 гг. Вес — 6,75 г, ось.— 7.

Newell. WSM, № 925. Табл. I, рис. 8.

II. Антиох I Сотер (281—261 гг.)

9. Инв. № 2423:

л. с.: Голова Антиоха I, увенчанная царской диадемой, вправо; в круге из точек.

о. с.: Полуобнаженная фигура Аполлона, восседающего на омфале, влево; левая рука опирается на лук, в правой, полувытянутой — стрела; в круге из точек. В левом поле монограмма б, в правом — 7. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY (↓₂ ↓₁).

Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 265—264 гг. Вес — 16,86 г, ось — 6. Newell. ESM, № 162. Табл. I, рис. 9.

10. Инв. № 454 331:

л. с.: Голова Антиоха I, увенчанная царской диадемой, влево (!); в круге из точек.

о. с.: Нападающий бык, вправо, в круге из точек. В верхнем поле палица. Легенда и дополнительные элементы не сохранились.

Халк. Антиохия на Оронте? 280—261 гг.? Вес — 3,41 г, ось — 12. Табл. I, рис. 10.

III. Антиох II Теос (261—246 гг.)

11. Инв. № 2422:

л. с.: Голова Антиоха I, увенчанная царской диадемой, вправо; концы диадемы слегка развеваются; в круге из точек.

о. с.: Аполлон на омфале; в круге из точек. В левом поле монограмма 8, в правом — 9. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY (↓₂ ↓₁).

Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 255—246 гг. Вес — 16,87 г, ось — 10. Newell. ESM, № 191. Табл. I, рис. 11.

12. Инв. № 2421:

л. с.: Голова юного Антиоха II, увенчанная царской диадемой, вправо, один конец диадемы слегка развевается; в круге из точек.

о. с. Аполлон на омфале; в круге из точек. В правом поле — Ф. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY (↓₂ ↓₁).

Тетрадрахма. Апамея. 252—246 гг. Вес — 17,02 г, ось 12. Общая пара штемпелей: Newell. WSM, № 1142. Табл. I, рис. 12.

13. Инв. № 454 334:

л. с.: Голова Аполлона, увенчанная лавровым венком, вправо; в круге из точек.

о. с.: Треножник, по обеим сторонам легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY (↓₂ ↓₁); в круге из точек. Дополнительные элементы не сохранились или отсутствовали.

Халк. Сарды. 261—246 гг. Вес — 5,77 г, ось — 12. Newell. WSM, № 1369 или 1409. Табл. I, рис. 13.

IV. Селевк II Каллиник (246—225 гг.)

14. Инв. № 2419:

л. с.: Голова Селевка II, увенчанная царской диадемой, вправо, концы диадемы свисают; в круге из точек.

о. с.: Фигура обнаженного Аполлона, стоящего у треножника, влево.левой рукой он опирается о треножник, в правой полувытянутой — стрела. В круге из точек. В левой части центрального поля перед фигурой Аполлона монограмма 8, в правом поле — 9. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (↓₂ ↓₁).

Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 244—240 гг. Вес — 16,92 г, ось — 7. Newell. ESM, № 201. Табл. I, рис. 14.

V. Антиох III Великий (223—187 гг.)

15. Инв. № 2425:

л. с.: Голова Антиоха III, увенчанная царской диадемой, вправо, один конец диадемы развеивается, другой — свисает через шею; в круге из точек.

о. с.: Аполлон на омфале; в круге из точек. В левом поле перед головой Аполлона монограмма 10. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (↓₂ ↓₁).

Драхма. Экбатаны. 223—187 гг. Вес — 3,93 г, ось — 12. Houghton, *Le Rider*.— RN, VIII, 1966, № 4, p. 112 suiv. Табл. I, рис. 15.

16. Инв. № 2424:

л. с. то же.

о. с. то же.

Драхма. Экбатаны. 223—187 гг. Вес — 3,99 г, ось — 12. Табл. I, рис. 16.

17. Инв. № 454 335:

л. с.: Голова Антиоха III, увенчанная царской диадемой, вправо, концы диадемы развеиваются; в круге из точек.

о. с.: Задрапированная фигура Ники, $\frac{3}{4}$ влево; в правой руке Ники пальмовая ветвь и венок; в круге из точек. В левой части центрального поля перед фигурой богини монограмма 11, у ног — голова коня; в правом поле — [12]. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (↓₂ ↓₁).

Халк. Экбатаны. 209—205 гг. Вес — 2,41 г, ось — 3. Newell. *ESM*, № 613. Табл. I, рис. 17.

COINS OF THE EARLY SELEUCIDS IN THE MOSCOW
HISTORICAL MUSEUM

V. K. *Golenko*

The author publishes coins minted in the period from the reign of Seleucus I Nikator to the reign of Antiochus III The Great and now kept in the numismatics department of the Historical Museum. He briefly discusses the circumstances which gave rise to the types of the coins under review and cites generally accepted modern dating of these series.

Ф. В. Шелов-Коведяев

НОВЫЕ БОСПОРСКИЕ ДЕКРЕТЫ¹

I

В августе 1976 г. в Керчи, на горе Митридат, во время раскопок, проводившихся Боспорской археологической экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством И. Д. Марченко, на Центральном раскопе был найден небольшой фрагмент плиты проконнесского мрамора с надписью. Тогда же автор этих строк составил его подробное описание, дополнив его рисунком, но, к сожалению, в полевых условиях не удалось сделать ни прорисовки, ни эстампажа надписи, а вскоре она была, по всей видимости, утеряна. Обнаружить ее по сию пору не удалось, так что вся наличная документация исчерпывается той, что была составлена на месте находки. Между тем несомненная важность названного фрагмента для боспорской эпиграфики побуждает приступить к публикации даже с этими недостаточными исходными данными.

Найденный мрамор представлял собой небольшой, неправильной формы фрагмент плиты, обломанной со всех краев, кроме левого (см. рис. 1). Лицевая поверхность тщательно заглажена, боковая аккуратно обтесана тонким инструментом, а тыльная обработана суммарно: следовательно, перед нами обломок плиты, которая должна была быть вделанной в стену, а не стелы, предназначавшейся для постановки на специальном основании для кругового обзора. Высота фрагмента по левому краю 0,143 м, ширина (максимальная, между второй и третьей строками) 0,074 м, толщина 0,065 м.

На его лицевой поверхности, поврежденной во многих местах сколами (см. рис. 1), сохранились обрывки пяти строк надписи, в которых полностью или частично читаются в общей сложности 12 букв: стк. 1 — ХР; стк. 2 — ΓΟΝΟΙ; стк. 3 — ΤΟΥ; стк. 4 — Π; стк. 5 — Σ. Ширина левого поля надписи 0,009 — 0,01 м. Строки вырезаны тщательно, ровно, без линеек. Расстояние между ними 0,013 м. Буквы аккуратные, ровно, тщательно и глубоко врезанные в камень (рис. 2, см. вкл. стр. 49).

Буквы, расположенные во 2-й и 3-й строках надписи, в сочетании с надежными боспорскими аналогиями² позволяют уже с самого начала определить, что она относится к немногочисленной пока на Боспоре категории декретов. Это последнее обстоятельство и заставляет приступить к

¹ Приношу самую искреннюю благодарность В. П. Толстикову за любезно предоставленное право публикации этих памятников.

² См. IOSPE, II, 1 = КВН, 1. 6—7: αὐτοῖς καὶ θεράπουσιν τοῖς τοῦτων; сткк. 3—4 анапского декрета (КВН, Add., 4) в новом восстановлении (Виноградов Ю. Г. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. — В кн.: Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. Тезисы докладов конференции. М., 1978, с. 22—25) читаются следующим образом: αὐ[τοῖς καὶ ἐκγόνους πᾶ]σιν τοῖς τοῦτων[ων].

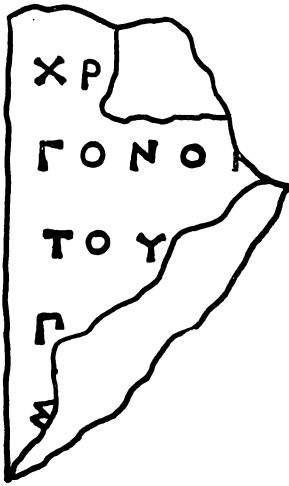

Рис. 1. Фрагмент пантикапейского декрета 1976 г. с Центрального раскопа

публикации фрагмента, пусть и без исчерпывающей документации³.

Когда мы ознакомились с надписью, у нас сложилось впечатление, что ее письмо выдержано в манере стойхедон. Ныне, когда в нашем распоряжении только воспоминание об аутописии и рисунок, который неизбежно страдает некоторыми погрешностями, мы не стали бы определять стиль письма в столь категоричной форме. К этому надо добавить и то соображение, что во многих документах, создание которых относится к периоду распада системы стойхедон (так называемый псевдостойхедон), соблюдается рядность букв в начале строк; поэтому делать далеко идущие выводы на основании двух-трех букв, сохранившихся в начале строки, было бы неосторожно. Вместе с тем есть серьезные основания, позволяющие считать, что наша надпись выполнена в близкой стойхедону и формально и хронологически манере письма. Линии у *tau*, *pi*, *ny*, *psi-lona*, *xi* немного расширяются к концам, не образуя апексов. *Xi* в форме косоугольного креста несколько меньше остальных букв и подтянуто кверху строки. Перекладина у *pi* не выходит за пределы правой вертикали, которая значительно короче левой. *Омикрон* в форме небольшого правильного круга немного приподнят к верхнему краю строки. *У ро* ровный полукруг. Прямое *ny* — с короткой правой гастой, *сигма* — с попарно параллельными линиями. Высота букв 0,01 (*xi*) — 0,013 м; *омикрон* — 0,008 м. Расстояние между буквами восстановить, к сожалению, невозможно, ибо рисунок не дает для этого оснований, а в первоначальном описании эта деталь отмечена не была. По палеографическим данным — характеру шрифта и общему стилю письма — надпись, учитывая особенности, присущие боспорской эпиграфике, может быть датирована временем Левкона I: тем самым мы получаем еще один⁴ декрет этого правителя, второй⁵, найденный на территории самого Боспора. Все это придает еще большую значимость нашему документу.

Как уже было упомянуто выше, в сткк. 2—3 надписи с наибольшей долей вероятности восстанавливается формула, распространяющая даруемые привилегии на потомков чествуемого (-ых). Типологически все известные нам боспорские декреты входят в одну группу с известными ольвийскими⁶ и месембрийскими⁷ надписями IV—III вв. до н. э. Последняя в

3 Чтобы вполне оценить всю важность новой находки, достаточно вспомнить, что за всю полуторавековую историю раскопок территории Боспорского государства вплоть до самого последнего времени среди многих сотен надписей различного содержания было найдено всего шесть документов подобного рода (КБН, 1—5; Add., 4). Многие из них дошли в незначительных фрагментах (КБН, 2—5). Поэтому обнаружение каждой новой псефизмы имеет исключительное значение. Думается, оно не исчерпывается одним тем, что в итоге просто расширяется круг известных нам боспорских постановлений, что уже само по себе немаловажно. Прежде всего сопоставление даже малого обломка нового декрета с ранее известными уже в силу одного их небольшого общего количества способно пролить свет на развитие их формул, уточнить детали структуры и стиля, внести известные дополнения и исправления в уже существующие восстановления, пополнить наши знания в области истории и политики Боспора как в момент принятия нового декрета, так и всего того периода, от которого до нас дошел этот тип эпиграфических памятников.

³ Чтобы вполне оценить всю важность новой находки, достаточно вспомнить, что за всю полуторавековую историю раскопок территории Боспорского государства вплоть до самого последнего времени среди многих сотен надписей различного содержания было найдено всего шесть документов подобного рода (КБН, 1—5; Add., 4). Многие из них дошли в незначительных фрагментах (КБН, 2—5). Поэтому обнаружение каждой новой псефизмы имеет исключительное значение. Думается, оно не исчерпывается одним тем, что в итоге просто расширяется круг известных нам боспорских постановлений, что уже само по себе немаловажно. Прежде всего сопоставление даже малого обломка нового декрета с ранее известными уже в силу одного их небольшого общего количества способно пролить свет на развитие их формул, уточнить детали структуры и стиля, внести известные дополнения и исправления в уже существующие восстановления, пополнить наши знания в области истории и политики Боспора как в момент принятия нового декрета, так и всего того периода, от которого до нас дошел этот тип эпиграфических памятников.

⁴ До недавнего времени была известна только копия одного декрета Левкона, найденная на Лесбосе (Syll. 3, 212).

⁵ Фанагорийский декрет, о котором неоднократно будет идти речь ниже, был найден полутора-двумя месяцами раньше.

⁶ IOSPE, I², 20, 22, 23; HO, 3—9, 11—15, 18, 20.

⁷ IGBR, I², 309, 309 bis, 309 ter.

свою очередь входит в более широкую категорию, которую Г. Свобода называет «сокращенными декретами», определяя их как памятники, которые, не принимая форму псефизмы и не становясь собственно декретами, передают содержание даруемых ими привилегий и почестей⁸. Он считает ее пережитком древнейшего формуляра и полагает, что это специфическая черта локального, северогреческого стиля⁹. В. Ларфельд называл тот же тип памятников «суммарным дарованием привилегий»¹⁰. Поводом для таких определений послужило отсутствие деления текста декрета на те компоненты, которые нам известны по более поздним документам. По существу весь текст такого постановления представляет собой простое распространенное предложение с одним подлежащим (Ὁλιβιολῖται, Μεσημβριανοί, Παιρισάδης καὶ παῖδες et sim.), одним сказуемым (ἔδωκαν, ἔδωσαν), целым рядом прямых дополнений к нему (права и привилегии, которые в свою очередь могут иметь распространенные определения, — ср. ольвийские: ἀτέλειαν πάντων χρημάτων, ὧν ἂν αὐτὸς εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι ἢ ἀδελφοὶ κτλ.), стоящих в аккузативе, и непрямого объекта в дательном падеже (самого главного персонажа декрета). Здесь нет ни прескрипта, содержащего датировку, формулу санкции и описание процесса принятия постановления, ни мотивировки, ни побудительной формулы, ни других составляющих. Весь декрет представляет собой монолит и соответствует тому, что в позднейших постановлениях называется «собственно текстом декрета»¹¹. Это сходство боспорских и других припонтийских постановлений позволит нам в дальнейшем не раз обращаться к аналогиям, находящимся за пределами Боспора.

В достаточно полно сохранившихся боспорских декретах оборот καὶ ἐκγόνοις (вариант: αὐτοῖς καὶ ἐκγόνοις)¹² либо непосредственно предшествует перечислению даруемых прав и привилегий [модель: ὁ δεῖνα καὶ παῖδες ἔδωκαν (ἔδωσαν) τῶι δεῖνι τοῦ δεῖνος ethnicum (αὐτῶι) καὶ ἐκγόνοις]¹³ либо отделен от них глаголом ἔδωσαν [модель: ὁ δεῖνα καὶ παῖδες τῶι δεῖνι τοῦ δεῖνος ethnicum (αὐτῶι) καὶ ἐκγόνοις ἔδωσαν]¹⁴. Подобная закономерность прослеживается и на ольвийском материале, с той лишь разницей, что предпочтение отдается первой модели¹⁵. Перечисление привилегий обычно начиналось на Боспоре с проксении и ателии¹⁶. В одном случае за проксенией (политией?) следует γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτήριον ὅσα ὑπάρχει¹⁷. Также однажды список открывает ателия, распространяющаяся на весь Боспор и Феодосию, за которой следует формула дарования прав проксена и гражданина¹⁸. В ольвийских декретах первыми идут проксения,

⁸ Swoboda H. Die griechischen Volksbeschlüsse. Lpz, 1890, S. 47.

⁹ Ibid., S. 46 f., 50.

¹⁰ Larfeld W. Griechische Epigraphik. München, 1914, S. 329.

¹¹ Ibid., S. 355; ср. для Ольвии тип III по Ю. Г. Виноградову (Синопа и Ольвия. Проблема политического устройства. I.—ВДИ, 1981, № 2, с. 74, прим. 61).

¹² КБН, Add., 4. 3—4.

¹³ Так было скорее всего в фанагорийском декрете 1976 г. Несколько иначе: ἔδωκαν αὐτοῖς καὶ ἐκγόνοις — КБН, Add., 4. 3—4.

¹⁴ IOSPE, II, 1 = КБН, 1. 3—4.

¹⁵ IOSPE, I², 20; HO, 5—7, 9, 14, 15.

¹⁶ IOSPE, II, 1 = КБН, 1. 4—5; КБН, 2. 4—5; КБН, 5. 4—5.

¹⁷ КБН, Add., 4. 4—6.

¹⁸ Фанагорийский декрет 1976 г., сткк. 1—3. Когда данная статья уже была сдана в печать, появилась первая публикация этого документа: Яйленко В. П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора. — В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 219—223. Ряд соображений, которые будут изложены в другом месте, заставляют меня предпочесть датировку, чтению и восстановлению автора дату (время Левкона I, а не Перисада I) и реконструкцию этого документа, любезно предоставленную в мое распоряжение Ю. Г. Виноградовым (далее по тексту ссылки даются только на нее):

[Λεύκων καὶ παῖδες ἔδωσαν] (21)
 [τῶι δεῖνι (καὶ τῶι δεῖνι)]
 [τοῦ δεῖνος ethnicum καὶ]
 [ἐκγόνοις ἀτέλειαν πάντων]

полития, ателия ¹⁹. Если считать, что в тексте, остатки которого дошли до нас на фрагменте, оборот (αὐτῶι) καὶ ἐκγόνοις занимал упомянутое выше положение, то придется признать, что стоящие в начале стк. 1 буквы ΧΡ принадлежат отчеству чествуемого лица. Аналогия расположению этника впереди имени и патронимика имеется на Боспоре ²⁰.

Если придерживаться этой точки зрения и учитывать все перечисленные выше условия восстановления, то, во-первых, мы столкнемся с невозможностью определить первоначальный размер строки (и соответственно лагун строк), так как каждая из них будет иметь разную протяженность, и, во-вторых, ту или иную более или менее удачную интерпретацию в лучшем случае смогут получить только первые три строки, тогда как о содержании четвертой и пятой и принадлежности стоящих в начале них букв *π*и *σ*игмы останется только догадываться. Да и неоднозначность возможного восстановления в этом случае первых строк, не позволяющая в итоге свести все потенциальные варианты к одному наиболее надежному блоку, на котором можно было бы построить всю реконструкцию, заставляет, на наш взгляд, отказаться от этого пути поиска решения.

Оборот, содержащий упоминание потомков чествуемого лица, может занимать и иные положения в тексте декретов, составленных по разобранному выше формуляру. Правда, следует признать, что на самом Боспоре нам пока не известны постановления, в которых его иное расположение было бы засвидетельствовано документально. Однако думается, что определенный материал для такого вывода имеется. Представляется бесспорным восстановление καὶ[αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις] в стк. 5 IOSPE, II, 3 = КБН, 3 ²¹. Возможно, и в надписи КБН, 4 мы сталкиваемся с аналогичным случаем. Так же и в КБН, 5, где точное положение этого оборота вообще неясно, его отсутствие впереди перечисления привилегий более чем вероятно. Эти наблюдения позволяют, на наш взгляд, предположить, что и в том декрете, от которого сохранился наш фрагмент, эта клаузула стояла не впереди основного текста документа, а где-либо внутри него.

Среди ольвийских декретов, в которых, как правило, этот оборот ставится после имени (имен) чествуемого (-мых), есть один памятник, где логичнее всего восстанавливать его после ἀτέλεια πάντων χρημάτων ²². Аналогичное положение он занимает и в однотипных нашему декретах другого понтийского города — Месембрии ²³, а также в самом раннем постановлении Херсонеса ²⁴. Во всех разобранных нами случаях он имеет одинаковую формулировку αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις (Пантикапей, Месембрия) либо ~ καὶ γένει, что не меняет сути дела (Херсонес). Так же этот оборот формулируется во всех подобных ольвийских и в анапском декретах ²⁵.

1	[χρημάτων ἐν π]αντί	Восπύρωι	(22)
	[καὶ ἐν Σινδικ]ῆι καὶ προξένου		(25)
	[καὶ πολιτ]ας ἐποιήσαντο		(20)
	[καὶ γῆς ἐ]γκτησιν ἔδοσαν		(20)
5	[καὶ οἰκίας καὶ πολ]έμου		(19)
	[καὶ εἰρήνης ἀσυλ]εὶ καὶ		
	[ἀσπονδ]εὶ.		

В стк. 2 нам кажется более резонным по аналогии с титулатурой Спартокидов восстанавливать имя Феодосии, с чем согласился и Ю. Г. Виноградов.

¹⁹ См. прим. 15.

²⁰ IOSPE, II, 2 = КБН, 2. 2—4.

²¹ Такое восстановление предложила Т. Н. Книпович. В. В. Латышев реконструировал сткк. 4—5 иначе: [αὐτῶι] | καὶ[ἐκγόνοις].

²² НО, 3; ср. Виноградов Ю. Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 51, прим. 12.

²³ IGBR, I², 309, 309 bis, 309 ter.

²⁴ IOSPE, I², 340. 4—5.

²⁵ IOSPE, I², 20; НО, 5—9; КБН, Add., 4 + ново е восстановление Ю. Г. Виноградова.

Исследование формул и их взаимного расположения в декретах «сокращенного типа» греческих полисов Причерноморья показывает, что оборот *αὐτῶι καὶ ἐχγόνοις* помимо начала постановления мог занимать положение также либо в конце его, либо после формулы дарования ателии. Так как на нашем фрагменте вслед за этим оборотом явно следует еще какой-то текст, то мы можем принимать во внимание только последний вариант. Исходя из этого, мы получаем следующее восстановление первых трех строк надписи:

[... ἀτέλειαν πάντων]
 χρ[ημάτων αὐτῶι καὶ ἐκ-]
 γόνοι[ς πᾶσι(ν) τοῖς τοῦ-]
 τοῦ [κτλ.]

Восстановление конца 2-й и начала 3-й строки даем по аналогии с уже упоминавшимися здесь IGSPe, II, 1 = КБН, 1 и КБН, Add., 4 (см. выше). Восстановление формы *τοῦτοῦ* находит себе подкрепление в аналогичных ей формах *τούτων* этих двух декретов. Важно, что на Боспоре, по-видимому, в данной позиции, в которой в надписях многих греческих центров употреблялись формы от местоимения *αὐτός*, в принципе ставились такие от *οὗτος*. Сама же форма *gen. sing. τοῦτοῦ* находит себе аналогию в декретах ²⁶.

Как кажется, предложенное только что восстановление выигрывает в сравнении с рассмотренными ранее не только в том отношении, что лучше заполняет образовавшиеся лакуны, позволяя довольно точно высчитать нормативную длину строки и соответственно пропавшего текста, но и потому, что, нигде не выходя за рамки существующих аналогий, позволяет выделить надежный блок восстановления, на котором возможно уже строить и дальнейшую реконструкцию. Если наше предложение верно, то это позволяет высказать некоторые наблюдения относительно возможных вариантов восстановления уже изданных надписей. Издатели КБН замечают в комментарии к надписи № 2 этого Корпуса, что они придерживаются в своей публикации восстановления В. В. Латышева и что сам первоиздатель считал его бесспорным (КБН, с. 16). Ни в коей мере не отрицая правомерности такого убеждения, замечу все же, что кажется несколько необычным для декретов этого времени отсутствие в восстановлении имени отца чествуемых лиц. Вместе с тем протяженность слов *καὶ ἐχγόνοις*, которые В. В. Латышев помещает в начале стк. 4, вслед за именем Мениллиона (?) ²⁷ (11 букв), не противоречит восстановлению здесь *gen. sg. патронимика* от многих распространенных греческих имен. В таком случае *αὐτῶι καὶ ἐχγόνοις* можно было бы восстанавливать в целом пропавшей 6-й строке, после *ἀτέλειαν πάντων χρημάτων* строки 5-й. Можно полагать, что такое же положение занимал этот оборот и в декрете КБН, 5.

Труднее восстановить с той же степенью достоверности сткк. 4—5, так как от них остались только начальные буквы. Однако, как кажется, некоторые возможности для этого все-таки есть. Они заключаются прежде всего в том, что нам довольно хорошо известно, что следовало в декретах, составленных по «сокращенному формуляру», за ателией и, если таковой был в наличии, за оборотом *αὐτῶι καὶ ἐχγόνοις*. Обычно, если иметь в виду аналогии прежде всего из Понта, в надписях Боспора, Херсонеса и Месембрии это были права *εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης* (вариант — *καὶ ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ*) *ἀσυλεία καὶ ἀσπονδεία*. Мы сознательно элиминируем из списка аналогий ольвийские декреты, ибо встречающаяся в них формула *ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ὧν ἂν αὐτός εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι κτλ.* (соответственно — *ὧν ἂν αὐτοῖς εἰσάγῳσι κτλ.*) пред-

²⁶ См., например, Wilhelm A. — SB Wien, Bd. 224, 4, 1947, S. 13, 16.

²⁷ В. В. Латышев восстанавливал это имя предположительно; ср. комментарий в КБН, с. 16.

ставляется совершенно уникальной для понтийской эпиграфики локальной особенностью формульного стиля постановлений. Кроме этого, как известно, ателия в боспорских документах могла сопровождаться характерным уточняющим оборотом — ἐν παντί Βοσπόροι²⁸ либо даже ἐν παντί Βοσπόροι καὶ Θεοδοσίη²⁹. Однако имеющиеся данные позволяют, на наш взгляд, считать, что этот оборот следовал в тексте документа либо непосредственно за ателией, либо отсутствовал вовсе³⁰. Да и само восстановление сткк. 3—5: (ἐν παντί Βοσπ[όροι καὶ Θεοδο]σ[ίη]) не представляется в данном случае удачным, ибо слишком (до 13 букв) сокращает протяженность 4-й и 5-й строк нашего фрагмента по сравнению с предыдущими (17—18 букв). Наконец, в одном недавно найденном документе за ателией следует дарование проксенических и гражданских прав в уникальной пока для Боспора форме — καὶ προξένους | [(αὐτοῦς) καὶ πολίτ]ας ἐποίησαντο³¹. Как видим, и в восстановлении конца 3, 4 и 5-й строк также придется выбирать один из двух вариантов: традиционный (καὶ εἰσπλοῦν κτλ.) либо единственный (καὶ προξένους κтл.).

Если мы подставим в сткк. 3—5 первый из них, то получим следующее восстановление:

[... ἀτέλειαν πάντων]	
1 χρ[ημάτων αὐτῶι καὶ ἐκ-]	(18)
γόνου[ς πᾶσι(ν) τοῖς τοῦ-]	(17—18)
το] καὶ εἰσπλοῦν καὶ ἐκ-]	(19)
π[λοῦν (καὶ) πολέμο] καὶ εἰρήνη-]	(21—24)
5 ε[ἰσπλοῦν καὶ ἀσπονδεί].	(18)

Вообще говоря, такая реконструкция не представляется невозможной. Общее увеличение количества букв в строке по мере приближения к концу декрета легко может быть объяснено тем, что стелы обычно несколько расширялись к своему основанию. Кроме того, как это хорошо известно по ольвийским материалам, текст ранних постановлений довольно свободно располагался в поле надписи, что обуславливало известные, иногда даже весьма значительные колебания в количестве букв в разных строках³². Равно и значительно большая протяженность какой-либо одной строки в заключительной части декрета находит себе аналогии в северо-черноморской эпиграфике³³. Так что нельзя не признать, что и такое восстановление не несет в себе никаких существенных внутренних противоречий. Но оно кажется неудачным, ибо в стк. 4 нарушается силлабический перенос, строго соблюдаемый в надписи во всех остальных случаях.

Вместе с тем нам кажется, что если использовать второй вариант реконструкции, единственное уязвимое место которого (если его вообще можно так определить) в том, что он пока единожды встречен на Боспоре, то это лишит нас необходимости прибегать к каким бы то ни было оговоркам и условиям:

[... ἀτέλειαν πάντων]	
1 χρ[ημάτων αὐτῶι καὶ ἐκ-]	(18)
γόνου[ς πᾶσι(ν) τοῖς τοῦ-]	(17—18)
το] καὶ προξένους καὶ]	(18)
π[ολίτας αὐτοῦς ἐποίη-]	(18)
5 σ[αντο κтл.]	

²⁸ IOSPE, II, 1 = КВН, 1. 5—6.

²⁹ Фанагорийский декрет 1976 г., сткк. 1—2 (в нашем восстановлении).

³⁰ Ср. IOSPE, II, 1 = КВН 1 и фанагорийский декрет 1976 г. с декретом IOSPE, II, 3 = КВН, 3. Совершенно особый случай представляет собой анапский декрет после нового восстановления Ю. Г. Виноградова: в сткк. 7—10 этого документа право ателии сформулировано в более сложном и подробном виде и подразделяется как бы на два параграфа.

³¹ Фанагорийский декрет 1976 г., сткк. 2—3.

³² Ср. НО, 5, 6; Виноградов. О методике..., с. 59 сл.

³³ Ср. IOSPE, II, 1 = КВН, 1, 6; IOSPE, I², 20. 13; возможно также НО, 3. 2.

Как явствует из этого восстановления, в нем расширен состав оборота, относящегося к дарованию прав проксена и гражданства, по сравнению с тем, что было предложено Ю. Г. Виноградовым для фанагорийского декрета (сткк. 2—3).

Мы не будем здесь подробно останавливаться на реконструкции последнего, что составит объект специального исследования. Отметим лишь возможность дополнения его асс. pl. αὐτός, что, конечно, повлечет за собой некоторое расширение строки и перестановку отдельных слов в восстановлении последующих формул, но в целом не нарушит общую структуру декрета и каждой его формулировки, предложенную Ю. Г. Виноградовым. Сейчас же мы рассмотрим только те причины, которые побудили нас внести означенный элемент в восстановление исследуемого фрагмента.

Мы исходили при этом главным образом из того соображения, что в декретах с развитым формуляром переход от одного параграфа собственно постановления к другому, связанный с переменной глагольной управления, как правило, отмечается постановкой той или иной падежной (чаще всего дательной или винительной) формы местоимения αὐτός или заменяющего его местоимения, указывающей на грамматическое положение главного объекта декрета относительно действия, выраженного каждым отдельным глаголом³⁴. В декретах «сокращенного типа», построенных по модели простого распространенного предложения, мы до сих пор не сталкивались с употреблением нескольких сказуемых, поэтому и сам вопрос о повторении форм от αὐτός просто не мог быть поставлен. Теперь же, коль скоро мы встретились с усложнением синтаксической структуры сокращенных декретов, представляется своевременным его рассмотреть, тем более что, возможно, такой усложненный тип сокращенного декрета был одной из переходных ступеней к развитому формуляру и ему могут быть присущи некоторые особенности синтаксиса и стиля, получившие окончательное оформление в последнем.

Начало развития данной тенденции, надо думать, было положено теми случаями, когда в двух следующих друг за другом параграфах главный объект постановления занимает различное положение относительно действия одного и того же глагола (зачастую стоящего в одной и той же форме) внутри управляемых им соседних синтаксических конструкций³⁵.

Развитие этой линии завершается, по-видимому, в позднейших декретах с более сложной формульной структурой, синтаксисом и стилистикой, в которых повторение форм от αὐτός встречается даже в тех случаях, когда включение в текст документа нового глагола, открывающего следующую рубрику, не меняет положения объекта декрета в синтаксической структуре основного текста постановления, т. е. не меняет падежа, в котором стоит имя чествуемого или заменяющее его местоимение³⁶. Наконец, известны и совсем уже прямые аналогии нашему декрету, в которых употребление глагола ποιέω в той или иной его форме в какой-либо формуле декрета требует постановки оборота accusativus duplex. В роли одного из них выступает вин. падеж от αὐτός³⁷.

Правда, известны случаи, когда ставится не только соответствующая

³⁴ IOSPE, I², 27, 28, 349, 356, 359; IGBR, I², 37 bis, 307 bis, 308 septies, 308 novies, 391; IG, II², 286, 373, 786, 801, 802, 180; Inschr. v. Ilion 34, 40; In chr. v. Assos, 8; SEG, XXIII, 279, 286; XXV 539, 597, 598; XXVI, 98, 601, 602 etc.

³⁵ Syll.³, 498; Wilhelm A. Attische Urkunden V, S. 180, Z. 28—30; idem.— Anz. Wien., 1922, S. 23, Z. 7. 9—10; IG, II², 732; Inschr. v. Assos. 7. 14—16; SEG, XXVI, 445. 6—7 etc.

³⁶ IOSPE, I², 25, 31; IGBR, I², 44, 388; Syll.³, 498; IG, II², 17. 7—8, 25; 732 10 sqq.; 479; IG, VII, 4263; Wilhelm. Attische Urkunden V, S. 180, Z. 25—28; idem.— Neue Beiträge I, 5, S. 21, Z. 1—2, 9—10; Inschr. v. Ilion, 2. 29—30, 34, 35; 67. 1, 3; Inschr. v. Assos, 7. 6—7; 11^a. 12—13, 17, 18, 23; SEG, XXV, 958. 11—13; XXVI, 113. 15—16; 392. 3—4, 5—6, 10—13; 552. 2—6 etc.

³⁷ IG, II², 17. 7—8; Wilhelm A.— SB Wien, 224, 4, 1947, S. 12; Syll.³, 64. 7.

форма от αὐτός, но и повторяется вообще весь оборот — αὐτῶι (~ οἷς) καὶ ἐχθόνους (или αὐτόν (~ οὖς) καὶ ἐχθόνους)³⁸. Однако подавляющее число аналогий позволяет как будто прийти к заключению, что если в тексте декрета раньше уже встречалась та или иная падежная форма этого оборота, то в дальнейшем ставится просто αὐτοῖς (либо αὐτός), что автоматически включает в себя и понятие ἐχθόνους (ἐχθόνους)³⁹.

Все эти наблюдения позволяют считать дополнение αὐτοῖς, помещаемое нами в стк. 4 восстановления, не только вполне допустимым, но и необходимым и достаточным в том смысле, что оно не требует расширения до полного оборота αὐτός καὶ ἐχθόνους.

Помимо уже перечисленных аргументов в пользу нашего восстановления можно привести еще и следующие соображения: во-первых, последний вариант реконструкции лучше соответствует тому стандарту длины строки, который нам удалось высчитать на основании сткк. 1—2; во-вторых, он единственный отвечает правилу силлабического переноса, по которому построено деление текста в сткк. 1—3.

Всем этим и определяется предпочтение, которое мы ему отдаем. Вместе с тем кажется излишним давать полное восстановление всей надписи, ибо для таких категоричных выводов имеется слишком малая опора на камне. Однако мы все же надеемся, что предложенная параллель между формулами фанагорийского декрета и исследуемого фрагмента в основе своей верна. Возвращаясь к этой аналогии, надо заметить, что после энктеписа в фанагорийском декрете надо восстанавливать право входа в гавань и выхода из нее в военное и мирное время без права захвата и без специального договора.

II

В том же году на горе Митридат при снятии первого, мешаного слоя новой площади на Ново-Эспланадном раскопе был найден небольшой, неправильной формы фрагмент стелы серого мелкозернистого мрамора, обломанный со всех краев (см. рис. 2)⁴⁰. Его максимальная высота 0,14 м, максимальная ширина 0,085 м, толщина вверху 0,05 м, внизу — 0,053 м: стела, по-видимому, несколько расширялась и утолщалась к основанию. Лицевая и оборотная поверхности обломка тщательно заглажены, следовательно, плита первоначально была вставлена в постамент и выставлена для кругового обзора в одном из общественных мест столицы Боспора. В настоящее время хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

На лицевой поверхности камня сохранились обрывки четырех строк надписи. В стк. 3 читается буквосочетание ΛΙΤΕΙΑ, которое может принадлежать только слову πολιτεία или производным от него. Это свидетельствует о том, что интересующий нас фрагмент некогда составлял часть важного официального документа — декрета. То, что было сказано о боспорских декретах в первом разделе этой публикации, сразу заставляет отнести к этому обломку как к эпиграфическому памятнику первостепенной важности. К сожалению, как и большинство других декретов Боспора, он дошел до нас в крайне фрагментированном состоянии. Это обстоятельство никоим образом не умаляет его значения, но, напротив, должно только побудить нас обратить на него пристальное внимание. Важно также, что это первый боспорский декрет, в котором предоставление права гражданства (полития) читается хотя и неполно, но бесспорно. До сих пор

³⁸ Inschr. v. Ilion, 66. 6—7; Fouilles de Delphes III. 4, n. 13. 4; IG, II², 786. 26; IGBR, I², 393. 8—10; SEG, XXV, 325. 8—10 etc.

³⁹ IGBR, I², 43. 27, 31; 387 ter. 14—15; Wilhelm A.—Anz. Wien, 1922, S. 23, Z. 7—8; idem.—Att. Urkunden V, S. 184, Z. 2—4; 185, Z. 2—4; SEG, XXV, 539. 12—13, 16; 597. 7—8; 598. 2—3; XXVI, 445. 10—12; 552. 4—5; 601. 4—5, etc.

⁴⁰ Паспортные данные находки по полевой описи:

эта формула только восстанавливалась с большей или меньшей степенью вероятия.

В стк. 1 сохранились лишь частично, но надежно реконструируются две буквы — ФА. В стк. 2 четко читается ПИХ, следующая за *хи альфа* прослеживается по сколу на правом крае фрагмента. Левее *пи* вверху строки виден остаток горизонтальной черты. В стк. 3 в упомянутом буквосочетании от *лямбды* сохранилась правая половина, от *альфы* — левая галта и примерно половина правой, переключина читается по излому. В стк. 4 видно *ню* и далее вверху строки горизонтальная черта.

Судя по тому, что мы нигде не имеем ни полностью сохранившихся строк, ни фиксированного края надписи, перед нами фрагмент средней части текста документа. Высота букв 0,013 (*хи*) — 0,015 м. Расстояние между строками 0,012—0,013 м. Одно место буквы в среднем занимает 0,012 м. По отдельным признакам: ровный, аккуратный кружок у *фи* и далеко выступающая за его пределы вертикаль, довольно широкие *альфа* и *лямбда*, ровная, низко опущенная горизонталь у *альфы*, *пи* с укороченной по сравнению с левой более чем в два раза правой вертикалью, прямое, ровное, довольно широкое *ню*, большое крестообразное *хи* — надпись могла бы быть датирована еще первой половиной IV в. до н. э. Однако начертание некоторых букв — *эпсилон* с тремя несколько разновеликими горизонтальными, колебание ширины *альфы*, присутствие у нее в месте соединения наклонных линий апекса, а также общий несколько небрежный, невыдержанный стиль письма — неровно прочерченные у *пи* и *тау* горизонтали, нечетко выполненный *эпсилон*, колебания уровня строки, особенно в стк. 3, — все это заставляет определить стиль письма как архаизирующий, выделенный в боспорской эпиграфике в свое время Н. С. Беловой в противовес подлинно раннему⁴¹, и датировать надпись второй половиной IV в. до н. э., ближе к ее концу, а может быть, как показывают аналогии со шрифтом передатированного анапского декрета, и самым началом III в.

В стк. 3, как уже говорилось, читается термин *πολιτεία*. Но этого слишком мало для того, чтобы предложить реконструкцию хотя бы четырех частично сохранившихся строк, не говоря уже о целом тексте надписи. Поэтому надо попытаться выделить среди сохранившихся букв надежно восстанавливаемые формулы-блоки (параграфы).

В стк. 4 вслед за *ню* вверху строки заметна горизонтальная черта. Так как у ее левого окончания не видно соединения с вертикалью, то она может принадлежать только одной из следующих четырех букв: *дзете*, *кси*, *сигме*, *тау*. Так как наша надпись относится к категории декретов, а изучение палеографии указывает на ее боспорское происхождение, следующая за *ню* буква может быть только *тау*, ибо из четырех названных букв только последняя встречается в известных нам боспорских декретах вслед за *ню*. Это буквосочетание -ντ- известно в двух словах (*πάντων* и *παντί*), принадлежащих одной и той же формуле предоставления права ателии — *ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ἐν παντί Βοσπόρω* (sc. ὁ δεῖνα καὶ παῖδες ἔδοσαν vel ἔδοσαν).

Таким образом, один из надежных формульных блоков можно восстановить хотя бы в общих чертах. Если принять, что сохранившиеся на камне буквы NT принадлежат gen. pl. *πάντων* (sc. *χρημάτων*), то длина строки, исходя из соотношения взаимного расположения [πο]λιτεία[ν] и [πά]υτ[ων] и того пространства, которое занимает в среднем одна буква на камне, будет

⁴¹ Впервые в форме отдельных замечаний эта мысль нашла свое отражение в статье Н. С. Беловой: Новая надпись из Гермонассы. — ВДИ, 1967, № 1, с. 65 сл.; в дальнейшем она была детализирована в другой ее работе: Посвятительная надпись из Кеп. — ВДИ, 1970, № 2, с. 70 сл.; в последнее время эти соображения были подробно развиты ею же в статье: Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э. — ВДИ, 1984, № 2, с. 78—85; ср. Болтунова А. И. Новые эпиграфические материалы из Горгиппии. — ВДИ, 1982, № 3, с. 62.

составлять примерно расстояние для не менее 16 и не более 20 букв. Если же предположить, что эти буквы остались от dat. sg. παντι (sc. Воскреси), то по тем же соображениям в одной строке должно было быть около 31—32 букв. Как видим, расхождение между двумя вариантами весьма значительное. Для того чтобы выбрать один из них, надо попытаться представить себе реконструкцию первых двух строк надписи, от которых сохранились лишь обрывки.

В стк. 2 перед *ни* на самом краю излома виден остаток горизонтальной черты в самом верху строки. Аналогично тому, как это было выяснено для стк. 4, эта горизонталь может относиться к одной из следующих букв: гамме, эпсилону, дзете, кси, сигме, тау. Но так как слов, начинающихся на ПИХА- (что читается в стк. 2), в греческом языке всего три (см. лексикон Liddell — Scott — Jones) и все они не имеют ничего общего с лексикой и практикой греческих и, в частности, боспорских декретов, на гамму же, дзету и тау в древнегреческом слова вообще не могут оканчиваться, а звуко сочетания типа -σπι-, -πι-, -ξι- и пр. нехарактерны для греческого, мы должны считать, что сохранившаяся горизонталь принадлежит эпсилону. Итак, в стк. 2 следует читать ЕПИХА.

Исходя из того, что в сткк. 3—4 перечисляются права и привилегии, предоставляемые декретом, надо думать, что в стк. 2 мы имеем окончание вводной части документа. В таком случае буквосочетание ЕПИХА может принадлежать либо имени (типа Ἐπιχαριος, Ἐπιχαρης κτλ.), либо расшифровываться как ἐπι Χα- (топоним с предлогом) в качестве уточняющего оборота при упоминании некоего полиса с каким-либо распространённым названием и пониматься следующим образом: название полиса у (при, на — выражено ἐπί) реки, залива, горы, местности или острова, начинающихся на Ха-. Такая практика уточняющего топонимического оборота с предлогом ἐπί известна как в греческом языке вообще (например, ἡ Χαλκιδική ἢ ἐπὶ Θράκης), так и в надписях в частности (например, Ἀπολλωνία ἢ ἐπὶ Ρόδων).

Для того чтобы представить себе, с чем — именем или топонимом — мы имеем дело в данном случае, надо подвергнуть анализу сохранившиеся или надёжно восстанавливаемые преамбулы боспорских декретов, а также переход от них к основному тексту постановления. Как было показано в первом разделе данной публикации, в боспорских, как и в других подобных им декретах, составленных по «сокращённому» формуляру, прескрипт как таковой в развитой форме отсутствует. Однако некая вводная часть, предваряющая перечисление предоставляемых чествуемому лицу прав и привилегий, все-таки существует. О моделях, по которым она строится, а также об обороте αὐτῶν (-οῖς) καὶ ἐκγόνοις и его положении в тексте декретов было сказано выше.

Перечисление прав и привилегий обычно начинается с проксении, за которой следует ателиа: προξενία καὶ ἀτέλειαν πάντων χρημάτων [ἔδωκαν (ἔδωκαν) — см. КБН, 1—3, 5, в последнем случае порядок слов в ателии иной — χρημάτων πάντων ἀτέλειαν]. В двух случаях впереди, как мы помним, стоит ателиа, сопровождаемая предоставлением прав проксена и гражданства (фанагорийский декрет и разобранный в первой части фрагмент).

Исследование формуляра боспорских декретов будет проведено ниже. Здесь же важно отметить, что в тех постановлениях, где весь текст документа подчинен управлению одного глагола — ἔδωκαν (ἔδωσαν), — а ателиа стоит не на первом месте, проксения и полития не следуют друг за другом, как, например, в ольвийских декретах. Даруются либо προξενία καὶ ἀτέλεια (КБН, 1 и др.) или πολιτεία (προξενία, γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτησιν, ἀτέλεια (КБН, Add., 4 — в восстановлении Ю. Г. Виноградова). Как следует из всего предыдущего, при реконструкции интересующего нас фрагмента могут учитываться только те модели построения текста декрета, в которых ателиа стоит не на первом месте.

Учитывая все эти условия (построение вводной части, переход от нее к основному тексту постановления, ЕПХА — остаток имени или топонима, набор привилегий, их последовательность и сочетаемость, соединение — союзное или бессоюзное, даже те, которые, насколько можно судить, не были свойственны боспорским декретам (как, например, список прав и привилегий в синхронных ольвийских декретах: Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν — προξενίαν, πολιτείαν, ἀτέλειαν πάντων χρημάτων), мы должны будем признать, что протяженность строки в 30 букв была бы слишком велика для удовлетворительной реконструкции сткк. 1—2 нашего фрагмента. Поэтому методом исключения мы предварительно принимаем длину строки, равную 16—20 буквам, что к тому же лучше соответствовало бы длине строки всех до сих пор известных боспорских декретов.

В таком случае буквы NT, восстанавливаемые в стк. 4, должны принадлежать только слову πάντων из оборота ἀτέλειαν πάντων χρημάτων. Поэтому для того, чтобы *ню* и *тау* стк. 4 оказались под *йотой*, *тау* и *эпсилоном* стк. 3 (как на камне), необходимо, чтобы между *альфой* в конце стк. 3 и *ню* в начале стк. 4 было не менее 11 и не более 14 букв. Соответственно для того, чтобы размеры лакун в начале и конце сохранившихся строк были соразмерны друг с другом как в одной строке, так и в разных, а также с количеством и взаимным расположением сохранившихся на камне букв, более подходит бóльшая цифра. Если принять ее, то получится, что в начале стк. 4 пропало 7 букв, такое же количество в конце стк. 3 (соответственно в начале стк. 3 — 6, в конце стк. 4 — 10, в начале сткк. 1 — 2 — по 5, в конце стк. 2 — 9, в конце стк. 1 — 12 букв). В другом варианте в начале сткк. 1 — 4 пропало соответственно 6, 7, 8 и 9 букв, а в их конце — 9 (10), 7, 5, 7. Эти расчеты составляют достаточно прочную базу для того, чтобы дать полное восстановление если не всего декрета, то начальной клаузулы важнейшей его части, а в остальном представить довольно надежную схему реконструкции недостающего текста.

Но прежде чем непосредственно перейти к этому разделу работы, необходимо рассмотреть еще один вопрос формального (и формульного) порядка. Постановка этника чествуемого лица впереди его имени засвидетельствована только одной надписью (IOSPE, II, 2 = КВН, 2). Но восстановление этого декрета, как было отмечено, спорно, что признается и самими издателями. Поэтому мы будем ориентироваться на более распространенную вообще, и на Боспоре в частности, практику расположения этника после имени и патронимика чествуемого.

Из различных топонимов, начинающихся на Ха- (см. RE; Liddell — Scott; Syll.³, Index), — только четыре могут быть приняты во внимание. 1. Река Хабрий (Χάβριος или Χάβρις) в западной части Халкидики, неподалеку от которой находится город Кассандрия. Однако, во-первых, если принять этот вариант, то в стк. 1 остается слишком мало места для имени отца (5 букв), либо если читаемые там *фи* и *альфа* принадлежат окончанию патронимика от сложного имени со вторым компонентом на -φάνης (соответственно gen. sg. -φάνοϋς или -φάνεος), то между ним и этником остаются ничем не заполняемые четыре места. Во-вторых, Кассандрия может не подойти по хронологическим соображениям, ибо город был основан позднее. В-третьих, этот город стоял не на самой реке, а поблизости от нее, поэтому к нему в строгом смысле не подходит определение с предлогом ἐπί. В-четвертых, у полиса было не такое распространенное название, чтобы оно нуждалось в подобном уточнении. 2. Река Хар (Χάρης) рядом с Диоскуриадой. Не подходит по тем же соображениям, что изложены в пункте 1. 3. Река Харакомет (Χαρακομήτης) в Карию, на которой был расположен город Ниса (Νίσση). В данном случае с патронимиком в стк. 1 все обстоит благополучно, но в стк. 3 перед [πο]λιτεία[ν] остаются незаполненными 4—5 мест. 4. Наконец, можно было бы предположить, что в надписи упоминается какой-либо из городов Халкидики, и соответственно восстанавливать оборот ἐπί Χαλκιδικήν (-ῆς). Но и это оказывается неудачным по причине, указанной в пункте 3.

Приведенный анализ оставляет нам только одну возможность интерпретации ЕПІХА стк. 2 — как начала имени типа Ἐπιχαρμος или Ἐπιγάρης. Оно должно принадлежать патронимику, ибо иначе для этника не остается места. Исходя из взаимного расположения на камне патронимика в стк. 2 и политии в стк. 3 и учитывая длину строки и лакун, к которой мы пришли выше, надо полагать, что этот декрет был составлен по модели, где управляющий всем текстом постановления глагол ἔδωσαν (ἔδωκαν) стоял сразу после имени правителя, издавшего декрет, а оборот (αὐτῶι) καὶ ἐκγόνοις был расположен не во вступительной части, а либо после ателии, либо в самом конце надписи.

На основе этих рассуждений и расчетов можно предложить следующие два варианта восстановления сткк. 2—4 публикуемого документа:

1) [.]ΦΑ[.]	
[.]Ἐπιγάρ[μου ethni-]	(19—20)
[cum πολ]ιτεία[ν καὶ ἀτέ-]	(19)
4 [λειαν πά]γ[των χρημάτων]	(19)
2) [.]ΦΑ[.]	
[.]Ἐπιγάρ[μου eth-]	(19)
[nicum πολ]ιτεία[ν καὶ ἀ-]	(19)
[τέλειαν πά]γ[των χρημά-]	(19)
[των κτλ.]	

Оба эти варианта практически равноправны, ибо меняют восстановление документа не по сути, но только в деталях, а именно расположение текста на камне.

Буквы ΦΑ стк. 1 по стандартам боспорских декретов должны также принадлежать имени, на сей раз — чествуемого лица. Возможностей восстановления здесь фактически только две, и обе они связаны с распространенным в греческой ономастике корнем -φα- со значением «светлый, яркий, явленный». От этого корня образовывались как простые имена (типа Φάνης, Φανός и производных от них), так и сложные. В последнем случае компонент φα- мог либо начинать имя, вторым составляющим которого были самые различные слова и понятия, и в таком случае принимать форму Φανο-, либо, напротив, оканчивать имя с разнообразными первыми компонентами, имея при этом вид, идентичный простому имени: -φάνης. Какой бы из этих двух типов имен мы сейчас ни предпочли, чествуемых декретом должно было быть по меньшей мере двое (см. высчитанные выше размеры лакун в сткк. 1—2).

Кажется маловероятным, чтобы имя, которому принадлежит слог -φα, было простым (Φάνης, Φανός κтл.), ибо тогда имя его брата оказалось бы слишком длинным даже по греческим нормам. Два же имени с разными патронимиками плохо уместятся в строку. Да и практика издания декретов в честь двух различных людей не засвидетельствована для Боспора, тогда как в честь двух братьев был издан, вероятно, декрет КБН, Add., 4.

Если пропавший в сткк. 1—4 текст восстанавливается порой хотя и схематически, но все же достаточно надежно, то о начале надписи и ее окончании можно строить только самые общие гипотезы. Можно предложить несколько вариантов дополнения начальных строк декрета, исходя из рассчитанных размеров лакун в стк. 1:

1) [Παρισάδης καὶ παῖδες]	(19)
[ἔδωσαν]ΦΑ[. (καὶ) τῶι]	(18)
[δεῖνι]Ἐπιγάρ[μου κтл.]	
2) [Παρισάδης καὶ παῖδες ἔ-]	(20)
[δωκαν]ΦΑ[. (καὶ) τῶι]	(20)
[δεῖνι]Ἐπιγάρ[μου κтл.]	

- 3) [Εὐμηλος καὶ παῖδες ἔδο-] ἦ (19)
 [σαν] φά[νει καὶ τῶι] (18)
 [δεῖνι] Ἐπιγάρ[μου κτλ.]

Возможны, конечно, и другие варианты. Так, например, нельзя совершенно исключить возможность того, что этникон чествуемых стоял впереди их имен, по модели: ὁ δεῖνα καὶ παῖδες ἔδοσαν (ἔδωκαν) τῶι (τοῖς), с соответствующим увеличением числа букв, пропавших в начале строк. В этом случае на месте этникона в сткк. 2—3 можно было бы восстанавливать καὶ ἐκ γόνοις, что увеличило бы протяженность стк. 2 только на две буквы, а в начале бы можно было восстанавливать не только имя Перисада, но и Спартока, сына Эвмела. Однако целый ряд соображений заставляет нас считать эти предложения неудачными. Так, например, восстановление καὶ ἐκ γόνοις в сткк. 2—3 равняет лакуны в конце строк 1 и 2, хотя они должны очевидно различаться по крайней мере буквы на три. Перенос καὶ ἐκ γόνοις создает аналогичную трудность в начале сткк. 2—3. Конечно, вместо этого в сткк. 2—3 можно было бы восстанавливать προξενίαν и получить, таким образом, традиционный для причерноморских декретов набор привилегий (ср. НО, 5, 6, 7, 9, 15; IGBR, I², 13 bis, 307 bis, 308 novies, 309 bis etc.), что не создало бы никаких затруднений с размером лакун и длиной строки. Но тогда в перечислении привилегий получилось бы сочетание бессоюзного и союзного сочинений, а именно — [προξενίαν, πο]λιτεία[ν καὶ ἀτέλεια], что было бы беспрецедентным случаем для декретов, построенных по сокращенному формуляру. В третьем варианте, даже при условии постановки союза καὶ, на второе имя падает слишком большое количество букв (12).

Поэтому представляется целесообразным не восстанавливать пока пропавшие в начале надписи строки и остановиться на двух вариантах реконструкции сохранившегося фрагмента:

- 1) [⁵]Φα[. . . .¹² . . (καὶ) τῶι] (19)
 [δεῖνι] Ἐπιγάρ[μου ethni-] (19—20)
 [⁴ cum πο]λιτεία[ν καὶ ἀτέ-] (19)
 [λειαν πᾶ]γ[ων χρημάτων] (19)
- 2) [⁶]Φα[. . . .¹⁰ . . (καὶ) τῶι] (18)
 [δεῖνι] Ἐπιγάρ[μου eth-] (19)
 [⁶ nicum πο]λιτεία[ν καὶ ἀ-] (19)
 [τέλεια πᾶ]γ[ων χρημά-] (18)
 [των κτλ.]

III

Публикуемые надписи и исследование структур их формул позволяют уже сейчас разделить известные нам боспорские декреты на несколько групп и определить закономерности и специфику их развития. (1). Собственно *проксении*. Они наиболее многочисленны (четыре надписи: КБН 1—3, 5). Главные привилегии в них — проксения и ателия, расположенные соответственно на первом и втором местах в списке. Их сопровождают непосредственно из них вытекающие и от них зависящие права входа в гавань и выхода из нее в военное и мирное время без права захвата и без договора. Все они датируются второй половиной IV в. до н. э. Это классические причерноморские декреты «сокращенного» типа, как он был описан выше. (2). *Ателии*, расширенные предоставлением прав проксена и гражданина (фанагорийская надпись 1976 г. и первый из публикуемых фраг-

ментов). Для одного из этих двух случаев твердо зафиксировано дарование вместе с политией и права энктесиса (фанагорийская проксения). Обе надписи датируются временем правления Левкона I. Это последнее наблюдение наводит на мысль о том, что развитие боспорских декретов шло не просто от проксений к надписям с дарованием политии, но этот процесс был сложнее, ибо по крайней мере для IV в. до н. э. мы сталкиваемся с существованием разных типов постановлений. Надо отметить, что и в формальном отношении этот второй, более ранний тип отличается более развитой структурой по сравнению с первым. Главное состоит в том, что при сохранении одного субъекта (подлежащего: правитель с сыновьями) в тексте декрета формулировки дарования важнейших привилегий: ателии, проксении, гражданства и энктесиса — имеют в каждом случае свой отдельный предикат (сказуемое: ἔδοσαν — ἐποίησαντο — ἔδοσαν), в чем надо видеть, вероятно, более четкую рубрикацию постановлений и более развитый его стиль. Выделение ателии в это время на первое место в декрете не случайно, так как она, по-видимому, была еще главной привилегией. Ведь известно, что самые первые греческие декреты были именно ателиями⁴². Интересно отметить и весьма раннее упоминание в одном из них права покупки земли и дома. (3) *Полития* с правом энктесиса и ателией. Известна одна надпись, недавно передатированная Ю. Г. Виноградовым первой четвертью III в. до н. э.⁴³ Мы выделяем ее в отдельную категорию, ибо, несмотря на то, что ее общая композиция идентична таковой первого типа декретов, набор привилегий, их расположение и структура представляют весьма своеобразными и отличными от двух описанных типов. Это проявляется прежде всего в том, что главные привилегии здесь — полития и энктесис. Последняя в свою очередь сопровождается уточняющим оборотом ὅσα ὑπάρχει καὶ ὧν οἱ ἄλλοι πολῖται μετέχουσιν (сткк. 6—7, восстановление Ю. Г. Виноградова). На третьем месте расположена ателия, сформулированная также необычно. Как было упомянуто выше, предоставление этого права распадается как бы на два параграфа: (а) ἀτέλειαν κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν (сткк. 7—8) и (б) εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν πάντων χρημάτων (сткк. 8—10). Далее следуют обычные καὶ εἰσπλοῦν καὶ ἔκπλοῦν κτλ. (сткк. 10—12) в традиционной формулировке. Все это свидетельствует о дальнейшем развитии формульного стиля декретов внутри традиционного «сокращенного» формуляра. Рассмотрение этого типа хочется закончить соображением, что поскольку в известных нам боспорских декретах право энктесиса сочетается с предоставлением политии, что достаточно надежно реконструируется в фанагорийском документе 1976 г. (сткк. 4—5), то предпочтительным следует считать восстановление анапского декрета, предложенное Ю. Г. Виноградовым, предусматривающее реконструкцию в сткк. 4—5 политии, тем более что в собственно проксениях энктесис не упоминается. (4) *Полития с ателией*. Представлена пока также только одной надписью (второй из публикуемых фрагментов). Возможно, это один из вариантов третьего типа, где право энктесиса стояло вслед за ателией. Но такое передвижение со второго на третье место и наоборот может быть и неслучайным.

Деление боспорских декретов на указанные типы свидетельствует о том, что на протяжении IV — первой четверти III в. до н. э. даруемые в них привилегии еще сохраняли свое первоначальное значение, ибо не был выработан какой-либо один стереотип декрета. Напротив, выделяются несколько устойчивых сочетаний дававшихся иноземцу различных привилегий, что отразилось и на формальной стороне текста постановления.

Это указывает на дифференцированный подход боспорской правящей династии к предоставлению иностранцам преимуществ, заключавшийся в том, что каждому лицу даровались именно те права и привилегии, кото-

⁴² Gschnitzer F. Proxenos. — RE, Supplbd. XIII, Sp. 712 ff.

⁴³ КБН, Add., 4; ср. Виноградов. Проблема политического статуса полисов..., с. 23.

рыми оно могло реально воспользоваться. Обращает на себя внимание, что если первые два типа постановлений предусматривают дарование наряду с другими правами проксении, то третий и четвертый о ней не упоминают: по-видимому, в двух последних случаях чествуемые намеревались прочно и надолго обосноваться на Боспоре и поэтому не могли исполнять по отношению к боспорянам функции проксена в своем родном полисе. В отличие от них адресаты документов второго типа, вероятно, не собирались совсем сюда перебраться, поэтому им наряду с политией (в одном случае — с энктесисом) дается и проксения.

С другой стороны, изучение набора, сочетаемости привилегий и хронологии декретов позволяет выделить в эволюции этого рода документов два момента. Во-первых, пока мы не можем представить единой наглядной линии развития от памятников с более простой синтаксической структурой и меньшим количеством прав и привилегий к более сложным и развернутым их вариантам. Соотношение второго и первого типов между собой демонстрирует это со всей очевидностью. Но зато, во-вторых, бесспорно, что в основном — в важности и иерархии даруемых преимуществ — боспорские декреты идут целиком в русле общих для греческого мира закономерностей. Здесь, как и обычно, в наиболее ранних документах первое место занимает ателия, бывшая поначалу важнейшей привилегией для иноземцев, проксения и полития занимают соответственно второе и третье места (первая половина IV в. до н. э.). С течением же времени ателия отодвигается на второй (вторая половина IV в.) и даже третий план (первая четверть III в.), первый же занимает проксения или полития. О соотношении и заменяемости этих последних между собой было сказано выше.

Далее, бросается в глаза отсутствие развития формуляра боспорских декретов. Ведь за тот же период (IV — начало III в. до н. э.) формулярная структура понтийских (и не только) постановлений прошла долгий и сложный путь развития: в тексте декрета выделяются прескрипт, формула санкции, мотивировка, побудительная формула и т. д. На Боспоре же все это отсутствует. Поскольку все описанные нововведения были непосредственно связаны с усложнением процедуры принятия постановления, то их отсутствие может свидетельствовать только об одном: таковая не менялась на Боспоре более столетия. Коль скоро не менялась сама механика принятия решения — уже самые ранние известные нам декреты изданы от имени правителя Боспора, и все последующие властители следуют той же практике, — не мог меняться и формуляр постановления. Но это чисто формальная сторона проблемы. Исторический аспект этого консерватизма заключается в том, что сам факт издания декретов не автономным полисом, а автократическим правителем надполисного государства почти уникален в греческой эпиграфике (в качестве редчайшей аналогии можно указать на декрет Мавсола и Артемисии⁴⁴). Естественно, что распорядиться предоставлением перечисленных выше прав и привилегий мог только тот, кто реально обладал такой возможностью. Из этого следует не только подтверждение широко известного наблюдения, что Спартокиды глубоко вторглись в область полисного права и узурпировали многие его прерогативы⁴⁵, но и то, что они захватили в свои руки собственность на порты городов, входивших в их державу, отчего и могли предоставлять и гарантировать право ателии и ряд других важнейших преимуществ купцам на всем Боспоре. Впервые эта мысль была высказана в такой форме еще Н. С. Беловой⁴⁶, и сейчас она блестяще подтверждается на новом мате-

⁴⁴ *Crampton J. Labraunda, Swedish excavations and researches. V. III, pt. 2: The Greek Inscriptions. Pt. II. Stockholm, 1972, № 40; cf. Bull. ép. 1973, № 407, а также декрет другого карийского стратега и династа (ibid., № 408).*

⁴⁵ См. из последних: *Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Fr. a. Main, Bern, N. Y., 1983, S. 79, 118 u. a.*

⁴⁶ *Белова Н. С. Политическое положение боспорских городов в IV в. до н. э.: Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1954, л. 122 слл.*

риале. В этой связи характерно выглядит особое упоминание о недавно присоединенной Феодосии в одном из ранних документов (см. прим. 17, 29). В соответствии со всеми этими обстоятельствами формула \acute{o} $\delta\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$ $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\chi\alpha\nu$ ($\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\chi\alpha\nu$) $\kappa\tau\lambda.$ наилучшим образом отражала как сущностную, так и формальную сторону издания боспорских декретов, чем и обеспечила себе столь длительное существование.

Обращает на себя внимание и отсутствие уточнения границ распространения предоставляемой политики. Для декретов, издаваемых полисом, это естественно: политика в них тождественна гражданству в данном полисе. Но в случае с боспорскими постановлениями, исходящими от правителя надполисного территориального единства, эта политика по аналогии с другими привилегиями (например, ателией) может и должна пониматься только как право гражданства на всем Боспоре. Следовательно, уже для первой половины IV в. до н. э. можно говорить об общепоспорском гражданстве, общем для всех входящих в состав государства городов. Это свидетельствует об уникальном для своего времени тесном внутривластном единстве Боспорского государства.

Нельзя не остановиться и еще на одном важном для боспорской истории и эпиграфики моменте — малом количестве известных декретов и временной ограниченности их существования. Поразительно, что среди многих сотен надписей на Боспоре на сегодняшний день известны, да и то только в сильно фрагментированном виде, десять декретов (одиннадцатый найден на Лесбосе), образующие компактную группу, укладываемую в пределы ста лет. И это при многих десятках дошедших до нас от того же периода документов подобного рода из других причерноморских центров, где они к тому же продолжали существовать и в более позднее время, и в общем не уступающей им степенью изученности территории Боспорского государства, его столицы — Пантикапея. Такие контрасты могут быть объяснены тем, что Спартокиды как крупные землевладельцы и экспортеры хлеба были заинтересованы в заключении внешнеторговых сделок с оптовыми контрагентами в лице целых государств. Эти договоры известны нам как по эпиграфическим (IG, II², 212; Syll.³, 212), так и литературным источникам (Dem., XX, 33). В них оговаривалось установление торговых привилегий для всех вообще купцов, прибывающих из соответствующего пункта. Поэтому издание индивидуального постановления было в полном смысле почетным, особым случаем, скорее исключением, чем правилом, и должно было отметить какие-то особые заслуги данного лица перед Боспором и династией, которые требовали специального выделения его из всей массы иноземцев, ведущих свои дела в Северо-Восточном Причерноморье

NEW BOSPORAN DECREES

V. F. Shelov-Kovedyayev

The author publishes hitherto unpublished fragments, found in Panticapaeum (Kerch), of two Bosporan decrees concerning grants of rights and privileges to foreigners. On the basis of evidence provided by these fragments and other monuments already known he proposes a division of such Bosporan decrees into three categories according to the privileges granted: (1) *ateleia*, (2) *proxenia*,¹ (3) *politeia* with the right of *enktesis* and *ateleia*. He also presents an analysis of the structure, formulae and style of the Bosporan decrees. Study of the ten Bosporan monuments known so far leads him to conclude that the rights and privileges granted in them did not lose their real content in the course of the 4th century B. C. The fact that the decrees are few in number shows, in the author's opinion, that the Spartocids, who were large-scale owners of and traders in grain, preferred to do business with wholesale dealers who were themselves states,² rather than with individual merchants. Publication of decrees in the name of the ruler confirms the conjecture by N. S. Belova that the ruling dynasty in Bosphorus took to themselves the right of ownership of all the ports in the kingdom. The right of *politeia* granted in the Bosporan decrees was a real one, conferring valid citizenship rights in all parts of Bosphorus.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОМ

ТОПОНИМЕ ('bw rsj)

Об 'bw rsj — «Южной Элефантине» — египетские надписи сохранили немного сведений. Вместе с тем этот топоним до сих пор привлекает внимание египтологов, поскольку как проблему его идентификации, так и локализации нельзя считать решенной.

Первой и пока единственной работой, специально посвященной затронутому вопросу, является статья Ж. Годрона¹, которая кроме его разработки включает также и историографию вопроса. К существующим вариантам локализации топонима относятся собственно Элефантина, Бухен, Семна, Калабна, Адиндан и Фарас. Пожалуй, имеет смысл в первую очередь рассмотреть серьезно аргументированную гипотезу Ж. Годрона об идентификации 'bw rsj и Фараса.

Отправной точкой рассуждений автора является положение о том, что исследуемый топоним служил для обозначения острова, — мнение, сложившееся, очевидно, под влиянием ученых — представителей старой школы египтологов. Так, Ф. Биссинг высказывал мнение, что Южная Элефантина должна быть одним из островов в системе Второго порога, положение которого было бы подобно положению, занимаемому Элефантиной в системе Первого. Ф. Биссингом отвергалась возможность идентификации Южной Элефантины с Бухеном именно на том основании, что последний не был островом². Ж. Годрон также приписывает Южной Элефантине островное положение, но считает, что наиболее вероятно ее идентификация с современным Фарасом. Фарас в настоящее время расположен не на острове, однако Ж. Годрон, ссылаясь на описания ученых, посетивших его в начале столетия и отмечавших, что в прошлом Фарас мог быть островом, делает этот аргумент одним из основных при локализации Южной Элефантины.

Немалую роль в аргументации ученого играют и доказательства эпиграфического характера. По мнению автора, который сравнивает три варианта написания топонима³, детерминативы O₄₉ и N₂₁ (по А. Гардинеру) являются значащими и взаимозаменяемыми, образуя игру слов «город» — «клочок земли». Автор подкрепляет взаимозаменяемость знаков следующей мотивировкой: «клочком земли» можно считать и остров, размеры же острова могли совпадать с размерами города средней величины. Взаимозаменяемость теперь уже двух понятий — «остров» и «город», по мнению автора, подчеркивает тот факт, что в двух случаях (см. ниже) при прилагательном «южная» выписано финальное -t — указатель родового класса; таким образом, оба слова были существительными женского рода. Далее Ж. Годрон пользуется доказательствами фонетического характера. Исходя из вполне допустимой посылки о том, что египтяне воспринимали

¹ Godron G. L'Éléphantine-du-Sud.— CdE, 49, 1975.

² Bissing Fr. W., von. Baumeister und Bauten aus dem Beginn des Neuen Reichs.— In: Studi in memoria Ippolito Rosellini. Pisa, 1949, p. 178, not. 4.

³ Godron. Op. cit., p. 240—242.

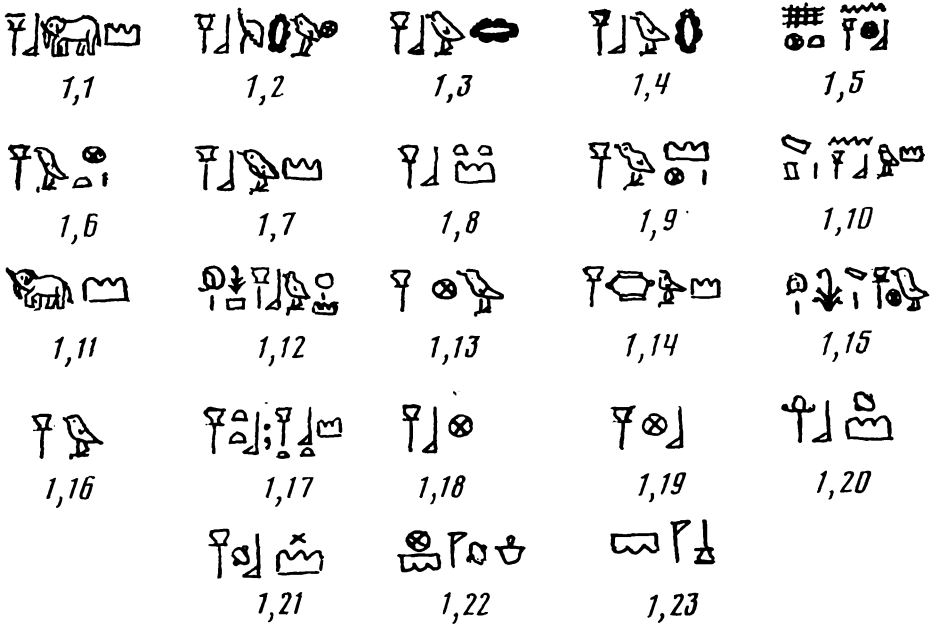

Таблица 1. Формы написания топонима «Элефантина» (^cbw) в эпоху Древнего, Среднего и Нового царств

Таблица 2. Формы написания топонима «Южная Элефантина» (^cbw rsj) в эпоху Нового царства!

топоним, состоящий из двух слов, как фонетически единое целое, автор предлагает эволюцию фонемы от ^c-b-w-r-s-j до f-r-s⁴. Важным аргументом, по мнению автора, является также отсутствие особого топонима для обозначения Фараса в письменных египетскоязычных источниках.

Не отвергая в принципе возможности предложенной Ж. Годроном идентификации, хотелось бы привести следующие контрдоводы.

1. Вряд ли справедливо говорить о взаимозаменяемости детерминативов в том смысле, который вкладывает в это автор. При подсчете вариантов написания термина⁵ (кстати, сделанного и Ж. Годроном) видно, что в подавляющем числе случаев топоним выписывался с обоими детерминативами, указывающими на то, что обе группы — значащие. Однако в использовании знака N₂₁ встречается нерегулярность: он появляется в двух слу-

⁴ Ibid., p. 246 f.

⁵ Учитывается лишь наличие или отсутствие детерминативов при значащих словах и не рассматривается перестановка согласных при написании термина, выпадении гласных и т. д.

чаях из 13, но свидетельствовать это может лишь о том, что детерминатив «город» при слове Элефантина опущен. Такие примеры известны (см. табл. 1) и подтверждаются одним из вариантов написания исследуемого топонима, где опущены оба детерминатива (см. табл. 2, Фарас). Появление же в четырех случаях одного лишь детерминатива O₄₉, на наш взгляд, удачно объяснено самим автором при фонетическом разборе термина: для египтянина топоним мог восприниматься не как сложное слово, а как единое целое. Но даже отсутствие этого аргумента не может повлиять на тот факт, что детерминатив «город» вполне заслуженно относился к городу — независимо от того, было ли его название сложным или простым. Поэтому вряд ли возможно говорить в данном случае о взаимозаменяемости детерминативов O₄₉ и N₂₁.

2. Следует, очевидно, напомнить, что детерминатив N₂₁ имеет значение «клочок земли» только при толковании собственно знака, но придает тому или иному слову различные значения⁶. В подавляющем большинстве случаев знак имеет значение «берег», «район». Нет никаких оснований так определенно связывать его значение со словом «остров», тем более что для последнего существует вполне определенная группа иероглифов⁷. Основная роль детерминатива N₂₁ в нашем случае заключена не в том, что он несет самостоятельное значение, а лишь в том, что он детерминирует слово «южный» в его обычном написании⁸.

Более того, следуя за автором, который допускает возможность замены детерминативов O₄₉ на N₂₁ и наоборот в словосочетании 'bw rsj, можно было бы предположить наличие аналогичной замены и в топониме «Элефантина». Элефантина, вне всякого сомнения, была островом, однако при написании топонима чередовались лишь выступающие в качестве детерминативов знаки O₄₉ и N₂₅. Объяснение этого факта Годроном тем, что Элефантина, в отличие от малозаселенной Южной Элефантины, была заселена полностью, следует признать неубедительным.

3. Нет ничего невозможного в том, что устоявшийся сложный топоним воспринимался как существительное женского рода⁹, ибо это отличительный признак египетских географических названий вообще. Более того, обычным является и написание «южный» («юг») с финальным -t¹⁰. Автор приводит два примера подобного написания исследуемого топонима. Один из них следует признать ошибочным: если у Рандалла-МакАйвера и Вулли имеет место финальное -t, выписанное с основным иероглифом, то в последней публикации Р. Каминуса топоним выписан обычным способом¹¹ (см. табл. 2, 9). В другом же случае финальное -t у прилагательного появляется именно там, где топоним «Элефантина» выписан с детерминативом N₂₅ (h3st), который и обусловил появление окончания женского рода при прилагательном «южный», обыгрывая довольно устоявшееся выражение h3st rsjt — «чужеземная южная страна». Однако в публикации Р. Каминуса мы находим два примера, когда топоним выписан с финальным -t. И если написание одного из них определенно¹², то написание вто-

⁶ N₂₁₋₂₂ (по Гардинеру).

⁷ Morgan J., de. Catalogue des Monuments et Inscriptions de l'Égypte Antique. v. I. Vienne, 1894, p. 84, not. 6. В одном случае можно предположить форму iw(?) n 'bw «Остров Элефантина» (чтение знака iw затруднительно, см. табл. 1, 10). Остров Ибрим, расположенный в районе Анибы, носил название p3 iw — «остров» (Steindorff G. Aniba. В. II. Glückstadt, 1937, S. 126); Абатон, близ Филе — iw w'b (Wb. I, 47); египетское название Крокодилополиса — iw m itrw (Brugsch H. Recueil de Monuments Egyptiens. I. P., 1862, tabl. XIII).

⁸ Wb II, 452—453; Helck W. Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte des 18. Dynastie. Wiesbaden, 1975, S. 129.

⁹ Godron. Op. cit., p. 242.

¹⁰ Wb II, 452—453.

¹¹ Cp. Randall-MacIver D., Woolley C. L. Buhen. Philadelphia, 1911, p. 55; Caminos R. The New-Kingdom Temples of Buhen. V. I—II. L., 1974; v. II, pl. 47, 2.

¹² Caminos. Op. cit., v. II, pl. 86, 3.

рого вызывает большие сомнения¹³: столь слабо выражена разница между -г и -т, причем следует заметить, что в публикации Рандалла-МакАйвера отсутствует вообще какой-либо знак при знаке M₂₃.

Таким образом, подобный вариант написания топонима ни в коем случае нельзя считать регулярным и следует скорее объяснить, как было сказано выше, либо возможной формой написания прилагательного rsj, либо формой написания египетских географических названий вообще.

4. Относительно фонетического изменения термина, предложенного автором, следует лишь отметить, что оно является не единственно возможным.

5. Вряд ли можно пожаловаться на отсутствие географических названий, которые могут быть отнесены к Фарасу. Во-первых, существовал топоним H^c-k3w-R^c-mrj-Mntw¹⁴ времени XVIII династии. Ж. Годрон относит его к крепости, сооруженной Сенусертом III¹⁵ вне территории предполагаемого острова. Однако, как известно, египтяне связывали часто название того или иного города (крепости) с окружающей его местностью. Таким образом, твердых оснований для того, чтобы отбросить возможную локализацию, нет. Во-вторых, известен топоним «Ибшек». Автор не исключает возможной идентификации его с 'bw rsj, забывая, однако, что существует точка зрения о связи данного топонима с Фарасом¹⁶. Такого мнения придерживаются Ф. Гриффис¹⁷, Л. Хабаша¹⁸, хотя существуют и другие взгляды на локализацию Ибшек¹⁹. Попытка же Ж. Годрона представить данный топоним как название части Фараса или святилища Хатхор чисто прокламативна.

Есть еще одно появляющееся в связи с Фарасом географическое название — Shtp-ntrw²⁰, однако относится оно к более поздней, чем та, о которой идет речь, эпохе²¹. Помимо высказанной Ж. Годроном точки зрения по поводу локализации и идентификации «Южной Элефантины» существуют еще несколько мнений. Так, Г. Бругш одним из первых высказал предположение о том, что название «Южная Элефантина» относится к собственно Элефантине²². Ж. Годрон, справедливо критикуя эту точку зрения, указывает на то, что: а) все надписи, в которых упоминается исследуемый термин, найдены значительно южнее Первого порога, поэтому естественнее было бы назвать собственно Элефантину «Северной»; б) оба термина употребляются параллельно²³; в) имеется другой термин, применяемый к Элефантине, — 'bw hrjt²⁴ — «Нижняя Элефантина». Еще Готье указывал, что существование географического названия «Нижняя Элефантина» предполагает и наличие противоположного — «Верхней» или «Южной» Элефантины²⁵.

Мнение Дершена об отождествлении «Южной Элефантины» с Калабшей можно признать беспочвенным: обнаруженная в Калабше статуя

¹³ Ibid., v. I, pl. 95, 5.

¹⁴ Gauthier H. Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. V. 1—7. Le Caire, 1925—1931, v. 4, p. 170.

¹⁵ Griffith F. Ll. Oxford Excavations in Nubia.— LAAA. V. 8. Liverpool, 1921, pl. 1, p. 80.

¹⁶ Ibid., p. 83.

¹⁷ Ibid. О «Хатхор Ибшек» см. Dewachter M. Nubie — Notes Diverses.— BIFAO. 70, 1971, p. 100—109.

¹⁸ Habachi L. Divinities Adored in the Area of Kalabsha with a Special Reference to the Goddess Miket.— MDAIK, 24, 1969, p. 172.

¹⁹ Gauthier. Dictionnaire..., v. 1, p. 65.

²⁰ Griffith. Op. cit., pl. XXIV, № 9; XXVII, № 9, 19.

²¹ Ibid., p. 83.

²² Brugsch H. Dictionnaire géographique de l'ancienne Egypte. V. I—II. Lpz, 1878—1879; v. I, p. 110.

²³ De Wit C., Mertens P. The Epigraphic Mission to Kumma and Semna.— Kush, 10, 1962, fig. 16; Davies N. The Tomb of Rekhmi-Rē^c at Thebes. V. II. N. Y., 1973, pl. XXIX, 1; Caminos. Op. cit., v. II, pl. 66, 91.

²⁴ Bru^zsch. Recueil..., p. 25, pl. XIII.

²⁵ Gauthier. Dictionnaire..., v. 1, p. 17.

Тутмоса III, на которой сохранился топоним, могла попасть в Калабшу многочисленными путями. Возможно, судя по именам богов, упомянутых на статуе ²⁶, она была завезена в Калабшу из Бухена. Идентификация («Южной Элефантины» с Бухеном была предложена Гриффисом ²⁷. В последнее время эта версия была поддержана Л. Хабаша ²⁸. На возможность локализации Южной Элефантины в районе Второго порога указывал Р. Каминос ²⁹.

Действительно, предложенная гипотеза имеет веские основания для существования — в храмах Бухена топоним Южная Элефантина упоминается 14 раз ³⁰. Однако, по мнению Годрона, эта идентификация вряд ли возможна по целому ряду причин: прежде всего Бухен не является островом; далее, оба названия (Бухен и Южная Элефантина) упоминаются в одном ряду; и, наконец, Бухен имеет в египетскоязычных источниках собственное название.

Критике первой посылки автора уже уделялось внимание (см. выше). Что же касается второй, то из содержания фразы — «царь дает жертву Гору, владыке Бухена (и) богам Южной Элефантины...», приводимой Годроном в качестве примера, исключающего идентичность топонимов, подобный вывод вовсе не следует. На наш взгляд, здесь лишь из ряда богов Южной Элефантины, коими были, скорее всего, Сатис, Анукис, Хнум (в различных ипостасях), выделено основное божество храма — «Гор, владыка Бухена». Тот же факт, что надпись находится на статуе заместника Нубии, служившего в этой должности во время правления Аменхотепа I — Тутмоса I ³¹, резиденцией которого был Бухен, скорее свидетельствует в пользу идентичности топонимов.

Зете ³² и Готье ³³ идентифицировали Южную Элефантину с Семной. Этой точки зрения придерживался и Хинце ³⁴. Биссинг, напротив, отвергал такую возможность ³⁵. Годрон поставил под сомнение предложенную идентификацию на следующих основаниях: единичность источника; не островное положение Семны; наличие собственного географического названия для последней.

Возможность сопоставления Южной Элефантины с Адинданом — островом, расположенным выше Второго порога, или с любым другим крупным островом этого района ³⁶ рассматривалась Рандаллом-МакАйвером и Вулли. Основанием для подобной локализации служил лишь тезис об островном положении Южной Элефантины, выше Первого порога.

Вернемся еще раз к источникам, упоминающим Южную Элефантину. Термин появляется с периода Нового царства, со времени правления Тутмоса I. Косвенным подтверждением существования двух Элефантин уже в этот период является тот факт, что в циркуляре Тутмоса I «царскому сыну Куша» Тури «Элефантина верхнеегипетская» названа «Элефантинной (что в провинции) Глава Юга» ³⁷. Исследуемый термин зафиксирован в Бухене, Семне и Фарасе ³⁸.

²⁶ Brugsch H. Thesaurus. Inscriptionum Aegyptiarum. Altaegyptische Inschriften. Lpz, 1891, Abt. VI, № 1445.

²⁷ Griffith. Op. cit., p. 90.

Habachi. Op. cit., p. 177.

²⁹ Caminos. Op. cit., v. 1, p. 81, not. 2.

³⁰ Codron. Op. cit., p. 239.

³¹ Тури жил, вероятно, вплоть до правления Хатшепсут (ЖЕА, 6, 1920, p. 29).

³² Sethe K. Die Namen von Ober- und Unterägypten. — ZAS, 44, 1907, S. 22; см. Lepsius R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen. Tl. I—VI. B., 1849—1858, Tl. III, S. 53.

³³ Gauthier. Dictionnaire..., v. 1, p. 3, 17; v. 4, p. 207.

³⁴ Hintze F. Preliminary Note on the Epigraphic Expedition to Sudanese Nubia. — Kush, 11, 1962, p. 94, not. 10.

³⁵ Bissing. Baumeister..., S. 178, Anm. 4.

³⁶ Randall-MacIver, Woolley. Buhen, p. 54.

³⁷ Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie. IV. Lpz, 1906—1909, S. 80.

³⁸ На одном из изображений, обнаруженных в Ибриме, упоминается богиня Хатхор Ибшек, «находящаяся в Элефантине». К сожалению, за группой знаков, поме-

Следует, очевидно, допустить возможность существования еще одной гипотезы, согласно которой термин относился, по крайней мере, к двум из упомянутых местностей — Бухену и Семне, но в разное время.

Элефантина на протяжении всей египетской истории рассматривалась как южная граница³⁹. Именно этот факт и сыграл свою решающую роль в возникновении названия «Южная Элефантина», ибо, вероятно, слово 'bw со временем сливается с понятием «граница». Бухен и Семна также были границами Египта, но позже: Бухен со времени Сенусерта I⁴⁰, Семна — Сенусерта III⁴¹. Однако следует иметь в виду, что внутри каждого из периодов истории древнего Египта (Древнее, Среднее, Новое царства) можно проследить продвижение египтян на юг: Элефантина — Бухен — для Древнего царства; Элефантина — Бухен — Семна — для Среднего царства; Элефантина — Бухен — Семна — Кава — для Нового.

Весьма трудно выявить из-за недостатка источников точную временную последовательность продвижения термина «Южная Элефантина» в Бухен и Семну. Можно лишь отметить, что в Бухене термин зафиксирован при Тутмосе I, Тутмосе III, а в Семне — лишь при Тутмосе III. Итак, Элефантина, Бухен, Семна ко времени правления Тутмоса III уже прочно связываются с представлением о границе. Прилагательные «южный» («верхнеегипетский») и «северный» («нижнеегипетский») уже с Древнего царства также могли использоваться не только для определения места как принадлежащего к Верхнему или Нижнему Египту, но и с целью подчеркнуть его пограничное положение⁴².

Таким образом, появление топонима «Южная Элефантина» в каждом из перечисленных мест не вызывает удивления. Выпадает из этого ряда лишь Фарас, который, судя по сохранившимся источникам, границей не был.

Географические условия мест, в которых появляется топоним «Южная Элефантина», тоже весьма сходны: в Элефантине — это быстрины Первого порога, в Бухене — Второго порога; в районе Семны группа скалистых островов преграждает реку, образуя стремнины⁴³. И только у Фараса течение Нила спокойно. Скорее всего, географические условия и послужили причиной того, что упомянутые места стали границами Египта: отсюда было весьма удобно осуществлять контроль за движением по реке. С другой стороны, сходные географические условия породили почитание здесь аналогичных или однотипных культов.

Еще Ф. Гриффис отмечал, проводя параллель между Элефантиной и Южной Элефантиной, что если первая связана с именами Хнума, Сатис и Анукис, то вторая — с именами Гора Бухена, Сатис, Анукис⁴⁴.

Действительно, основными божествами Элефантины были Хнум, его супруга Сатис, «госпожа Элефантины»⁴⁵, и дочь Сатис — Анукис. Имен-

щенных в нашей табл. 1, 16, следует лакуна. По поводу возможной интерпретации неполностью сохранившегося географического термина М. Девachter высказывает следующие соображения: «Nous pensons que c'est bien 'bw qu'il faut lire avec Caminos dans cet exemple, plutot qu' 'bw(rsj) qui, en considérant le contexte dans lequel apparaît cette déesse, n'est pas cependant exclu» (*Dewachter*. Op. cit., p. 107). Безусловно, появление в данном случае термина 'bw rsj маловероятно — ипостась «Хатхор Ибшек, находящаяся в 'bw rsj» не зафиксирована ни в одном из 27 случаев, когда упоминается имя богини (*Dewachter*. Op. cit., p. 100—106). Гораздо логичнее предположить наличие на месте лакуны детерминатива к слову 'bw.

³⁹ Gardiner A. The Earliest Manuscripts of the Instruction of Amenemmes I.— In: Mélanges Maspero I. Caire, 1935—1938, p. 490; Gunn B., Gardiner A. New Renderings of Egyptian Texts.— JEA, 5, 1918, p. 46; Sethe. Urk., IV, S. 55, 137—141.

⁴⁰ Breasted J. The Wadi Halfa Stela of Senwosret I.— PSBA, 23, 1901, pl. 3.

⁴¹ Lepsius. Denkmäler..., II, 136 i.

⁴² Sethe. Die Namen..., S. 29.

⁴³ Reisner G., Wheeler N. F. Uronarti, Schalfak, Mirgissa (Second Cataract Forts, v. II). Boston, 1967, p. 3.

⁴⁴ Griffith. Op. cit., p. 90.

⁴⁵ Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae... in the British Museum. Pt. 1—8. L., 1912—1939; pt. IV, pl. 1; Morgan. Catalogue..., p. 77—89.

но эти боги объединялись общим названием «боги, которые в Элефантине»⁴⁶. Письменные⁴⁷ и археологические⁴⁸ данные подтверждают существование в Элефантине храмов, посвященных Хнуму и Сатис.

В Бухене из 14 надписей, в которых упомянута «Южная Элефантина», восемь связывают топоним с именами Сатис и Анукис, в пяти случаях собственные имена богов утрачены и лишь в одном случае появляется имя Нейт. Вполне понятна замена в Бухенской триаде Хнума Гором Бухена. Хнум, владыка порогов, был основным божеством Элефантины, в то время как Гор Бухена — основным богом Бухена. Известны аналогии: так, в Каср Ибриме во времена Тутмоса III Гор Миама представлен в паре с Сатис, владычицей Элефантины⁴⁹. Хнум же почитался в Бухене в ипостаси «Хнум, владыка Бусириса»⁵⁰.

Интересно появление в двух случаях богини Нейт в ипостаси владычицы Южной Элефантины: один раз в Бухене и дважды (?) — на статуе Тутмоса III (см. выше). Появление имени этой богини в Бухене неудивительно, ибо Нейт, будучи владычицей Саиса, почиталась в Эсне как супруга бога Хнума и вполне могла попасть в Бухен в этом качестве, принимая во внимание «подвижность» египетских богов. Небезынтересно также отметить закономерность распределения ипостасей «Х владычица Элефантины» и «Х владычица Южной Элефантины» в храмах Бухена. Так, последняя ипостась зафиксирована 13 раз в Южном храме Бухена и лишь один раз в Северном⁵¹. В свою очередь, в Северном храме почитаются божества Элефантины: «Анукис, владычица Элефантины»⁵² и «Х, владычица (?) Элефантины»⁵³. Подобное распределение может свидетельствовать о связи Южного храма с Бухеном и с Южной Элефантинной, а Северного — с Элефантинной. Таким образом, Бухен является южным культовым центром почитания богов Элефантины, в то время как боги, имеющие другие культовые центры, почитаются в Бухене в своих обычных ипостасях: Бастет, «владычица Бубастиса»⁵⁴, Монту, «владыка Фив»⁵⁵, Хнум, «владыка Бусириса»⁵⁶.

В Семне топоним Южная Элефантина также связывается с именем богини Сатис. На западной стене храма в Семне сохранилась надпись «Гор Бехдетский (и) Сатис, владычица Южной Элефантины, владычица неба»⁵⁷. Можно было бы предположить, что Сатис, владычица Южной Элефантины, была божеством не местного культа, а «припешней». Подобное явление часто наблюдалось в Египте: так, в Ибриме, расположенном выше по течению Нила от Анибы, но на другом берегу реки, почитались Гор Бухена и Анукис, владычица Элефантины⁵⁸, на острове Шехель — Гор — владыка Миама⁵⁹ и т. д. Однако основным божеством Семны в эпоху Тутмоса III был Хнум, «связывающий луки, убивающий быков», поэтому Сатис вполне могла выступать в качестве его супруги. Гор, входивший в триаду, почитался в Семне в ипостаси «Гор, бык мощный, воссиявший в Фивах», хотя в это время в Нубии получили распро-

⁴⁶ Gardiner A. Inscriptions from the Tomb of Si-renpowet I.— ZÄS, 45, 1908, pl. VI (16).

⁴⁷ Ibid., pl. VI, p. 136.

⁴⁸ Kaiser W., Grossman P., Haeny G., Jaritz H. Stadt und Tempel von Elephantine.— MDAIK, 30(1), S. 83, Abb. 3, pl. 66—67; S. 67—69.

⁴⁹ Caminos R. The Shrines and Rock-Inscriptions of Ibrim. L., 1968, pl. 11, 18, 22.

⁵⁰ Idem. The New-Kingdom Temples..., V. I, pl. 32.

⁵¹ Ibid., v. II, pl. 86.

⁵² Ibid., pl. 91, 5; p. 111.

⁵³ Ibid., pl. 92, 2; 93, 1.

⁵⁴ Ibid., v. 1, pl. 54.

⁵⁵ Ibid., pl. 97.

⁵⁶ Ibid., pl. 32.

⁵⁷ Sethe K. Alte und Neue Geschichte der Thronsteitigkeiten unter den Nachfolgern Thutmosis I.— ZÄS, 36, Abb. VI—X.

⁵⁸ Caminos. The Shrines..., pl. 27.

⁵⁹ Morgan. Catalogue..., p. 84, not. 2.

странение такие ипостаси Гора, как «Гор, владыка Бухена», «Гор, владыка Миама».

Таким образом, возможно, подчеркивалась привязанность топонима к данной географической точке, в которой его, по всей вероятности, и следует локализовать. В надписях из Фараса также сохранились упоминания «владычицы Южной Элефантины»⁶⁰, однако они настолько единичны и фрагментарны, что с трудом удается восстановить имена богинь. Здесь, очевидно, почитались богини Сатис⁶¹ и Анукис⁶². Скорее всего, эти надписи датируются эпохой правления Тутмоса III, о чем свидетельствуют данные, полученные в ходе раскопок, проводимых в последнее время в Фарасе⁶³.

По источникам, дошедшим из Фараса, к сожалению, невозможно восстановить, с каким именно божеством связывался топоним Южная Элефантина. Однако, скорее всего, упомянутая здесь «владычица(ца) Южной Элефантины» входила в Бухенскую триаду и была заимствованным божеством, пришедшим из Бухена. Это предположение основывается на том факте, что при Тутмосе III в Фарасе почитался Гор, «владыка Бухена». Фрагменты надписей с этой ипостасью Гора находились в одном слое с обломками, где упоминались богини Анукис и Сатис и топоним «Южная Элефантина»⁶⁴. Таким образом, вряд ли топоним относился к данной местности.

Итак, в Элефантине, Семне, Бухене и Фарасе почитались культы одних и тех же богов, правда в разных ипостасях. Еще Зете обратил внимание на то, что появление сложных топонимов, в состав которых входит название известного географического пункта и прилагательного объясняется почитанием в двух различных местах одних и тех же божеств; так, ученый отмечал, что появление топонима «нижнеегипетский Абидос» объясняется наличием здесь культовых мест Осириса⁶⁵. Кроме собственно Абидоса и «Абидоса нижнеегипетского» нам известны следующие топонимы с аналогичной структурой: Wn(w) rsjt и Wnw mfw — соответственно Гермонтис Верхнеегипетский и Гермонтис Нижнеегипетский (и в том и в другом основным божеством был Тот): Iwnw Sm'w и Iwnw — соответственно Гермонт и Гелиополь. В культах почитаемых здесь божеств также прослеживается явная связь⁶⁶. Трудность выделения общих культов для прочих городов-«двойников» связана с трудностью локализации многих из них. Итак, появление топонима «Южная Элефантина» в Семне, Бухене, где почитались одни и те же боги, вполне объяснимо. На основании всего вышесказанного можно предположить, что термин «Южная Элефантина» относился к Бухену, Семне, возможно, к Фарасу.

Представляется возможной следующая схема появления термина. Труднопроходимые быстрины в районах Бухена, Семны были стратегически удобны для постройки пограничных крепостей, сюда и перекочевали из Элефантины культы богов, связанных с порогами: Хнума, Сатис, Анукис (подчас с выделением в триаде основного локального божества). С этими же пунктами стало связываться название «Элефантина Южная», т. е. южная граница.

Есть некоторая вероятность того, что топоним «Южная Элефантина» появился гораздо раньше, чем принято считать. В надписи чиновника Кара (время правления Мерира — Меренра) имеется топоним r } } n 'bw «Врата Элефантины», который связывается с Югом: «Я (т. е. Кар. —

⁶⁰ Griffith. Op. cit., pl. XXV, № 37—38; Godron. Op. cit., p. 239.

⁶¹ Griffith. Op. cit., pl. XXV, № 34—35.

⁶² Ibid., pl. XXV, № 39.

⁶³ Kush, 10, 1962, p. 221.

⁶⁴ Griffith. Op. cit., pl. XXV, № 10; предположительно: pl. XXV, № 9, 11—14, 25.

⁶⁵ Sethe. Die Namen..., S. 28.

⁶⁶ Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976, с. 87.

Г. Б.) — хранитель всех тайн, принесенных из врат, связывающих (?) страны, из стран южных»⁶⁷. Чуть позже, в период правления фараонов Мерира — Меренра — Канеферра, чиновник Чаути в надписи автобиографического характера использует топоним $g\{ \} p\{ 'bw\ rsj$, который встречается в его надписи четыре раза, т. е. является уже вполне устоявшимся.

Основная часть топонимов в надписях Кара и Чаути, скорее всего, идентична: знаки W_7 и Aa_2 взаимозаменяемы при написании слова Элефантина⁶⁸, тем более что чиновники Кар и Чаути выполняли функции «начальников Юга», в сферу подчинения которых, безусловно, входила Элефантина. Таким образом, в надписи Чаути топоним, возможно, следует переводить как «Врата Южной Элефантинны». Не следует ли предположить, что этот топоним мог иметь в виду Бухен? Известно, что уже в эпоху Древнего царства в Бухене существовало укрепленное поселение, сведения о котором были получены в ходе раскопок 1960—1962 гг.⁶⁹ Однако настаивать на данном предположении пока нет достаточных оснований.

Следует, очевидно, также коснуться топонима «Нубийская Элефантина». На существование этого названия первым обратил внимание Ф. Хинтце⁷⁰, связав его с Куммой, где была обнаружена следующая надпись: «О! Может быть, имена наши останутся в Нубийской Элефантине!»⁷¹. Хинтце считает этот вариант перевода более уместным, чем другой возможный: «...в Элефантине (и) Нубии»⁷². Действительно, едва ли имело смысл, пребывая в Кумме, просить о том, чтобы твое имя сохранилось в Элефантине. Термин «Нубийская Элефантина» весьма уместен, если вспомнить, что Семна, Южная Семна и Кумма представляли единую фортификационную единицу в области Второго нильского порога. И если Южная Семна носила название «Южная крепость» и Семна — «Южная Элефантина», то название расположенной на противоположном берегу крепости «Нубийская Элефантина» вполне вписывалось в этот комплекс названий. Кстати, в Кумме — «Нубийской Элефантине» — почитался Хнум в различных ипостасях⁷³, а также Анукис, «владычица Элефантинны»⁷⁴ во время правления Тутмоса III — Аменхотепа II.

Итак, термин «Южная Элефантина» существовал, возможно, с эпохи Древнего царства и относился сначала к Бухену, а затем к Семне. Этот

⁶⁷ $imj-g\{ \} g\{ w\ h\}swt\ m\ h\}swt\ rsjt$. Перевод «Врата, связывающие (?) страны», очевидно, наиболее уместен и диктуется наличием детерминатива, употребленного во множественном числе. Получается как бы игра слов: «Врата Элефантинны» и «Врата, связывающие чужеземные страны» (*Sethe. Urk.*, I, S. 253 f.).

⁶⁸ *Gardiner. Egyptian Grammar*, W.

⁶⁹ *Emery W. B. Preliminary Report on the Excavations at Buhen.* — *Kush*, 11, 1963, p. 116 f., fig. 3.

⁷⁰ *Hintze. Preliminary Note...*, p. 94.

⁷¹ *Dunham D., Janssen J. Semna, Kumma (Second Cataracts Forts, v. I).* Chicago, 1960, 119b.

⁷² *Hintze. Preliminary Note...*, p. 94, not. 10; *Godron. Op. cit.*, p. 240. Ссылаясь на А. Гардинера (*Egyptian Grammar*, § 90, 3), Ж. Годрон считает, что для выражения понятия «Нубийская Элефантина» использовалась бы конструкция T_3 -Stj 'bw. Такой вариант перевода впервые был предложен А. Эрманом на основании исследования стелы V_3 Лейденского собрания (XII династия), где прослеживается различие между городом, номом, районом $Tr-Sm^c\ T_3-wr$ — «Тинитский ном, входящий в Главу Юга» и $T_3-wr\ }bdw$ — «Абидос, относящийся к Тинитской провинции». То же явление можно проследить по Берлинской стеле 1198 (XII династия), где упоминается $Tr-Sm^c\ T_3-wr$. Таким образом, большая административная единица называется первой, за ней идет меньшая. А. Эрман указывает на регулярность такой конструкции в египетском языке, например, в отношении обозначения сырья: $ing\ h_d\ }krs$ — «известняк,

саркофаг», «саркофаг из известняка» (*Erman A. Der Ausdruck* — *ZAS*, 29, 1891,

S. 119 f.). Однако в нашем случае T_3 -Stj может быть относительным прилагательным, стоящим на своем обычном месте (*Петровский Н. С. Египетский язык*. Л., 1958, с. 112).

⁷³ *Wit De, Mertens. Op. cit.*, fig. 4, 16, 19.

⁷⁴ *Ibid.*, fig. 16.

термин являлся в каком-то смысле поэтическим: так, он никогда] не встречался при описании бытовых ситуаций, а лишь в связи с эпитетами богов — Сатис и Анукис.

Г. А. Белова

THE ANCIENT EGYPTIAN TOPONYM ('bw rsj)

G. A. Belova

The author proposes a variant hypothesis for the identification of Southern Elephantine. Having reviewed all existing opinions on this question, she discusses their good and bad points. Special attention is given to criticism of the views of the French Egyptologist J. Godron, who recently suggested that the toponym 'bw rsj be identified with Farras. After once more going through all the sources which mention the toponym the author concludes that the most likely identification is with Buhen and perhaps Semna, both of which were fortified towns serving at various times as border posts, as did Elephantine in an earlier epoch. The toponym 'bw rsj was apparently their poetic name, occasioned by the close connection of Elephantine with the cults of the goddesses Satis and Anukis, who were also worshipped in Buhen and Semna. The author is also inclined to believe that in a somewhat different form the toponym 'bw rsj — the «Gates of Southern Elephantine» — was in use in the Old Kingdom and may have referred to Buhen from then on.

ИССЛЕДОВАНИЕ КЕРКИНИТИДЫ

Археологическое изучение наиболее крупного античного памятника Северо-Западного Крыма — Керкинитиды — носило до сих пор эпизодический характер. Его раскопки в 1917—1918 и 1929 гг. проводил Л. А. Моисеев, а в 1950 и 1952 гг. — П. Н. Шульц и М. А. Наливкина. С 1980 г. систематическое исследование города ведет экспедиция Крымского отдела Института археологии АН Украинской ССР.

Полученные в результате геолого-археологического изучения данные полностью подтверждают вывод П. Н. Шульца о том, что первоначальное поселение греков-колонистов возникло на ровном песчаном месте, а холм на месте Керкинитиды — результат накопления культурных отложений и строительных остатков. Толщина культурного слоя на территории Керкинитиды, как показывают керны скважин, пробуренных с разведывательной целью, колеблется от 4 до 6,5 м, а в одном случае достигает 7,3 м. С юго-запада город ограничивало озеро, отделенное от моря пересыпь, с северо-востока — небольшая мелководная лагуна, а северо-восточнее от нее — бухта.

Как отмечалось нами в предварительных публикациях¹, в восточной части Керкинитиды, раскапываемой в настоящее время, стратиграфически выделяются четыре больших строительных периода (не считая локальных перестроек отдельных жилых комплексов), охватывающих конец VI — конец II в. до н. э.: первый период длился с конца VI до

¹ Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследование Евпаторийского городища. — АО 1980 г. М., 1980; они же. Раскопки Керкинитиды в 1980 г. — Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда. Тбилиси, 21—26 апреля 1981 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1981; они же. Керкинитиды в эллинистический период. — Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему: «Эллинизм и Причерноморье». Цхалтубо, 21—27 мая 1982 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1982; они же. Раскопки Керкинитиды (Евпаторийского городища). — АО 1981 г. М., 1982.

конца V в., второй — с конца V до середины IV в., третий — с третьей четверти IV до второй половины II в., четвертый охватил конец II в. до н. э.

К сожалению, наиболее ранние строительные остатки изучены фрагментарно, так как до уровня их залегания раскопы еще не доведены. К тому же на уровне древнейших культурных отложений выступают грунтовые воды, значительно поднявшиеся со времени основания города. В настоящее время подошва культурных отложений открыта на небольшом участке на глубине 4,40 м от современного уровня. Здесь, поверх стерильного в археологическом отношении песка обнаружены вместе с греческой керамической тарой VI — начала V в. до н. э. фрагменты кизил-кобинской чернолощеной керамики, украшенной мелкозубчатым штампом. Аналогичные результаты были получены в результате исследований 1952 г. Возможно, что этнический состав населения города с момента его основания был неоднороден.

Первые два строительных периода (конец VI — середина IV в. до н. э.), относящиеся ко времени независимого существования Керкинитиды, сегодня изучены слабее других, так как они в основном перекрываются более поздними постройками. Ранние сооружения имели сырцовые стены на невысоких каменных цоколях. Вместо каменных фундаментов использованы заполняющие траншеи песчаные подсыпки, реже — слоевые субструкции, состоящие из чередующихся прослоек песка и золы. Песок под тяжестью стен и кровли спрессовался, давая устойчивое основание всей постройке. Цоколи стен сложены преимущественно из мелкого, почти плоского камня в иррегулярной и регулярной технике; в редких случаях их наружные панцири выложены из хорошо отесанных орфостатов. Сырцовые стены сохранились крайне фрагментарно, так как позже, при перестройке городских домов, они сносились, а их каменные цоколи использовались в качестве фундаментов для более поздних кладок. Насколько можно судить по уцелевшим сырцовым стенам и их развалам, кирпичи были стандартными: $0,35 \times 0,45$ м при толщине $0,08—0,09$ м.

Наиболее полно исследованы постройки третьего периода (с третьей четверти IV до второй половины II в. до н. э.), сооружение которых по времени совпадает с присоединением Керкинитиды к Херсонесу. Планировка города в этот период также регулярная, с почти перпендикулярным пересечением улиц. Интересно, что планировочная сеть города (с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад) в главных чертах повторяет планировку эллинистического Херсонеса. Это, видимо, связано с одинаковой розой ветров этих мест.

Раскопками открыт блок из четырех вытянутых вдоль одной линии домов приблизительно одинаковых размеров. С северо-восточной стороны к ним, вероятно, примыкало два аналогичных дома. Расположение улиц на участке раскопок позволяет предположить, что к этому ряду домов примыкал еще один блок из шести жилых комплексов. Если наши рассуждения верны (это покажут дальнейшие раскопки), то исследованный городской квартал включал 12 жилых комплексов.

Остановимся на характеристике одного из них — так называемого дома с андроном, имеющего площадь застройки около 108 м^2 . Основу планировки комплекса составляет небольшой двор, занимающий 11% его площади. Вокруг двора группировались различные помещения. Узкий коридор соединял его с улицей, проходившей юго-восточнее. В северном углу здания находился андрон, по форме близкий к квадрату, размерами $4,64 \times 4,86$ — $4,94$ м с выходом во двор. Его пол и панель вдоль стен, так же как и в аналогичных постройках Олинфа, вымощены галькой, поставленной на ребро на известковом вяжущем растворе, и сверху оштукатурены. Штукатурка окрашена не была, к моменту раскопок сохранилась фрагментарно. Панель, приподнятая на 6—10 см,

различной ширины: от 0,82—0,84 до 0,90 м. Окаймленная панелью центральная часть пола представляла собой ровную прямоугольную площадку, по сторонам которой сохранились пазы от деревянной обкладки. В центре находился квадратный очаг размерами 0,98 × 0,98 м. Три остальных помещения дома расположены вдоль его юго-западной стороны. Определению поддается одно из них — южное, самое крупное угловое помещение с очагом в центре; размеры комнаты и местоположение очага позволяют интерпретировать его как ойкос. Из двух других комнат одна была проходной, другая, тоже угловая, вероятно, жилой. Ни в одном из восьми других домов IV—II вв. до н. э., раскопанных тут, андроны пока не обнаружены.

Большой интерес представляет еще один дом таких же размеров, полностью исследованный. Жилые его помещения расположены с северо-восточной и северо-западной сторон двора и отделены от него открытой пастадой, впервые отмеченной в Керкинитиде. Следует выделить северное угловое помещение квадратной формы, не имевшее прямого выхода ни в пастаду, ни во двор. Оно служило домашним святилищем земледельческого культа. На его полу обнаружены обломки шести протом Деметры и Керы. Наибольшую ценность имеет полностью восстановленное по фрагментам погрудное изображение Деметры, возможно, самосского производства, в башенном головном уборе и со сложенными на груди руками.

Для архитектуры третьего строительного периода характерна большая по сравнению с предыдущим монументальность; можно отметить появление сооружений целиком из камня, в которых сочетались капитальные каменные стены с внутренними сырцовыми перегородками.

Последний период существования памятника был связан со строительной деятельностью скифов, захвативших Керкинитиду в конце II в. до н. э. Скифское поселение на месте греческого города состояло первоначально из временных жилищ, углубленных в землю до 1 м, округлой или овальной формы, с диаметром верхнего края от 2,5 до 3,6 м. Внутри некоторых наиболее крупных землянок (диаметр их 3 м и более) вдоль стен тянулись так называемые «лежанки» — своего рода ступени, иногда обложенные поставленными на ребро плитами. Именно эти землянки можно считать жилыми. Остальные, меньших размеров, использовались, скорее, в хозяйственных целях. Спустя некоторое, вероятно непродолжительное, время углубленные в землю сооружения были заменены наземными постройками, воздвигнутыми целиком из камня, употребленного вторично. Греческий город превратился в каменоломню, а его территория была изрыта многочисленными траншеями, по направлению совпадающими с более ранними стенами. В употребление пошли и рустованные блоки, выломанные из оборонительной стены. Прекрасный строительный материал использовался скифами крайне неумело: панцири стен между собой не перевязаны, их подошвы не имеют фундаментов и повторяют неровности рельефа. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам скифских кладок, они были невысокими и целиком каменными, причем нижние ряды выложены из больших плит, поставленных на ребро, остальные же — из мелкого камня.

В конце II в. до н. э. Керкинитиду, как известно, возвратил Херсонесу Диофант, полководец Митридата VI Евпатора. Однако строительных остатков более позднего времени на участке раскопок нами не обнаружено.

Нашими раскопками впервые в истории изучения города открыта северо-восточная граница Керкинитиды с остатками двух разновременных оборонительных стен (ранее исследовались юго-западная и северо-западная линии обороны). Таким образом, точно установлены границы города, размеры которого ранее были завышены. Как уже было сказано, с этой стороны Керкинитиды ограничивалась лагуной, линия которой

четко фиксируется открытой раскопками галькой. Керны скважин, пробуренных на том же месте, показали иловые отложения толщиной до 1 м.

Более ранняя крепостная стена шириной 1,18—1,28 м, расположенная на берегу и построенная в самом конце V в. до н. э., исследована на протяжении 26 м. В юго-восточном конце этого участка стены находился проем ворот, ширину которого определить пока не удалось, ибо второй откос проема еще не раскопан. С внутренней, обращенной в город стороны ворота имели пилоны шириной 1,8 м. Крепостная стена двухпанцирная: ее внешний край выложен из хорошо отесанного рустованного камня с чередованием орфостатных и ложковых рядов и пропиленной швов. Позже эта облицовка была большей частью выбрана до основания: в стратиграфическом срезе четко видна траншея от выборки камня. Внутренний панцирь сложен из известняковых камней различной величины и формы, отесанных с лицевой стороны. Пространство между панцирями забутовано крупными голышами, среди которых есть камни изверженных пород неместного происхождения. Последнее позволяет предположить, что они привезены сюда в качестве корабельного балласта.

В крепостной стене, на расстоянии 16,25 м к северо-западу от ворот была калитка шириной 1,50 м; с внутренней стороны к ней примыкала улица. Относительно небольшая толщина стены объясняется отчасти тем, что сначала стена располагалась на краю лагуны. Однако благоприятный для защиты города ландшафт вскоре изменился. Лагуна затянулась мощным, до 1,60 м, слоем песка, который особенно интенсивно накапливался у крепостной стены, ставшей преградой на пути его перемещения. Таким образом с ее наружной стороны образовался естественный пандус, сделавший данный участок стены весьма уязвимым. Чтобы усилить линию обороны со стороны высохшей лагуны, ворота упразднили и закрыли башенным выступом, пространство внутри которого забутовали голышами на глине. При этом подошва его стен оказалась на 1 м выше основания самой оборонительной стены. На противоположном конце раскопанного участка открыта кладка еще одной разобранной башни.

Однако, несмотря на все старания дальнейшие изменения ландшафта потребовали полной перестройки линии обороны города. Новую крепостную стену перенесли на 4,5 м ближе к воде. Она сохранила то же направление и была установлена подошвой прямо на наносный песок. От нее, к сожалению, сохранилось лишь несколько камней двухпанцирного основания шириной 1,67—1,70 м. Дневная поверхность (времени возведения этой стены) фиксируется слоем строительного отеса, и ее можно уверенно отнести к середине IV в. до н. э.

Несмотря на возведение новых и укрепление уже существовавших участков обороны, в конце III в. до н. э. под натиском скифов территория Керкинитиды значительно сократилась. Раскопками 1981 г. в центральной части города был открыт участок еще одной крепостной стены, длиной 18 м, разрезавшей городище поперек: с юго-запада на северо-восток. Перед ее возведением на большой площади, с напольной стороны, были снесены все постройки, в том числе и северо-западная часть описанного нами квартала IV—III вв. до н. э. Перед стеной образовалось открытое пространство. Площадь со стороны города оставили незастроенной. Эта оборонительная стена мощнее более ранних крепостных сооружений, описанных нами. Она двухпанцирная, шириной 2,65—2,70 м, на три ряда кладки углублена в землю и сложена в основном из рустованных блоков известняка. Промежутки между ее панцирями плотно забутованы разнокалиберным камнем на глине; стена к основанию утолщается (0,40 м на каждый нижележащий ряд). Тычковые камни в панцирях встречаются редко, из-за этого отсутствует необходимая связь между забутовкой и облицовкой стены. На одном участке нет фундамента, углубленного в землю, подошва стены лежит на дневной поверхности.

Не объясняется ли это тем, что крепостная линия возводилась поспешно, в опасной для города обстановке и при недостатке квалифицированных мастеров?

Несмотря на дополнительную линию обороны, в конце II в. до н. э. город захватили скифы. Крепостные стены были ими разобраны и камень использован в строительстве. Интересен и тот факт, что остатки стен перекрыты скифскими постройками.

Строительная периодизация Керкинитиды соответствует ее исторической периодизации. Два первых строительных периода можно отнести к раннему этапу развития города (VI — середина IV в. до н. э.). Для него характерны ионийские строительные приемы, в быту использовались в основном импортная ионийская столовая керамика (Хиос, Атика, Фасос, Самос) и произведения восточноионийской коропластики. На то же направление торговых связей указывает керамическая тара: амфоры названных центров обильно представлены в соответствующих культурных отложениях.

Следующий этап исторического развития города (середина IV—II в. до н. э.) ознаменовался присоединением Керкинитиды к Херсонесу. Те перемены в ее архитектуре и градостроительстве, о которых сказано выше, сопряжены с притоком в город нового, в большей части дорийского этнического элемента, что нашло отражение в погребальном обряде и инвентаре ранее исследованного некрополя Керкинитиды. О том же свидетельствуют и граффити на посуде. Об изменении экономической ориентации в этот период говорит резкое преобладание керамики Гераклеи, Херсонеса, Синопы.

Третий — «варварский» — самый короткий этап истории города. Он характеризуется не только варваризацией строительного дела и архитектуры, но и преобладанием лепной скифской керамики, что свидетельствует о коренных переменах в этническом составе населения.

Раскопки Керкинитиды продолжаются. Научная обработка ее материалов, в том числе монет, клейм, граффити, только началась и требует усилий многих исследователей. Но и сейчас можно сказать, что изучение таких периферийных памятников греческой ойкумены, как Керкинитиды, освещает важные стороны жизни далеких античных окраин.

В. С. Драчук, В. А. Кутайсов

EXCAVATION RESULTS ON THE SITE KERKINITIS

V. S. Drachuk, V. A. Kutaisov

Excavation of Kerkinitis that was begun in 1980 by the Crimean Division of the Archaeological Institute, USSR Academy of Sciences, shows that the first two structural periods (last quarter of the 6th to middle of the 4th century) are characterised by Ionian construction techniques, mostly imported Ionian tableware (from Chios, Attica, Thasos, Samos) and locally produced East Ionian-type coroplastics. Ceramic containers show the same connections. The third period (mid-4th to 2nd centuries), signalled by the incorporation of Kerkinitis with Chersonesus, is characterised by changes connected with the influx of new, for the most part Dorian, ethnic elements. Town planning follows that of Hellenistic Chersonesus and the architecture is monumental. A shift in economic orientation is attested by the predominance of pottery imports from Heracleia, Chersonesus and Sinope. The next, «barbarian», stage is the shortest in the history of Kerkinitis and is marked by the barbarization of construction work and architecture after the Scythians captured the town at the end of the 2nd century. First there were round mud-huts, then houses were built above ground by means of a clumsy re-use of stone building-blocks. The predominance of moulded Scythian pottery confirms the conjecture that at this stage there was a radical change in the ethnic composition of the population. At this point ho-

wever our structural evidence comes to an end, though we know that soon after this Kerkitis was returned to Chersonesus by Diophantos, acting in behalf of his patron, Mithridates VI Eupator. Study of the remains of Kerkitis has shed light on the history of the colonies planted along the periphery of the Greek *oikoumenē*, though much is still to be done on this site.

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ХЕРСОНЕССКИХ МАГИСТРАТСКИХ КЛЕЙМ¹

Создание развитой хронологической классификации — необходимое предварительное условие, позволяющее использовать амфорные клейма тех центров, в которых осуществлялось систематическое клеймение керамической тары, и как надежный датирующий материал, и как полноценный источник по истории производства и торговли.

Последние три десятилетия при работе с магистратскими клеймами Херсонеса широко привлекалась классификационная схема, разработанная Р. Б. Ахмеровым². Автор распределил всех известных ему астиномов по четырем хронологическим группам, установив абсолютные даты каждой из них. Эта классификация, несмотря на ряд серьезных критических замечаний, высказанных А. А. Нейхардт³, до самого последнего времени продолжала считаться вполне надежной⁴.

Между тем относительно недавно стали известны материалы, не укладывающиеся в предложенную Р. Б. Ахмеровым схему⁵. Они частично были привлечены Б. Ю. Михлиным в ходе работы по передатировке хронологических групп, подгрупп и отдельных херсонесских клейм. Вместе с тем предложенные поправки столь серьезны, что они плохо согласуются с выводами автора об отсутствии пока достаточных оснований сомневаться в правомерности предложенной Р. Б. Ахмеровым группировки херсонесских магистратов⁶. На наш взгляд, эти основания не только имеют место, но и позволяют поставить вопрос о необходимости коренного пересмотра рассматриваемой классификации.

Дело в том, что ошибочные датировки являются далеко не самым главным ее недостатком. Куда более существенным изъяном следует признать искусственный характер самих выделенных хронологических групп, в результате чего, как правильно отметила А. А. Нейхардт, «эти

¹ В основу данной статьи положен доклад, прочитанный на III Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья в мае 1982 г. в Цхалтубо.

² Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4.

³ Нейхардт А. А. Херсонесские клейма как источник для изучения торговых связей Херсонеса и Боспора в эллинистическую эпоху. — В сб.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Л., 1963, с. 313.

⁴ Показательно, что в последнем по времени издании каталоге херсонесских клейм (Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, XI, 1974) их даты даны, за редким исключением, с учетом классификации Р. Б. Ахмерова.

⁵ См. Яценко И. В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена. — В сб.: Новое в археологии. М., 1972, с. 77 сл.; Щеглов А. Н. Херсонес и Нижний Дон в IV—II вв. до н. э. — В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973; Кац В. И., Монахов С. Ю. Амфоры эллинистического Херсонеса. — В сб.: Античный мир и археология, вып. 3. Саратов, 1977, с. 92 сл.; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980, с. 198 сл.

⁶ Михлин Б. Ю. К изучению херсонесских керамических клейм. — ВДИ, 1979, № 2, с. 139.

группировки и группы настолько близки, что разницу между ними Р. Б. Ахмеров не в состоянии четко определить»⁷.

Несомненно, в ходе работы Р. Б. Ахмерову пришлось столкнуться со значительными трудностями, вызванными не только недостаточной изученностью, но и специфическими особенностями херсонесских магистратских клейм. Почти полное отсутствие в них эмблем исключило возможность при группировке и датировке оттисков использовать нумизматический метод. Редкое употребление вторых имен затруднило применение для этих целей синхронистического метода. Как отмечает сам автор, при создании классификации он опирался на «...следующие материалы: 1. Херсонесские монеты с именами магистратов. 2. Лапидарные памятники с именами, совпадающими с именами на керамических клеймах. 3. Археологические комплексы, позволяющие установить дату клейм. 4. Палеографические и орфографические особенности клейм»⁸. Учитывались также формы штемпелей, отчества и монограммы в отдельных клеймах⁹. Казалось бы, использование столь обширного материала должно было привести к созданию полноценной классификации. Однако этого не произошло, да и не могло произойти.

Ошибочным и неприемлемым оказался изначальный методический принцип, примененный Р. Б. Ахмеровым, — стремление определить временные рамки деятельности каждого из астиномов, чтобы в дальнейшем объединить близких по времени магистратов в хронологические группы. Таким образом, автор подошел к датировке отдельных клейм раньше, чем создал их типологическую классификацию. В связи с этим им не были отработаны и четко выделены признаки, которые объективно позволили бы сгруппировать клейма отдельных магистратов.

Кроме того, Р. Б. Ахмеров не всегда четко представлял, а зачастую и переоценивал возможности тех методов, которыми он оперировал в ходе работы по созданию классификационной схемы. Так, остается неясным, что он понимал под «общепринятыми приемами палеографии». Этот тезис тем более нуждался в расшифровке, что при известной консервативности шрифта керамических надписей их палеографический анализ обычно играет вспомогательную роль и используется только для относительного подтверждения синхронности разных групп клейм, выделенных другими способами. Остается неясным, что дали автору наблюдения за «стилем надписей в их историческом развитии». Орфографический метод для целей классификации также обычно находит лишь ограниченное применение¹⁰. Не располагал Р. Б. Ахмеров и достаточно надежными археологическими комплексами, содержащими херсонесские клейма¹¹.

Вместе с тем непропорционально большое место при оформлении хронологических групп занял у Р. Б. Ахмерова метод датирования отдельных астиномов по совпадению их имен с именами, содержащимися на монетах и в лапидарных памятниках. При этом автор явно игнорирует тот факт, что положительные результаты удается получить лишь в тех редких случаях, когда совпадают в клеймах, монетах и надписях не только имена, но и патронимики¹². При наличии одних идентичных имен отождествление их всегда остается гадательным.

⁷ *Нейхардт*. Ук. соч., с. 312.

⁸ *Ахмеров*. Ук. соч., с. 104.

⁹ Там же, с. 105.

¹⁰ См. *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос. — НЭ, X, 1972, с. 12.

¹¹ Из пяти известных Р. Б. Ахмерову «комплексов» четыре при внимательном рассмотрении оказываются обычными стратиграфическими слоями.

¹² Однако и в этом случае отсутствует абсолютная гарантия, так как при распространенном у греков обычае давать внуку имя деда у обоих могли оказаться идентичными не только имена, но и отчества.

Таким образом, набор методических приемов, использованных Р. Б. Ахмеровым при создании хронологической классификации херсонесских магистратских клейм, позволяет определить абсолютные даты деятельности отдельных астиномов, уточнить относительную хронологию некоторых групп клейм. Однако эти приемы никак не могут и не должны лежать в основе самой группировки штемпелей. Последняя должна опираться на развитую типологию самих клейм. Работа же в этом направлении Р. Б. Ахмеровым практически не проводилась. Именно поэтому предложенная им классификация оказалась несовершенной и не выдержала испытания временем.

1. типология магистратских клейм

Впервые удачная попытка типологического анализа магистратских штемпелей Херсонеса была осуществлена только Б. Ю. Михлиным. В итоговых таблицах его статьи приведен статистический материал, характеризующий определенные тенденции в изменении форм клейм, содержания легенд и написания магистратуры в них¹³. Вместе с тем Б. Ю. Михлин сохранил неизменными основные принципы старой группировки. В результате приведенные им таблицы лишней раз подтверждают тот факт, что в состав каждой из хронологических групп без должных на то оснований включены разнотипные штемпели. В связи с этим разработка четкой типологической классификации херсонесских магистратских клейм остается первоочередной задачей, и должна она начинаться с уточнения и правильной группировки характеризующих их неслучайных признаков¹⁴.

Бытует мнение, что клейма Херсонеса крайне однообразны. Действительно, по сравнению с оттисками на амфорах Фасоса, Синопы, Гераклеи и даже Родоса они более однородны. Однако и среди них удается выделить несколько типов, характеризующихся статистически устойчивым сочетанием ряда признаков. Из них наиболее важны для классификации следующие: форма и размеры оттисков, состав и построение легенд в них, палеографические и орфографические особенности надписей. Попытаемся из этого набора выделить более и менее существенные признаки, т. е. выявить их иерархию.

Во времени написания данной статьи нами была проведена сверка более 2,5 тысяч (около 70% от всех известных) херсонесских магистратских клейм. Оказалось, что эти оттиски выполнены 370 штампами.

Ф о р м а. По этому признаку клейма распадаются на желобчатые, слабожелобчатые, плоские и фигурные. Желобчатые — углубленные и полукруглые в поперечном сечении клейма считаются наиболее типичными для Херсонеса. Действительно, данная форма не имеет аналогий среди штемпелей других центров. Кроме того, две трети зафиксированных к настоящему времени штампов давали оттиски желобчатой формы. Эксперименты показали, что эти штампы скорее всего вырезались на боковых гранях амфорных ручек¹⁵. Своеобразная форма штампов приводила к тому, что полные оттиски получались исключительно редко. Зачастую в двухстрочных клеймах смазаны вершины букв верхней или окончания букв нижней строки. В трехстрочных же оттисках нередко верхняя или нижняя строки смазаны полностью¹⁶.

¹³ Михлин. Ук. соч. с. 158, табл. III, IV.

¹⁴ Подготовительным этапом, облегчившим выполнение этой задачи, стала сверка списка имен херсонесских астиномов (*Кац В. И. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом.* — ВДИ, 1979, № 3). В ходе работы над данной статьей нами было обнаружено еще несколько клейм, выполненных ранее неизвестными штампами, что позволило дополнить список и внести ряд уточнений в чтение отдельных имен и отчеств (см. ниже).

¹⁵ Монахов С. Ю. О штампах для клеймения херсонесских амфор. — СА, 1981, № 2, с. 270.

¹⁶ См. *Кац*. Ук. соч., с. 135.

Плоские прямоугольные клейма (в настоящее время известно более ста штампов, которыми они выполнялись) обычно имеют лучшую сохранность. Характерной их чертой служит наличие «рамки» — четких границ по всем четырем сторонам клейма. Пока не ясно, из какого материала изготовлялись штампы для плоских клейм. Вполне вероятно, что для этих целей применялись обломки керамических изделий с плоской поверхностью. Могли использоваться и фрагменты ручек амфор со стесанной боковой гранью. Тогда становится понятным наличие единичных экземпляров клейм (они оттиснуты семью штампами), которые являются переходной формой от желобчатых оттисков к плоским. У них четко фиксируется «рамка», как у плоских клейм, но наблюдается и небольшая вогнутость, что сближает их с желобчатыми¹⁷.

Оригинальным творчеством одного из резчиков следует признать два штампа с именем агораномы Аполлониды, дававшие фигурные плоские оттиски.

Подсчеты показывают, что из 121 известного к настоящему времени магистратского имени, 38% имен встречено только на желобчатых клеймах; 45% — только на плоских; 11% — как на плоских, так и на желобчатых; 5% — на плоских, желобчатых и слабожелобчатых; 1% — на фигурных оттисках.

Размеры клейм достаточно разнообразны: длина желобчатых оттисков колеблется в пределах 4,6—8,8 см, плоских — 2,9—9,9 см; ширина желобчатых клейм определяется 1,2—2,0 см¹⁸, плоских — 1,2—1,6 см. При этом не вызывает сомнения тот факт, что размеры клейм не служат самостоятельными признаками, так как их значения прочно коррелируются с такими палеографическими особенностями каждой надписи, как высота и ширина букв в ней, а также с вариантом легенды клейма, определяющим число строк и количество букв в каждой из строк.

Легенда. Остальные признаки, характеризующие магистратские клейма, связаны со своеобразными чертами содержащихся в них надписей. Последние обычно располагаются в две-три строки. Значительно реже встречаются четырех- и пятистрочные штемпели.

У большинства клейм легенда состоит из двух основных элементов, соединенных резчиком в одном штемпеле: имени (или имени с отчеством) и названия магистратуры. Наблюдаются два варианта размещения этих элементов: а) имя магистрата стоит в надписи на первом месте; б) первое место отведено титулатуре. В свою очередь каждый из вариантов имеет ряд разновидностей, определяемых в зависимости от особенностей построчной разбивки основных элементов легенды.

Относительно редко (всего у 7% магистратов) встречаются клейма, в которых имя чиновника не сопровождается титулатурой. Чаще (у 12% магистратов) в клеймах присутствует третий компонент легенды — монограмма или аббревиатура второго имени, обычно понимаемого как имя гончара. Редкую разновидность представляют собой клейма астинома Атанея, в которых помимо имени содержится либо прилагательное ΤΑΥΡΙΚΟΝ, либо выражение ΕΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ. Всего у 3% магистратов в состав клейм включены эмблемы.

Легенды известных нам магистратских клейм варьируют в пределах следующих сочетаний: 1) имя, титулатура; 2) имя, титулатура, монограмма или аббревиатура; 3) имя, прилагательное; 4) имя с отчеством; 5) имя с отчеством, аббревиатура; 6) имя с отчеством, титулатура; 7) имя с отчеством, титулатура, аббревиатура; 8) имя с отчеством, титулатура, эмбле-

¹⁷ Впервые подобные слабожелобчатые клейма были отмечены В. В. Борисовой (Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 3, с. 87, 89), которая определяла их как «слегка полукруглые» или «почти плоские».

¹⁸ В связи с отсутствием четких верхних и нижних границ в желобчатых клеймах их ширина определяется условно от подошвы букв нижней строки до вершины букв верхней строки надписи.

ма; 9) титулатура, имя с отчеством; 10) титулатура, имя с отчеством, монограмма.

О р ф о г р а ф и я. Языковые особенности, свойственные надписям херсонесских клейм, позволили отнести их говор к одному из мегарских ответвлений дорийского диалекта¹⁹. Для типологического анализа оттисков особый интерес представляют следующие закономерности в написании как самих магистратских имен, так и титулатуры.

1. В клеймах, содержащих одно имя, оно во всех случаях стоит в генетиве, почти всегда в полной форме. Редкие случаи опущения либо всей флексии имени, либо ее конца обычно вызваны нехваткой места в поле клейма для полного его написания.

2. В клеймах, содержащих имя с отчеством, патронимику обычно предшествует артикль. Однако в штемпелях 10 магистратов он опущен. При этом имена четырех из них стоят в именительном падеже, во всех остальных случаях использован генетив.

3. Название магистратуры чаще выражено полной формой генетива существительного (ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ) или причастия (ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ). Редкая форма — номинатив причастия (ΑΣΤΥΝΟΜΩΝ). Столь же редки случаи опущения в названии магистратуры всей флексии или ее конца.

Орфографические ошибки в клеймах чрезвычайно редки. Нам известно всего восемь штампов, в надписях которых наблюдается либо случайная перестановка букв, либо одна из них случайно пропущена.

П а л е о г р а ф и я. Анализ палеографических особенностей херсонесских керамических надписей показывает близость их шрифта к шрифту лапидарных памятников. Этим объясняется сильный консерватизм, строгость и известная «изящность» алфавита. Влияние рукописного письма практически исчерпывается частым употреблением лунарных форм *эпсилон* и *сигмы* и редким — курсивной *омеги*.

В свое время Б. Н. Граков определил два типа начертания букв в херсонесских клеймах. Первый — широкий, подквадратный, ровный шрифт, характерный в первую очередь для желобчатых оттисков; второй — мелкий и сжатый — обычен в плоских клеймах²⁰. Р. Б. Ахмеров в свою очередь попытался установить характерные черты палеографии для каждой из выделенных им четырех хронологических групп. Однако такая дробность вызвала справедливые возражения со стороны А. А. Нейхардт, которая вместе с тем предложила добавить к группам, определенным Б. Н. Граковым, еще одну, представляющую собой промежуточное звено между первой и второй²¹.

Встречаются в херсонесских клеймах случаи расположения надписей справа налево²². Обычно подобные отклонения от нормы объясняются ошибками резчиков, якобы случайно делавших позитивные надписи на штампах вместо негативных²³. Между тем есть основания говорить о сознательном стремлении создавать подобные штампы. Характерно, что все пять штампов с именем астинома Александра давали ретроградные оттиски. Штампы близки по размерам и палеографическим особенностям надписей, что позволяет отнести их к продукции одного мастера. Из семи штампов с именем астинома Аполлатея шесть содержат позитивные надписи, выполненные, видимо, также одним резчиком.

Сочетания значений отмеченных выше признаков дало немногим более 70 отдельных разновидностей херсонесских магистратских штемпелей.

¹⁹ Юргевич В. Н. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса. — ЗООИД, XV, 1889, с. 58; Нейхардт. Ук. соч., с. 310 сл., прим. 16.

²⁰ Граков Б. Н. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись в архиве ИА АН СССР, № 538, л. 52.

²¹ Нейхардт. Ук. соч., с. 311.

²² Ретроградное написание встречено в клеймах, выполненных 5% известных в настоящее время штампов.

²³ См. Ахмеров. Ук. соч., с. 101.

Рис. 1

Для типологического анализа выделено 48 из них. Остальные разновидности отличаются от отобранных лишь формой клейм или палеографическими особенностями надписей в них, т. е. признаками, обладающими малой информативностью. Оказалось, что типологическими признаками, определяющими наиболее важные изменения внутри всей категории магистратских клейм, являются состав и расположение основных элементов легенды. Вариантными признаками, отражающими второстепенные изменения внутри категории, служат количество строк и характер построчной разбивки отдельных элементов легенды, орфографические особенности надписей.

Тип I (см. рис. 1) объединяет клейма 15 разновидностей, сгруппированных по пяти вариантам. Общий, характерный для всех штампов типа признак — построение надписи по следующей схеме: имя без отчества занимает первое место, титулатура — второе. Подобная схема характерна для клейм 39 астиномов и 1 агораном (34% всех херсонесских магистратов), выполненных 210 штампами (около 56% от всех известных в настоящее время).

В а р и а н т 1 представлен двухстрочными клеймами, в надписях которых наблюдается сильно сокращенное название магистратуры, а в разновидности 1а сокращено и само имя астинома.

В а р и а н т 2 объединяет двухстрочные клейма, в легендах которых при написании титулатуры употреблена полная (у разновидности 2а слабо сокращенная) форма генетива существительного. Вариант включает более 80% штампов I типа.

В а р и а н т 3 представляет собой следующий шаг в развитии легенды, связанный с использованием в двухстрочных клеймах титулатуры в форме генетива причастия.

В а р и а н т ы 4 и 5 представлены клеймами, легенды которых по составу аналогичны легендам двух предшествующих вариантов. Однако название магистратуры в них, а в варианте 5 и сами имена магистратов, разделены между двумя строками надписей. Клейма 4-го варианта двухстрочные, 5-го — трехстрочные желобчатые и четырехстрочные фигурные.

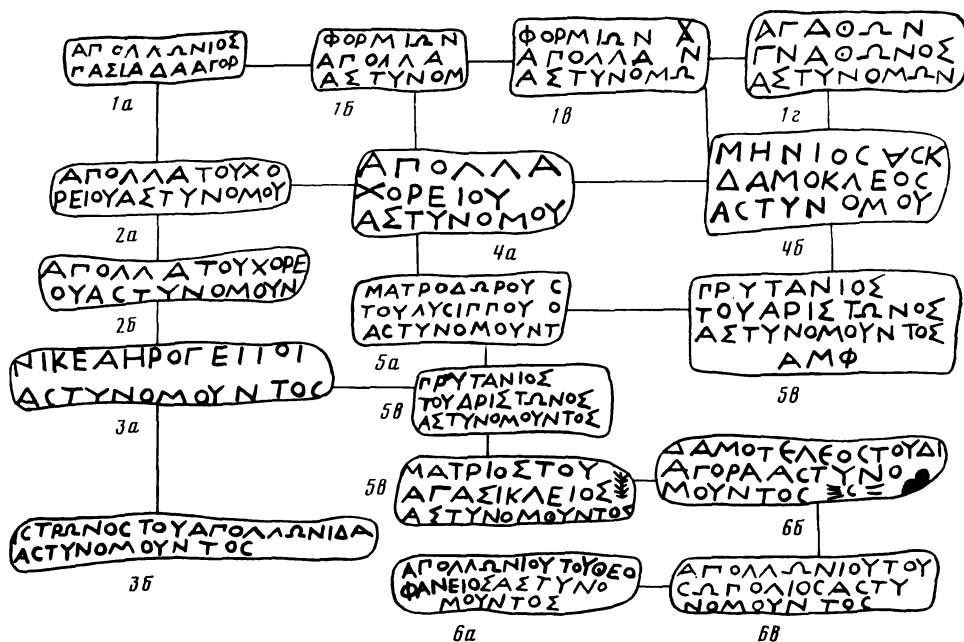

Рис. 2

У большинства клейм в составе легенд содержатся монограммы и аббревиатуры.

Типологическое единство всех отмеченных разновидностей клейм не вызывает сомнения. Показательно, что девять астиномов (22% от общего числа) представлены разновариантными клеймами. Около 84% штампов давали желобчатые оттиски, плоские клейма безраздельно господствуют только в варианте 1.

Надписи клейм выполнены спокойным, красивым шрифтом. Типичен разбросанный строй букв с широкой манерой письма. Наиболее распространенная их высота 0,5—0,7 см. Ширина большинства букв несколько больше или равна их высоте. *Омега*, *тета* и *омикрон*, как правило, чуть меньше других букв. Лунарная форма *сигмы* характерна только для клейм вариантов 2 и 3, хотя здесь она присутствует лишь в одном штампе из каждых пяти. Курсивная *омега* встречается лишь в одном штампе астинома Пасиона.

Массовыми типическими можно считать всего три (2б, в и 3в) разновидности. Остальные редкие разновидности составляют периферию типа.

Тип II (см. рис. 2) объединяет клейма 17 разновидностей, сгруппированные по шести вариантам. Основной типобразующий признак — построение надписей в клеймах по следующей схеме: имя с отчеством стоит на первом месте, титулатура — на втором. Тип представлен клеймами, содержащими имена 53 астиномов и 1 агораномы (45% всех известных херсонесских магистратов) и выполненными 108 штампами (около 29% от их общего числа).

В а р и а н т 1 известен по клеймам всего трех магистратов, в надписях которых имя чиновника поставлено в именительном падеже, а перед патронимиком опущен артикль. Титулатура в двух (1а, б) разновидностях дана в сокращении, что сближает эти клейма с отгисскими вариантами 1 и 2а типа I. В разновидностях 1в, г титулатура выполнена в полной форме номинатива причастия.

В а р и а н т ы 2 и 3 отражают завершающие этапы развития легенд двухстрочных клейм. Имя астинома, всегда стоящее в генетиве, обычно соединено с отчеством арти клем, который опущен лишь в клеймах двух

астиномов (разновидность 3а). В написании названия магистратуры преобладает форма генетива причастия, родительный падеж существительного характерен только для клейм разновидности 2а. Отличие между вариантами 2 и 3 заключается в различной построчной разбивке между магистратов: во 2-м варианте патронимик занимает конец верхней и начало нижней строки надписи, в длинных узких клеймах 3-го варианта он полностью умещен в верхней строке.

В а р и а н т ы 4 и 5 отражают дальнейшие этапы развития легенд трехстрочных клейм. Для всех штемпелей характерно четкое деление основных элементов легенды между отдельными строками надписи. При этом если в клеймах варианта 4 опущен артикль перед отчеством (что сближает их с оттисками варианта 1 настоящего типа), а название магистратуры выполнено в форме генетива существительного, то в клеймах 5-го варианта артикль обязателен, а титулатура поставлена в форме генетива причастия. Обращает на себя внимание наличие аббревиатур в составе надписей клейм разновидностей 4б и 5в, что сближает их со штемпелями 4-го варианта типа I. Наконец, среди клейм варианта 5 находятся оттиски, в поле которых присутствуют эмблемы (разновидность 5г).

В а р и а н т 6 является завершающим этапом развития легенд трехстрочных клейм типа II. Общий признак для всех его оттисков — появление начальных слогов титулатуры в конце второй снизу строки надписи. Показательно, что аналогичная построчная разбивка титулатуры впервые появилась еще в клеймах вариантов 4—5 типа I. Употреблялась она и в двухстрочных штампах варианта 2 настоящего типа.

Таким образом, клейма типа II разнообразнее оттисков предшествующего. Это связано с параллельным существованием в нем как двух-, так и трехстрочных клейм²⁴. Вместе с тем все эти клейма генетически связаны с разновидностями типа I²⁵. Поэтому наблюдаются сходные, намеченные еще в предшествующем типе закономерности в развитии легенд. Это касается и построчной разбивки отдельных элементов легенд, и постепенного вытеснения в надписях родительного падежа существительного в названии магистратуры формой генетива причастия. Кратковременный период использования номинатива при написании имени и титулатуры свойствен штемпелям, явно составляющим промежуточное звено между клеймами типов I и II. К тому же этапу относится практика пропуска члена между именем и патронимиком. Продолжает спорадически появляться в клеймах II-го типа и третий компонент легенды — монограмма или аббревиатура второго имени. Что касается формы клейм, то наблюдается процесс постепенного вытеснения желобчатых оттисков плоскими. Из известных нам штампов типа II только 44% давали желобчатые оттиски и уже 52% — плоские. При этом среди клейм поздних вариантов 5 и 6 плоские оттиски составили уже более 70%. Оставшиеся 4% штампов выполняли ранее не встречавшиеся слабожелобчатые клейма.

В палеографии клейм типа II при общей сохранности форм букв, характерных для оттисков предшествующего типа, намечается уменьшение их размеров. Наиболее распространенная высота букв 0,4—0,5 см. Они становятся более узкими. *Омега*, *тета* и *омикрон* теперь значительно уступают по размерам остальным буквам. Лунарная форма *сигмы* становится столь же популярной, как и ломаная (она встречена в 46% штампов). Шире стали употребляться курсивные формы *эпсилон* и *омеги*. Шрифт в некоторых клеймах неровный и беглый.

²⁴ Характерно, что пять астиномов типа II (10% от их общего числа) представлены как двух-, так и трехстрочными клеймами.

²⁵ Соединительным звеном между типами, как мы увидим ниже, являются клейма некоторых вариантов типа IV. Кроме того, есть основания полагать, что штемпель с именами Герократа (вариант 5 типа I) и Герократа, сына Невмения (вариант 4 типа II), принадлежат одному астиному (см. *Миллин*. Ук. соч., с. 141, прим. 26).

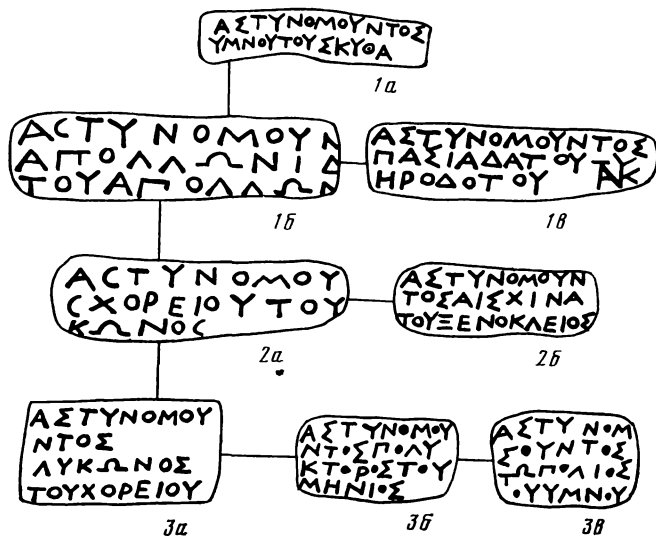

Рис. 3

Массовыми являются разновидности 2а, 3б, 5б и 6в. Остальные представляют собой редкие формы, составляющие периферию типа.

Тип III (см. рис. 3) объединяет клейма восьми разновидностей, сгруппированные по трем вариантам. Общий для всех штемпелей типа признак — своеобразная схема построения надписи, при которой название магистратуры занимает первое место, а имя с отчеством — второе. Подобное расположение основных элементов легенды характерно для клейма 33 астиномов (27% всех известных), выполненных 46 штампами (около 12% от их общего числа).

В а р и а н т 1 генетически связан с вариантами 3 и 5 предшествующего типа. Отличие — перенос названия магистратуры с последней в первую строку надписи. При этом редкие разновидности 1а, в завершают: первая — эволюцию двухстрочных магистратских клейм, вторая — практику включения в состав штемпелей монограмм.

В а р и а н т ы 2 и 3 представляют собой конечные этапы развития легенд магистратских клейм. Типологически их штемпели произошли от оттисков разновидности 1б того же типа. Уменьшение длины штампов вызвало сокращение количества букв в строках надписей, что привело к необходимости переноса окончания названия магистратуры во вторую строку (вариант 2), а в дальнейшем к помещению титулатуры полностью в двух первых строках надписей (вариант 3).

Клейма типа III дают по сравнению с предшествующими меньшее число вариантов и разновидностей. Массовыми, составляющими ядро типа разрядами, являются 1б, 2б, 3б. Остальные разновидности редки. Единство всех клейм типа не вызывает сомнения. В нем уже при астиномах варианта 1 завершается процесс вытеснения желобчатых оттисков плоскими²⁶. Надписи клейм типа III отличаются мелким, четким и сжатым шрифтом. Средняя высота букв составляет 0,30—0,35 см, ширина их либо равна, либо несколько больше высоты. *Омикрон* обычно меньше остальных букв и нередко из кружка превращен в точку диаметром 0,15 см. При общей сохранности форм букв, характерных для предшествующего типа, наблюдается значительно большая пестрота в их написании. Так, точка *теты* нередко заменяется перекладной. Курсивная *омега* столь же популярна,

²⁶ Среди штампов варианта 1 только два давали слабожелобчатые и два — желобчатые оттиски (см. табл. II).

как и более ранняя ее форма. Встречаются разнообразные виды написания *сигмы*: сильно раскрытая, с параллельной верхней и нижней частями, и лунарная. Часто буквы на концах украшены апексами.

Тип IV (см. рис. 4) объединяет клейма шести разновидностей, сгруппированных по трем вариантам. Типообразующим признаком служит отсутствие титулатуры в составе легенд. Тип представлен оттисками, содержащими всего семь имен (шесть из которых сопровождаются отчествами) и выполненными 13 штампами (3% от всех известных).

Следует иметь в виду, что далеко не все исследователи относили данные штемпели к магистратским. Еще в 1949 г. В. В. Борисова высказала предположение о их принадлежности владельцам мастерских²⁷. Позже, при публикации списка херсонесских астиномов она же определила подобные клейма как «безмагистратные»²⁸. Между тем есть веские основания считать, что в этих оттисках название магистратуры просто опущено²⁹. Этот вывод подтверждают следующие наблюдения. В составе легенд клейм разновидности 2б присутствуют аббревиатуры, обычно определяемые как сокращенные имена мастеров или владельцев керамических мастерских. Аналогичные сокращения встречены и в небольших дополнительных клеймах, сопровождающих основные оттиски разновидности 2а. Таким образом, есть основания полагать, что в данных случаях клейма, содержащие имена с отчествами, являются магистратскими. Нельзя признать случайным и тот факт, что из семи имен, представленных в клеймах типа IV, четыре известны нам и по штемпелям других типов, где они сопровождаются титулатурой (см. рис. 4).

В а р и а н т 1 объединяет двухстрочные желобчатые клейма, у которых в первой строке стоит слово ΑΘΑΝΑΙΟΥ, а во второй — либо прилагательное ΤΑΥΡΙΚΟΝ, либо выражение ΕΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ. Хотя объяснить смысл последних надписей пытались неоднократно³⁰, вопрос продолжает оставаться открытым. Что касается содержания первой строки, то обычно она понимается как широко известное в Херсонесе мужское имя, поставленное в генетиве. Однако совсем недавно Б. Ю. Михлин высказал предположение, что подобная форма родительного падежа произведена от слова среднего рода τὸ Ἀθναίων — храм Афины, и это якобы свидетельствует о принадлежности амфор, имеющих подобные клейма, эргастерии данного храма³¹. С точки зрения грамматики такое предположение вполне возможно, но ему противоречит факт наличия среди клейм типа I желобчатых оттисков, содержащих имя Атанея в первой строке и названия магистратуры во второй (см. рис. 4). В связи с этим куда более правдоподобным выглядит традиционное представление о принадлежности тому же астиному и рассматриваемых штемпелей типа IV.

В а р и а н т 2 содержит две разновидности двухстрочных клейм, в надписях которых перед отчеством магистрата опущен артикль. При этом разновидность 2а представлена желобчатыми оттисками Котития Аристонова. Использование номинатива при написании имени сближает эти клейма с оттисками II-го типа варианта 1. Плоские клейма магистрата

²⁷ Борисова. Амфорные ручки..., с. 92.

²⁸ Она же. Керамические клейма Херсонеса..., с. 122.

²⁹ См. Азмеров. Об астиномных клеймах..., с. 103; Михлин. Ук. соч., с. 154; Кац. Ук. соч., с. 131 сл.

³⁰ См. Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе.— ИАК, 2, 1902, с. 23, прим. 3; Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. СПб., 1917, с. 104; Граков Б. Н. Термин *Σελήνη* и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, XVI, 1947, с. 81; Азмеров Р. В. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1951, № 3, с. 79; Нейхардт. Ук. соч., с. 314; Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных надписях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1965, № 1, с. 113 сл.; Борисова. Керамические клейма..., с. 104; Михлин. Ук. соч., с. 154.

³¹ Михлин. Ук. соч., с. 154.

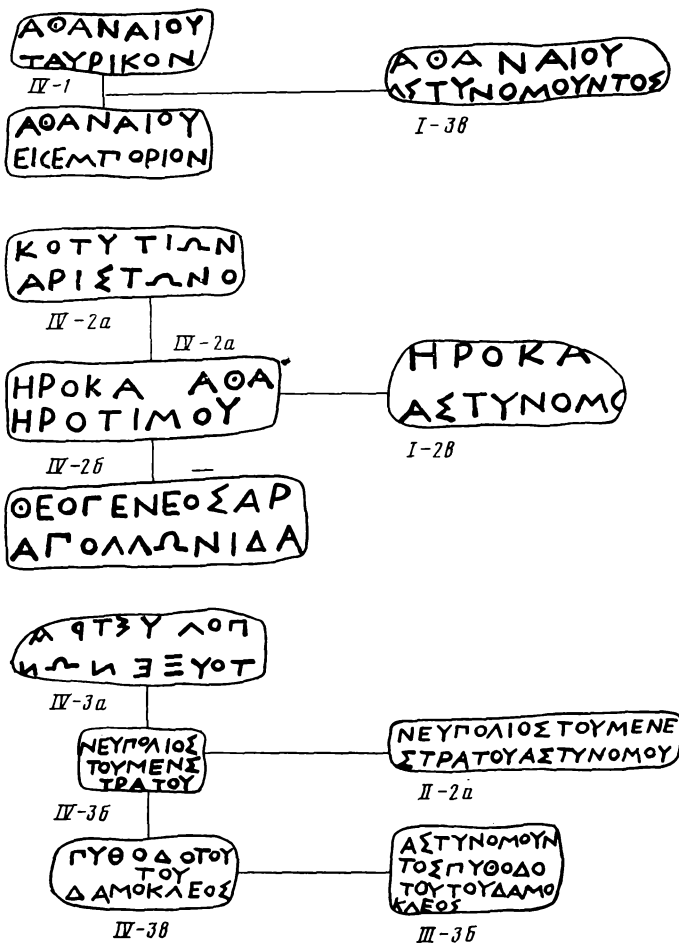

Рис. 4

тов Теогена, сына Аполлонида ³², и Героки, сына Геротима ³³, по наличию аббревиатур и отсутствию артикля перед патронимиком также близки к ранним для типа II оттискам варианта 4. В связи с этим есть основания предположить, что Герока, сын Геротима, и астином Герока, известный по клеймам разновидности 2в типа I — одно и то же лицо.

В а р и а н т 3 объединяет клейма, содержащие, как и оттиски предшествующего варианта, только имена с отчествами. Однако в них патронимику предшествует артикль. Разновидность 3а представлена двухстрочными желобчатыми клеймами магистрата Полистрата, сына Ксенона. Разновидность 3б известна пока по одному трехстрочному оттиску, содер-

³² Сейчас фиксируются два штампа, содержащие : то имя с отчеством. В легендах обоих имеются аббревиатуры ΑΘΑ и ΑΡ (см. рис. 4). Клеймо, оттиснутое первым штампом, впервые было опубликовано Б. Н. Граковым (Каменское городище на Днепре.— МИА, 36, 1954, с. 92, № 41). Сверка оттиска в фондах Никопольского музея показала, что конец первой строки надписи в нем смазан. Именно это привело Б. Н. Гракова к ошибочному восстановлению содержащейся здесь аббревиатуры как ΑС и предположению, что она представляет собой сильно сокращенную титулатуру.

³³ Недавно в фондах Херсонесского музея (инв. № 7/36471) нами было обнаружено полное клеймо, в легенде которого содержится это имя с отчеством и аббревиатура (см. рис. 4). Оно позволило дать правильное восстановление читавшихся с трудом и предположительно надписей в двух ранее известных клеймах, оттиснутых тем же штампом (см. *Кач. Ук. соч.*, с. 133, № 43).

жащему имя Невполия, сына Менестрата³⁴, разновидность Зв — по трехстрочному клейму с именем Питодота, сына Дамоклея. Последние два магистрата также известны по астиномным штемпелям соответственно 2-го варианта типа II³⁵ и 3-го варианта типа III (см. рис. 4).

Все разряды типа IV достаточно редки. Фактически они могут рассматриваться как нетипичные разновидности трех предшествующих типов, в рамках которых и проходила эволюция основных признаков, характеризующих херсонесские магистратские клейма.

Во-первых, намечается явная тенденция в развитии формы самих оттисков — переход от желобчатых (тип I) к плоским (тип II) клеймам. Во-вторых, в процессе типообразования изменяется состав и расположение основных элементов легенды. Начальный этап клеймения связан с двухстрочными штемпелями, в которых надпись состоит из имени, стоящего на первом месте, и титулатуры (тип I); затем наряду с двух- появляются трехстрочные надписи, в которых расположение основных компонентов легенды остается прежним, но появляется отчество при имени магистрата (тип II); наконец, название магистратуры переходит на первое место в надписях, а последние могут быть как трех-, так и четырехстрочными (тип III). В определенный период, относящийся к последним этапам существования оттисков типа I и начальным типа II, получила распространение практика включения в состав надписей монограмм и аббревиатур³⁶.

В-третьих, фиксируются две устойчивые формы в написании названия магистратуры: в клеймах типа I господствует полная форма генетива существительного; в оттисках типа II наблюдается постепенное вытеснение ее родительным падежом причастия; последнее написание безраздельно господствует в штемпелях типа III. Сокращение имени магистрата и титулатуры, выражение последней через причастие в номинативе, видимо, характерны для периода, переходного от типа I к типу II. К начальному этапу типа II относится и практика пропуска члена перед патронимиком.

На протяжении всего периода клеймения явно прослеживается тенденция к уменьшению размеров букв в надписях. При этом если палеография клейм типа I находит ближайшие аналогии в лапидарных памятниках Херсонеса конца IV — первой половины III в. до н. э., то штемпелям типа III присущи уже признаки, характерные для надписей конца III — II в. до н. э.³⁷

Интересно, что отмеченные тенденции в развитии легенд магистратских клейм Херсонеса имеют несомненные черты сходства с синопской эпиграфической традицией. В астиномных клеймах Синопы также первоначально в составе легенды присутствует одно имя магистрата (хронологические группы I—III), которое обычно занимает первую строку надписи, титулатура же в форме родительного падежа существительного стоит на втором месте. В дальнейшем наблюдается, как и в херсонесских клеймах, появление отчества при имени астинома и постепенный переход к написанию магистратуры в форме генетива причастия (группы IV—V). И здесь завершает эволюцию перемещение названия магистратуры на первое место и разделение ее между двумя первыми строками надписи (группы V—VI)³⁸.

³⁴ Когда нами писалась первая статья, посвященная магистратским клеймам, данный оттиск был известен нам только по публикациям, и поэтому вопрос о его херсонесской принадлежности оставался открытым (*Кав. Уж. соч.*, с. 142). Позднее клеймо было обнаружено в фондах Херсонесского музея (инв. № 1498/36886), его местное происхождение не вызывает сомнения.

³⁵ Клеймо было списано в Херсонесе Е. М. Придиком (*IOSPE*, III, № 1459), его настоящее местонахождение неизвестно.

³⁶ Иногда эти дополнительные компоненты легенды помещались в отдельных оттисках либо рядом с основным клеймом, либо на второй ручке амфоры.

³⁷ Ср. *Соломонович Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, № 29; 1973, № 135—144.

³⁸ *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, с. 130, 136 сл.

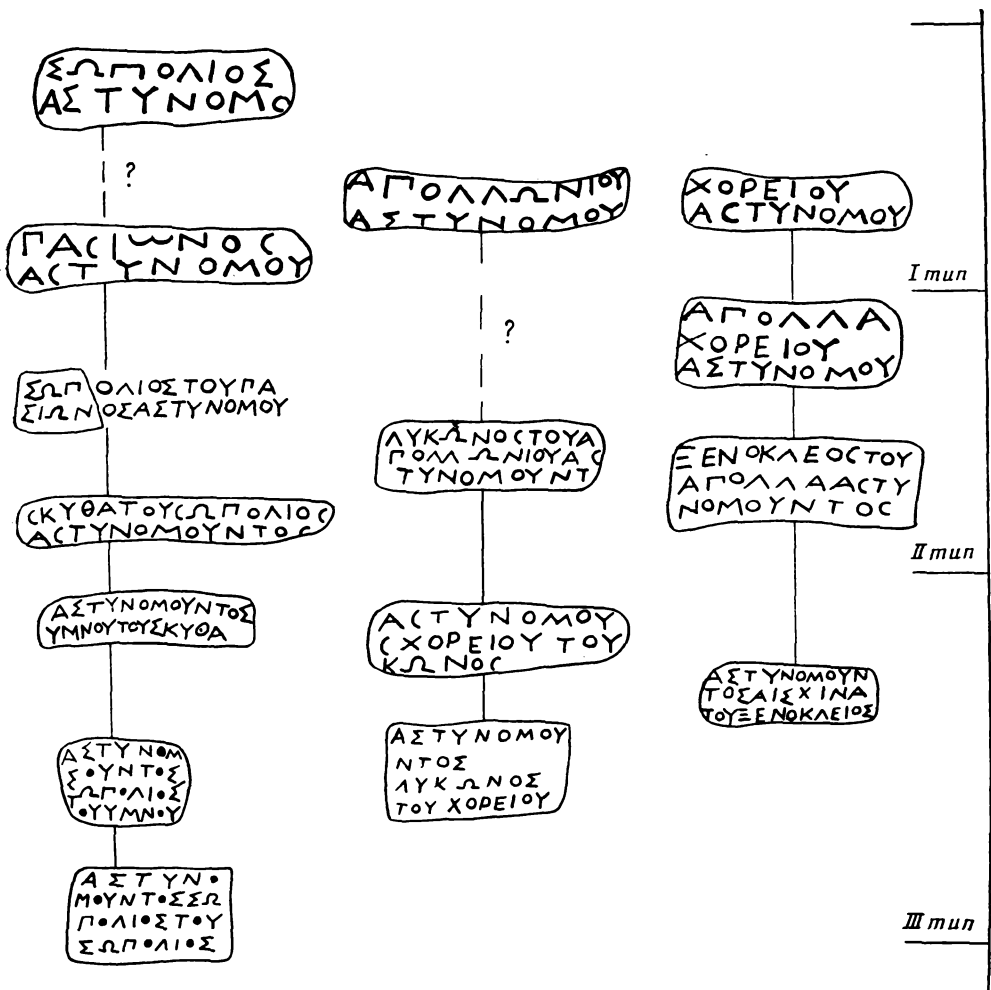

Рис. 5

Таким образом, велика вероятность предположения о влиянии керамического производства Синопы не только на морфологические особенности херсонесских амфор³⁹, но и на типологию оттисков, ставившихся на их ручках и горлах.

Правомерность предложенной схемы типологического развития херсонесских магистратских клейм хорошо иллюстрирует таблица, приведенная на рис. 5. В ней сгруппированы образцы штемпелей, принадлежащих членам трех семей⁴⁰, систематически занимавших должности астиномов на протяжении четырех—шести поколений, т. е. 100—150 лет подряд⁴¹. Во всех семейных группах наблюдается последовательный переход от использования клейм типа I, через применение оттисков типа II, к появлению клейм типа III.

Эти наблюдения подкрепляют вывод о том, что оттиски типов I—III представляют собой непрерывный типологический ряд, который вместе с тем и ряд хронологический. Поэтому каждый из этих типов может составить ядро одной из трех хронологических групп.

³⁹ См. Борисова. Керамические клейма..., с. 101, 106.

⁴⁰ Установить возможные семейные связи помогает практика использования определенного повторяющегося круга имен в каждой семье, чему в немалой степени способствовал распространенный обычай давать мальчику имя деда (см. Азмеров. Об астиновых клеймах..., с. 111; Мизлин. Ук. соч., с. 152, сл., табл. II).

⁴¹ С учетом того, что временная разница между деятельностью сына и отца составляла в среднем 25—30 лет (см. Мизлин. Ук. соч., с. 140 сл.).

До самого последнего времени общепризнанными хронологическими границами астиномного клеймения в Херсонесе считались конец IV и начало I в. до н. э., т. е. выделялся период длительностью в два с половиной столетия⁴². Однако к настоящему времени известен всего 121 магистрат, и это с самого начала заставляет усомниться в точности предложенных границ. Поэтому следует признать закономерной попытку Б. Ю. Михлина уточнить хронологические рамки выпуска херсонесской клеймевой тары. Но если его предположение о прекращении практики клеймения в середине II в. до н. э.⁴³ заслуживает внимания и может быть отправной точкой для дальнейшего анализа, то удревление нижней границы до 330 г. до н. э.⁴⁴, на наш взгляд, не имеет оснований. Эту дату опровергает отсутствие клейм херсонесских астиномов в составе керамического комплекса, полученного недавно в ходе исследования культурного слоя из-под развалин античного театра в Херсонесе. Верхняя граница комплекса твердо определяется 320 г. до н. э.⁴⁵. В связи с этим конец IV в. остается наиболее вероятным временем появления в Херсонесе практики клеймения керамической тары, а 320—315 гг. могут быть условно приняты за нижнюю хронологическую границу классификации херсонесских клейм.

Хронологическая группа 1 (конец IV — первая четверть III в. до н. э.). Типологический анализ магистратских клейм, проведенный выше, показывает, что имеются основания первый период клеймения керамической тары в Херсонесе связывать с появлением и бытованием оттисков типа I.

Этот вывод согласуется с результатами изучения коллекций херсонесских клейм, обнаруженных в последние десятилетия при раскопках поселений, жизнь на которых прекращается не позже середины III в. до н. э. (см. табл. I). Такая датировка позволяет предположить, что в состав-

Таблица I

Комплексы херсонесских клейм {конца IV — первой половины III в. до н.э.

Центр	Общее число ⁴⁶	В том числе ⁴⁶					
		тип	II			IV	
		вариант	I	II			IV
		1—5	1	4	5	2	
Роксоланское городище (Никоний) ⁴⁷	15 25		9 17	3 4	2 3	1 1	—
Панское I (усадьба № 6) ⁴⁸	13 73		10 70	—	1 1	1 1	1 1
Елизаветовское поселение ⁴⁹	17 41		15 38	1 2	1 1	—	—

⁴² Азмеров. Об астиномных клеймах..., с. 117; Нейгардт. Ук. соч., с. 312; Борисова. Керамические клейма..., с. 101.

⁴³ Михлин. Ук. соч., с. 147.

⁴⁴ Там же, с. 141.

⁴⁵ Зедгендзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе.— КСИА, 145, 1976, с. 33.

⁴⁶ В числителе указано общее количество магистратов, представленных в каждом из комплексов, в знаменателе — общее число клейм, надписи в которых твердо читаются или восстанавливаются.

⁴⁷ Сальников А. Г. Керамические клейма из раскопок у с. Роксоланы.— АИКСП, Л., 1968, с. 256; Василенко Б. А. Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана.— МАСП, VII, 1971, с. 147 сл.

⁴⁸ Щеглов А. Н. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э.— КСИА, 138, 1974, с. 49; Кац. Ук. соч., с. 128.

⁴⁹ Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 196—198.

ве анализируемых комплексов должны находиться клейма ранних хронологических групп. Действительно, обнаруженные здесь оттиски на редкость типологически однородны⁵⁰: от 70% (на Роксоланском городище) до 95% (на поселении Панское I) клейм принадлежит к типу I; единичные экземпляры — к ранним вариантам типа II и близкого к ним по времени варианта 2 типа IV.

Таким образом, основная масса продукции в керамической таре поступила на данные поселения из Херсонеса при астиномах хронологической группы 1 (тип клейм I), а прекращение экспорта совпадает по времени с переходом в херсонесском керамическом клеймени к штемпелям хронологической группы 2, с которой уже связаны оттиски типов II и IV. С учетом этого верхнюю хронологическую границу группы 1 можно уточнить, определив время прекращения жизни на данных поселениях. Для Роксоланского городища эта дата устанавливается в относительно широких пределах второй четверти III в.⁵¹, для Елизаветовского поселения — не позднее середины столетия⁵². Более точные границы дает закрытый керамический комплекс с усадьбы № 6 поселения Панское I: конец IV — первая треть III в. до н. э.⁵³ При этом самое позднее херсонесское клеймо, обнаруженное здесь, принадлежит астиному Пританию, сыну Аристана (вариант 5 типа II), деятельность которого, судя по находке аналогичного оттиска в Зеленском кургане, также не выходит за пределы 70-х годов III в.⁵⁴ А так как этот астином не самый ранний среди магистратов, выпускавших клейма по типу II, то конечная дата хронологической группы 1 должна быть отодвинута по крайней мере к середине 70-х годов III в. до н. э.

Список магистратов, известных по клеймам типа I, как мы видели, насчитывает 39 имен астиномов и одного агораном. Однако из этого числа следует исключить и перенести в следующую хронологическую группу трех чиновников: астиномов Герократа и Героку, известных штампами не только I, но также II и IV типов соответственно, и агораном Аполлонида, видимо, близкого по времени агораному Аполлонию, сыну Пасиада⁵⁵.

Нельзя исключить возможность существования омонимов среди оставшихся в списке 37 астиномов. Однако попытка их выделения затруднена по причине относительного типологического единства группы 1. Даже в том случае, когда встречены разновариантные клейма, содержащие одно и то же имя, нет полной уверенности, что здесь мы имеем дело с омонимами.

При издании уточненного списка херсонесских магистратов нами было сделано предположение о существовании трех пар близких по времени астиномов, носивших имена Агасикл, Герей и Геродот⁵⁶. Надо сказать, что основания для такого заключения имелись. С одной стороны, все

⁵⁰ Из 30 магистратов, клейма которых обнаружены на этих поселениях, 3 зафиксированы на всех памятниках, еще 9 — на двух из трех.

⁵¹ Сальников. Ук. соч., с. 256; Михлин. Ук. соч., с. 141 сл.

⁵² Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 42. Автор полагает, что время активного функционирования поселения ограничивается даже первой третью III в. до н. э.

⁵³ Щеголов. Полис и хора, с. 132.

⁵⁴ Шкорпил В. В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. — ИАК, 51, 1914, с. 122; Михлин. Ук. соч., с. 143.

⁵⁵ Р. Б. Ахмеров основную часть астиномов, представленных штемпелями нашего типа I, отнес к хронологическим группам 1 и 2, но десять магистратов, в клеймах которых были встречены курсивные формы букв, он поместил в 3-ю, а двух — даже в 4-ю группу (см. ВДИ, 1949, № 4, с. 109, табл. III, IV). Между тем, как выяснено в настоящее время, лунарная форма сигмы и курсивная — омеги употреблялись в керамических надписях уже с рубежа IV—III вв. (см. Брашинский И. В. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. — НЭ, V, 1965, с. 26; Виноградов. Ук. соч., с. 12). Показательно, что оттиски с подобной формой написания сигмы встречены в отмеченных выше керамических комплексах первой трети III в. до н. э. (см. табл. I), поэтому нет оснований отрывать подобные клейма от остальных оттисков типа I.

⁵⁶ Кац. Ук. соч., с. 130, 133.

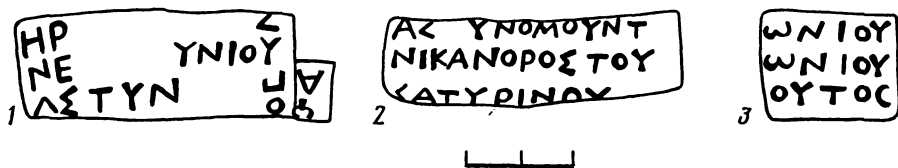

Рис. 6

три имени известны в клеймах, выполненных по 1-му варианту с использованием сильно сокращенного названия магистратуры. Если этот признак определить не как случайную аббревиатуру, а как отражение старой орфографии родительного падежа II склонения, то возможно предположение о принадлежности данных штемпелей к раннему этапу клеймения. С другой стороны, те же имена представлены на оттисках, надпись в которых выполнена по варианту 2 с использованием лунарной *сигмы* и, что особенно важно, по варианту 4, который содержит черты, характерные, как мы видели, для поздних штемпелей типа I. Это противоречие мы пытались разрешить, высказав предположение о наличии в составе магистратов, выпускавших клейма по типу I омонимов. Однако сейчас от данной гипотезы приходится отказаться.

Б. Ю. Михлин опубликовал черепицу, содержащую два астиномных клейма: плоское с именем Геродота и желобчатое трехстрочное с именем Агатона Гнатонава⁵⁷. Факт помещения клейм разных магистратов на одном изделии несомненно уникален и может быть объяснен только случайностью, связанной с наличием в период смены астиномов в руках гончара двух разноименных штампов⁵⁸. Для нас эта счастливая находка важна по двум причинам: во-первых, она подтверждает вывод о постепенной замене в керамической эпиграфике Херсонеса клейм типа I оттисками типа II, так как фиксируется наличие периода параллельного сосуществования разнотипных клейм; во-вторых, концом хронологической группы 1 должна определяться деятельность астинома Геродота. Между тем по форме, наличию сокращенного названия магистратуры, палеографическим особенностям данное клеймо Геродота сходно с другими штемпелями варианта 1, имеющими то же имя. Еще большее сходство, в том числе и по размерным величинам, наблюдается с клеймами астинома Ксенона, также относящимися к варианту 1. В связи с этим можно полагать, что все оттиски варианта 1 хронологически связаны с концом группы 1 и по времени совпадают, таким образом, с клеймами варианта 4. Следовательно, отсутствуют достаточно веские основания считать одноименных астиномов, имеющих клейма как по 1-му, так и по 4-му варианту типа I, омонимами.

Вместе с тем предположительно можно говорить, что омонимами были два близких по времени астинома, носившие имя Гераклий. Об этом свидетельствует наличие 18 штампов, содержащих данное имя, в то время как среднее их число на одного астинома группы равно всего пяти экземплярам⁵⁹.

⁵⁷ Михлин. Ук. соч., с. 145, рис. 2, 4—6.

⁵⁸ Б. Ю. Михлин отрицает элемент случайности и полагает, что, допустив ошибку, мастер сразу должен был бы уничтожить ненужный оттиск. А так как он был сохранен, то сам факт наличия двух клейм на одном изделии якобы свидетельствует об отсутствии эпонимного характера клеймения в Херсонесе (Ук. соч., с. 144). Вывод, как нам представляется, преждевременный и излишне категоричный, тем более что сейчас известен еще один случай нанесения сразу двух клейм, но теперь на одну амфорную ручку (ГХМ, инв. № 23046). Однако здесь клеймо Формиона, сына Аполлы, было погашено штампом с именем Герократа, сына Невмения (см. рис. 6, 1).

⁵⁹ К Гераклию I нами предположительно отнесено 8 штампов, которые давали желобчатые оттиски по варианту 2в, а к Гераклию II — остальные 10, часть из которых давала желобчатые оттиски, выполненные по варианту 3в, а часть — плоские варианты 2в типа I.

С учетом всего отмеченного выше в хронологическую группу 1 включено 38 астиномов, а период ее бытования определен в 40—45 лет. Относительное типологическое единство группы затрудняет ее членение на более мелкие ограниченные по времени этапы. Однако с учетом логики развития форм клейм и выполнения в них надписей возможно, хотя бы предвзвешенно, разделить всех магистратов на три последовательные подгруппы. При этом легче определяются представители поздних подгрупп, так как в их клеймах присутствуют признаки, только зародившиеся в ходе эволюции штемпелей типа I и ставшие господствующими в дальнейшем: широкое распространение наряду с желобчатыми плоских оттисков, появление в них названия магистратуры в форме генетива причастия, наличие в поле клейм монограмм и аббревиаций вторых имен, использование в надписях курсивных форм букв.

Подгруппа А включает 14 астиномов, в клеймах которых отсутствуют отмеченные выше характерные для поздних оттисков группы признаки. Все клейма имеют желобчатую форму и выполнены штемпелями разновидности 2в типа I⁶⁰.

Подгруппа Б включает 15 астиномов, известных по клеймам четырех разновидностей вариантов 2 и 3 типа I. Как и в предшествующей подгруппе здесь господствующее место занимают штампы разновидности 2в. Однако в надписях подгруппы наряду с ломаной широко стала употребляться лунарная *сигма*. Появляется практика написания магистратуры в форме генетива причастия. Наряду с желобчатыми получают распространение плоские клейма.

Подгруппа В включает 9 астиномов, представленных клеймами уже семи разновидностей I и одной IV типов. Такая типологическая пестрота характерна для переходных между хронологическими группами периодов. Ядро подгруппы составляют астиномы Агасикл, Герей и Геродот. Близки по размерным величинам к некоторым клеймам магистрата Геродота плоские оттиски астиномов Ксенона и Филиппа. Магистратов Дамотела, Диоскурида и Полистрата объединяет наличие в их клеймах монограмм (разновидности 2б и 3б), что сближает эти оттиски с клеймами варианта 1 типа I. Наконец, в подгруппу включен астином Атаней, в клеймах которого мы впервые встречаемся с практикой пропуска названия магистратуры (вариант 1 типа IV). Уже 34% штампов подгруппы дают плоские оттиски. Получила относительно широкое распространение практика сокращения титулатуры. Почти половина штампов имеет в составе легенд монограммы и аббревиатуры.

Сообразуясь с количеством астиномов в каждой из подгрупп и учитывая хронологические рамки всей группы, можно предположительно определить следующие временные границы каждого из этапов: подгруппа А — конец IV в., подгруппа Б — первые два десятилетия III в., подгруппа В — конец 80-х — середина 70-х годов III в. до н. э.

Хронологическая группа 2 (275—215 гг. до н. э.). Ядро группы составляют 42 магистрата, известные только по клеймам типа II. Помимо них в состав группы включены еще трое чиновников, представленных клеймами типа I⁶¹, и четыре магистрата, имеющих оттиски вариантов 2 и 3 типа IV, близких, как мы видели, к ранним вариантам типа II. Наконец, к этой же группе отнесен астином Боллион, сын Никия, один из штампов которого выполнен по типу III⁶². Таким образом, общий список группы насчитывает 50 магистратов (см. табл. II, III).

Нижняя граница хронологической группы 2 выше нами была опреде-

⁶⁰ Видимо, формой творчества одного из резчиков следует признать штамп разновидности 4а типа I с именем астинома Матрия.

⁶¹ См. ниже.

⁶² Основная часть астиномов, имеющих клейма, выполненные как по II, так и по III типу, отнесена к начальному этапу хронологической группы 3. Для Боллиона, сына Никия, по ряду соображений сделано исключение (см. выше).

лена серединой 70-х годов III в. В связи с отсутствием надежных археологических комплексов, содержащих клейма конца этой группы, уточнить ее верхнюю границу затруднительно. Определенную точку отсчета, однако, помогает найти ряд косвенных данных. Так, среди астиномов переходного периода от 2-й к 3-й хронологической группе, т. е. среди магистратов, представленных клеймами как II, так и III типов, находится некий Гимн, сын Скифа. Это имя помещено, кроме того, на херсонесских монетах последней четверти III в.⁶³, в акте о продаже земли⁶⁴ и, что особенно важно, среди дельфийских проксенов 195/194 г. до н. э.⁶⁵ При этом исследователи единодушно считают, что во всех случаях мы имеем дело с одним человеком. Видимо, совершенно прав Б. Ю. Михлин, отнеся выполнение Гимном должности астинома — одной из младших магистратур в Херсонесе — к началу последнего десятилетия III в., т. е. 10—15 годами раньше того времени, когда он стал дельфийским проксеном⁶⁶. Таким образом, есть основания определить границу перехода от 2-й к 3-й хронологической группе временем около 215 г. до н. э.

С учетом закономерностей, наблюдаемых в развитии клейм типа II, имеется возможность разделить астиномов хронологической группы 2 на три этапа.

Подгруппа А включает 14 магистратов, известных по клеймам четырех разновидностей I, десяти — II и трех — IV типов. В типологическом отношении состав подгруппы необычайно пестрый. Это объясняется принадлежностью оттисков подгруппы к переходному периоду, в ходе которого проходило становление нового — II типа магистратских клейм. Продолжается процесс вытеснения желобчатых оттисков плоскими. В связи с появлением отчеств при именах магистратов на смену двухстрочным надписям приходят трехстрочные. Они уже характерны для 60% штампов подгруппы. В легендах 19% штампов опущено название магистратуры⁶⁷, у остальных наблюдается разноречивость в ее написании. Наряду с известными ранее формами генетива существительного и причастия в штампах, содержащих имя магистрата в номинативе, иногда появляется сокращенная титулатура, либо осуществляется ее написание в форме именительного падежа причастия.

Несмотря на типологическую пестроту, имеются и определенные черты сходства между отдельными вариантами клейм подгруппы по составу легенд и построчной разбивке надписей в них. Кроме того, в надписях 11 магистратов фиксируется такой характерный для данной подгруппы признак, как отсутствие артикля, соединяющего имя с отчеством. Хронологическое единство магистратов подгруппы подтверждают совместные находки клейм, наиболее распространенных в ней вариантов 1 и 4 типа II и варианта 2 типа IV в отмеченных выше комплексах (см. табл. I).

Особняком в подгруппе стоят клейма варианта 5 типа I с именем астинома Притания, сына Аристана. Другие магистраты, имеющие одновариантные штампы, отнесены нами к следующей подгруппе. Для Притания сделано исключение. Во-первых, только этот астином известен по клеймам, выполненным по разновидности 5в и содержащими в составе легенды сокращение второго имени в форме АЗКЛ⁶⁸. Между тем эта же аббревиатура присутствует не только в оттисках астинома подгруппы А группы 2 Мения, сына Дамоклея, но, что особенно важно, в клеймах магистрата

⁶³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 142 сл.

⁶⁴ IOSPE, I², № 363.

⁶⁵ См. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — ВДИ, 1939, № 3, с. 249.

⁶⁶ Михлин. Ук. соч., с. 146.

⁶⁷ Двухстрочные клейма, выполненные этими штампами (варианты 2 и 3 типа IV), прекрасно иллюстрируют начало переходного периода, когда продолжает еще господствовать практика написания легенды в две строки, но уже наметилась тенденция включать в состав надписи наряду с именем отчество астинома.

⁶⁸ Азмеров Р. Б. Клейменные черепицы эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1948, № 1, с. 166, № 14.

Герей, относящегося еще к концу хронологической группы 1. Во-вторых, не исключено, что Котитий, сын Аристора, магистрат ранней группы 2, был братом Притания. Наконец, обычные случаи обнаружения клейм Притания совместно с другими оттисками, бесспорно относящимися к переходному периоду от 1-й ко 2-й хронологической группе. Все отмеченное выше позволяет уверенно поместить данного астинома в состав подгруппы А хронологической группы 2.

Подгруппа Б включает 17 астиномов, известных по клеймам шести разновидностей типа II и одной — типа IV. Подгруппа типологически более однородна, чем предшествующая. Не случайно ее ядро составляют клейма всего двух (2а и 5а) разновидностей типа II. Уже половина штампов подгруппы давала плоские оттиски. Окончательно побеждает написание титулатуры в форме генетива причастия. Вновь возрастает число клейм, в надписях которых используются курсивные формы букв.

Подгруппа В содержит 19 астиномов, известных по клеймам восьми разновидностей типа II и одной типа III. Ядро подгруппы составляют клейма двух (3б и 6в) разновидностей типа II. Продолжается процесс вытеснения желобчатых клейм плоскими. Вместе с тем появляются и слабожелобчатые формы. Окончательно побеждает написание названия магистратуры в форме генетива причастия. В легендах двух третей штампов встречены лунарные *сигмы*.

Особняком в подгруппе стоит астином Боллион, сын Никия, один из штампов которого выполнен по разновидности 2б типа III. Одновременно два штампа этого магистрата давали оттиски по типу II. При этом если один из них относится к разновидности 6в, обычной в подгруппе В, то второй — к крайне редкой разновидности 5г, известной по клеймам еще трех астиномов, входящих в предшествующую подгруппу Б. Все штампы разновидности 5г, видимо, выполнены одним резчиком и близки по времени. Поэтому имеются основания и астинома Боллиона оставить в составе хронологической группы 2.

Условные границы каждой из трех подгрупп в рамках, отведенных хронологической группе 2, определяются с учетом количества магистратов, выделенных в каждую из них. Для подгруппы А это будет конец 70-х — 60-е годы, подгруппы Б — 50-е — начало 30-х годов, подгруппы В — конец 30-х — начало 10-х годов III в. до н. э.

Хронологическая группа 3 (215 — 60-е годы II в. до н. э.). В состав группы включены оставшиеся 33 астинома, известные по клеймам типа III. Ее верхнюю границу в настоящее время установить затруднительно, так как отсутствуют сколько-нибудь полные и хорошо датированные керамические комплексы, содержащие поздние херсонесские клейма.

На первый взгляд, учитывая тот факт, что известно немногим более 30 астиномов этой группы, прекращение практики клеймения керамической тары в Херсонесе можно было бы определить концом первой четверти II в. до н. э. Однако, как нам представляется, такая датировка занижена по крайней мере на 10—15 лет. Следует учитывать возможность кратковременных перерывов в период затухания клеймения амфор в Херсонесе. Показательно, что большинство астиномов групп представлено несколькими, а зачастую всего 1—2 оттисками. В связи с этим достаточно велика вероятность того, что какая-то (видимо, значительная) часть магистратов последнего периода клеймения остается нам пока неизвестной.

Со времени выхода в свет списка херсонесских астиномов, составленного Р. Б. Ахмеровым, было определено еще 11 новых магистратов, из которых пятеро принадлежат ко 2-й, а шестеро — к 3-й хронологической группе⁶⁹. Таким образом, в то время как за последние 30 лет

⁶⁹ См. *Кац. Ук. соч.* Приложение: раздел 1, № 5, 25, 33, 97, 108, 120; раздел 2, № 1, 2, 4. В настоящее время список необходимо пополнить еще двумя астиномами: Никанором, сыном Сатириона, клеймо которого (ГХМ, инв. № 24/36564, см. рис. 6, 2)

общий список магистратов увеличился всего на 10%, а число чиновников группы 2 — на 11%, состав астиномов группы 3 вырос почти на четверть. Поэтому наличие еще 10—12 неизвестных нам магистратов, выполнявших свои функции по контролю над выпуском керамической тары в Херсонесе в самом конце III — первых десятилетиях II в. до н. э., вряд ли подлежит сомнению. С учетом этого есть все основания определить в 45—50 лет протяженность периода, охватываемого хронологической группой 3.

Последнее предположение косвенно подтверждается присутствием среди астиномов этой группы трех представителей одной семьи: уже известного нам Гимна, сына Скифа, Сополия, сына Гимна, и Сополия, сына Сополия (см. рис. 5). Если Гимн, как мы видели, выполнял свои функции где-то в пределах 215—210 годов, то с учетом хронологического разрыва в 25 лет его сын Сополий должен был стать астиномом в конце 90-х годов следующего столетия, а внук — Сополий, сын Сополия, — в середине 60-х годов II в. до н. э. Именно это десятилетие условно можно принять за конец керамического клеймения в Херсонесе.

Астиномы хронологической группы 3 предварительно разделены нами на три последовательные подгруппы.

П о д г р у п п а А включает 11 астиномов, среди которых 7 магистратов имеют наряду с клеймами III оттиски, выполненные по поздним разновидностям II типа. Остальные астиномы представлены клеймами только раннего варианта 1 типа III. В период, охватываемый подгруппой А, проходит становление нового типа III магистратских клейм. В связи с этим в типологическом отношении они достаточно разнообразны. В подгруппе содержатся оттиски восьми разновидностей. Более 80% штампов подгруппы давали уже оттиски плоской формы. Во всех клеймах при написании названия магистратуры употреблена форма генетива причастия. В надписях 80% штемпелей встречены лунарные *сигмы*.

П о д г р у п п а Б на редкость однообразна. Она включает 10 астиномов, известных почти исключительно по плоским клеймам разновидности 26 типа III. В легендах всех оттисков название магистратуры выполнено в форме генетива причастия. Характерно резкое сокращение числа курсивных форм букв в надписях.

П о д г р у п п а В также типологически однообразна. Из 12 астиномов, ее составляющих, 10 имеют клейма, выполненные только по двум разновидностям варианта 3 типа III. Формой творчества одного из резчиков был штамп астинома Питодота, сына Дамоклея, изготовленный по разновидности 3в типа IV.

С учетом того что в каждой из трех подгрупп число известных в настоящее время астиномов практически одинаково, на каждую из них предположительно можно отвести третью часть периода, определенного для хронологической группы 3. Подгруппа А, видимо, полностью укладывается в два последних десятилетия III в.; подгруппа Б охватывает первые 15—20 лет следующего столетия; подгруппа В — конец 80-х — начало 60-х годов II в. до н. э.

Мы отдаем себе отчет в том, что предложенная хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм не может считаться окончательной и нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. Несомненно, с появлением новых оттисков, выполненных ранее не известными штампами, может возникнуть необходимость в перестановке отдельных астиномов из более ранних подгрупп и групп в более поздние. Следует учитывать и тот факт, что в связи с отсутствием достаточного числа надежных археологических комплексов, содержащих клейма хронологичес-

впервые было издано В. Звиревичем (Древнегреческие керамические клейма из Херсонеса. — В сб.: Античная древность и средние века, вып. 2, Свердловск, 1963, с. 9), и Аполлоном, сыном Аполлония, клеймо с именем которого было нами недавно обнаружено в фондах Херсонесского музея (инв. № 29568, см. рис. 6, 3).

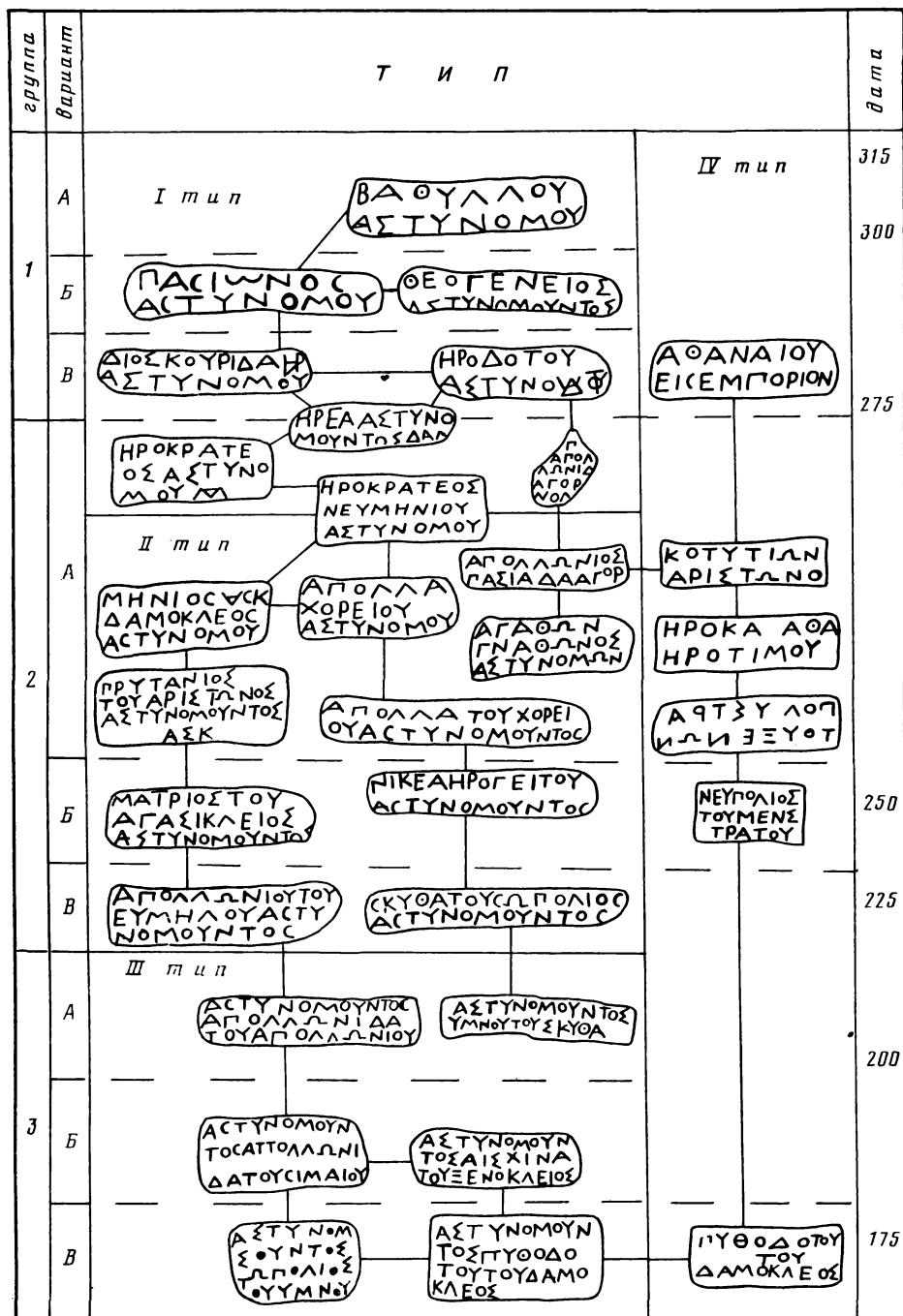

Рис. 7

ких групп 2 и 3, определенные нами абсолютные даты границ отдельных подгрупп носят предварительный характер (рис. 7).

Вместе с тем, как нам представляется, предложенная хронологическая система более логична и более выдержана типологически, чем ранее существовавшая. Она дает возможность поставить на реальную почву выяснение таких слабо изученных сторон экономической жизни эллинистического Херсонеса, как объем и динамика производства в гончарных

Хронологические группы херсонесских магистратов

№	Имя	Тип	Штампы	Форма
1 группа				
Подгруппа А				
1	Αίσχίνας	I—2в	7	Ж
2	Ἀντιζίων	I—2в	2	Ж
3	Ἀπολλωνίδα	I—2в	4	Ж
4	Ἀρχανδρος	I—2в	4	Ж
5	Βάθυλλος	I—2в	3	Ж
6	Εὐκλείδας	I—2в	3	Ж
7	Ἡράκλειος I	I—2в	8	Ж
8	Ἡρόνικος	I—2в	2	Ж
9	Κράτω	I—2в	4	Ж
10	Μάτρις	I—2в	6	Ж
		I—4а	1	Ж
11	Νάνων	I—2в	9	Ж
12	Σώκριτος	I—2в	5	Ж
13	Σώπολις	I—2в	3	Ж
14	Σωτάδας	I—2в	4	Ж
Подгруппа Б				
15	Ἀλέξανδρος	I—2а	1	Ж
		I—2в	5	Ж
16	Ἀπολλάθεος	I—3а	5	Ж
			2	Π
17	Ἀπολλώνιος	I—2в	5	Ж
		I—3в	2	Ж
18	Δαμοκλῆς	I—2в	2	Ж
		I—3в	1	Π
19	Ἡράκλειος II	I—2в	1	Ж
			4	Π
		I—3в	5	Ж
20	Ἡρόγειτος	I—2в	5	Ж
		I—3в	1	Ж
21	Ἡρόξενος	I—2в	3	Ж
			3	Π
22	Θεογένης	I—3в	5	Ж
23	Ἰστρων	I—2в	4	Ж
24	Ξάνθος	I—2в	7	Ж
			1	Π
25	Πασίων	I—3в	1	Π
		I—2а	2	Π
		I—2в	4	Ж
26	Σίλανος	I—2в	3	Ж
27	Συρίσκος	I—2в	7	Ж
28	Τελαμών	I—2в	3	Ж
29	Χορεῖος	I—2в	1	Ж
			1	Π
Подгруппа В				
30	Ἀγασικλῆς	I—1б	3	Π
		I—2в	4	Ж
31	Ἀθαναῖος	I—3в	1	Ж
		IV—1	4	Ж
32	Δαμοτέλης	I—2в	3	Ж
		I—3б	2	Π
33	Διοσκουρίδης	I—2в	3	Ж
		I—2б	7	Ж
34	Ἡρέας	I—1б	1	Π
		I—4б	1	Ж
		I—4в	2	Ж

№	Имя	Тип	Штампы	Форма
35	Ἡρόδοτος	I—1a	2	п
		I—1б	1	п
		I—1в	1	п]
		I—2в	3	п
36	Ξένων	I—1в	1	п
37	Πολύστρατος	I—2б	6	ж
38	Φίλιππος	I—2в	4	п

2 группа
Подгруппа А

а. Астиномы

1	Ἀγάθων <ό> Γ.άθωνος	II—1г	3	ж
			1	п
2	Ἀπολλᾶς <ό> Χορείου	II—2a II—2б II—4a	1	п
			2	ж
			3	п
3	Ἡροκᾶς, Ἡροκᾶς <ό>	I—2в IV—2б	2	п
			1	п
4	Ἡροκράτης, Ἡροκράτης <ό> Νευμηγίου	I—5a I—5б II—4a	1	ж
			1	ж
			5	п
5	Θεογένης <ό> Ἀπολλωνίδα	IV—2б	2	п
6	Κοτυτίων <ό> Ἀρίστωνος	IV—2a	4	ж
			1	ж
7	Μῆνις <ό> Δαμοκλέος	II—4б	1	ж
			1	п
8	Νευμηγίος <ό> Φιλιστίου	II—4a	1	п
			1	ж
9	Πολύστρατος ὁ Ξένωνος	IV—3a	1	ж
			3	ж
10	Πρύτανις <ό> Ἀρίστωνος	II—5a II—5б	1	ж
			1	п
11	Φορμίων <ό> Αἰσχίνα	II—4a	1	п
			3	ж
12	Φορμίων <ό> Ἀπολλᾶ	II—1б II—1в	1	ж
			1	ж

б. Агораномы

13	Ἀπολλωνίδα	I—5в	2	п
14	Ἀπολλώνιος <ό> Πασιάδα	II—1a	4	ж

Подгруппа Б

15	Ἀπολλωνίδα <ό> Ἰστρωνος	II—5a	1	ж
			1	п
16	Ἀπολλώνιος <ό> Ἀπολλωνίου	II—5a	1	п
			1	ж
17	Ἀρτεμίδωρος ὁ Πασιάδα	II—5a	1	ж
			1	п
18	Διονύσιος <ό> Ἀθανοδώρου	II—5a	1	п
			2	ж
19	Διοσκουρίδας ὁ Θευδώρου	II—2a	2	ж
			1	п
20	Εὐμηγλος <ό> Ἀπολλωνίου	II—5a II—5в	1	п
			1	п
21	Εὐφρόνιος <ό> Ἀθαναίου	II—5a	1	ж
			1	ж
22	Ἡρόγαιτος <ό> Καλλιᾶδα	II—3a II—5a	1	ж
			1	ж
23	Καλλίστρατος <ό> Καλλιστράτου	II—5в	1	ж
			1	ж

Таблица II (продолжение)

№	Имя	Тип	Пштампы	Форма
24	Μάτρις ό	II-5a	4	Π
	Ἀγασικλεῖος	II-5b	1	Π
25	Ματρῶδωρος ό	II-5a	1	Π
	Λυσίππου			
26	Νεύπολις ό	II-2a	1	Π
	Μενεστράτου	IV-3б	1	Π
27	Νινέας <ό>	II-3a	3	Ж
	Ἡρογείτου			
28	Πρότανις ό	II-2a	1	Π
	Θεοδώρου			
29	Σώπτολις ό	II-2a	1	Ж
	Παῖσιωνος			
30 ό	II-2a	1	Ж
	Τελαμῶνος			
Подгруппа Β				
31	Ἀθανῶδωρος ό	II-6b	4	Π
	Νικέα			
32	Ἀπολλώνιος ό	II-6b	3	Ж
	Εὐμήλου			
33	Ἀπολλώνιος ό	II-6b	1	Π
	Θεοφάνειος			
34	Ἀπολλώνιος ό	II-5a	1	Π
	Σωπτόλιος	II-6b	1	Ж
35	Ἀπολλώνιος ό	II-3б	1	с/Ж
			
36	Βολλίων ό	II-5b	1	Π
	Νικέα	II-6b	1	Π
		II-2б	1	с/Ж
37	Δαμοτέλης ό	II-6б	1	Π
	Διαγόρα			
38	Δέλφος ό	II-3б	1	Ж
	Ἰστρωνος		2	Π
39	Ἡρόξενος ό	II-6b	1	Π
	Ἀλκίνου			
40	Ἰστρων ό	II-2a	1	Π
	Ἀπολλωνίδα	II-2б	1	Π
		II-3б	2	Π
41	Καλλιάδας ό	II-2a	1	Ж
	Διονυσίου	II-6b	1	Ж
42	Λύκων ό	II-2a	1	Ж
	Ἀπολλωνίου	II-6b	1	Ж
43	Μάρων ό	II-2б	1	Ж
	Βάβωνος	II-3б	1	Ж
		II-6б	1	Ж
		II-6b	1	Ж
44	Μάτρις ό	II-2a	1	Π
	Ἡροξένου	II-3б	1	Π
45	Νικέας ό	II-3б	2	с/Ж
	Ἡρακλείου			
46	Νικέας ό	II-3б	1	Π
	Νικέα			
47	Προμαθίων ό	II-6b	1	Π
	Θασίου			
48	Σῆμος ό	II-3б	3	Ж
	Δαματρίου			
49	Σκύθας ό	II-3б	1	Π
	Σωπτόλιος			
50	Σώκριτος ό	II-6a	3	Ж
	Ἀρτεμιδώρου		1	Π

№	Имя	Тип	Штампы	Форма
Группа 3				
Подгруппа А				
1	Ἀθανόδωρος ὁ Διονυσίου	II—6в III—16	1 1	п п
2	Ἀπολλω[...ὁ Ἡρογείτου	III—16	1	с/ж
3	Ἀπολλωνίδας ὁ Ἀπολλωνίου	III—16	2	ж
4	Θεόδωρος ὁ Πρωτάνιος	II—6в III—16 26	1 1 1	п п п
5	Λαγορίνος ὁ Παρφenoκλέος	III—16	2	п
6	Νικάνωρ ὁ Σατυρίνου	III—16	1	п
7	Ξενοκλῆς ὁ Ἀπολλᾶ	II—6в III—26	2 1	п п
8	Πασιάδας ὁ Ἡροδῶτου	II—6в III—1в	1 1	п п
9	Σιμαίος ὁ Ἀπολλοδώρου	II—26 III—26	1 1	с/ж п
10	Ἵμνος ὁ Σκύθα	II—36 III—1a	2 1	п п
11	Χορείος ὁ Λύκωνος	II—36 III—16 III—2a III—26	1 1 1 1	п п п п
Подгруппа Б				
12	Ἀπολλωνίδας ὁ Σιμαίου	III—26	1	п
13	Βάβων ὁ Βάβωνος	III—26	1	п
14	Διονύσιος ὁ Θάγωνος	III—26	1	п
15	Διοσκουρίδας ὁ Πυθοδ[ώρου	III—26	1	п
16	Ἡράκλειος ὁ Ἡρακλείου	III—26	1	п
17	Ἡράκλειος ὁ Φορμίωνος	III—26	1	п
18	Λύκων ὁ Χορείου	III—16 III—26 III—3a	1 1 1	п п п
19	Μᾶτρис ὁ Ἀπολλωνίδα	III—26	1	п
20	Σιμαίος ὁ Εὐρυδάμου	III—26	2	п
21	Φορμίων ὁ Πυθίωνος	III—26	2	п
Подгруппа В				
22	Αἰσχίνας ὁ Ξενοκλείος	III—26 III—36	1 1	п п
23	Ἀπολλοφάνης ὁ Ἡρωΐδα	III—36	2	п
24	Ἀρίστων ὁ Χορείου	III—36	1	п
25	Λαγορίνος ὁ Λαγορίνου	III—36	1	п
26	Νικασίτειμος ὁ Πυθο[.....	III—36	2	п

№	Имя	Тип	Штампы	Форма
27	Πάσιχος ὁ Χαρμίππου	III—36	1	п
28	Πολύκτωρ ὁ Μήνιος	III—36	1	п
29	Προμαθίων ὁ Ἐσεκράτεος	III—36	1	п
30	Πυθόδωτος ὁ Δαμοκλέος	III—36	1	п
31	Σμαῖος ὁ Παρθενοκλέος	IV—3в	1	п
32	Σωπόλις ὁ Σωπόλιος	III—3в	1	п
33	Σωπόλις ὁ Ἵμνου	III—3в	1	п

Таблица III

Изменения основных признаков, характеризующих херсонесские магистратские клейма, по хронологическим группам

Группа	Штампы п	Форма клейм, %				Написание титулатуры					Монограммы, сокращения, %	Курсивные формы букв, %
		ж	п	с/ж	ф	б/м	с	р.с.	р.п.	и.п.		
1 А	65	100	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—
Б	83	83	17	—	—	—	4	71	25	—	—	40
В	53	66	34	—	—	8	18	67	7	—	46	12
Σ группы	201	85	15	—	—	2	5	80	13	—	12	20
2 А	43	56	39	—	5	19	10	38	14	19	16	8
Б	30	50	50	—	—	4	—	23	73	—	—	42
В	41	46	42	12	—	—	—	7	93	—	—	69
Σ группы	114	48	46	4	2	8	3	23	59	7	6	38
3 А	27	11	82	7	—	—	—	—	100	—	4	78
Б	14	—	100	—	—	—	—	—	100	—	—	21
В	16	—	100	—	—	6	—	—	94	—	—	19
Σ группы	57	5	92	3	—	2	—	—	98	—	2	47
Σ общая	373	69	28,5	2	0,5	4	4	49	41	2	9	29

Сокращения к таблицам II и III: ж — желобчатые клейма, п — плоские клейма, с/ж — слабожелобчатые клейма, ф — фигурные клейма, б/м — название магистратуры опущено, с — сокращенная форма магистратуры, р. с. — магистратура в форме родительного падежа существительного, р. п. — магистратура в форме родительного падежа причастия, и. п. — магистратура в форме именительного падежа причастия.

мастерских города черепицы и керамической тары, объем и динамика экспорта вина в амфорах, а также место продукции херсонесских виноделов на рынках других причерноморских центров.

Кроме того, отмеченные черты сходства в эволюции астиномных клейм Херсонеса и Синопы, позволяют использовать полученные при изучении херсонесских оттисков выводы для уточнения абсолютных дат хронологических групп III—VI Синопы.

В. И. Кац

TYPOLICAL AND CHRONOLOGICAL CLASSIFICATION OF CHERSONESIAN MAGISTRATES STAMPS

V. I. Katz

The chronological classification published by R. B. Akhmerov more than three decades ago (see VDI 1949, 4) is by now badly in need of radical revision. In the course of preparing a new classification system the present author has paid particular attention

to distinctions among the different indicators characterising the stamps and to their proper grouping. This enabled him to break them down into four classes according to their types. It became clear that the basic indicators evolved within the framework of the first three types. Therefore each of these types could form the nucleus of one of three chronological groups: I (end of 4th to first quarter of 3rd century B. C.) includes 38 *astynomoi*; II (275—215 B. C.) — 51 magistrates; III (end of 3rd to first third of 2nd cent. B. C.) — 32 *astynomoi*. Taking into account the logical development of legends on magistrates' stamps each of the three groups was divided into three sub-groups. Thus we get nine successive stages of stamping in the time-interval from the end of the 4th to the 60's of the 2nd century B. C.

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРИНЦИПЫ ВЛАСТИ В «ГОСУДАРСТВЕ» ПЛАТОНА

Соотношение этического и социально-политического аспектов в «Государстве» Платона всегда вызывало много споров. Поводом послужило то обстоятельство, что эта сравнительно большая — в десяти книгах — работа по характеру основной проблематики как бы распадается на две неравные части. Меньшая из них, составляющая первые полторы книги, посвящена выяснению природы справедливости, бóльшая, охватывающая все остальные, отводится главным образом изображению устройства идеального государства и разрешению различных проблем, связанных с его созданием и функционированием. Вопрос о том, что является «главной мыслью» всего труда — этическая категория справедливости или модель совершенного государства — оживленно дебатировался еще в древности¹. В новое время полемика возобновилась и особенно разгорелась в XIX в. Одни доказывали, что все рассуждения Платона об идеальной организации социума подчинены задаче более полного раскрытия сущности справедливости, другие отстаивали тезис о второстепенной, служебной роли этой этической категории, утверждая, что ее анализ и специфическая интерпретация осуществлены с целью обосновать предлагаемое автором государственное устройство, — в теоретической разработке которого вся суть произведения, — как справедливое².

Из заявлений самого автора как будто явствует, что создание модели совершенного государства понадобилось лишь для того, чтобы обнаружить с его помощью в более крупном размере те элементы справедливости, которые в маломасштабном выражении, затрудняющем рассмотрение, присущи и отдельной нравственно совершенной личности, олицетворяющей сущность этого этического феномена (368 d — e)³. Некоторые структурно-композиционные особенности «Государства» и, в частности, постоянное возвращение к идее справедливости как к итоговому завершению каждой из более или менее законченных смысловых частей, а также финальный призыв соблюдать справедливость вполне согласуются с указанными заявлениями. В таком случае оказывается, что социально-политическая тематика, занимающая основную часть работы, полностью подчинена этической, и теоретическую разработку совершенного государства правильнее рассматривать не в качестве серьезного проекта реально предполагае-

¹ Warren H. Introduction. — In: The Republic of Plato. L., 1892, p. XXIII—XXV.

² Историю полемики см. Friedländer P. Platon. B. II. B., 1964, S. 286 f.; Raeder. Platons philosophische Entwicklung. Lpz., 1905, S. 182—198.

³ В дальнейшем ссылки и цитаты из «Государства» даются по изданию: Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3, ч. 1. М.: Мысль, 1971.

мого переустройства общества, а скорее в качестве некоего вспомогательного наглядного пособия для воспроизведения в увеличенном виде элементов идеальной справедливости. Сторонники этического подхода к пониманию «Государства» даже уточнили само это название, дополнив его словами «или о справедливости», отражающими основную, по их мнению, проблему всего произведения⁴.

Однако существует целый ряд обстоятельств, препятствующих безусловности такого понимания. Слово «Государство», вынесенное Платоном на титул работы, может рассматриваться как авторское указание на главную проблему. Краткое резюме основных положений «Государства», служащее началом «Тимея», не содержит упоминания о справедливости как о существенном предмете исследования, перечисляя в качестве таковых исключительно важнейшие моменты государственного устройства. И, наконец, наличие в труде пространного систематического и детального анализа многочисленных вопросов, в том числе и чисто технических, из области государственного строительства, которые не имеют прямого отношения к этическому феномену справедливости, допускает такое истолкование основной проблемы и цели работы, которое противоречит утверждению о преобладании этической проблематики.

Попытки примирить эти противоречия породили обширную литературу, в которой признается несоподчиненность тематики первой и последующих частей «Государства», объясняемая гипотезой о включении раннего диалога или, по другой версии, «эскиза, неподходящего для обнародования в письменной форме»⁵, в состав большой зрелой работы, имеющей иной предмет исследования⁶.

Задачей настоящей статьи является попытка показать, что представление об отсутствии органического единства «Государства», приведшее к созданию отмеченной гипотезы, было следствием неадекватного понимания содержания первой книги этого труда.

Знакомясь с первой книгой «Государства», трудно не обратить внимания на некоторую странность и даже причудливость как метода постановки проблемы справедливости, так и способа ее разрешения. Понятие справедливости выясняется в рамках двух альтернатив: 1) является ли справедливостью причинение пользы друзьям и зла врагам или справедливость состоит в том, чтобы никому не вредить; 2) является ли справедливостью польза сильнейшего или, наоборот, слабейшего. Признание справедливым одного из вариантов поведения в обоих случаях доказывается при помощи ряда аргументов, направленных главным образом на опровержение противной установки. Доказательства от противного основываются, как кажется, на предпосылке, что понятие справедливости полностью выражается в одном или в трудно вообразимом синтезе из двух входящих в альтернативные пары тезисов. Ход аргументации изобилует таким большим количеством неувязок и противоречий, что ряд фрагментов первой книги воспринимается как набор сомнительных с точки зрения здравого смысла пассажей. Для интерпретации их в рамках приемлемого целого специалистам приходится прибегать к самым тонким домыслам и хитрым конструкциям, списывая неустранимые неувязки на особенности греческого мышления⁷. Неспециалисты дерзают время от времени ставить под сомнение ценность и серьезность изложенного, спрашивая, «как могло

⁴ См. Введение Карпова к «Государству» Платона.— В кн.: Сочинения Платона. Ч. III. СПб., 1863, с. 4 сл.

⁵ *Thesleff H.* Studies in Platonic Chronology.— In: *Commentationes Hamaarum Litterarum.* Helsinki, 1982, № 70, p. 110.

⁶ *Ritter C.* Platon. B. I. München, 1910, S. 274; *Wilamowitz-Moellendorff U.* Platon. B. I. B., 1919, S. 206; *Friedländer.* Platon. B. I, S. 45; B. III. B.— N. Y., 1975, S. 56—59.

⁷ *Nettleship.* Lectures on the Republic. L., 1961, p. 20—25.

случиться, что мир так долго соглашался принимать всерьез такую бессмыслицу, как эта»⁸.

Причиной недоразумений является, по нашему мнению, абберация смысла, вызванная особенностями терминологии. Подлинной проблемой первой книги является не понятие справедливости как этической категории и справедливого человека как ее олицетворения, а политическая проблема власти, центральное место которой занимает обоснование принципа, которым должна руководствоваться в своей деятельности власть, претендующая на титул справедливой.

Теоретическая часть книги начинается с обсуждения выдвинутого от имени Полемарха социально-группового принципа, согласно которому политическая деятельность должна осуществляться в интересах части общества. Справедливость в деятельности власти, по мнению Полемарха, заключается в том, чтобы действовать в интересах своей партии, общественной группы («друзей»), борясь с ее политическими противниками («врагами»). Искусство справедливости — «это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред» (332 d).

Но правомерно ли понимание «друзей» и «врагов» как социальных категорий, а «искусства справедливости» как деятельности власти? Полагаем, что на этот вопрос может быть с полной определенностью дан положительный ответ. Во-первых, φίλος означает не только «друг», но и «союзник», «сторонник». Во-вторых, друзья и враги в личном смысле представляют собой категории слишком неустойчивые, аморфные, допускающие взаимопереходы и множество оттенков качества. Говорить о «войне» между ними⁹ можно только понимая под φίλοι и ἐχθροί социально организованные группы с устойчивой структурой отношений. В-третьих, если φίλοι и ἐχθροί — личные друзья и враги, то куда они исчезают в «мирное время»? Почему в «мирное время» справедливый человек лишается возможности делать своим личным друзьям добро и чинить неприятности врагам? Видимо, речь идет о борьбе достаточно стабильных противостоящих сил, которая при каких-то условиях может прекратиться.

Признав в «друзьях» и «врагах» социальные группы, становится ясным, что термин «искусство справедливости» (τέχνη δίκαιοσύνη) означает политическое искусство, а «справедливый человек» (δίκαιος) — носителя этого искусства: профессионального политика, государственного деятеля, правителя. То, что имеется в виду не этическая область, а сфера профессиональной деятельности, подтверждается многократными сопоставлениями искусства справедливости с другими профессиями, а справедливого человека с другими специалистами. Рассматривать справедливого человека в одной плоскости с врачами, навигаторами, музыкантами и т. д. правомерно только в случае, если брать его как специалиста. При традиционном понимании под справедливым человеком обладателя известных моральных качеств такое сопоставление выглядит нелепым и нелогичным, ибо эти качества не исключаются наличием специальных познаний и могут в полной мере присутствовать у врачей и музыкантов. Исключение сравнимаемых со справедливым человеком специалистов из зоны моральных свойств и оценок неопровержимо свидетельствует о том, что обсуждается вопрос о профессиональной деятельности по осуществлению справедливости в обществе, а именно о том, какой должна быть эта деятельность, чтобы считаться правильной, соответствующей своей задаче. Последнее зависит от того или иного понимания сущности справедливости вообще и социальной справедливости в частности.

Для окончательной уверенности, что речь идет о политическом (государственном) деятеле и его надлежащем с точки зрения справедливости

⁸ Джефферсон Т. Письмо Д. Адамсу. — В кн.: Американские просветители. Т. II. М., 1969, с. 102.

⁹ Согласимся пока с традиционным переводом фразы ἐν τῷ προσπολεμεῖν καὶ ἐν τῷ ξυμμαχεῖν «на войне, помогая сражаться» (332 e).

отношении к борьбе внутрисоциальных группировок, а не о военачальнике и его роли в борьбе с внешними противниками, следует разобраться в характере «войн» и «сражений», участие в которых составляет смысл профессиональной деятельности справедливого человека (332 e). Перевод слова *προσπολεμέω* глаголом «воевать» не является единственно возможным, оно означает также «бороться» в широком смысле. Равным образом *σπμαχεώ* означает не только «вместе бороться», «помогать в битве», но и вообще «помогать», «содействовать». Поэтому фраза *ἐν τῷ προσπολεμεῖν καὶ ἐν τῷ σπμαχεῖν* допускает с не меньшим основанием перевод: «Борьбой (против одних) и содействием (другим)», что вполне совместимо со значением политической борьбы. Логический анализ текста подтверждает безошибочность такого понимания. Под справедливым человеком не может подразумеваться военный специалист, поскольку последний нужен и в «мирное время», чтобы обеспечить военную подготовку граждан. Платон ведь никогда не был пацифистом. «Государство» и «Законы» недвусмысленно свидетельствуют о его уверенности в непреходящей ценности военного искусства. Нигде он не сделал намека, что мыслимо наступление такого времени, когда государство избавится от необходимости защищать себя. В этой связи предположение, что под «врагами» имеются в виду внешние враги, превратило бы в абсурдное заявление Сократа о безусловной недопустимости причинять им какой бы то ни было вред (335 a). Кроме того, по отношению к внешним врагам нельзя даже умозрительно провести операцию отбора «хороших» на свою сторону, «плохих» — на противную (334 c).

Таким образом, опровержение взгляда на справедливость как на причинение пользы друзьям и зла врагам посредством «борьбы и содействия» представляет собой доказательство несостоятельности «социально-группового» принципа, отражающего взгляд на политику как на орудие межгрупповой борьбы. В переводе с языка художественного произведения, имитирующего живую непринужденную беседу, на язык научного трактата ход аргументации платоновского Сократа может быть представлен следующим образом. Социально-групповой принцип основывается на долге перед сторонниками. Но одного субъективного осознания долга и порождаемых им добрых намерений еще недостаточно для осуществления реальной пользы. Она осуществима только тогда, когда чувство долга реализуется посредством правильных, надлежащих действий. Надлежащее (*ὀφειλόμενον*) есть способ, средство объективации должного — *πρόσῃκον* (332 b — e). Надлежащая деятельность — это деятельность, диктуемая знанием. По существу любая область знания и основанная на ней отрасль специальной деятельности есть надлежащее выполнение должного по отношению к объекту своего служения. Таковы, например, искусство медицины, навигационное и кулинарное искусство. Отсюда логически необходимый, хотя текстуально и незафиксированный вывод: правильное выполнение долга, способное принести действительную пользу предмету служения, возможно только в рамках строгого следования предписаниям соответствующей отрасли знания (*τέχνη*), науки, искусства.

Одной из таких отраслей знания наряду с прочими является и наука (искусство) политической (государственно-управленческой) деятельности. Помещение политического искусства в одном ряду и на одном принципиальном уровне с любым другим видом профессиональной деятельности является важным опорным положением сократовской позиции. Ведь всякое искусство, всякая профессиональная деятельность существуют единственно для того, чтобы производить что-либо полезное и нужное людям, поэтому содержанием всякого искусства (*τέχνη*) является сумма знаний, необходимых для осуществления пользы (341 d). Является ли политическое искусство исключением? Полемарх имеет достаточное основание считать, что именно так оно и есть. Содержание политического искусства,

утверждает он, состоит не только из знаний, направленных на осуществление пользы, но и знаний, используемых для причинения вреда (332 a—d). Более того, само осуществление пользы возможно в области применения этого искусства чаще всего посредством причинения вреда, ибо служение своей социальной группе, как правило, означает борьбу с ее политическими противниками. Недаром Полемарх указывает, что политическая борьба как раз и является тем поприщем, на котором профессиональный политик может принести больше всего пользы своим сторонникам (332 e). Следовательно, по его мнению, политическое искусство отличается от всех остальных тем, что положительное его содержание — это сумма знаний, обеспечивающая причинение вреда.

Несостоятельность этого утверждения Сократ вскрывает серией вопросов, подлинный смысл которых, непонятный с позиций этического подхода, таков. Орудием борьбы и средством причинения вреда врагам может стать любая отрасль специальных знаний. Каждый специалист, например врач или капитан корабля, способен при желании посредством профессиональных познаний приносить в своей области не только пользу, но и вред. Так что политическое искусство в этом отношении не представляет ничего исключительного. Однако возможность с помощью медицины или навигации причинять людям вред обусловлена не содержанием, а извращенным применением этих искусств. Так ли обстоит дело и с политическим искусством? Ведь может статься, что то, что для других искусств является извращением, для этого — назначением. Чтобы это установить, считает Сократ, надо определить истинную область применения государственного искусства, ибо границы служения искусства, определяемые объемом потребностей предмета, которому оно служит, определяют в свою очередь объем и содержание профессиональных знаний. Например, истинной сферой врачебного искусства является не борьба и не месть врагам, а лечение больных. Поскольку за пределами болезней медицина не нужна, ее назначение ограничивается сферой врачевания. Компетенция искусства кораблевождения ограничивается пределами потребностей мореплавания. Исчерпывается ли потребность общества в государственном искусстве искусством политической борьбы? Ответ на этот вопрос вытекает из того, что объем потребностей общества шире содержания искусства политической борьбы. Более того, оно оказывается совершенно излишним и даже вредным в «мирное время», т. е. в случае отсутствия внутрисоциальной борьбы (333, 334 a).

Таким образом, поскольку искусство политической борьбы не составляет необходимую часть объема полезного для общества государственно-управленческого знания и поскольку всякое искусство, наука (τέχνη) определяются приносимой ими пользой, постольку истинное государственное искусство не может отождествляться с искусством политической борьбы. Исходя из этого, принципом справедливой государственной деятельности не может быть признан принцип служения интересам «друзей», сопряженный с необходимостью подавления «врагов».

Доказательства неприемлемости социально-группового принципа этим не исчерпываются. Следом за обнаружением теоретической несостоятельности автор переходит к выявлению его моральной недопустимости. Он показывает, что этот принцип не соответствует требованиям нравственности и, в частности, противоречит постулату: несправедливо причинять зло тем, кто не творит несправедливости. Последовательное осуществление «социально-группового» принципа означает ущемление и подавление многих достойных, справедливых людей ради удовлетворения эгоистических интересов недостойных, потому что никакая достаточно обширная социальная группа не может состоять только из нравственно совершенных людей, а противная — только из порочных (334 c). Но если даже, применяя прием крайних допущений, предположить возможность разделения общества на такие группы, то принцип служения групповым интересам и в

этом случае не может быть признан справедливым принципом власти. Этим Платон ставит вопрос о неприемлемости «социально-группового» принципа в абсолютном смысле. Но апелляция к нравственному чувству, составляющая ядро предыдущего доказательства, здесь не срабатывает. Подавление объективно худших сил общества едва ли способно вызвать острое возмущение чувства справедливости, даже учитывая, что вред причиняется не за личную вину и не индивидуализируется, а направляется на всю массу в целом. Ведь сделано допущение, что в эту массу объединены только «несправедливые». Ввиду этого Сократу, выражающему мысли автора, пришлось прибегнуть к аргументу иного рода. Суть его состоит в том, что нормативно осуществляемое ущемление интересов по «социально-групповому» признаку (при сделанном допущении это равно — по признаку низких нравственных качеств) будет вызывать у лиц, подвергающихся такому воздействию, чувство озлобленности, стремление к насильственному отпору, будет порождать, актуализируя потенциально отрицательные качества, антагонизм и перманентную социальную борьбу, что несовместимо с понятием справедливого общества. Но это — подразумеваемая мысль. Формальное доказательство строится несколько по-иному и направлено на обнаружение логического противоречия в утверждении противника. Допустим, что «социально-групповой» принцип деятельности власти справедлив, значит справедлив и установленный на основе этого принципа порядок, закрепляющий подавление худшей части общества. Порядок, основанный на подавлении («вреде»), неизбежно будет вызывать борьбу со стороны подавляемых и стремление его разрушить. Но, исходя из утверждения справедливости этого порядка, следует признать, что борьба против него несправедлива. Получается, что эту несправедливость якобы порождают справедливый принцип и деятельность по его осуществлению, т. е. несправедливость порождается справедливостью. А так как несоответствие порождающего и порождаемого качеств признано невозможным (335 b — e), то «социально-групповой» принцип объявляется окончательно несправедливым. Сократ при этом намекает на тираническую сущность данного принципа, констатируя его приемлемость для заведомых тиранов (336 a). Управление в интересах одной части общества неизбежно влечет подавление другой, а подавление — определяющий признак тирании.

Только такое понимание раскрывает истинный смысл фрагмента в общем контексте произведения. При любом другом подходе он выглядит как набор довольно примитивных софизмов, подкрепляющих странный с этической точки зрения тезис: справедливо никому ни в чем не вредить. Сам по себе вопрос о допустимости или недопустимости отвечать злом на зло имеет огромное нравственное значение, но решение его (особенно в варианте недопустимости зла) в рамках категории справедливости невозможно. Моральная установка на непричинение вреда врагам, непротивление злу не может быть выведена из понятия справедливости без радикального искажения смысла этого принципиально понятного для всех феномена морального сознания. Требование не отвечать на причиняемое зло и делать добро врагам можно обосновать апелляцией к каким угодно чувствам и духовным ценностям, но только не к чувству справедливости. Кроме того, непротивление находится в резком противоречии с общей философско-социологической концепцией «Государства». Причинение вреда (вплоть до лишения жизни) как внешним, так и внутренним врагам толкуется в нем как нечто нормальное и естественное (410 a, 415 e, 471 b). Недопустим, по Платону, не вообще вред (насилие, подавление), а только тот, который причиняется по причине социального статуса членов общества, в силу их принадлежности к определенной социальной группе. Логически это может означать лишь одно: справедливая власть должна находиться вне борьбы социальных сил и ни при каких обстоятельствах не выступать на стороне даже самой лучшей из них.

Отвергнув принцип деятельности власти в интересах части общества,

Сократ не провозглашает противоположный: справедливая власть должна служить интересам всех. Положительное выражение правильного принципа деятельности власти формулируется Сократом несколько иначе: справедливая власть должна действовать в интересах «слабейших». Введенное Фрасимахом, одним из оппонентов Сократа, понятие «сильнейшие» означает тех, кто причастен к власти; при демократической форме правления — это большинство, при аристократической — меньшинство. Как видно, «слабейшие» составляют противоположную, подавляемую часть общества. Но при таком понимании оказывается, что тезис Сократа также выражает социально-групповой принцип власти. Возникает и еще один вопрос. Если власть станет действовать в интересах «слабейших», т. е. тех, которые раньше к участию в отправлении власти не допускались и не являлись ее социальной опорой, то на кого ей при этом опереться? На «слабейших»? Но тогда они превратятся в «сильнейших», а «слабейшими» соответственно окажутся члены ранее господствующей группы.

Чем вызываются и как объяснить эти неувязки? Вызываются они преимущественно спецификой изложения и некоторыми недостатками терминологии, но отнюдь не противоречиями в доктрине. В ходе дальнейшего анализа текста все они поддаются устранению. Предварительно заметим, что под «слабейшими» Сократ понимает управляемых, опекаемых, руководимых в широком смысле слова как зависящих от воздействующего на них авторитета (власти, медицины, искусства кораблевождения и т. д.) и нуждающихся в нем. Основанные на знании авторитетные предписания в любой сфере социальной жизни, в том числе и в управленческой, по своей природе (извращения в счет не идут, речь идет о выяснении истинной сущности) представляют собой нужные для объекта воздействия и полезные ему указания и повеления. Поэтому справедливым принципом власти Сократ считает не принцип деятельности в интересах всех (он невозможен), а принцип деятельности в интересах в с е х у п р а в л я е м ы х. Интересы управляющих должны при этом оставаться вне целей и усилий власти.

Деятельность власти в интересах всех управляемых возможна, естественно, лишь при условии, что у нее в обществе нет ни «друзей», ни «врагов», т. е. при условии ее полной автономии от общества с его враждебными группировками, классами, партиями. Но может ли власть, стоящая над обществом и независимая от него, не преследовать свои собственные эгоистические цели? Утвердительный ответ на этот вопрос предполагает обязанность доказать два, по крайней мере, основных положения. Во-первых, психологическую возможность такого устойчивого интеллектуально-морального состояния человеческой личности, которое обусловило бы постоянное использование абсолютной власти исключительно в целях служения интересам управляемых. Во-вторых, возможность создания такого специализированного аппарата власти, который бы освобождал от необходимости опираться на внутрисоциальные силы (с неизбежной от них зависимостью и столь же неизбежной ориентацией на интересы поддерживающих власть «друзей») и в то же время был бы каким-то образом застрахован от пороков, свойственных независимому от общества бюрократическому аппарату.

Итак, принцип Сократа гласит: справедливая власть должна действовать в интересах всех управляемых. Ему противопоставляется принцип, выдвигаемый от имени Фрасимаха: «справедливость — это польза сильнейшего». Так как под «сильнейшими» понимаются властвующие, справедливая власть, согласно этому принципу, есть власть, действующая в своих интересах. Здесь сразу же возникает вопрос, какие этические ценности лежат в основе этого принципа. Очевидно, не прибегая к откровенной софистике, едва ли возможно обнаружить в сугубо эгоистической установке на безоговорочную, ничем не ограниченную собственную пользу какое-либо положительное нравственное начало.

По этой причине за Фрасимахом прочно укрепилась репутация имморалиста, приверженца силы и насилия, апологета тирании. Но такое понимание и оценка нравственной позиции Фрасимаха вызывает целый ряд недоумений. Во-первых, если этические установки Сократа и Фрасимаха диаметрально противоположны, то почему Сократ не воспринимает позицию Фрасимаха как враждебную своей. Ведь когда он говорит, что они «стали друзьями, да и раньше не были врагами» (498 d), то ясно, что речь идет не о последствиях бытового конфликта. Но если считать принципиальную установку Фрасимаха (справедливость — польза сильнейшего) выражением крайнего имморализма и в то же время не враждебной сократическому принципу в идейно-нравственном смысле, то что же тогда можно было бы вообразить в качестве враждебной? Если, далее, позиция Фрасимаха есть выражение морально противоположного принципа, то непонятно, на какой почве они стали друзьями. Неужели Фрасимах первоначально не понимал аморальности своей установки и отказался от нее, когда Сократ раскрыл ему на это глаза? Из контекста явствует как раз обратное: а) установка Фрасимаха глубоко осознана и однозначна, б) в отличие от полемики с Полемархом Сократ не сделал ни малейшей попытки доказать ее нравственную несостоятельность, ни малейшего намека на моральные основания ее неприятия. Уместно, таким образом, спросить: если Фрасимах имморалист, то почему Сократ считает, что расхождение их взглядов имело не принципиальный, а частный характер и что в аргументах Сократа заставило Фрасимаха отказаться от дальнейшей защиты своего принципа?

Во-вторых, недоумение вызывает и тот факт, что, считая Фрасимаха имморалистом, Платон в начале второй книги сообщает, что он выражал лишь мнение большинства (358 a—d), более того, можно даже сказать — всеобщее мнение, ибо его аргументацию продолжают Главкон и Адимант, хотя, правда, и не желая победы стороне, на которой выступают, но тем не менее при всей их приверженности справедливости и выдающихся интеллектуальных достоинствах не находя возможным осмысленно отказаться от мнения, выраженного Фрасимахом, и перейти на сторону Сократа. Но если мнение Фрасимаха по вопросам справедливости соответствует мнению большинства, которое, как мы видели, выражается формулой: справедливость — это чужое благо, т. е. уважение чужих интересов¹⁰, то как это совместить с основной Фрасимаховской установкой: справедливость — польза сильнейшего, правителя? Почему ни Главкон, ни Адимант, ни сам Сократ не замечают этого бросающегося в глаза противоречия в позиции Фрасимаха?

В-третьих, зачем вообще автору «Государства» понадобилось для развития своей концепции сталкивать защищаемый им сократический принцип (деятельность власти в интересах всех управляемых) с диаметрально противоположным (деятельность власти в интересах правителей), не имеющим под собой никакой этической основы и провозглашающим грубую силу и эгоизм единственным основанием и целью властвования? В крайнем случае логичнее было бы сразу отвергнуть принцип Фрасимаха,

¹⁰ С косвенного определения справедливости, содержащегося в словах Кефала: справедливо не лгать и не присваивать чужого (331), — начинается теоретическая часть «Государства». Есть все основания полагать, что высказывание Кефала выражает общепринятое представление о справедливости. Этот вывод основывается, во-первых, на том, что Кефал, пожилой, умудренный знанием жизни человек, не будучи философом, склонным к оригинальному, нестандартному суждению о вещах, не изрекает в своих словах о справедливости ничего необычного, парадоксального, отличающегося от всеми признанного. Во-вторых, говоря о справедливости, он не находит нужным раскрывать содержание этого понятия перед собеседниками, считая недопустимостью лжи и присвоения чужого саморазумеющимся, очевидными атрибутами справедливости. Следовательно, справедливость в традиционном понимании выступает как совокупность нормативных установок, направленных на уважение и обеспечение чужого интереса, ибо ложь, как правило, также является одним из способов посягательства на интересы обманываемого.

а уж затем опровергать полемарховский, ибо последний в качестве политического принципа имеет основания претендовать на титул справедливого перед судом морального сознания, так как в основу его положены категории долга и воздаяния. Отказ политического деятеля выполнять долг перед своей партией, «друзьями» выглядит с точки зрения понятных всем этических стандартов предательством и несправедливостью. Категория воздаяния также является этически приемлемой: воздавать по заслугам справедливо, и власть воздает по заслугам перед собой.

Почему, если рассматривать полемику с Фрасимахом как дискуссию о принципах, основанных на различных этических ценностях, полемические ходы противников кажутся какими-то косвенными, лишь рикошетищими по противоположному ценностным установкам. Сократ при этом даже как бы стесняется прямо указать на аморальность противоположного принципа, а Фрасимах не провозглашает принцип Сократа несправедливым, хотя должен это сделать, рассматривая его с точки зрения тех ценностей, которые легли в основу его критерия справедливости.

Чем все это объясняется? Очевидно, тем, что Фрасимах занимает ту же нравственную позицию, что и Сократ, и между ними нет разногласий относительно этической ценности политических принципов. Спор идет о другом: о их реальности, жизненности и, в частности, об осуществимости принципа Сократа, моральное достоинство которого Фрасимах не отрицает. Сократ в свою очередь не оспаривает фактическую действенность фрасимаховского принципа, индуцированного из опыта. Признавая все реально существующие формы правления неправильными (445 с, 449, 544 с—е), он тем самым признает, что в реальной жизни безраздельно господствует принцип Фрасимаха.

Таким образом, Сократ выступает с позиции должного, а Фрасимах — с позиции сущего. Последний считает, что в отношениях между властвующими и подвластными приоритет никогда и ни при каких условиях не может быть отдан интересам подвластных, ибо нет и не может быть людей, которые бы, находясь у власти, добровольно и на значительное время предпочли чужие интересы своим. Причем принцип деятельности власти в своих интересах состоит, по Фрасимаху, всегда и везде в ранге справедливого: ведь ни одна власть никогда не заявила, что ее господство основывается на несправедливости, возведенной в принцип. Фрасимах объясняет, что властвование, преследующее собственную выгоду, выставляется справедливым посредством отождествления справедливости с соблюдением норм (338 е).

Сформулируем окончательно предмет полемики Сократа с Фрасимахом и определим исходное положение сторон. Объектом спора является осуществимость сократовского принципа деятельности власти в интересах всех подвластных. Сократ прежде отверг этические ценности долга и воздаяния в качестве моральной основы принципа власти на том основании, что они позволяют оправдать ущемление и подавление всех, кто не состоит в числе «друзей» этой власти. Свой принцип Сократ утвердил на моральной основе чужой пользы, чужого блага.

Фрасимах отрицает возможность осуществления сократовского принципа власти. По его мнению, принцип Сократа не только нереален, но и «ненаучен»¹¹. Само понятие пользы (выгоды) в любой его модификации (*ὠφέλεια*, *λυσitelounτως*, *κέρδος*, *συμφέρον*) несовместимо с непринудительной деятельностью в чужих интересах. Именно поэтому Фрасимах запрещает Сократу пользоваться этими понятиями для обоснования своего принципа (336 d). В конечном счете истинным мотивом деятельности каждого человека, считает он, является стремление к своему особому благу, и власть, сопряженная с силой, выступает последним аргументом

¹¹ Представляется, что этот современный термин способен наиболее адекватно из всех возможных передать один из оттенков полемики.

в споре о том, чьи из конкурирующих интересов будут осуществлены. Что, в самом деле, может быть стимулом деятельности в чужих интересах при наличии реальной возможности действовать в своих? Осуществлять интересы тех, кто не связывает и не контролирует власть, можно разве что только в силу морального долга. Но Сократ дискредитировал долг как основу политической деятельности. Поэтому он принимает предложение Фрасимаха рассмотреть реальность принципов с точки зрения прагматического подхода, через призму собственных интересов властвующих. Сократ молчаливо соглашается признать собственную выгоду единственным, достойным серьезного внимания побудительным мотивом, определяющим поведение человека.

Но прежде чем перейти к проблеме воплощения своего принципа, Сократ доказывает его теоретическую правильность, «научность», т. е. естественную направленность власти, взятой в теоретически чистом виде, на служение интересам управляемых. Для этого он провоцирует Фрасимаха выделить понятие правителя «в точном смысле слова», который никогда не делает ошибок вследствие недостатка профессиональных знаний, отграничив его от понятия эмпирического правителя, способного ошибаться, т. е. отделить чистую функцию власти, выражающую собой искусство (τέχνη), адекватное совершенному комплексу знаний, от фактического властвования (339 с—341 а). Добившись выделения чистой функции власти, Сократ ставит вопрос о ее природе. По его мнению, она тождественна природе любой другой общественно полезной функции, потому что возникла и существует ради удовлетворения определенной общественной потребности. Всякая функция как специализированный вид деятельности действует на основе соответствующего комплекса знаний, знаний того, как удовлетворить обслуживаемую потребность. Следовательно, по своей природе функция всегда направлена вовне. Самослужение функции исключается ее самодостаточностью. Будь она несамодостаточной и имей потребности, для их удовлетворения потребовался бы дополнительный комплекс специальных знаний, для которого в свою очередь — другой, и так до бесконечности и до абсурда (341—342 а—с). Из этого Сократ заключает, что всякая функция по своей природе направлена на обслуживание нужд и удовлетворения потребностей объекта своей деятельности. Это очевидно и не вызывает никаких сомнений относительно всех функций, кроме функции власти. Чем же последняя отличается от всех остальных? В сущности ничем, кроме, разве что, элемента властвования. Но и элемент властвования, как показывает Сократ, не является специфически присущим только ей одной. Атрибутом властвования в сфере своей деятельности обладают многие функции, адресуя авторитетные предписания объекту служения. Истинным источником властвования является сила знания, авторитет науки. Поэтому объекты всех функций выступают как руководимые, управляемые, опекаемые, «слабейшие». Из этого следует, что принцип управления в интересах управляемых, взятый в широком смысле, является действующим принципом для подавляющего большинства функций. Он соответствует и неискаженной функции власти, направленной по своей, общей для всех функций, природе на служение управляемым.

Так, оторвав Фрасимаха от эмпирии, как Антея от земли, Сократ на высотах абстрактной спекуляции доказывает ему правильность теоретической основы своего принципа. Но Фрасимах снова ставит вопрос о реальном (ᾠληγηθηζ) властвовании и тем самым снова прикасается к матери-эмпирии. Общий смысл его очередных возражений можно было бы сформулировать в следующих словах: «Твой принцип, Сократ, этически прекрасен, покоится на изящной умозрительной основе, но, к сожалению, несуществует в жизни, которую ты знаешь с реально-практической стороны недостаточно хорошо».

В обоснование этого он приводит тройного рода аргументы. Во-пер-

вых, у реальных людей, отправляющих власть, есть, в отличие от чистой функции, собственные потребности. А так как людьми движет стремление к пользе, выгоде, т. е. к максимально полному удовлетворению потребностей (с этим согласен и Сократ), то они, имея возможность действовать в своих интересах, не будут поступать иначе. Во-вторых, следование собственным интересам (пользе, выгоде) несовместимо с правильным отправлением функции власти, предполагающим деятельность в чужих интересах. Соблюдение чужих интересов, не говоря уже о служении им, возможно только под давлением общественного мнения, под угрозой применения санкций, т. е. принудительно. Что же могло бы заставить человека, находящегося вне принуждения, соблюдать чужие интересы, более того, служить им, при аксиоматическом признании собственной пользы единственным надежным мотивом человеческого поведения. Истинное значение этого аргумента становится ясным, если вспомнить учение Сократа о чистой функции власти и уяснить, что прямо невысказанным, но необходимо предполагаемым условием ее реализации является полная независимость власти от управляемых. Ведь чистая функция представляет собой закономерное осуществление комплекса знаний, и всякое давление на носителя этих знаний, а тем более контроль над ним со стороны каких бы то ни было общественных групп и сил чреват неизбежным искажением функции. Специалист по управлению обществом, как и врач, в состоянии правильно выполнить свою функцию лишь при условии, что он не будет принудительно связан желаниями и капризами обслуживаемых. Следовательно, необходимой предпосылкой реализации на научной основе принципа управления в интересах всех управляемых, а не отдельной части, группы, слоя общества, является сосредоточение власти во всей ее полноте и неподконтрольности в руках совершенного специалиста, «справедливого человека». Настоящий правитель должен быть по существу самодержавным и неограниченным и стоять над управляемым обществом как пастух над стадом.

Имея все это в виду, становится понятным третий аргумент Фрасимаха: абсолютная единоличная власть не может сосредоточиться в руках «справедливого человека»; деятель, способный стать обладателем неограниченной и неконтролируемой власти, не может не быть тираном.

В самом деле, абсолютная власть для того, чтобы быть направленной на служение всем управляемым, должна как-то оказаться в руках надлежащего носителя, каковой предполагается бескорыстным и нечестливым человеком (347 b), фактически незаинтересованным в отправлении власти, ибо для него это бесплатный труд в чужих интересах (346 e, 347 c). Покушаться на установление личной диктатуры такой индивид, естественно, не станет. Пойти на организацию заговора, плести тонкую и сложную сеть политических интриг способны лишь те, кому эта власть очень нужна, а именно люди в высшей степени корыстолюбивые и притом не слишком щепетильные по части соблюдения этических стандартов. Чтобы рассчитывать на успех, надо быть, кроме того, сильным человеком, а у сильного человека не может не быть сильных страстей и вожделений, орудием удовлетворения которых как раз и является власть. «Повторяю то, что недавно говорил: обладание властью дает большие преимущества» (344 a).

Таким образом, считает Фрасимах, обладая властью и большими преимуществами, человек психологически не в силах предпочесть чужие интересы своим и осуществлять пользу управляемых. Он неизбежно обратит власть на служение себе, т. е. станет тираном. Обращению удачливого претендента на абсолютную власть в тирана способствует уменьшение или даже прекращение после захвата власти действия сдерживающих сил таких факторов, как общественное осуждение и угроза наказания. Преследуется и осуждается «частичное нарушение справедливости», т. е. отдельное, единичное посягательство на чужие интересы. «Совер-

шенная несправедливость», т. е. посягательство с высоты абсолютной власти, прославляется, вызывает зависть и почитание не только со стороны подвластных сограждан, но и независимых иностранцев (344 b—c).

Посмотрим на ответную реакцию Сократа. Он подтверждает, что польза является руководящим ориентиром на жизненном пути каждого человека (344 e). Поэтому вопрос о приверженности к справедливости или несправедливости сводится к тому, чтобы доподлинно выяснить, что выгоднее (345 a). Смысл этого утилитарного подхода со стороны Сократа к осуществлению справедливости для нас уже в основном ясен. Мы знаем, что речь идет о единственном безусловно надежном основании, способном обеспечить неискажение чистой управленческой функции. Учитывая, что внешние факторы, способные обусловить нужное поведение индивида, в данной ситуации исключаются, а внутренние мотивы, кроме собственной выгоды, — ненадежны, возможность неискажения функции власти может быть доказана только через выгоду правителя. Собственная выгода лица как безотказный при любых обстоятельствах и неколебимо устойчивый во времени мотив человеческой деятельности здесь явно предпочитается таким благородным, но подверженным коррозии и незаметному перерождению мотивам, как, например, чувство долга, альтруизм, сочувствие к слабым и т. д. Если бы речь шла о столкновении этических ценностей, как это принято считать, то со стороны Сократа было бы недопустимо ставить вопрос о принятии или непринятии справедливости в качестве руководящего принципа жизни на меркантильно-торгашескую почву большей личной выгоды.

Оставляя пока в стороне вопрос о приобретении истинным специалистом абсолютной власти, Сократ берется доказать, что правильное выполнение управленческой функции способно обеспечить ему большую сумму благ, чем извращенное. Но перед этим Сократ еще раз возвращается к природе функции, чтобы выяснить, в каком отношении к личности носителя она находится.

Всякая функция, не будучи обращена на самослужение, вместе с тем не обращена и на служение мастеру — носителю функции, хотя он, как человек, имеет весьма многочисленные потребности. Однако они удовлетворяются не посредством прямой направленности функции на обеспечение интересов мастера (будучи узко специализированной, она все равно не может удовлетворить все потребности), а посредством вознаграждения, наличие которого мыслимо только при внешней обращенности функции в условиях разделения труда. Нежелание специалистов выполнять свои функции безвозмездно подтверждает, что польза от выполнения функции достается не им, а нуждающимся. Работая даром, специалисты не получали бы никакой пользы, тогда как польза, приносимая их деятельностью, оставалась бы прежней (345 c—346 e)¹². Таким образом, исходя из ранее обоснованного тезиса об однородности всех общественно-полезных функций, Сократ констатирует, что функция власти также не направлена по своей природе на служение интересам специалиста-правителя.

Теперь все упирается в вопрос об определении относительной величины благ, доставляемых тираническим и «идеальным» правлением. Осуществимость принципа управления в интересах всех управляемых, а значит, и всего проекта «идеального» государства, в основу которого этот принцип положен, зависит от того, выгодно или невыгодно будет правителю, находящемуся вне всякого контроля и внешнего ограничения, правильно отправлять функцию власти, не искажая ее естественную сущность. В конечном счете все так или иначе сводится к составлению правильного баланса благ, с последующим выведением положительного сальдо в ту

¹² Перевод А. Н. Егуновым фразы Ἄρ' οὐνοῦδ' ὠφελεῖ τότε, ὅταν προῖκα ἐργάζεται (346 e) словами «Значит ему нет никакой пользы, когда он работает даром?» — не совсем точен. Правильнее: «Неужели он не приносил бы никакой пользы, работая безвозмездно?».

или другую сторону. Основная трудность при этом состоит в качественной неоднородности измеряемых благ, их относительной, зависящей от субъективного восприятия ценности. Поэтому простой количественный подсчет не может дать бесспорного основания для правильного ответа. Поскольку решение этого вопроса переносится, таким образом, в сферу ценностных суждений, то сами спорящие стороны достигнуть его с помощью методики «считать и измерять» не в состоянии. Обращение к третьейскому суду означало бы опять-таки решение, основанное на субъективной оценке, ибо нормы и критерии, которыми руководствовались бы судьи, не представляют собой ничего иного, кроме относительных стандартов массового сознания. В связи с этим Сократ предлагает решить вопрос вне субъективных оценок сторон и арбитров, двигаясь к цели путем согласованного принятия положений, представляющихся обеим сторонам бесспорно истинными, выступая одновременно и судьями, и защитниками (348 b).

Естественно, что в качестве высших и бесспорно предпочтительных Сократ декретирует и оппоненты оказываются вынужденными признать не материальные, а духовные блага, способные, как это утверждается в восьмой книге, доставить идеальному правителю удовольствия, во много сот раз превосходящие все то, что может получить тиран от благ, доставляемых злоупотреблением властью (587).

Представляется, что изложенного вполне достаточно для вывода о подлинной проблеме первой книги «Государства», каковой является не разработка этической категории справедливости, а утверждение принципа, которым должна руководствоваться власть, претендующая на титул справедливой, и теоретическое обоснование осуществимости этого принципа. Этот вывод, основывающийся на переосмысленном и логически непротиворечивом понимании содержания первой книги, возвращающемся к смыслу всей ее, ранее казавшимся странными, фрагментам, свидетельствует о полном единстве проблематики первой и последующих частей произведения, что в свою очередь лишает почвы гипотезу об искусственном присоединении раннего произведения к зрелому труду.

Л. Е. Бейнарвич

JUSTICE AND THE PRINCIPLES OF RULE
IN «THE REPUBLIC» OF PLATO

L. Ye. Beinarovich

Analysis of Book I of the *Republic* has convinced the author that in this part of his work Plato's main object is not, as some have supposed, to explore the ethical category «justice» but to assert and demonstrate the principle by which any ruler should be guided who lays claim to the title «Just». In this connection the author rejects the opinion, widely held by Platonists, as to the nonconformity between Book I and those that follow in respect to subject matter, an opinion which gave rise to the hypothesis according to which Book I was composed as a separate dialogue, or even as a rough draft of an early unfinished work which was later simply tacked onto the *Republic*. The author's own interpretation of Book I, based on a semantic revision of certain terms, removes all seemingly irremovable contradictions and renders superfluous attempts to explain the allegedly artificial conjunction of this book with the others.

Проблеме отношений Боспора с Египтом в III в. до н. э. посвящено много работ¹. Основным содержанием всех исследований было рассмотрение вопроса о боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле. Впервые эта проблема была поднята в работе М. И. Ростовцева. С. А. Жебелев, В. Ф. Гайдукевич, В. Д. Блаватский, И. Г. Шургая признавали конкуренцию реальной, что, по мнению последнего, свидетельствует о напряженности контактов Боспора с Египтом². Сомнения в возможности торговой конкуренции Боспора и Египта были высказаны М. К. Трофимовой, а вслед за ней и Э. Виллем³. Между тем в письменных источниках нет указаний как на факты боспоро-египетской конкуренции, так и на отсутствие таковой. Единственное письменное свидетельство о контакте Боспора с Египтом в III в. до н. э.— документ из архива Зенона, в котором говорится о посольстве боспорского царя Перисада ко двору Птолемея II Филадельфа. О цели посольства не сообщается⁴. Таким образом, высказанные предположения целиком построены на косвенных свидетельствах. Однако думается, что привлечение группы источников, непосредственно отражающих отношения Боспора с Египтом в III в. до н. э., позволит по-новому взглянуть на рассматриваемую проблему.

Рассматривая наиболее распространенные на Боспоре в эллинистическое время типы бронзовых перстней, мы обратили внимание, что наиболее популярностью пользовались массивные перстни с овальными щитками. Шинка таких перстней изнутри плоская, снаружи выпуклая, щиток — портретным изображением. Исследователи объединяют подобные перстни в серию так называемого «птолемеевского» типа⁵. Эта группа перстней тесно связана с другими типами найденных на Боспоре колец и по сюжету изображений (портреты представителей династии

* Данная статья представляет собой расширенный и переработанный вариант доклада, прочитанного в ГМИИ им. А. С. Пушкина 21 марта 1983 г. См. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1982 г. М., 1983, с. 55—57.

¹ Rostovtzeff M. I. Greek Sightseers in Egypt.— JEA, XIV, 1928, p. 13; Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре; он же. Основные линии экономического развития Боспорского государства.— В кн.: Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 84, 147 сл.; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 76—78; он же. Очерк истории.— АГСП, с. 120; Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.).— ВДИ, 1961, № 2; Блаватский В. Д. Памяткашей. М., 1964, с. 101; Шургая И. Г. Импорт Александрии в Северном Причерноморье.— ВДИ, 1965, № 4, с. 139 сл.; он же. Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи.— КСИА, 138, 1974.

² Шургая. Вопросы боспоро-египетской конкуренции..., с. 59.

³ Трофимова. Из истории эллинистической экономики; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J.-C.). T. I. Nancy, 1966, p. 166—170.

⁴ τοῖς παρὰ Περισάδοῦ πρῶσβεῦταῖς καὶ τοῖς ἐξ Ἀργούσ θεωροῖς, οὓς ἀπέσταλκεν ὁ βασιλεὺς κατὰ θεῶν του κατὰ τὸν Ἀρζυνοῖστρι; Bell H. I. Greek Sightseers in the Fayum in the Third Century B. C.— Symbolae Osloenses, f. V., 1927, p. 33; Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 260—261.

⁵ Перстни хранятся в Гос. Эрмитаже, Гос. Историческом музее, ГМИИ им. А. С. Пушкина, в Анапском музее. Большая часть их была опубликована. См. Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа.— ВДИ, 1974, № 1, с. 106—115; он же. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья.— ТГЭ, XVII, 1976, с. 166—176; Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгииппии и окрестностей.— ВДИ, 1982, № 3, с. 70—76; Коровина А. К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы.— СГМИИ, VIII (в печати); Boardman J., Vollenweider M.-L. Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Ashmolean museum. Oxf., 1978, p. 81 f. Автор выражает благодарность Е. М. Алексеевой, А. К. Коровиной, Н. З. Кузиной, О. Я. Неверову, Н. П. Сорокиной, С. И. Финогеновой и С. И. Ходжаш за предоставленную возможность ознакомиться с материалами.

Птолемеев), и по дополнительным миниатюрным эмблемам, которые иногда помещены на шинках. Характерные технические приемы связывают перстни с портретами Птолемеев с такими же по форме образцами, но украшенными другими изображениями, например Афины Промакос⁶. В собрании ГМИИ хранится перстень, по форме и технике изготовления примыкающий к перстням «птолемеевского» типа. Перстень бронзовый, вставка — из зеленого фаянса с иероглифическими изображениями⁷.

Спектральные анализы, проведенные нами, показали близость состава металла перстней «птолемеевского» типа и аналогичных по форме или по сюжету образцов. Для металла перстней характерны повышенные содержания микропримесей кобальта, более 0,1%, чрезвычайно редкие для бронзовых изделий Боспора и Северного Причерноморья в целом⁸. Более того, как свидетельствуют результаты анализов металла античных монет Средиземноморья, концентрации кобальта в пределах десятых долей процента практически не встречаются в их металле, за одним исключением — монет Птолемеев III—II вв. до н. э.⁹ Этот факт позволил прийти к выводу, что большая часть исследованных перстней происходит из египетских (александрийских?) мастерских¹⁰.

По нашим сведениям, на Боспоре было обнаружено более 20 перстней «птолемеевского» типа. Перстни, аналогичные по форме, но с изображениями другого характера, а также образцы различных форм с портретами Птолемеев или миниатюрными изображениями на шинках встречаются здесь не менее часто. В противоположность этому в Ольвии был найден всего лишь один перстень «птолемеевского» типа, а в Херсонесе — два¹¹, а ведь Ольвия из всех районов Северного Причерноморья поддерживала наиболее тесные контакты с Египтом¹². Заслуживает внимания тот факт, что и в других районах античного мира, и прежде всего в Египте, находки перстней «птолемеевского» типа весьма немногочисленны¹³.

Вопрос о том, почему на Боспоре найдено так много перстней «птолемеевского» типа, требует самого серьезного объяснения, но его нельзя решить, не выяснив назначение перстней, а назначение их, конечно же, непосредственно связано с тем изображением, которое помещалось на

⁶ *Трейстер*. Ук. соч., с. 68, прим. 10; с. 70 сл.

⁷ Инв. № I, 1а 4079. Перстень поступил из коллекции В. С. Голенищева.

⁸ *Трейстер*. Ук. соч., с. 73—76, табл. 2. Новые анализы металла перстней «птолемеевского» типа из собрания Эрмитажа, проведенные в лаборатории спектрального анализа ИГЕМ АН СССР, показали чрезвычайно близкие результаты. ГЭ.П.1866.49: Cu — основа, Sn — 24,6%, Pb — 4,3, Zn — 0,03, Bi — 0,005, Ag — 0,016, Sb — 0,03, As — 0,34, Fe — 0,03, Ni — 0,034, Co — 0,12, Au — 0,004. ГЭ.П.1873.89: Cu — основа, Sn — 0,8%, Pb — 0,3, Zn — 2,8, Bi — 0,001, Ag — 0,012, Sb — 0,032, As — 0,2, Fe — 0,2, Ni — 0,034, Co — 0,1, Au — 0,002.

⁹ *Caley E. R.* The Composition of Ancient Greek Bronze Coins. Philadelphia, 1939, p. 97, tabl. XX, № 2, 3, 5, p. 192; *Трейстер*. Ук. соч., с. 73—76. Э. Кели и М. И. Ростовцев полагали, что в эпоху эллинизма Египет большую часть меди получал с Кипра; кроме того, Птолеми могли ввозить металл из своих владений в Малой Азии, Сирии, Финикии и Палестине (*Caley*. Op. cit., p. 98; SEHNW. p. 1173). Как показали исследования, рудники Синайского полуострова в эпоху эллинизма не разрабатывались (*Blake R. P.* The Egyptian Mines on the Sinai Peninsula. — In: SEHNW, p. 1634). Интересно отметить, что у юго-западного побережья Турции были найдены остатки корабля, затонувшего около 1200 г. до н. э. Анализ найденного там слитка меди показал, что в нем содержится 0,2% примесей кобальта. Судя по данным анализа, слиток был выплавлен из руды, происходящей из месторождений Юго-Восточной Турции (*Maddin R., Muhley J. D.* Some Notes on the Copper Trade in the Ancient Mid-East. — *Journal of metals*, 1974, № 26(5), p. 24—30).

¹⁰ *Трейстер*. Ук. соч., с. 76.

¹¹ Там же, с. 71, рис. 2.

¹² *Шурга*. Импорт Александрии..., с. 140.

¹³ *Boardman, Vollenweider*. Op. cit., № 282, 285, 289. В мае 1984 г. нам довелось увидеть два таких перстня в экспозиции Афинского Национального музея: один из них был украшен портретом Арсинои III (коллекция К. Карапаноса, № 895), другой — мужским портретом (№ ΣΚ. 634).

щитке перстня. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что изображения на щитках массивных эллинистических перстней находят ближайшие аналогии на монетах Птолемеев. Прежде всего это касается образцов с портретами птолемеевских правителей¹⁴. Интересно, что изображения Птолемеев сохранились и на глиняных оттисках перстней, которыми скреплялись свитки папирусов. Известно несколько такого рода находок, как правило, массовых, как в Египте, так и за его пределами. В 1905 или 1906 г. в Эдфу (Египет) был найден сосуд, содержащий 330 оттисков, в Киренаике было обнаружено около 400 оттисков, в Каллионе, в помещении, названном исследователями архивом, разрушенном во время галатского нашествия 279 г. до н. э., — более 500¹⁵. Уникальная находка была сделана при раскопках Неа Пафоса на о-ве Кипр в 1970 г. Раскрывая остатки одеона римского времени, на глубине 1 м ниже уровня его пола археологи нашли в яме около 11 тысяч глиняных оттисков печатей, в том числе и с портретами Птолемеев. Предполагают, что это сброс из номофилакциона, учреждения, в котором заключались различные сделки¹⁶.

Изображения Афины Промахос на перстнях из Горгишии¹⁷, Тирамбы¹⁸, Широкой Балки¹⁹ также находят ближайшие аналогии на монетах. Впервые этот сюжет появляется на тетрадрахмах Птолемея Сотера в 315 г. до н. э.²⁰ Происхождение и значение этого монетного типа Птолемея долгие годы служат предметом дискуссий. Широко распространено мнение, что изображение на монете является воспроизведением статуи Афины Алкидемос, стоявшей в Пелле²¹, однако Х. Хейвлук убедительно показала, что изображение на монетах Птолемея имеет прототипом изображения Афины Промахос на панафинейских амфорах IV в. до н. э. и что такой выбор был сделан Птолемеем не случайно: ведь фигура Афины Промахос украсила один из важнейших номиналов — се-

¹⁴ *Неверов*. Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 107. В своих работах автор неоднократно отмечает, что изображения на перстнях и геммах Митридата VI Евпатора, Артавазда II и др. повторяют изображения, созданные на монетах. См., например, *Неверов О. Я.* Золотой перстень с портретом эллинистического царя. — ВДИ, 1969, № 1, с. 175; *он же*. Бронзовый перстень с портретом армянского царя из Фанагории. — В кн.: Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май 1980 г. Тезисы докладов. Ереван, 1980, с. 54. См. также *Тиранян Г. А.* Армянская тиара: опыт культурно-исторической интерпретации. — ВДИ, 1982, № 2, с. 90, прим. 2.

¹⁵ *Milne J. G.* Ptolemaic Seal Impressions. — JHS, 36, 1916, p. 87—101, pl. IV—V; *Maddoli G.* — AnnScAtene, 41—42, 1963—1964, p. 39; *Touchais G.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1978. — BCH, 103, II, 1979, p. 573—574, fig. 112—117.

¹⁶ *Karageorghis V.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1970. — BCH, 95, I, 1971, p. 416; *Nicolaou K.* Archaeological News from Cyprus, 1970. — AJA, 76, № 3, 1972, p. 315.

¹⁷ 1979 г., ул. Астраханская, могила 56. См. *Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгишии. — В кн.: Горгишия, II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982, с. 16, рис. 10, 7; *Трейстер*. Ук. соч., с. 68, № 4, рис. 1, 5, 12.

¹⁸ 1967 г., могила 84. Хранится в ГМИИ. Инв. № Ф. 1227.

¹⁹ 1969 г., могила 4. Хранится в Новороссийском музее.

²⁰ *Head B. V.* Historia numorum. Oxf., 1911, p. 848 f.; BMC, The Ptolemies, pl. I, 2, 3, 5, 6, 18. Вероятно, этим же или несколько более ранним временем датируется золотой перстень с ромбовидным щитком, на котором помещено изображение Афины Промахос в профиль влево, из коллекции М. Гутмана. См. *Hoffmann H., Davidson P. F.* Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. Ed. by A. von Saldern. Mainz, 1965, p. 257, № 117.

²¹ Эта точка зрения была высказана А. Б. Бреттом (*Brett A. B.* Athena Alkidemos of Pella. — ANSMN, 4, 1950, p. 55—72), поддержана Г. К. Дженкинсом и др. (*Have-lock Ch. M.* The Archaistic Athena Promachos in Early Hellenistic Coinages. — AJA, 84, № 1, 1980, p. 42, not. 1). В последние годы к ней присоединился М. М. Маркл (*Markle III M. M.* The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour. — AJA, 81, № 3, 1977, p. 326 f.; *idem.* Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great. — In: Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. — Studies in the History of Art, v. 10, Washington, 1982, p. 95).

ребряные тетрадрахмы; следовательно, ему придавалось, по мнению Х. Хейвлок, специальное пропагандистское значение²². Исследователь также связывает изображение на монетах с курсом внешней политики Птолемея, направленным против Антигона Одноглазого. В противовес декрету Антигона 316 г. до н. э., который обещал греческим городам свободу, самоуправление и т. п., Птолемей в 315 г. до н. э. издал аналогичный декрет. Возможно, именно в подтверждение этого декрета была выпущена серия монет с изображением Афины Промакос, образ которой лучше всего олицетворял свободу эллинов²³. Изображения Афины Промакос на монетах Агафокла, Пирра, Селевка и др., по мнению Х. Хейвлок, были заимствованы с монет Птолемея²⁴. На наш взгляд, изображениям Афины Промакос на перстнях также придавалось пропагандистское значение, вероятно, близкое содержанию изображений на монетах.

Ближайшие аналогии изображению Исиды и Сераписа на перстне из Фанагории можно найти на тетрадрахмах Птолемея IV Филопатора²⁵. О. Я. Неверов отмечает: «Видимо, из этого современного им источника и черпали резчики... схему изображения, так же как и его детали»²⁶. Среди глиняных оттисков, найденных на Эдфу, встречаются подобные изображения Исиды и Сераписа²⁷. Изображение Ники на перстне из Пантикапея²⁸ прототипом имело, вполне вероятно, изображение на монете Птолемея Сотера, хотя эта эмблема появилась еще на монетах Александра Македонского и встречалась на монетах Селевка, Деметрия Полиоркета²⁹. Аналогичные изображения имеются на оттисках печатей, найденных в Эдфу³⁰. Детали изображения братьев Диоскуров, помещенных в схеме *capita jugata*, на бронзовом перстне из Эрмитажа³¹ находят точные аналогии на монетах Птолемея III Эвергета с портретами Береники³². Изображения головы Афины в профиль влево в коринфском шлеме на перстнях из Горгииппии³³ и Мирмекия³⁴, вероятнее всего, имели прототипом эмблемы на монетах, широко распространенные в эллинистической чеканке. Встречались они и на монетах Птолемея. В пользу египетского происхождения перстней свидетельствуют находки из Эдфу. Дж. Милл отмечал преобладание изображений Афины на глиняных оттисках, среди которых встречаются и профильные изображения головы богини, аналогичные помещенным на перстнях с Боспора³⁵. Основываясь на результатах спектрального анализа, мы сделали предположение о местном производстве перстня из Горгииппии³⁶. Несомненно, что значитель-

²² Havelock. *Op. cit.*, p. 42 f.; Davis N., Kraay C. M. *The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History*. L., 1973, p. 275. О значении изображений на эллинистических монетах см. также Hadley R. A. *Royal Propaganda of Seleucos I and Lysimachos*.— JHS, 94, 1974, p. 50—65.

²³ Havelock. *Op. cit.*, p. 43 f.

²⁴ Ibid., p. 44—48.

²⁵ ГЭ.Т.1872.52. Неверов. Портретные геммы и перстни..., с. 174, табл. III.8, 9; BMC, *The Ptolemies*, pl. XVIII, 8; Head. *Op. cit.*, p. 853.

²⁶ Неверов. Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 112.

²⁷ Milne. *Op. cit.*, pl. IV, № 38.

²⁸ ГЭ.П.1873.91. В этой же гробнице было найдено два перстня с портретами Арсиной III: II. 1873. 89—90.

²⁹ Boardman, Vollenweider. *Op. cit.*, № 300.

³⁰ Milne. *Op. cit.*, № 34—35. Бронзовые перстни с изображениями Ники, аналогичными пантикапейскому, были найдены в Херсонесе (Шербакова В. С. Изображение Ники на античных геммах из Херсонеса.— КСИА, 168, 1981, с. 63, рис. 1, 1, 2).

³¹ ГЭ. ПАН. 926.

³² Неверов. Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 113.

³³ Трейстер. Ук. соч., с. 67—68, рис. 1, 11.

³⁴ Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова.— МИА, № 69, 1959, с. 131, рис. 32. В экспозиции Афинского Национального музея имеется аналогичный по форме бронзовый перстень с изображением головы Афины в шлеме в фас (коллекция К. Карапаноса, № 737).

³⁵ Milne. *Op. cit.*, p. 96, pl. IV, № 17—18.

³⁶ Трейстер. Ук. соч., с. 76.

ный приток на Боспор александрийских изделий не мог не вызвать местных подражаний.

Результаты спектрального анализа, а также изучение вопроса об организации ремесленного производства, в том числе и ювелирного, в государстве Лагидов ³⁷ подтверждают предположение, что над изображениями на щитках перстней и монетными штемпелями работали одни и те же резчики и что перстни могли изготавливать в мастерской при монетном дворе в Александрии. Таким образом, вероятно, что в III в. до н. э. мастерская при александрийском монетном дворе выпускала серии ³⁸ бронзовых перстней и изображения на них выполняли роль политической пропаганды. Довольно значительная группа перстней оказалась на Боспоре, где в III—II вв. до н. э. начали выпускать образцы, подражающие перстням из Александрии.

Распространение перстней в Северном Причерноморье, и в частности на Боспоре, объясняли по-разному. Одни связывали это с деятельностью торговцев-мореплавателей Боспора, почитавших обожествленных Птолемеев ³⁹; другие предполагали, что перстни попали на Боспор с боспорскими войнами-наемниками, находившимися на службе у царей Египта ⁴⁰; наконец, было высказано мнение, что распространение перстней нельзя связывать с распространением культов, а можно объяснить торговыми контактами с Египтом, «...причем для ряда центров Причерноморья транзитными» ⁴¹.

Такой широкий спектр мнений заставляет нас вернуться к вопросу о назначении перстней. Для этого необходимо выяснить, какую роль в эпоху эллинизма отводили перстням с портретами монархов, кому их могли дарить, а также выяснить, в каком археологическом контексте были найдены перстни на Боспоре.

Определенную помощь оказывают нам литературные источники. Плутарх сообщает (Лис. 2), что Лукулл получил эмералд с портретом Птолемея IX; Полибий (XV, 31, 9) отмечает, что Аристомен, один из телохранителей Агафокла, первым решил носить его изображение на перстне.

При дворе Птолемеев был распространен обычай дарить перстни с портретами царя ⁴². Судя по сведениям, которые можно почерпнуть у древних авторов, их дарили посланникам и приближенным. Известны как золотые, так и бронзовые, стеклянные и костяные перстни с портретами птолемеевских царей и царяц.

На щитке костяного перстня, найденном в 1948 г. в Ольвии, помещено профильное изображение женской головы в рельефе. М. И. Максимова,

³⁷ Дж. Бордман и М.-Л. Волленвайдер отмечают, что чеканка монет была в эпоху эллинизма царской прерогативой и высокохудожественные портретные изображения на геммах и перстнях были привилегией царских семей (op. cit., p. 67). См. также *Burkhalter F.* Place de la toreutique alexandrine dans l'économie lagide: sources papyrologiques. — In: *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve colloque international sur les bronzes antiques. Lausanne, 1979, p. 69—85.*

³⁸ Такой технический прием, как изготовление вставок с изображениями отдельно от шпона, но из такого же материала, свидетельствует о массовом, серийном производстве перстней. Этот прием был применен при изготовлении четырех перстней, найденных на Боспоре. Перстень с портретом Береники I, обнаруженный на о-ве Корфу, представляет собой золотую вставку, помещенную в железное кольцо. См. *Трейстер. Ук. соч.*, с. 73, прим. 54; *Boardman, Vollenweider. Op. cit.*, № 282. См. также *Thompson D. B.* Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler-Cult (Oxford monographs on classical archaeology). Oxf., 1973, p. 81.

³⁹ *Неверов.* Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 114; ср. *он же.* Золотой перстень..., с. 175; *он же.* Бронзовый перстень..., с. 54.

⁴⁰ *Boardman, Vollenweider. Op. cit.*, p. 82.

⁴¹ *Шургая И. Г.* О греко-египетском культе в Северо-Западном Причерноморье. — В кн.: *История и культура античного мира. М., 1977, с. 208.*

⁴² *Boardman, Vollenweider. Op. cit.*, p. 77; *Неверов.* Золотой перстень..., с. 175; *он же.* Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 114 и прим. 65.

опубликовавшая перстень, считает его работой ольвийского мастера, изобразившего идеализированный портрет какой-то действительно существовавшей женщины⁴³. Между тем изображение на ольвийском перстне обнаруживает поразительное сходство в трактовке профиля носа, складок шеи и т. д. с изображением на костяном перстне из Смирны, хранящемся в музее Эшмола⁴⁴. По весьма аргументированному предположению издателей, на последнем перстне изображена Арсиноя II. Портретные сходства с рассмотренными изображениями обнаруживают миниатюрные изображения еще на трех перстнях из кости. Два из них происходят из Александрии (изображение на перстне из Британского музея Ф. Маршалл считал портретом Береники II), а один был обнаружен в Кёльне⁴⁵.

Дж. Бордман и М.-Л. Волленвайдер считают, что как золотым, так и бронзовым перстням наряду с перстнями из кости или стекла могло придаваться особое значение во время дворцовых церемоний. Металлические перстни, вероятно, предназначались для политических или военных деятелей, перстни из кости — для слуг в доме или в поместье⁴⁶. Таким образом, ценность материалов означала достоинство владельцев⁴⁷. Владелец перстня с портретом царя или царицы, таким же, как на монетах, получал привилегии. Он мог быть почетным гостем царской семьи или одним из *ἐπίτροι*, или управляющим царской собственностью в Египте или в птолемеевских владениях за пределами его и иметь особые права⁴⁸. Как отмечает Д. Томпсон, птолемеевская дворцовая пропаганда вдохновлялась древнеегипетской традицией. Как известно, портретными чертами фараонов наделялись не только скульптуры, но и изображения на вазах, миниатюрные фаянсовые фигурки. Естественно, что и на перстнях, которые служили регалиями и использовались для скрепления официальных документов, изображения должны были точно передавать черты монарха. Сохранились некоторые источники, характеризующие организацию пропаганды в птолемеевском Египте. К ним относятся Канопский декрет и Розеттский камень. Так, Канопский декрет предписывает наделять изображения принцессы Береники, умершей в детстве, особой прической, а надпись на Розеттском камне дает детальные указания относительно изображений царя, которые должны были быть воздвигнуты в храмах первых трех рангов⁴⁹.

Какое точно значение имели массивные бронзовые перстни с портретами царей и цариц дома Птолемеев, мы определить не можем. Отметим, однако, что на Боспоре находили и бронзовые перстни другой формы (щиток заменен расширяющейся шинкой), но также несущие портреты птолемеевских цариц, например Арсиноя II⁵⁰. Нельзя пока определенно сказать, какое значение придавалось массивным бронзовым перстням с изображениями Афины Промакос, Ники, Исиды и Сераписа. Возможно, ответить на эти вопросы поможет исследование погребальных комплексов, в которых были обнаружены перстни.

Интересно, что на Боспоре находки перстней рассматриваемых нами групп концентрируются в Пантикапее, хотя встречаются и в Фанагории, Горгиппии, Тирамбе, Кепах, Нимфее и других центрах. При погребенных

⁴³ Максимова М. И. Фрагмент костяного перстня из Ольвии.— СА, XXVIII, 1958, с. 248, 253—255.

⁴⁴ Boardman, Vollenweider. Op. cit., № 286.

⁴⁵ Marshall F. H. Catalogue of the Finger Rings Greek, Roman and Etruscan. British Museum L., 1907, № 619; Adriani A.—Annuaire du Musée gréco-romain. V. III. Alexandrie, 1952, p. 46, fig. 24; Henkel F. Die römischen Fingerringe des Rheinlande und der benachbarten Gebiete. B., 1913, Taf. LXIII, № 1683.

⁴⁶ Boardman, Vollenweider. Op. cit., № 286.

⁴⁷ Thompson. Op. cit., p. 80, not. 3.

⁴⁸ Ibid.; Boardman, Vollenweider. Op. cit., № 286.

⁴⁹ Thompson. Op. cit., p. 79 f.; OGIS, 56, 90.

⁵⁰ Kibaltchitch T. W. Südrussische Gemmen. B., 1910, № 360. Аналогичный перстень с портретом Арсиноя III был найден в Смирне (Boardman, Vollenweider. Op. cit., № 289).

находили от одного до трех перстней. В пяти случаях в могилах было обнаружено два или три перстня. В погребении 17, раскопанном в 1873 г. на горе Митридат, было открыто двойное захоронение, судя по инвентарю, мужчины и женщины. На руку женщины были надеты два перстня, на руку мужчины — три ⁵¹. Отметим, что перстни находили и в соседних погребениях, устроенных под одной курганной насыпью ⁵². Интересующие нас бронзовые перстни встречаются в женских ⁵³, мужских ⁵⁴ могилах и в захоронениях подростков ⁵⁵. Погребальные сооружения относятся к нескольким типам. Это обычные грунтовые могилы ⁵⁶ и подкурганые захоронения ⁵⁷, земляные склепы ⁵⁸ и подбойные могилы ⁵⁹, сырцовые гробницы ⁶⁰ и каменные ящики ⁶¹.

Вряд ли можно точно определить социальное положение людей, носивших на Боспоре перстни типа «птолемеевских». Возможно, они принадлежали к разным слоям боспорского общества, а перстни могли ими дариться или передаваться по наследству. В некоторых случаях это подтверждается степенью сохранности перстней и датировками комплексов ⁶². Предпринятый нами анализ контекста находок перстней, вероятно, окажется более информативным при дальнейшем изучении погребального обряда боспорских некрополей.

Для решения вопроса о характере отношений Боспора с Египтом недостаточно рассмотреть лишь одну категорию источников (в данном случае бронзовые перстни «птолемеевского» типа), к каким бы серьезным выводам это изучение нас ни подводило. Еще одним доказательством существования тесных политических связей Боспора с Египтом служит находка в Керчи головы от статуи царицы, сделанной из черного базальта. Памятник хранится в Эрмитаже ⁶³, куда он поступил в 1900 г. из коллекции А. В. Новикова, неоднократно публиковался египтологами ⁶⁴, но исследователи, занимавшиеся проблемами боспоро-египетских отношений, внимания ему уделяли недостаточно ⁶⁵. Как выглядит голова? Ее украшает трехчастный парик, завитый мелкими локонами, расположенными рядами. Надо лбом, оставляя открытыми два ряда локонов, идет неширокая гладкая диадема, охватывающая голову по кругу. Спереди — урей. Близкой аналогией эрмитажной голове служит голова царицы династии Птолемеев из Торонто, которая датируется Б. Ботмером 240—200 гг. до н. э., однако И. А. Лапис и М. Э. Матье относят керченскую находку к середине III в. до н. э. ⁶⁶

⁵¹ ОАК за 1873 г. СПб., 1876, с. V—VI.

⁵² Горгиппия, 1881 г., городской курган, могилы 3 и 4.

⁵³ Горгиппия, 1881 г., городской курган, могилы 3 и 4; Пантикапей, 1873 г., могила 17.

⁵⁴ Пантикапей, 1873 г., могила 17.

⁵⁵ Тирамба, 1967 г., могила 84.

⁵⁶ Пантикапей, 1861 г., могила 14; 1867 г., могилы 21/24 и 58; Фанагория, 1964 г., могила 67; 1965 г., могилы 199 и 203.

⁵⁷ Горгиппия, 1881 г., городской курган; Пантикапей, 1839 г., курган по дороге на Чурубаш, могила 2.

⁵⁸ Кепы, 1961 г., могила 81.

⁵⁹ Фанагория, 1965 г., могила 249.

⁶⁰ Горгиппия, 1881 г., городской курган, могила 4.

⁶¹ Пантикапей, 1839 г., курган по дороге на Чурубаш, могила 2; 1866 г., могила 33; 1908 г., могила 44.

⁶² См. *Максимова*. Фрагмент костяного перстня..., с. 251, прим. 13; ср. *Thompson*. *Op. cit.*, p. 80.

⁶³ ГЭ, инв. № 3099; найден в Керчи, на ул. Ленина (бывш. Воронцовской).

⁶⁴ *Touraieff V. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie Méridionale.* — RA, XVIII, 1911, p. 27, fig. 14; *Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.* — СА, 1958, № 1, с. 24. Полную библиографию см. *Лапис И. А., Матье М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа.* М., 1969, с. 127, № 143, рис. 90.

⁶⁵ См. *Шургая*. Вопросы боспоро-египетской конкуренции... с. 58, прим. 36.

⁶⁶ *Лапис, Матье*. Ук. соч., с. 127.

Авторы каталога древнеегипетской скульптуры Эрмитажа отмечают: «Очень полное с удлинённым овалом лицо не является портретом... Черты лица даны обобщенно, порой неуверенно и без внимания к деталям»⁶⁷. Известно, что существовало два основных типа птолемеевских царских портретов: греческий — реалистический и египетский — идеализированный. Образцы, принадлежащие к первой группе, благодаря их иконографическим характеристикам обычно датируются с высокой степенью точности. Идеализированные, выполненные в древнеегипетской манере скульптуры очень редко бывают точно идентифицированы⁶⁸. Все же нельзя не заметить, что такие детали, как мелкие локоны, расположенные рядами, и диадема, позволяют предположительно отождествить скульптуру, найденную в Керчи, с изображением Арсиной II⁶⁹, для скульптурных портретов которой характерна прическа *Melonenfrisur*. Датировка головы царицы из Керчи серединой III в. до н. э. подкрепляет нашу гипотезу.

Нам представляется, что птолемеевский Египет оказал влияние и на военное дело Боспора. В этой связи мы рассмотрим вопрос о появлении на Боспоре овальных щитов *ῥυρέος* галатского типа. Самые ранние изображения овальных щитов на Боспоре появляются еще во второй-третьей четверти III в. до н. э. Изображение такого щита, украшающее аверс медной монеты младшего номинала серии, выпущенной Левконом II, царем Боспора, неоднократно привлекало внимание исследователей⁷⁰. Уникальная находка, сделанная в 1982 г. в Нимфее, — изображение на штукатурке корабля с надписью $\Gamma\Xi\Gamma$ и четырьмя галатскими щитами на борту — позволяет несколько удревнить (до второй четверти III в. до н. э.) дату появления овальных щитов на Боспоре⁷¹. С рубежа III—II вв. до н. э. изображения овальных щитов помещают на боспорских надгробных рельефах⁷², а со II в. до н. э. на Боспоре появляется серия терракотовых статуэток воинов со щитами галатского типа⁷³. Исследователи отмечают, что во второй половине III в. до н. э. овальный щит приходит на Боспор на смену круглому греческому щиту типа *ἀσπίς*⁷⁴. Но каким образом на Боспор попали щиты кельтского типа? По этому поводу высказывались разные мнения.

Н. И. Сокольский предполагал, что, вероятнее всего, это был результат взаимодействия Боспора с Фракией⁷⁵. Существует предположение, что овальный щит мог проникнуть на Боспор через эллинские центры Малой Азии или через Западное Причерноморье и Ольвию, которая во

⁶⁷ Там же, с. 126.

⁶⁸ *Mysłiwiec K. A.* A Contribution to the Study of the Ptolemaic Royal Portrait.— In: *Études et travaux*, VII. *Travaux du centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences*. T. IV. 1973, p. 42.

⁶⁹ Отметим, что голова царицы из Керчи не включена в каталог Г. Кирилейса (*Kyrielleis H.* *Bildnisse der Ptolemäer*.— In: *Deutsches Archäologisches Institut. Archäologische Forschungen*. Bd 2. В., 1975).

⁷⁰ *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, с. 183, табл. XLII, 17; *Шелов Д. Б.* Денежная реформа Левкона II.— ВДИ, 1953, № 1, с. 30—39; *он же.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. VII, 78. К. В. Голёнок датировал монеты началом третьей четверти III в. до н. э. (К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э.— НЭ, VIII, 1972, с. 23).

⁷¹ *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее.— ВДИ, 1984, № 1.

⁷² *Толстикова В. П.* Надгробие воина с Ахтанизовского лимана.— ВДИ, 1976, № 1, с. 85.

⁷³ *Coussin P.* *Les armes gauloises figurées sur les monuments grecs, étrusques et romains*.— RA, XXV, 1927, p. 148; *Пругло В. И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов.— В кн.: *Культура античного мира*. М., 1966, с. 205—213; *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, с. 100, рис. 55, 15; с. 105, рис. 58, 10, 11; *Денисова В. И.* Корoplastика Боспора. Л., 1981, с. 91 сл.

⁷⁴ *Сокольский Н. И.* О боспорских щитах.— КСИИМК, 58, 1955, с. 16; *Толстикова В. П.* Ук. соч., с. 85.

⁷⁵ *Сокольский.* О боспорских щитах, с. 23.

второй половине III в. до н. э. испытала натиск галатов ⁷⁶. Однако в Ольвии нет ни одного изображения овального щита III в. до н. э., а все известные находки терракот с овальными щитами в Северном Причерноморье сосредоточены именно на Боспоре, главным образом в Пантикапее, и, вероятно, западнопричерноморский путь проникновения овальных щитов на Боспор следует исключить. К гипотезе о малоазиатском происхождении овальных щитов Боспора присоединилась А. К. Коровина, считая, что они попали на Боспор с армией Митридата VI ⁷⁷. В. И. Пругло предполагает, что галаты в III—II вв. до н. э. могли служить наемниками у Спартокидов. Основываясь на факте чеканки Левконом II серии монет с изображением овального щита, автор находит косвенное подтверждение своей гипотезе в боспорском нумизматическом материале ⁷⁸. Прежде чем мы обратимся к рассмотрению вопроса о значении изображений на монете Левкона II, заметим следующее: в III в. до н. э. памятники латенского типа встречаются в Северном Причерноморье на сравнительно ограниченной территории, главным образом в районе Верхнего Поднестровья ⁷⁹. На Боспоре в это время они неизвестны.

Согласно наблюдениям А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова выпуск серии монет Левконом II был связан со стремлением выйти из денежного кризиса ⁸⁰. При этом А. Н. Зограф предполагал, что монеты были предназначены для оплаты специальных военных расходов царя ⁸¹. Д. Б. Шелов, обращая внимание на чисто военный характер изображений на младшем номинале серии — щит и меч ⁸², предположительно связывает выпуск царской монеты с сообщением Полиена о военных столкновениях гераклеотов с Левконом II ⁸³. Основываясь на топографии находок монет, исследователь предполагает, что военные действия велись на азиатской стороне Боспора ⁸⁴. Медные монеты Боспора III в. до н. э. были передатированы, и Д. Б. Шелов изменил взгляд на роль медной монеты Левкона II

⁷⁶ Толстиков. Ук. соч., с. 85.

⁷⁷ Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966—1970 гг.).— СГМИИ, VIII (в печати).

⁷⁸ Пругло. Ук. соч., с. 210.

⁷⁹ Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей в Восточной Европе.— СА, 1959, № 1, с. 41.

⁸⁰ Зограф. Ук. соч., с. 182; Шелов Д. Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э.— МИА, № 33, 1954, с. 64—65; он же. Монетное дело Боспора..., с. 153.

⁸¹ Зограф. Ук. соч., с. 183.

⁸² А. Н. Зограф (ук. соч., с. 182) считал, что на реверсе монеты изображен кинжал. Д. Б. Шелов и Н. И. Сокольский определяют это изображение как воспроизведение меча-акинака (Шелов. Монетное дело Боспора..., с. 153; он же. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э.— СА, 1981, № 2, с. 40), причем Н. И. Сокольский считал, что такое изображение свидетельствует о распространении акинака в боспорском войске, среди наемников и союзников боспорских правителей (Сокольский Н. И. Боспорские мечи.— МИА, № 33, 1954, с. 129). Между тем, судя по хорошо сохранившемуся экземпляру из Анапского клада 1954 г., на реверсе монеты Левкона II изображен меч с антенновидным навершием, перекрестьем с завитками и лезвием с параллельными краями (Шелов Д. Б. Анапский клад монет 1954 г.— НЭ, I, 1960, с. 209, табл. I, 16). Аналогичные навершия характерны для сарматских мечей III в. до н. э., но последние всегда имели прямое перекрестие (Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1—10. М., 1963, с. 34, табл. 18, 19). Навершия и перекрестия, близкие изображенному на боспорской монете, встречаются на реверсе кельтских монет. Эти изображения Ж. Дешелетт убедительно связывает с латенскими кинжалами с антропоморфными рукоятками (*Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romain*. Т. II (III). P., 1914, p. 1143, fig. 477, 1). Однако точные аналоги изображению на монете Левкона II нам неизвестны. Находки кельтского оружия в Северном Причерноморье чрезвычайно редки, и на Боспоре они вообще не зафиксированы (Кухаренко. Ук. соч., с. 38; Сокольский. Боспорские мечи, с. 146), тогда как сарматские мечи прохоровского типа известны как в Прикубанье, так и на Боспоре (Сокольский. Боспорские мечи, с. 145 сл.), и, возможно, они и послужили прототипом изображения на монете Левкона II.

⁸³ Шелов. Чеканка монеты..., с. 65, прим. 4.

⁸⁴ Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора VI—I вв. до н. э.— НЭ, V, 1965, с. 38 сл.

в преодолении денежного кризиса. Разделяя точку зрения К. В. Голенко, Д. Б. Шелов пишет о том, что эмиссия царских монет не имела значительных результатов для стабилизации денежного рынка Боспора⁸⁶. К. В. Голенко отмечал: «Редкость царских монет заставляет рассматривать левконовские эмиссии в качестве краткого, хотя и характерного эпизода в истории монетного дела Боспора. На рынках продолжала господствовать все более деградировавшая медь Пантикапей»⁸⁶. Отсутствие надчеканок и перечеканок на монетах Левкона, которое принималось ранее за свидетельство успешности мероприятий Левкона II и устойчивости курса его монеты, объясняется тем, что немногочисленные царские монеты как более полноценные, чем деградировавшая городская медь, очень быстро выпали из обращения⁸⁷. Таким образом, вряд ли сейчас можно говорить о том, что монеты Левкона II предназначались для оплаты специальных военных расходов царя; несомненно лишь, что чеканка их была вызвана исключительными обстоятельствами и явилась мерой экстраординарной. Этот факт, кстати, отмечался и Д. Б. Шеловым⁸⁸.

До сих пор, изучая медные монеты Левкона II, нумизматы главное внимание обращали на номиналы монет, их датировку, характер эмиссии, но, на наш взгляд, уделяли недостаточное внимание изображениям на них. Правда, А. Н. Зограф и Д. Б. Шелов отмечали, что типы лицевых сторон монет в двух случаях не только в тематическом, но и в стилистическом отношении повторяют соответственно типы серебряных тетрадрахм и золотых статов Александра Македонского⁸⁹. Речь идет об изображениях головы Геракла и головы Афины. А что если рассмотреть остальные изображения, например овального щита?

Изображения овальных щитов на эллинистических монетах чрезвычайно редки. Известно, что на золотых и серебряных монетах Этолии изображены македонский и кельтский щиты — вотивные посвящения в Дельфах в память побед этолийской армии над македонянами и галатами⁹⁰. На реверсе золотых, серебряных и бронзовых монет Птолемея II Филадельфа рядом с изображением орла, сидящего на молнии, помещена дополнительная эмблема в виде овального щита⁹¹. На аверсе золотых монет с изображением Птолемея II и Арсиной II сбоку также имеется изображение овального щита⁹². Не исключено, что изображения на монетах Птолемея II могли оказать влияние на оформление монет Левкона II⁹³. Остальные изображения на монетах серии Левкона не противоречат этой гипотезе⁹⁴. Интересно, что в середине III в. до н. э. и на римском монетном

⁸⁶ *Он же*. Еще о боспорских монетах..., с. 41, прим. 60.

⁸⁶ *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах III в. до н. э. — ВДИ, 1972, № 3, с. 146.

⁸⁷ *Шелов*. Еще о боспорских монетах..., с. 41 сл.

⁸⁸ *Он же*. Чеканка монеты..., с. 65.

⁸⁹ *Зограф*. Ук. соч., с. 182; *Шелов*. Денежная реформа..., с. 35; *он же*. Чеканка монеты..., с. 69; *он же*. Монетное дело Боспора, с. 153.

⁹⁰ *Coussin*. Op. cit., p. 145, № 12, n. 7.

⁹¹ *Head*. Op. cit., p. 854; BMC, The Ptolemies, pl. III, 8; IV, 2—6; VI, 2—3; *Cousin*. Op. cit., p. 149, № 26.

⁹² *Head*. Op. cit., p. 854, fig. 376; BMC, The Ptolemies, pl. VII, 1—4.

⁹³ Причины появления изображения овального щита на монетах Птолемея объясняются по-разному. А. Рейнак и М. Лонэ полагают, что выпуском монет с такой эмблемой была отмечена победа Птолемея над восставшими галатами-наемниками (*Reinach Ad. Les galates dans l'art alexandrin*. — Mon. Piot. XVIII, 1910, p. 38; *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques*. V. I. P., 1949, p. 498). По мнению П. Куссена изображение галатского щита свидетельствует о том, что на службе у Птолемея были наемники-галаты (op. cit., p. 149). К этой точке зрения присоединяется и В. И. Пругло (ук. соч., с. 213).

⁹⁴ Мы имеем в виду изображения головы Геракла, головы Афины в коринфском племе, молнии. Монеты с изображением головы Афины в коринфском племе вправо на аверсе и молнии на реверсе чеканились в Сицилии Агафоклом и в Аполлонии Иллирийской (*Anson L. Numismata Graeca. Greek Coin-Types Classified for Immediate Identification*. L., 1910, part IV, pl. IX, № 521; pl. XII, № 648—651), хотя оба изоб-

дворе в Таренте выпускали монетную серию, почти полностью повторяющую один из типов александрийских монет⁹⁵.

Изображения щита галатского типа на монетах Птолемеев удивления не вызывают. Хорошо известно, что галаты-наемники находились на службе у многих эллинистических монархов. Были они и на службе у Птолемея. Еще в 274 г. до н. э. Птолемей II подавил восстание 4000 наемников-галатов (Paus., I, 7,2)⁹⁶. Во время войны 218 г. до н. э., которую вели Антиох III Великий и Птолемей IV Филопатор, воины-галаты сражались в египетском войске (Polyb., V.65, 10)⁹⁷. Изображения щита типа *ῥορραῖος* часто встречаются в произведениях александрийского искусства⁹⁸. В Фаюмском оазисе был найден хорошо сохранившийся овальный щит III в. до н. э.⁹⁹ Помещались эти щиты на александрийских надгробных стелах III в. до н. э. с изображениями воинов-наемников¹⁰⁰, и не всегда на этих стелах показаны именно галаты; греки быстро взяли на вооружение овальный щит *ῥορραῖος*¹⁰¹. Интересно, что на тессерах птолемеявской филы в Афинах изображался именно овальный щит галатского типа¹⁰².

Помимо галатов Птолемей нанимали на военную службу и греков боспорского происхождения. В надписи из Арсиноитского нома начала III в. до н. э., которая, по мнению М. Лонэ, представляет собой бесспорно список наемников, упоминаются боспорцы Филоних и Молпагор¹⁰³, Н. И. Сокольский отмечал, что, вероятно, это один из редких случаев, поскольку боспорские наемники больше не встречаются в источниках¹⁰⁴. Что же касается имен боспорских наемников, то имя Филоних в «Корпусе боспорских надписей» не зарегистрировано, а имя Молпагор в надписях, найденных на Боспоре, встречается дважды: в граффито из Кепа конца VI в. до н. э.¹⁰⁵ и в надписи из Пантикапея, которая, что особенно важно для нас, относится к началу III в. до н. э.¹⁰⁶

Приведенные выше факты склоняют нас к мысли, что овальные щиты галатского типа были завезены на Боспор из птолемеявского Египта во второй четверти III в. до н. э.

Этим не исчерпываются наши данные о боспоро-египетских контактах в III в. до н. э. Известно, что боспорский философ-стоик Сфер, ученик Зенона из Китиона и Клеанфа из Ассоса, «...достигнув больших успехов в науках, уехал в Александрию к Птолемею Филопатору» (Diog. Laert., VII, 177).

ражения были чрезвычайно распространены в эллинистической чеканке (об изображениях молнии на монетах см. *Anson*. Op. cit., part IV, pl. IX—XIV), встречались эти изображения и на монетах Птолемеяв (BMC, The Ptolemies, pl. VI, 6; XIV, 5). Изображения головы Геракла в львиной шкуре в профиль вправо — также распространенный мотив в чеканке эпохи эллинизма, но подобные изображения есть и на птолемеявских монетах (BMC, The Ptolemies, pl. I, 1, 2, 5, 6, 8; XII, 7).

⁹⁵ *Mattingly H.* The «Diana-Victory» Didrachmes and Decadrachmes of Arsinoe.— NC, 1946, VI, p. 63—67; *Will*. Op. cit., p. 174.

⁹⁶ *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Camb., 1935, p. 120 f., 152; *Kimmig W.* Ein Keltenschild aus Ägypten.— Germania, 24, 1940, S. 110; *Launey*. Op. cit., p. 497.

⁹⁷ *Griffith*. Op. cit., p. 118—120.

⁹⁸ *Reinach*. Op. cit.; *Coussin*. Op. cit., p. 143—149, № 3, 8, 9, 17, 23, 25; *Bienkowski P.* Les celtes dans les arts mineurs gréco-romains. Cracovie, 1928, p. 135—139.

⁹⁹ *Kimmig*. Op. cit.

¹⁰⁰ *Reinach*. Op. cit., p. 40 f.; *Coussin*. Op. cit., p. 149, № 25.

¹⁰¹ SEHW, p. 288, pl. XXXVII, p. 474; *Сокольский*. О боспорских щитах, с. 22.

¹⁰² *Launey*. Op. cit., p. 498, not. 5.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 422, not. 3. Правда, В. Переманс и Е. ван Дак не включили надпись из Арсиноитского нома в свой свод (*Peremans W., Dack E. van't.* Prosopographia Ptolemaica. V. II. L'armée de terre et la police. Louvain, 1952, p. XIX).

¹⁰⁴ *Сокольский H. M.* К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э.— СА, XXVIII, 1958, с. 31.

¹⁰⁵ *Он же*. Культ Афродиты в Кепах конца VI—V в. до н. э.— ВДИ, 1973, № 4, с. 90.

¹⁰⁶ КВН, 19.

Подведем итоги. На протяжении довольно узкого хронологического отрезка, примерно со второй четверти и до конца III в. до н. э., на Боспор попадает продукция александрийского монетного двора — массивные бронзовые перстни с резными изображениями Птолемеев и эмблемами, заимствованными с птолемеевских монет. Изображения на перстнях, как и на монетах, вероятнее всего, служили целям политической пропаганды Птолемеев. Возможно, перстни дарились во время церемоний при дворе Лагидов. О том, что боспорские послы принимали участие в подобных церемониях, свидетельствует папирус из архива Зенона, датирующийся 254 г. до н. э. Не исключено, что перстни могли дарить и птолемеевские послы за пределами Египта. В этом контексте важно наблюдение, сделанное Н. Л. Грач: на штуратурке из Нимфея изображен именно посольский корабль¹⁰⁷. В середине III в. до н. э. из Египта в Пантикапей привозят статую птолемеевской царицы, возможно Арсинои II. Мы предполагаем, что овальные щиты галатского типа были привезены впервые на Боспор именно из птолемеевского Египта во второй четверти III в. до н. э.

Боспоро-египетские контакты в III в. до н. э. следует анализировать в контексте международных отношений и внешнеполитической борьбы в Восточном Средиземноморье. Главной целью внешней политики Птолемеев было завоевание талассократии, господства в районе Эгейского моря. Как отмечал М. И. Ростовцев, господство над Эгеидой рассматривалось Птолемеями как *sine qua non* их политического существования¹⁰⁸. Э. Вилль посвятил отдельную главу своего исследования принципам внешней политики Лагидов в III в. до н. э., показав тесную связь птолемеевской талассократии с политикой меркантилизма¹⁰⁹. Интересы Птолемеев сталкивались с устремлениями правителей Сирии и Македонии. Конфликт вылился в целый ряд военных столкновений. Так, только Птолемей II Филадельф предпринял четыре войны против Антиоха I, Антигона Гоната и Антиоха II: войну за сирийское наследство (280—279 гг. до н. э.), за которой последовала первая Сирийская война (274—271 гг. до н. э.), затем Хремонидову войну (267—261? гг. до н. э.) и, наконец, вторую Сирийскую войну (260—253 гг. до н. э.)¹¹⁰. Ведя непрерывные войны в бассейне Эгейского моря, Птолемеи должны были заручиться если не поддержкой, то хотя бы нейтралитетом могущественного государства Понта Эвксинского — Боспорского царства. Не случайно в первой половине III в. до н. э. Египет стремился завязать тесные отношения с «Северной лигой» — союзом, сформировавшимся в Южном Причерноморье в начале III в. до н. э.¹¹¹

Одно из средств удержания своего доминирующего положения в Восточном Средиземноморье Птолемеи видели в различных формах политической пропаганды. Одним из проявлений ее было строительство Птолемеями монументальных общественных зданий. Так, в святилище Великих богов на о-ве Самофракия в период между 285 и 280 гг. до н. э. возводятся Пропилеи — Птолемаيون, на архитраве которого была вырезана посвятельная надпись Птолемея II Филадельфа¹¹². Примерно в это же время, между 289 и 281 гг., строится ротонда Арсинои, где вскоре после брака Арсинои с ее братом Птолемеем II появляется посвятельная надпись

¹⁰⁷ Грач. Открытие нового исторического источника...

¹⁰⁸ SEHNW, p. 29.

¹⁰⁹ Will. Op. cit., chap. IIe: Fondements et principes de la politique extérieure Lagide au IIIe siècle. Essai d'analyse, p. 133—186.

¹¹⁰ Will. Op. cit., p. 121—123, 125—132, 196—233.

¹¹¹ Ibid., p. 123 suiv.; см. также Сапрыкин С. Ю. Северная лига. — В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье». Цхалтубо-1982. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1982, с. 84—87.

¹¹² Thompson H. A. Architecture as a Medium of Public Relations among the Successors of Alexander. — In: Macedonia and Greece..., p. 179, 188, not. 28.

Арсиной II ¹¹³. Есть основания предполагать, что здания были спроектированы одним архитектором, возводились одними мастерами и что Арсиноа, еще будучи женой Лисимаха, покровительствовала строительству ¹¹⁴. При Птолемее II, после 271 г. до н. э., был построен гиерон в Галикарнассе, посвященный Серапису, Исиде и царице Арсиное ¹¹⁵. Возможно, в это же время Птолемеи сооружают и гимнасий в Афинах, названный Птолемайом; о нем упоминает Павсаний (I, 17,2).

Строительство храмов и общественных зданий за пределами Египта ¹¹⁶, богатые дары в святилища Греции и Малой Азии, которыми славились Птолемеи ¹¹⁷, распространение скульптурных портретов и посвященных надписей Птолемеев ¹¹⁸, перстней с их портретами и эмблемами, заимствованными с птолемеевских монет ¹¹⁹, фаянсовых ойнохой с портретами цариц дома Птолемеев ¹²⁰ — явления одного порядка. Они занимают место в ряду других проявлений политической пропаганды Птолемеев, таких, например, как поэмы Феокрита и Каллимаха, и отражают стремление Птолемеев к политическому доминированию в тогдашнем мире.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал не дает никаких оснований говорить о наличии боспоро-египетской конкуренции, а тем более считать напряженными боспоро-египетские отношения в III в. до н. э. Можно лишь говорить о стремлении Птолемеев установить дружественные отношения с Боспором в тот период, когда Лагиды вели ожесточенную борьбу за преобладание в Восточном Средиземноморье.

Есть ли основания считать, что находки перстней «птолемеевского» типа на Боспоре свидетельствуют о проникновении в III в. до н. э. на Боспор культа Птолемеев? О. Я. Неверов подвергает сомнению возможность официального введения на Боспоре культа заморских властителей. По мнению автора, «...это означало бы признание вассальной зависимости

¹¹³ Thomson. Op. cit., p. 179; Fraser A. Macedonia and Samothrace: Two Architectural Late Bloomers. — In: Macedonia and Greece..., p. 197, 203. Архитектурные приемы, использованные при строительстве Арсинона, находят аналогии в Таманском толосе (Сокольский. Таманский толос..., с. 70).

¹¹⁴ Fraser. Op. cit., p. 198 f.

¹¹⁵ OGIS, 16; Magie D. Aegyptian Deities in Asia Minor in Inscriptions and Coins. — AJA, 57, № 3, 1953, p. 168, 171, not. 75.

¹¹⁶ В собрании Эрмитажа среди беспаспортных камней, происходящих из античных городов Северного Причерноморья, имеются четыре известняковые базы колонн. Одна из них, по мнению Б. Б. Пиотровского, была изготовлена из камня, взятого из египетского храма. На нижней ее плоскости сохранились остатки рельефа птолемеивской эпохи. Б. Б. Пиотровский полагает, что этот камень как строительный материал был привезен из Египта в Причерноморье (ук. соч., с. 24). Но не будет ли более вероятным предположение, что камень с рельефом происходит из здания, построенного Птолемеями в Северном Причерноморье?

¹¹⁷ Burkhalter. Op. cit., p. 74—76.

¹¹⁸ Скульптурные портреты птолемеивских царей и цариц III в. до н. э. находили за пределами Египта: на Кипре, Крите, в Греции, Малой Азии и т. д. (Richter G. M. A. Greek portraits. III. — Col. Latomus, XLVIII, Bruxelles, 1960, p. 17—19; Kyrieleis. Op. cit., C2, 3, 8, 14, J4; Pouilloux J. Deux statues de Ptolémée Philadelphie à Salamine de Chypre. — BCH, 95, II, 1971, p. 567—572). О посвященных надписях Птолемеев на Кипре см. Roesch P. Les Lagides à Salamine: épigraphie et administration. — In: Salamine de Chypre. Histoire et archéologie. Colloques internationaux du C. N. R. S. № 578, Lyon, 1978, p. 249—256.

¹¹⁹ Перстни с изображениями портретов Птолемеев были найдены в Смирне, на о-ве Корфу (см. прим. 13).

¹²⁰ В каталоге Д. Томсон собрано 269 целых сосудов и их фрагментов, на которых помещены рельефные изображения птолемеивских цариц, совершающих возлияния перед алтарем, и надписи, прославляющие их или царствующих Птолемеев. Большая часть ойнохой (свыше 90%) была найдена в некрополях Александрии, но некоторые сосуды были обнаружены за пределами Египта: в Афинах, Коринфе, на островах Кипр, Крит, в Ликии и Южной Италии (Thompson. Op. cit., № 1, 27, 44, 63, 75, 112, 141, 179, 189). На территории Северного Причерноморья такие вазы, как показали исследования И. Д. Марченко, найдены не были (Марченко И. Д. Из истории художественного ремесла Александрии (По материалам ГМИИ им. А. С. Пушкина). — ВДИ, 1962, № 2, с. 104; она же. Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР. — КСИА, 128, 1971, с. 21—32).

Боспора от династии Лагидов... Введение чужеземного культа в Северном Причерноморье в это время могло оставаться лишь частной инициативой... купцов-мореплавателей, торговцев, солдат-наемников»¹²¹. Нам представляется, что появление на Боспоре бронзовых перстней «птолемеевского» типа не является свидетельством распространения культа Птолемея в некоторых слоях боспорского общества, а может быть объяснено тесными политическими контактами между двумя государствами в III в. до н. э.¹²²

М. Ю. Трейстер

¹²¹ *Неверов*. Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 113.

¹²² Косвенным подтверждением нашего предположения служит отсутствие в Северном Причерноморье так называемых «птолемеевских ойнохой», которые специально изготовлялись для того, чтобы простые горожане могли почтить Птолемея обрядом возлияния (*Thompson*. Op. cit., p. 75).

BOSPORUS AND EGYPT IN THE THIRD CENTURY B. C.

M. Yu. Treister

Study of a group of objects — rings, sculpture, terracottas, coins — gave the author new insight into the nature of the relations between Bosphorus and Egypt in the 3rd century B. C. Spectrum analysis of a group of rings found in Bosphorus, comparison of the images on the rings with those on Ptolemaic coins leads the author to conclude that in the 3rd century a workshop of the Alexandrian mint issued several series of bronze rings with images stamped on them, as on coins, which served propaganda purposes. Such rings may have been handed out as presents at Egyptian court ceremonies. That Bosporan envoys took part in such ceremonies we know from a papyrus in the Zenon archives. The rings may also have been distributed by Egyptian envoys abroad. Firm evidence of close political ties between Bosphorus and Egypt may be seen in the discovery in Kerch of the head from a statue of a queen of the Ptolemaic house. The head is dated in the 3rd century and presumably represents Arsinoë II. Archaeological and numismatic data favour the conjecture that oval shields of the Galatian type appeared in Bosphorus in the third quarter of the 3rd century. Thus an accumulation of evidence from a variety of sources goes against the notion that in the 3rd century Bosphorus and Egypt were competitors in the grain trade, still less that their relations were strained. On the basis of the evidence one can only say that the Ptolemies were bent on establishing friendly relations with Bosphorus at a time when they were engaged in a fierce struggle for domination in the East Mediterranean area.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АРЕНДЫ ХРАМОВЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ДЕЛОСЕ

Одним из видов государственной земельной собственности в древней Греции была храмовая земельная собственность. У античных авторов сохранились сведения о происхождении этой категории земель: Платон и Аристотель пишут, что при основании городов часть земли в обязательном порядке передавалась богам¹. Помимо этого боги в качестве благодарности за «оказанную ими поддержку» получали часть добычи во время

¹ *Plato*, *Legg.* V, 738; *Arist.*, *Pol.* VII, 9, 7. Это правило соблюдалось афинянам в их колониях — *Syll.* ³, 67. 10—11 (446/5 гг. до н. э.).

войн, в том числе и десятую долю захваченных земель². Довольно часто храмы увеличивали свои земельные владения в результате судебных конфискаций имущества³. Известны дары земельных участков богам со стороны отдельных граждан⁴, в том числе и такие «царские» подарки, как остров Ренея, подаренный завоевавшим его тираном Самоса Поликратом храму Аполлона на Делосе⁵. Древние греки относили выделение храмовых земель ко времени Гипподама Милетского, который якобы разделил все земли на три части: храмовую, государственную и частную, причем храмовая земля предназначалась для обеспечения жертвоприношений богам⁶.

В большинстве случаев земельная территория, принадлежавшая храмам, была невелика: она состояла из земли, на которой располагались собственно храмовое здание и различные вспомогательные культовые и хозяйственные постройки. Но были и святилища, имевшие достаточно обширные земельные владения. К таким храмам относились храм Аполлона в Дельфах, храм Аполлона на Делосе, храм Артемиды в Эфесе, храм Диониса в Геракле (Лукания) и некоторые другие. Наиболее распространенным способом использования этих земель была сдача в аренду, что было довольно выгодно, поскольку приносило ежегодный доход в размере 8—10% от общей стоимости земель⁷. Например, на Делосе ежегодная арендная плата с храмовых теменов (темены храма Аполлона были расположены на самом Делосе, на близлежащей Ренеи и на острове Миконос) наряду с процентами от ссуд храмовых денег и поступлениями от сдачи в наем «храмовых домов» была одним из существенных источников дохода храма. По данным хорошо сохранившегося отчета гиеропеев (должностных лиц, сферой деятельности которых было управление храмовым хозяйством) за 279 г. до н. э. можно заключить, что прибыль от арендных операций составляла в этом году более $\frac{1}{5}$ общего дохода святилища⁸.

Среди массы дошедшего до нас эпиграфического материала сохранились надписи, на основании которых можно восстановить некоторые формы и методы сдачи в аренду храмовых земель. Одним из таких документов является так называемая *ἱερὰ συγγραφή* (далее — $\Gamma\Sigma$) с острова Делос. Эта надпись — очень интересный документ, поскольку она представляет собой не конкретный договор с конкретным арендатором по поводу конкретного участка, а формулирует общие положения, применявшиеся на протяжении полутора веков. Название, которое получила надпись в историографии, вполне оправданно, так как оно часто встречается в отчетах иеропеев⁹.

Надпись была найдена в 1877 г. во время раскопок под руководством Т. Омоля. Плита, на которой она была вырезана, сохранилась целиком, но, к сожалению, материалом плиты был крупнозернистый наксосский мрамор, который легко крошится, и после вторичного использования плиты — для мощения улицы — верхняя часть надписи оказалась стертой. Из 75 строк, которые, вероятно, изначально содержала $\Gamma\Sigma$, сохранилось только 50: первые 15 из них состоят из разрозненных слов (о сохранении этой части $\Gamma\Sigma$ можно только догадываться), строки с 16-й по

² *Thuc.*, III, 50, 2. Практика эта, правда, характерна для более раннего времени, в эллинистическую эпоху она уже не использовалась.

³ *Xen.*, *Hell.* I, 7, 10, 20.

⁴ *Polyb.*, XVII, 16; *Diog. Laerc.*, I, 4, 75; *Plut.*, *Nicias.* 3, 6.

⁵ *Thuc.*, I, 13, 6; III, 104, 2.

⁶ *Arist.*, *Pol.* II, 5, 2.

⁷ *Guiraud P.* *La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine.* P., 1893, p. 367. Для общественных земель Аттики V—IV вв. до н. э. В. Н. Андреев приводит 5—6% (*Андреев В. Н.* *Аттическое общественное землевладение V—IV вв. до н. э.* — ВДИ 1967, № 2, с. 71).

⁸ $\Gamma\Sigma$, XI, 2, 161, A. 6—15 — 11 928 драхм (доход от теменов); $\Gamma\Sigma$, XI, 2, 161, A. 122—54 162 драхмы (общий доход храма Аполлона за год).

⁹ Например: $\Gamma\Sigma$, XI, 2, 287, A. 136, 143: *κατὰ τὴν ἱερὰν συγγραφὴν.*

49-ю — в хорошей сохранности, но, начиная с середины 50-й строки, часть текста, в которой изложение доводится до логического конца, восстановить практически невозможно.

В литературе эта надпись впервые была упомянута Т. Омолем¹⁰, немного позже он привел в примечаниях несколько строк IΣ¹¹. Надпись была процитирована П. Гиро в его фундаментальном труде о земельной собственности в древней Греции¹². В сборнике греческих юридических надписей IΣ по праву возглавила список эпиграфических документов, фиксирующих общие условия арендных договоров¹³. Ссылался на опубликованные Т. Омолем отрывки IΣ Й. Парч в монографии, посвященной исследованию вопросов поручительства в древней Греции¹⁴. В 1911 г. Ф. Дюрбак по-новому истолковал уже опубликованные строки делосского документа¹⁵. Им же должна была быть осуществлена первая полная публикация надписи в третьем выпуске XI тома «Inscriptiones Graecae», но первая мировая война прервала это издание, и набор третьего выпуска был рассыпан. Впервые IΣ была опубликована полностью только в 1919 г.¹⁶ В этой публикации Ф. Дюрбак построочно разобрал надпись, дал свое восстановление некоторых строк IΣ, привел литературу, в которой она когда-либо комментировалась, а также некоторые предложения Г. Глоца по восстановлению отдельных плохо сохранившихся слов. В 1925 г. текст IΣ появляется в статье Э. Вайса с новыми восстановлениями и новыми замечаниями и попыткой юридического анализа документа¹⁷. Серьезное исследование делосского документа было проведено Э. Цибартом, который предложил довольно смелые варианты восстановления плохо сохранившихся строк и подробно прокомментировал IΣ, выясняя применение ее положений на практике¹⁸. Наконец в 1929 г. надпись находит свое законное место во втором томе «Inscriptions de Délos» под № 503¹⁹. Из более поздних попыток комментирования IΣ нам известны только две: А. Вильхельм дал свой вариант понимания нескольких малопонятных слов и выражений²⁰ и Дж. Кент привел перевод надписи на английский язык с пространственными комментариями ее положений в статье о земельных владениях храма Аполлона на Делосе²¹. Д. Беренд привлекал IΣ в качестве параллельного материала при исследовании арендных отношений в Аттике²². Вызывает некоторое недоумение игнорирование этого документа М. Уолбэнком при изучении вопросов аренды храмовых земель в Аттике в его недавней статье²³.

¹⁰ Homolle T. Comptes des hiéropes du temple d'Apollo Délien.— BCH, I, 1882, p. 63; *idem*. Les archives de l'intendance sacrée à Délos (315—166 av. J. C.). P., 1887, p. 119, № XIII.

¹¹ *Idem*. Comptes et inventaires des temples déliens en l'année 279.— BCH, XIV, 1890, p. 430 ff., 452.

¹² Guiraud. Op. cit., p. 441.

¹³ Recueil des inscriptions juridiques grecques. Texte, traduction, commentaire par R. Dareste, B. Haussoulier, Th. Reinach. Fasc. 1. P., 1895, p. 251, 504.

¹⁴ Partsch J. Griechische Bürgerschaftsrecht. B. 1. Lpz, 1909, passim.

¹⁵ Dürbach F. Fouilles de Délos, exécutées aux frais de M. le Duc de Loubat.— Inscriptiones financières (1906—1909).— BCH, XXXV, 1911, p. 25.

¹⁶ *Idem*. La *ισρά συγγραφή* de Délos.— REG, XXXII, 1919, p. 167—178.

¹⁷ Weiss E. *Ἰσρά συγγραφή*.— *Ἐπιτύμβιον* H. Swoboda dargebracht.— Reichenberg, 1925, S. 325—335.

¹⁸ Ziebarth E. Die *ισρά συγγραφή* von Delos.— Hermes, LXI, 1926, S. 87—109.

¹⁹ Inscriptiones de Délos. Comptes des hiéropes (372—498). Loix ou reglements, contrats d'entreprises et devis (499—509). Publiés par F. Dürbach. P., 1929.

²⁰ Wilhelm A. Attische Pachturkunden.— Archiv für Papyrusforschung, XI, 1935, S. 215—217.

²¹ Kent J. H. The Temple Estates of Delos, Rheneia and Myconos.— Hesperia, XVII, 1948, p. 267—285.

²² Behrend D. Attische Pachturkunden. München, 1970, S. 59, 107, 124 f., 130 f., 147.

²³ Walbanc M. B. Leases of Sacred Properties in Attica.— Hesperia, LII, 1983, № 1—2.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению содержания $\Gamma\Sigma$, необходимо попытаться хотя бы приблизительно представить себе юридический смысл этого документа. Этимологический анализ слова $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ говорит о том, что это письменный документ, сформулированный с согласия обеих сторон и скрепленный подписями контрагентов. В римском праве термином *syngrapha* обозначался документ, дающий право на конфискацию имущества в случае невыполнения договора²⁴.

Специфические черты этого вида договора — публичный характер (наличие свидетелей), наличие права предъявителя, конфискация имущества при невыполнении обязательств и хранение у третьего лица или в публичном, всем доступном месте — могут быть отнесены и к другим письменным документам подобного рода, — например, $\sigma\upsilon\nu\delta\eta\kappa\eta$ и $\delta\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$. Безусловно можно признать только то, что $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ — выражение техническое, широко применявшееся для обозначения актов, зафиксированных в письменной форме. Оно использовалось в различных по своему содержанию документах: в контрактах, связанных с займами, куплей-продажей, при сдаче в аренду земель, в брачных контрактах, в общих предписаниях, касающихся общественных работ, в манумиссиях²⁵. Более точные границы сферы действия $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ установить, по-видимому, невозможно. Вероятно, точного определения этого вида договора не могли бы дать и древние греки, поскольку они сами часто используют его наравне с $\sigma\upsilon\nu\delta\eta\kappa\eta$ и $\delta\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$. К тому же у греков в отличие от римлян не существовало строго фиксированной системы права, и поэтому у них вообще не было четких юридических определений²⁶.

В делосских документах термин $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ встречается в трех видах контрактов; при аренде храмовых земель²⁷, при взятии ссуды из храмовой казны городом Делос или частными лицами (этот вид $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ всегда хранится у третьего лица)²⁸ и как договор, регулирующий различные подряды и поставки²⁹. Характерно, что во втором и третьем случаях употребляется как единственное $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ так и множественное число ($\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\alpha\iota$), в то время как относительно аренды земель — только единственное число. Правда, это относится только к периоду независимости острова (314—166/5 гг. до н. э.), а точнее к тому времени, когда действовал $\Gamma\Sigma$. В предшествующий период афинского контроля над островом (приблизительно 454—315/4 гг. до н. э.) в отчетах гиеропеев часто встречаются $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\alpha\iota$ ³⁰. А после 166/5 гг. до н. э. аренда храмовой недвижимой собственности регулировалась уже другим документом — $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\tau\eta\nu$ $\iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu$ $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}\nu$ $\tau\eta\nu$ $\kappa\omicron\lambda\omicron\nu\eta\nu$ (так называемой $\Gamma\Sigma$ II)³¹. Этот делосский закон, к сожалению, до нас не дошел, но его содержание частично известно из храмового отчета 157/6 гг. до н. э. (ID, 1416, B, I), где в 56 строках содержатся добавления и исправления к уже действующему законодательству. Вероятно, как и $\Gamma\Sigma$ периода независимости, $\Gamma\Sigma$ II подробно разбирала различные вопросы, касающиеся арендных отношений.

²⁴ *Dareste R.* Sur la $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ en droit grec et en droit romaine. — BCH, VIII, 1884, p. 364. См. примеры из римской практики — p. 365—370.

²⁵ *Beauchet L.* Histoire du droit privé de la république athenienne. V. IV. P., 1897, p. 77.

²⁶ *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. На с. V автор подчеркивает, что в Греции «был закон, но не было юриспруденции» (law without jurisprudence). Об этом говорит и Цицерон в диалоге «Об ораторе» (I, 197).

²⁷ IG, XI, 2, 144, B. 74; 287, A. 136, 141, 143 и др.

²⁸ IG, XI, 2, 203, A. 74—75; 287, A. 122—131; ID, 320, B. 80—95; 342.4—16; 354. 15 и др.

²⁹ См., например, IG, XI, 2, 139, d. 11, 12, 15, 16, 21, 23; 161, A. 44, 48, 49, 53, 54, 64.

³⁰ Inscriptions de Délos. Période de l'Amphictyonie Attico-Délienne. Actes administratifs. Publ. par J. Coupry. P., 1972, 89.19; 104.4, aB. 57 и др. См. те же документы, в IG, I² и II/III².

³¹ ID, 1416, B, II. 15. Название $\Gamma\Sigma$ II впервые встречается у Э. Цибарта (op. cit., S. 87).

В единственном упоминании об общем постановлении, устанавливавшем общие правила аренды храмовых земель в Аттике (IG, I³, 84), это постановление названо νόμος ὅσπερ κείται τῶν τεμενῶν³². В то же время, когда в той же надписи речь идет о сдаче в аренду земель Кодра, Нелея и Басила, то непосредственные арендные договоры всегда называются συγγραφή (сткк. 5, 13, 31). В законе из Тегеи по поводу различных строительных работ мы также прослеживаем разницу между общим постановлением и частными случаями³³. Это заставляет нас предположить, что IG выступала на Делосе в качестве νόμος. Название συγγραφή, обычно применяемое для обозначения частных случаев действия закона, не должно нас неправильно ориентировать, тем более что в историографии уже высказывалась мысль об относительно преувеличенном изображении различия между понятиями συγγραφή и νόμος³⁴. Таким образом, IG и ее характер сопоставимы по своему значению только с νόμος ὅσπερ κείται τῶν τεμενῶν из Афин, причем, вероятно, делосский и афинский законы имели много общего, так как IG была создана вскоре после многолетнего контроля афинян над островом.

Вероятно, помимо IG на Делосе существовали законы, регулировавшие различные другие хозяйственные вопросы, складывающиеся в результате отношений между храмом Аполлона и гражданами делосского полиса. Такими законами, возможно, были закон о ссудах из храмовой казны и законодательно установленные нормы, фиксирующие порядок проведения строительных работ. Существование закона о ссудах можно предположить на основании IG, где есть отсылка к этому постановлению в связи с арендаторами, не уплатившими в срок арендную плату (стк. 45 — κατὰ τὸν νόμον). Судя по всему, именно на основании этого закона происходила выдача денежных ссуд под залог недвижимого имущества (ипотеку), которая часто встречается в храмовых отчетах³⁵. Что касается общего закона о строительных работах, то о нем известно по строго фиксировавшемуся в контрактах (συγγραφαί) порядку проведения работ и строго соблюдаемому гиеропеями порядку платежей при выполнении определенных частей контрактов (аванс, платеж при выполнении половины работы, расчет при завершении работы)³⁶. Среди дошедших до нас делосских надписей сохранилось несколько контрактов на проведение различных строительных работ и нескольких смет по этим контрактам³⁷. Подобные контракты и сметы известны и в других районах Греции: в Элевсине (legis locationis operis), в Эпидавре (при строительстве храма Асклепия), в Тегее.

Точная дата создания IG неизвестна. Палеографический анализ надписи позволил первоиздателям отнести ее к рубежу IV—III вв. до н. э. Тот факт, что надпись не могла быть создана до 301 г. до н. э., убедительно доказан в статье Ж. Трео³⁸. Обновление арендного договора с 10% увеличением ежегодного платежа (положение, вероятно, введенное в практику самой IG) в 279 г. по сравнению с 282 г., зафиксированное в отчетах относительно темена Портмос³⁹, указывает на то, что IG появилась не позднее 279 г. до н. э. Поскольку известно, что арендные договоры заключались на срок 10 лет (см. ниже) и вступали в действие в годы, последняя

³² IG, I³, 84.25.

³³ IG, V, 2, 6, A. 53.

³⁴ Weiss. Op. cit., S. 329.

³⁵ См., например, IG, XI, 2, 287, A. 125—131 — καὶ τὸδε ἄλλο ἀρχύριον ἐδανείσμεν τοῦ ἱεροῦ... и далее идет список имен тех, кто брал ссуды, с обозначением заложных имуществ и именами поручителей.

³⁶ IG, XI.2, 161, A. 44—82.

³⁷ ID, 500, 502, 504—509.

³⁸ Treheux J. Études d'épigraphie délienne.— BCH, LXVI—LXVII, 1944/1945, p. 284—295.

³⁹ 1200 драм в 282 г. (IG, XI, 2, 158, A.7) и 1320 драм в 279 г. (IG, XI, 2, 161, A. 6—7), причем арендатором выступает один и тот же человек.

цифра которых в переводе на наше летосчисление была «0»⁴⁰, выбор колеблется между 300, 290 и 280 гг. до н. э. Что касается 280 г., то нет никаких прямых доказательств contra этой даты, хотя, надо объективно заметить, ничто не свидетельствует и pro. Ни один полный отчет за промежуток 297—282 гг. до сих пор обнаружен не был. Тот факт, что несколько арендаторов обновили свои договоры в 280 г., позволяет предположить, что в этом году не было никаких решительных изменений в существующей арендной практике. К тому же форма букв ΙΣ кажется более ранней, чем форма букв в отчетах за 282 (IG, XI, 2, 158), 281 (IG, XI, 2, 159) и 280 (IG, XI, 2, 160) гг.⁴¹ Поэтому исследователями эта дата в расчет не принимается. Большинство исследователей считают 300 г. до н. э. годом издания делосского декрета, но нам кажутся убедительными и доводы Дж. Кента в пользу 290 г. Он опирается на передатировку надписи, где есть упоминание о стеле земледельцев⁴², которая, по общепринятому мнению, высказанному в свое время Г. Глосцем, является первым примером из серии десятилетних договоров. Дж. Кент выдвигает предположение, что упоминаемая стела земледельцев и есть сама ΙΣ, поскольку нигде больше нет упоминания столь необычного названия по отношению к обычным десятилетним договорам⁴³.

Как уже было сказано, первые 20—25 строк ΙΣ не сохранились. Есть, однако, возможность восстановить их содержание по упоминаниям о ΙΣ в годичных отчетах гиеропеев и аналогиям с документами из других районов Греции. Для параллелей мы привлекаем материал Аттики: сведения Аристотеля⁴⁴, договор о сдаче в аренду теменов Кодра, Нелея и Басила⁴⁵ и те из отрывков конкретных συγγραφαί (συμβήται) об аренде государственных храмовых земель⁴⁶ и земельных владений отдельных богов, принадлежавших аттическим демам, филам и фратриям⁴⁷, сохранность которых позволяет использовать их сведения для сравнения с ΙΣ. Как показывает Д. Беренд, который подробно исследовал этот материал, он достаточно однороден и на его основе можно сделать определенные выводы об арендных отношениях в Аттике⁴⁸. Хронологические рамки аттических документов — конец V — середина III в. до н. э. Использовались также надписи: из Теспий⁴⁹ об аренде теменов Геракла, из Гераклеи (Лукания) по поводу земельных участков бога Диониса⁵⁰, которая относится к 300 г. до н. э., из Аркесины (остров Аморгос)⁵¹ IV в. до н. э. о сдаче в аренду теменов Зевса Теменита, из Пойессы (Кеос) 400 г. до н. э. о сдаче в аренду земель полиса⁵² (судя по всему, отрывок общего закона об аренде). Арендные отношения в Малой Азии, судя по дошедшим до нас документам, не сильно отличались от греческих, поэтому довольно часто для сравнения с ΙΣ

⁴⁰ См. отчеты за 250 г. (IG, XI, 2, 287, A. 143—180), 220 г. (ID, 351), 210 г. (ID 356—bis, B), 200 г. (ID, 373—374), где идет речь о пересдаче теменов. Интересно что, в отчете за 200 г. среди расходов упоминается πέτετρον τῆς ἱερῆς συγγραφῆς (ID, 372, A. 103). Возможно, в этом году был сделан дубликат ΙΣ на деревянной доске или текст закона редактировался и в него были внесены какие-то изменения.

⁴¹ Kent. Op. cit., p. 282.

⁴² IG, XI, 2, 147, A. 18—19: [εἰς τὴν ἀνα]γραφὴν τῶν γεωργῶν στῆλη παρ' Ἐρμοδίου καὶ Βατῆρ Δ. γράφαντι Ἐρμοδίου ΔΔΦ.

⁴³ Kent. Op. cit., p. 283—285.

⁴⁴ Arist., Ath. pol. 47, 4.

⁴⁵ IG, I³, 84.

⁴⁶ IG, II/III², 1590, 1591, 1592 и 2459.

⁴⁷ IG, II/III², 1241, 1176, 2492, 2493, 2494, 2498.

⁴⁸ Behrend. Op. cit. Мы не брали для сравнения надписи, связанные с арендой частных земель. Этот вид арендных договоров подчинялся несколько другим законам и для аналогии с ΙΣ привлечен быть не может. О нем см. Глускина Л. М. Аренда земель в Аттике IV в. до н. э.—ВДИ, 1968, № 2.

⁴⁹ IG, VII, 1739.

⁵⁰ IG, XIV, 645, 1.

⁵¹ IG, XII, 7, 62.

⁵² IG, XII, 5, 568.

привлекается и малоазийский материал: серия надписей об аренде земли в объединении амиев (родосская Перея) 200 г. до н. э.⁵³, арендные договоры из Миласы (начало II в. до н. э.)⁵⁴ и несколько договоров I в. до н. э., происходящих из Миласы и Олима⁵⁵. Эти несколько более поздние по сравнению с остальным материалом документы интересны тем, что позволяют проследить динамику развития аренды храмовых земель в Средиземноморье.

Вероятно, первые строки IΣ содержали дату постановления и имя человека, который внес его на рассмотрение в народное собрание. Поскольку даже мелкие расходы храма Аполлона устанавливались *κατὰ ψήφισμα τοῦ δήμου*⁵⁶, то постановление по столь существенному вопросу явно было постановлением Совета и народа Делоса. Подтверждает эту мысль и то, что святилище Аполлона было расположено на *ἑρὰ ὑφ᾽ ἄρα* полиса⁵⁷, и, хотя собственность храма номинально составляла собственность бога, управление и контроль над храмовым хозяйством находились в руках должностных лиц, избираемых полисом и подотчетных, в конечной инстанции, Совету и Народному собранию. Сдача в аренду храмовых земель в других районах Греции также проводилась храмовыми магистратами, подотчетными полисным органам: в Афинах это было компетенцией архонта-басилевса⁵⁸, на Аморгосе этим занимались *наοπεи*⁵⁹, в Гераклее — *полианомы*⁶⁰. В деме амиев землю в аренду сдают *гиеромнеоны* и *κοινοὶν Ἀμιῶν*⁶¹. Аренда земель в Олиме регулировалась постановлением олимпийского демоса, причем интересно, что арендная плата с участков собиралась казначеем Олима, хотя затем все собранные деньги передавались храму⁶².

Далее, возможно, определялось, кто сдает земли в аренду и кто может быть арендатором. О том, что земля сдавалась в аренду либо самими гиеропеями, либо какими-нибудь служителями храма от их имени, говорит постоянное употребление в отчетах гиеропеев слов *ἐμισθώσαμεν* и *ἀνεμισθώσαμεν*⁶³. Вероятно, IΣ не запрещала арендовать храмовые земли жителям других полисов, поскольку в отчетах гиеропеев встречаются арендаторы с Ренеи⁶⁴ и с Крита⁶⁵, но эти случаи редки. Между прочим, и в Аттике среди арендаторов храмовых земель иногда встречаются метеки⁶⁶. В период второго афинского контроля над островом IΣ II, несомненно, допускала граждан других государств к аренде храмовой недвижимости (население острова после 166/5 гг. в основном состояло из чужестранцев), хотя в сохранившихся упоминаниях о IΣ II нигде прямо об этом не говорится.

Вероятно, IΣ запрещала субаренду храмовых земель. Ни в одном из сохранившихся отчетов гиеропеев прямых сведений о субаренде нет. Но необходимо все же отметить, что иногда в отчетах фигурируют два арендатора одного участка. Такая ситуация встречается на трех теме-

⁵³ *Fraser P. M., Bean G. E. The Rhodian Peraea and Islands. Oxf., 1954, № 8—10.*

⁵⁴ LBW, 404.

⁵⁵ *Baekler W. Documents from Mylasa.— BSA, XXII, 1916—1918, № IV—VI; LBW, 331.*

⁵⁶ IG, XI, 2, 161, A. 44; 199, A. 57, 66; 203, A. 79 и др.

⁵⁷ *Hegyri D. Τεμῆνη ἑρὰ καὶ τεμῆνη δημόσια.— Oikumene, 1, 1976, p. 80.*

⁵⁸ *Arist., Ath. pol. 47, 4.*

⁵⁹ IG, XII, 7, 62.

⁶⁰ IG, XIV, 645, 1.

⁶¹ *Fraser, Bean. Op. cit., № 8a, 3, 11, 17.*

⁶² BCH, V, 1881, p. 115.

⁶³ IG, XI, 2, 161, C.110—111; 287, A.136, 138, 139, 142 и др.

⁶⁴ IG, XI, 2, 287, A.159—160. Арендатор из Гераклеи есть в отчетах конца IV в. до н. э., до издания IΣ: IG, XI, 2, 135.14—15.

⁶⁵ IG, XI, 2, 161, C. 113.

⁶⁶ *Walbank. Op. cit.— Hesperia, LII, 1983, № 1, p. 101; № 2, p. 218.*

нах: Херонее ⁶⁷, Харетее ⁶⁸ и Панормосе ⁶⁹. Из них только о Херонее можно с уверенностью сказать, что это был двойной участок, так как почти все основные хозяйственные строения встречаются там два раза ⁷⁰. Но, с другой стороны, очень часто один арендатор арендует два или даже три темена. В большинстве случаев одним из этих участков является Ипподром ⁷¹, и тогда аренда дополнительного темена оправдана, поскольку Ипподром — это, вероятно, пастбище для скота (в инвентарной описи этого темена есть загоны для овец и быков, но нет перечня количества фруктовых деревьев и виноградных лоз и нет упоминания о мельнице или о чем-либо другом, что позволяло бы предположить наличие зернового хозяйства) ⁷², и если арендатор хотел наряду со скотоводством заниматься земледелием или виноградарством, он обычно снимал еще какой-либо близлежащий участок. Иногда встречается одновременная аренда других участков: Рамны и Нику хороῦ ⁷³ или Акра Делос и Коракиай ⁷⁴. Поскольку мы не можем точно определить специализацию этих теменов, остаётся предположить, что один из участков в каждой паре также был выгоном для скота. В отчетах гиеропеев есть также прецедент совместной аренды двух теменов двумя арендаторами ⁷⁵. Все эти примеры, однако, говорят лишь о различных методах ведения хозяйства на арендованных теменах, об имущественном положении арендаторов, но не дают ответа на вопрос о субаренде. IΣ II строго запрещает субаренду храмовых домов, садов и участков, причем также запрещается одновременно одному человеку занимать два участка (либо участок и дом, участок и сад и т. п. одновременно) ⁷⁶. Это может косвенным образом свидетельствовать и о фиксации подобного запрета и в IΣ периода независимости. В большинстве районов Греции явная субаренда храмовых и общественных площадей до сих пор тоже не прослеживалась. Субаренда известна только в Гераклее ⁷⁷, в Малой Азии — у амийцев ⁷⁸ и в миласских договорах I в. до н. э. Интересно, что еще во II в. до н. э. в Миласе действовал запрет субаренды ⁷⁹. Разрешение субаренды в I в. до н. э. (правда, только на субаренду участка целиком, без дробления) было связано, по мнению И. С. Свенцицкой ⁸⁰, со стремлением приостановить разорение мелких и средних собственников, давая им доступ к земле.

Недостающая часть делосской надписи, несомненно, фиксировала десятилетний срок арендного договора. Об этом сказано в отчете за 250 г. до н. э. ἐμισθώσαμεν δὲ καὶ τὰ τεμένη τὰ τοῦ θεοῦ εἰς ἔτη δέκα κατὰ ἑρᾶν συγγραφῆν ⁸¹..., причем единожды установленный срок строго соблюдался. В первые годы делосской независимости, до ввода в действие IΣ, длительность арендного договора была менее 10 лет: с 314 по 300 г. арендные договоры обновлялись не менее четырех раз, при этом известны четырехлетний и пятилетний периоды ⁸². В период делосской амфикионии срок аренд-

⁶⁷ IG, XI, 2, 199, A.5; 203, A.20; 287, A.27—29; ID, 290.20 (274—246 гр.).

⁶⁸ IG, XI, 2, 226, A.29—31; 287, A.30, 139—142 (259—250 гр.).

⁶⁹ ID, 368.27—29 (206 г.).

⁷⁰ IG, XI, 2, 287, A.164—169.

⁷¹ IG, XI, 2, 135.4,6; 149.2,8; 161, A.11,14—15; 162.9—10.13; 199, A.5—6; 203, A.24.

⁷² IG, XI, 2, 287, A.144—145.

⁷³ IG, XI, 2, 135.14—15; ID, 368.25.

⁷⁴ IG, XI, 2, 158. 11—12.

⁷⁵ ID, 368.2425; 372, A. 10—13.

⁷⁶ ID, 1416, B, 1.47—48: Μῆ ἐξέστω ἑτέραν μετ[θῶ]στισθαι οἰκίαν μηδὲ χ[ωρίον] μηδὲ κήτους μηδὲ ἑτέροι ἐμισθῶσαι, ἀ[λλ]ὰ καὶ αὐτοὺς ἐνοικεῖν.

⁷⁷ IG, XIV, 645, 1.106.

⁷⁸ Fraser, *Beant.* Op. cit. № 8b. 21—25; 9b.5—7,28. Субарендатором мог быть только амиец.

⁷⁹ BSA, XXII, 1916—1918, p. 203 f., № IVa. 11; b.5—6; Va (passim).

⁸⁰ Свенцицкая И. С. Земельные отношения в Западной Малой Азии эллинистического и римского периодов: Дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1971, л. 303.

⁸¹ IG, XI, 2, 287, A.143—144.

⁸² IG, XI, 2, 135.1—2; 143, B.1—2.

ного договора, вероятно, также был равен 10 годам, во всяком случае это зафиксировано в надписях относительно теменов Ренеи⁸³. После 166/5 гг. длительность арендного договора уменьшилась до пяти лет. Вероятно, это было связано с тем, что основным населением острова в этот период стали временно проживавшие на Делосе торговцы⁸⁴. 10 лет, как срок арендного договора для храмовых земель в Аттике, называет Аристотель в «Афинской политике»⁸⁵. Правда, наряду с ним в Аттике встречаются и другие сроки арендных договоров: 5, 20, 30, 40 лет и бессрочная аренда. Из 22 случаев аренды общественных земель, которые приводит в своей статье В. Н. Андреев⁸⁶, десятилетние арендные договоры встречаются восемь раз, в то время как другие (20, 30, 40 лет и бессрочная аренда) — лишь по одному, реже по два раза (в девяти случаях сроки договоров неизвестны). Вероятно, в Греции десятилетний срок аренды был достаточно распространен и достаточно удобен для обеих сторон, заключавших договор, хотя довольно часто встречаются и арендные договоры другой длительности. Возможно, на срок аренды влияли и местные условия.

Очевидно, сдача в аренду участков храма Аполлона происходила на аукционе⁸⁷, и гиеропеи отдавали земли тому, кто предлагал наибольшую цену, даже если она превышала цену, предложенную кем-то другим, всего на одну драхму или часть обола. Если арендный договор был по той или иной причине прерван до истечения десятилетнего срока, то для заключения новой аренды снова проводился аукцион и темен передавался новому арендатору.

Если кто-либо хотел продолжить арендный договор на следующие 10 лет, IG позволяла ему сделать это, не прибегая к аукциону, но повышая предшествующий платеж на 10%: *καὶ οἷδε μεμισ[θω]μένων ἐπέβαλλον τὰ ἐπιδέκατα κατὰ τὴν συγγραφὴν*⁸⁸. Вероятно, арендатор, который собирался продолжить эксплуатацию участка, должен был сообщить об этом гиеропеям заранее, до того как они проводили заключительную инвентаризацию участков (см. ниже). Следует также отметить, что можно было арендовать тот же участок, проведя его через аукцион и не платя, таким образом, 10% надбавку, а может быть, даже уменьшая предыдущую арендную плату. Но в этой ситуации существовал риск заплатить за темен сумму, которая превысила бы не только предыдущую, но и 10% надбавку⁸⁹. После 166/5 гг. до н. э. эта практика, вероятно, исчезает. В это время редко кто из живущих на острове два раза арендует один и тот же участок. Было ли возможным подобное продолжение арендного договора в других районах Греции, установить пока, к сожалению, невозможно.

Отчеты гиеропеев зафиксировали практику составления инвентарных описей участков (строений, числа плодовых деревьев и виноградных лоз и т. п.) перед заключением новых арендных договоров⁹⁰. Такие же меры

⁸³ ID, 89.16.

⁸⁴ ID, 1416, B, I.59—60, 67—68, 77—78, 82—83 и др. См. также *Roussel P. Délos, colonie athénienne. P., 1916, p. 162.*

⁸⁵ *Arist., Ath. pol. 47, 4.* Фиванцы после разрушения Платей также сдают земли в аренду на десятилетний срок (*Thuc., III, 68, 3.*)

⁸⁶ *Андреев. Ук. соч., табл. на с. 69—70.* См. также *Walbank. Op. cit.—Hesperia, LII, 1933, № 2, p. 216.*

⁸⁷ О проведении аукциона говорят цифры арендной платы. См., например, IG, XI, 2, 149.4—1101 драхма; IG, XI, 2, 161, A.13—501 драхма; ID, 354.36—201 драхма и т. п. В отчетах встречаются размеры арендных плат с более дробными числами: IG, XI, 2, 203, A.18—1343 драхмы 7/12 обола; ID, 354.37—200 драхм 1 1/2 обола и т. д. Это засвидетельствовано и после 166/5 гг.— ID, 1416, B, I.57—63; 1417, B, I.83—86, 107—110. То же самое по Аттике — IG, II/III², 1176.27—28; 1241.53; 2492.36; и у амийцев — *Fraser, Bean. Op. cit., № 8a, 23—24.*

⁸⁸ IG, XI, 2, 287, A.174.

⁸⁹ *Kent. Op. cit., p. 270, not. 83.* Здесь приводятся примеры и тех, и других случаев.

⁹⁰ IG, XI, 2, 287, A.142—174 (250 г.); ID, 351.6—23 (220 г.); 356 — bis, B (210 г.); 373, A.1—44; 374 (200 г.).

применялись, когда какой-либо темен сдавался в новую аренду до истечения срока действия десятилетнего договора⁹¹. Может быть, начальные строки ΙΣ содержали среди прочего и это предписание. Вероятно, ему сопутствовало требование сохранять в надлежащем порядке находящуюся на территории теменов храмовую недвижимую собственность. Подобное положение есть в ΙΣ II: арендаторы садов должны были предоставить при окончании аренды то же количество фиговых и оливковых деревьев, а также виноградных лоз, которое было зафиксировано на участке ранее; в случае гибели какого-либо дерева (и, таким образом, уменьшения их числа) они должны были возместить ущерб⁹². В сохранившихся строках ΙΣ есть подобное требование по поводу скота (см. ниже о сткк. 21—26 надписи). В других районах Греции мы часто встречаем подобные предписания⁹³. В ряде арендных договоров греческих полисов есть специальные параграфы, регулирующие методы обработки участков, сдаваемых в аренду: какие культуры сажать, в каком количестве, в какое время года⁹⁴. Возможно, конечно, что ΙΣ и не содержала столь детальную регламентацию способов ведения хозяйства на сдаваемой в аренду земле, поскольку это был закон общего порядка, регулирующий общие условия аренды, который мог не предусматривать всевозможные частные случаи.

Несомненно, несохранившаяся часть ΙΣ включала требование, чтобы каждый арендатор представил поручителей (ἔγγυος, ἐγγυητής)⁹⁵. Они должны были гарантировать своевременную и правильную выплату арендной платы. Положение в сохранившейся части ΙΣ возлагает на гарантов ответственность, равную ответственности арендатора (сткк. 33—38, 47). Если арендатор не мог внести арендную плату в надлежащий срок, ее должны были заплатить поручители. Использование поручителей было обязательно при аренде храмовых земель во всех районах Греции⁹⁶. В отношении аренды частных земель это обязательным не было, но там был необходим залог недвижимости (ἀποτίμημα), что, кстати, автоматически исключало неграждан из числа возможных арендаторов частных участков⁹⁷. На Делосе арендатор представлял поручителей при заключении договора и, кроме того, должен был ежегодно менять их состав⁹⁸. Если же он не мог представить гарантов на какой-либо один год из 10 лет договора, арендный договор расторгался и участок сдавался в аренду заново⁹⁹.

Процедура представления гарантов называлась διεγγύησις¹⁰⁰. Подобная форма официального представления поручителей, судя по всему, существовала на Делосе не только при аренде земель, но и при выдаче

⁹¹ IG, XI, 2, 161, C.109—131 (279 г.); ID, 440, B. 18—27 (189 г.) и др.

⁹² ID, 1416, B, I.41—45.

⁹³ IG, II/III², 2492.14—18; 2494.11—16 (Аттика); IG, XII, 5, 568. 14—15 (Кеос); IG, XII, 7, 62.7—13, 17—20 (Аморгос); IG, XIV, 645, 1.135—138 (Гераклея); *Fraser, Bean. Op. cit.*, № 10b, 6—8 (родосская Перея).

⁹⁴ IG, II/III², 2498 (passim); IG, XIV, 645, 1.119, 130, 144; *Fraser, Bean. Op. cit.*, № 8b, 20—35, и др.

⁹⁵ L—S—J, s. v. ἐγγυητής ὁ — one, who gives security, surety; guarantor; ἔγγυος — II. Subst. = ἐγγυητής.

⁹⁶ *Jones. Op. cit.*, p. 246; *Guiraud. Op. cit.*, p. 441.

⁹⁷ *Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens. 500—200 B. C.* New Brunswick, New Jersey, 1952, p. 45, 95—96. Ἀποτίμημα зафиксирована и при аренде общественных земель, но это надо скорее рассматривать как отклонение от общих правил: в Пирее при размере арендной платы до 10 драхм нужен поручитель, а если она выше этой суммы, необходим достаточный залог — IG, II/III², 2498.5—6.

⁹⁸ ID, 366, A.99—100: ὡς τε τοὺς μισθωστέμενους καθισθάν τοὺς ἐγγύους κατ' ἐναυτὸν; в данном случае речь идет о теменах Миконоса, которые входили в число участков храма Аполлона (иногда они, правда, подчиняются особым законам, но в данной ситуации это не относится), так что можно сказать, что это положение справедливо для всех делосских земель. В Гераклее при бессрочной аренде поручители менялись каждые пять лет — IG, XIV, 645, 1.

⁹⁹ IG, XI, 2, 287, A.136—137: ἀνεμισθώσαμεν δὲ καὶ τὸ χωρίον ὁ καλεῖται Ῥάμνοι, οὐ καθίσταντος ἑνομήτους τοὺς ἐγγύους κατὰ τὴν ἰσθὰν συγγραφῆν.

¹⁰⁰ L—S—J, s. v. διεγγύησις ἡ — giving bail of security.

ссуд из храмовой казны и при сдаче с подряда общественных работ. Во всяком случае, поручители наличествуют во всех трех вышеприведенных видах сделок. Эта церемония встречается и в других районах: νόμος τῆς διεγγύσεως упоминает Дионисий Галикарнасский¹⁰¹, διεγγύησιν ποιείσθαι есть в самосском законе¹⁰². Суть διεγγύησις в том, что гиеропей устанавливал платежеспособность гарантов и записывали их имена на специальные доски (πέτετρα, λευκόματα). Происходило это, очевидно, в месяце ленеоне (январь), так как именно в этом месяце среди расходов храма фигурируют πέτετρον ταῖς διεγγύησιν¹⁰³. Эта процедура, вероятно, была одной из первых официальных акций гиеропеев, которые вступали в должность как раз в этом месяце (об этом свидетельствует тот факт, что все полные отчеты гиеропеев об их расходах начинаются с ленеона)¹⁰⁴. Наверное, как и в Аттике¹⁰⁵, на Делосе существовало требование, чтобы гаранты были гражданами полиса. Во всяком случае, большинство из гарантов делосских арендаторов — известные в полисе люди, их имена часто встречаются в других надписях в качестве арендаторов, хорегов и даже гиеропеев¹⁰⁶. Судя по всему, поручительство при различных видах сделок (аренда, займы, подряды) рассматривалось на Делосе как особого рода литургия, которую выполняли делосцы, стремившиеся к известности, получению репутации достойного гражданина и связанных с подобной репутацией высоких постов в полисной иерархии. Довольно часто выполнение обязанностей гаранта было следствием тех или иных родственных или дружеских связей¹⁰⁷. Нам представляется маловероятной связь между поручительством и получением каких-либо материальных выгод. Если они и были (см. сткк. 42—46 IΣ), то, вероятно, очень редкими.

В большинстве случаев число гарантов для каждого участка было два. В 250 г. до н. э., это точно зафиксировано для 20 теменов храма Аполлона¹⁰⁸. Иногда, правда, мы встречаем одного¹⁰⁹ или нескольких¹¹⁰ поручителей для одного темена. Очевидно, все же наиболее часто двух гарантов, каждый из которых гарантировал половину (κατά τὸ ἥμισυ или τὸ ἥμισυ) общей суммы арендной платы, было достаточно¹¹¹. Правда, и это правило отнюдь не являлось безусловным: в 250 г. до н. э. один поручитель гарантировал половину, а два других — вторую половину платежа¹¹². Возможно, все объясняется гораздо проще, и сумма гарантии зависит исключительно от платежеспособности поручителей. Гаранты, отвечающие за правильную выплату арендной платы, встречаются при аренде храмовых и общественных земель и в других районах Греции: в Аттике¹¹³, Гераклее¹¹⁴, Аморгосе¹¹⁵, Теспихах¹¹⁶. Поручители за арен-

¹⁰¹ *Dion. Halic.*, XI, 31, 1.

¹⁰² *Partsch.* Op. cit., S. 113.

¹⁰³ IG, XI, 2, 287, A.42; ID, 316.70—71; 338, Aa. 19; 354.61; 371, 4.55 и др. Накануне десятилетнего обновления арендных договоров, очевидно, была дополнительная διεγγύησις.

¹⁰⁴ IG, XI, 2, 203, A.33; 287, A.42 и др.

¹⁰⁵ *Finley.* Op. cit., p. 90—97.

¹⁰⁶ См. например, IG, XI, 2, 287—просопография после текста.

¹⁰⁷ См. просопографию у Дж. Кента (op. cit., p. 320—338) и просопографию после отчетов гиеропеев (IG, XI, 2; ID).

¹⁰⁸ IG, XI, 2, 287, A.142—180.

¹⁰⁹ IG, XI, 2, 161, C.114—115; ID, 403.52.

¹¹⁰ IG, XI, 2, 287, A.27—29, 141 и др.

¹¹¹ IG, XI, 2, 142.12; 226, A.29, 32, 35 и др.

¹¹² IG, XI, 2, 287, A.142.

¹¹³ IG, II/III², 1590, 1591 (passim); I³, 84.25.

¹¹⁴ IG, XIV, 645, 1 (passim).

¹¹⁵ IG, XII, 7, 62.14—17.

¹¹⁶ IG, VII, 1739.9—12.

двумя земли есть и в Малой Азии: в Миласе ¹¹⁷ и у амийцев ¹¹⁸. В арендном договоре амийцев очень четко прослеживается функция гарантов — здесь поручители необходимы до тех пор, пока арендатор не выполнил основные условия договора (посадку деревьев, постройку дренажных и ирригационных сооружений и т. п.). После этого необходимость в гарантиях отпадает, и поручители освобождаются от своих обязанностей и обязательств.

Вероятно, это все, что можно сказать о начальных строках IΣ. Перейдем же к сохранившемуся тексту.

- ----- . τα τοὺς
 I строка не читается
 [-----
 ----- σὺν] τῶι κυ[ρί]ωι
 ----- του αρνα -----
 5 [-----
 ----- ταρὸν εἰσπρασσόντων
 ----- οἱ ἐγγυηταῖ]
 ----- ου -----
 ----- τον -----
 ----- το [-----
 ----- π]αρά τοῦ ἀ
 ----- ιωλ ----- ³⁵⁻¹⁰ ----- τὸ ἀργύριον ----- ²⁰⁻²² -----
 -----]αι .. οἱ δὲ ἱεροποιοὶ ..
 [τοὺς] ἐγγύους [ἐγγραφόντων εἰς λεύκ]ωμα[. . . καὶ τὰ ὀνόματα τῶν γε-
 ωργῶν τῶν μισθω]σαμένων καὶ τῶν ἡγγ[υ -----
 ----- ^{≈ 30} ----- ¹⁵ -----
 10 [ωμένων] οὐ [ἄ]ν ----- ερασ[----- ἐ]φ'
 ἐκάστοις αἰ ἀπο των τῶι δῆμοι
 ----- ⁷ -----
 τοὺς τῆι ὕ[στεραιαί? -----]ς τοῦ μηνὸς τοῦ[Μεταγειτονιῶνος]ἀπ τοῦ
 μηνὸς κατὰ ἀπ[λ]οῦν ἀποτινόντων εἰς.
 ----- σε ----- ου [τε]λ[ευτη]σά(ν)τ[ων]τῶγ[γεωργούντων]ν τὰ τεμένη, ἐξέ-
 στω τοῖς κληρονόμοις ἢ τοῖς ἐγγυηταῖς π . . .
 ----- ^{≈ 45} -----
 ιη πα[-----
 ----- ⁸ -----
 [μῆ? -----]ωται . . .
 ----- ^{≈ 25} ----- ¹¹ ----- μισθωθέντος
 τοῦ τεμένου τοῖς
 15 ἐγγυηταῖς ἐπὶ ὀφράνου . λ ωσσάτω τὸν η . . . φρασ ὁ ἔξοχος? αὐτοῦ . .
 τῆς ἐγδειας εἰὰν δὲ τις κατὰ -----
 μαστα? [λίπ]ηι παιδας ἄρσενας, [εἶναι]τῆμ πράξιν τῆς ἐγδειας καθάπ[ερ] ἐκ
 τοῦ μισθωσαμένου εἰὰν δὲ τις τῶν ἐγγύω[ν]
 [τελευτήσῃ μεταξὺ τοῦ χρόνου?, τει]σάτω ὁ μισθωσάμενος [καὶ εἰσπρατ-
 τέτω?]πρὸς τοῦ οὐοῦ εὐθὺς δοὺς δέκα ἡμερῶν ἀ[ναβο(λὴν)?]
 [εἰὰν δὲ μὴ τιθῆι τὸ ἐν]ηρ(δ)σ[ιον, ἐπανα]μισθούτων[τὸ τέμενος . . . , καὶ]εἰὰν
 ἔλασσον εὐρει, εἰσπρασσόντων ἐκ τοῦ
 ἐγγ[ύου] οὐοῦ εἰ δὲ μὴ δύνανται, ἐγγράφει]ν εἰς τὴν σ[τήλην] τοῦ δὲ [μισ]θώματος
 ἀποδ[ώ]σουσι τοῖς ἱεροποιοῖς τὰ μ[έν.]πόστ[α]
 20 [αὐτ]ῶ[ν]?, ἐὰν τ[ὰ] πρόβατα τρέφωσιν, τοῦ μηνὸς τοῦ Ἀρτεμισιῶνος κατὰ
 τὸ πρόβατον ἕκαστον, πάντων δὲ[ἄ]ν τρέφωσ[ι]
 ----- οντα ἀκίνδονον παν[τὸς] κιν[δόνου] ----- οἱ δὲ ἱεροποιοὶ τοῦ μηνὸς τοῦ
 Γαλαξιῶνος ἐξετάσαντες τοὺς βοῦς κατ'ὸν -----

¹¹⁷ LBW, 404 (passim).

¹¹⁸ Fraser, *Bea. Op. cit.*, № 8a.7; 10a.6 и др. См. особенно 9a.1—5, 12—21, где говорится об освобождении поручителей.

[ομα,]εἰάν? περιὸν τοῦ μηνὸς (τοῦ) Μεταγειτωνῶνος τεμένεσι — — — — —
 — αντος αὐτὸς ἡμε κ . . . υ . . .

[μισθώματος?]πρώτου εκλ . υσ . . μηδὲ[— — — — — ¹⁵ — — — — — τοῖς ἱεροῖς]
 τεμένεσιν· εἰάν δέ τις τρέφει, ἐπομοσ[ά —]

σθ[ω]ν αὐτὸν ἱεροποιὸὶ τὸ μὴ εἶναι ὑπόλογον τῷ τρέφοντι[ε] ἐπὶ τὸ μίσθωμα·
 [ἐ]ξ[χο]ρε[ύε]ιν δὲ ἐξέστω τῷ βουλομένῳ

25 παραλαμβάνειν τὸ ἡμισυ τῆς τιμῆς τῶν πραθέντων· — εἰάν δέ τις βούλεται
 τῶν γεωργῶν ἀποδόμενός τι τῶν ἐγκει[καυ —]

μένων βοσκημάτων ὅσα ἐδεῖτο καταστατῆσαι, ἐξέστω αὐτῷ ἐγγυητὴν
 καταστήσαντι τῆς τιμῆς ἧς ἂν ἀποδώ —

σωσι?, [τὸ δ]ὲ λοιπὸν μίσθωμα ἀ[ποδ]ώ[σο]σι τοῦ μηνὸς τοῦ Ληναῖωνος τῆι
 ἐκκλησίαι, τῷ δὲ ἐσχάτῳ ἐνιαυτῷ τοῦ μηνὸς τοῦ

Μεταγειτωνῶνος· ὅσοι ἂμ μὴ τρέφωσι πρόβατα, ἀποδώσουσιν ἅπαν τὸ μίσθωμα
 ἀκίνδυνον τοῦ μηνὸς τοῦ Μετα —

γειτωνῶνος· εἰσφέρειν δὲ τοὺς ἱεροποιούσ[τάς λοι]π[ά]ς πάντων τὰς τοῦ μηνὸς
 ἐν τοῖς ἱεροῖς τεμένεσιν εἰς [τῆ]ν κ[ιβω]τὸν

30 [τὸ μίσ]θωμα ἅπαν τὸ γινόμενον τῷ θεῷ κατὰ τὴν συγγραφὴν· εἰάν δὲ μὴ
 ἀποδώσιν οἱ μισθωσάμενοι ἐν τοῖς χρόνοις τοῖς

γεγραμμένοις ἢ μὴ παραδῶσι τοὺς καρποὺς εἰς τὸ κυριεύειν τοῖς ἱεροποιούσ,
 ἡμιόλιον ἀποτινόντων[ἐ]ν τ[ε]τ[α]γμένοις

χρόνοις?, τοὺς καρποὺς . . ησ ησ τωι το . . ωτον, ἀνθ' ὧν μηδὲν?
 π[ω]λοῦντες τῶν μεμισθωμένω[ν,]

πρὸς τῶν ἡγγυωμένων εἰσπραξάσθων ἡμιόλιον τῷ θεῷ τὸ ὀφ[ε]ιλόμε[νον] τοῦ
 μισθώματος· — εἰάν δέ τι ἐλλείπει τοῦ μι —

σθώματος, πραθέ[ν]των τῶν καρπῶν, [ἀ]ποδόσθων πρὸς τὸ ἐλλείπον τοὺς
 βοῦς[κα]ὶ πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράπ[ο]δα· εἰάν (<ἰάν)

35 δέ, κ[α]ὶ τούτων πραθέντων, ἔτι ἐλλείπει τι τοῦ μισθώματος, εἰσπρασόντων
 τὸ ἐλλείπον ἐκ τῶν ὑπαρχόντων τοῖς

μεμισθωμένοις καὶ τοῖς ἐγγυηταῖς· εἰάν δὲ μὴ δύνωνται πρᾶ[ξ]αι, ἐξομόσαντες
 ἐπ[ὶ] Δι[ε]ῖ ἀγοραῖωι[μ]ῆ δννατοὶ εἶναι πρᾶ —

[ἔ]αι, ἀναγραφόντων αὐτοὺς εἰς τὴν στήλην πατρόθεν ὀφείλοντας τῷ θεῷ
 καὶ αὐτοὺς καὶ τοὺς ἐγγυητάς, καὶ ἀνά —

μισθούωντων τὸ τέμενος· εἰάν δέ τις ἔγδεια γίνηται τοῦ μισθώματ[ο]ς, ἐγγραφόντων
 αὐτοὺς καὶ τοῦτο ἡμιόλιον· — ἀπ[ο] —]

τινόντων δὲ καὶ οἱ ἱεροποιὸὶ τῷ θεῷ τὸ ἡμισυ τοῦ μισθώματος οὗ ἂμ μὴ
 εἰσπράξωσιν ΩΝΑΣ τοὺς ἐγγυητάς αὐτῶν πρᾶ —

40 ξιωνται· τοῖς δὲ ἐγγραφείσιν ἐγγυηταῖς τοῦ μισθωσαμένου μὴ ἐξέστω μερίσαι
 τῷ καταστήσαντι τὸ ἐγγραφεῖν —]

τοῖ ἀργύριον εἰς τὴν στήλην, ἀλλ' εἶναι τὸ ἀπότσιμα ἅπαν τοῖς ἐγγυηταῖς
 κατὰ τὸ ἐπιβάλλου [μέρο]ς ἐκάστω[ι,]

εἰᾶμ μὴ ὁ καταστήσας ἀποστίνει ὑπὲρ αὐτῶν· — ὃ τι δ' ἂν τις τῶν ἐγγυητῶν
 εἰσπραχθεῖ τοῦ μισθώματος ὑπὸ τῶν ἱερο[ποι] —]

ῶν ἢ αὐτὸς ἀποδῶ(ι) ὑπὲρ τοῦ καταστήσαντος αὐτὸν ἐγγυητῆν, ἐγγραφέτω ἢ
 βουλή κυρία οὕσα τῷ ἐγγυητῆ τὸν

καταστήσαντα τὸ ἀποτσισθὲν ἀργύριον ἡμιόλιον καθά[π]ερ τοὺς ὠφληκότας·
 καὶ εἶναι τοὺς ἐγγραφέντας ὑπερ —]

45 ἡμέροισ κατὰ τὸν νόμον· εἰάν δὲ μὴ ἐγγράψῃ ἢ βουλή, διπλάσιον ἀποστίνετω
 τῷ ἐγγυητῆ τοῦ ἀποτσισθέν[το]ς]

ἀργύριον· — ὑποκεισθαι δὲ τῷ θεῷ τὰ βοσκήματα καὶ τὰ ἀνδράποδα καὶ τὰ
 ἐνοικεῖα[καὶ] τὰ ὑπάρχοντα]πάντα,

ὅσα ὑπάρχει τοῖς μεμισθωμένοις· — ὑποκεισθαι δὲ καὶ τὰ τοῖς ἐγγυηταῖς ὑπάρχον-
 τα πάντα τῷ θεῷ καθάπερ τὰ

τοῦ μεμισθω[σ]αμένοι· — εἰάν δὲ πράξωντες οἱ ἱεροποιὸὶ[μὴ πάντα εἰσπράξω-
 σιν?], ὑποκεισθαι τὰ ὑπάρχοντα τοῖς
 [ἱεροποιούσ] πάντα τῷ θεῷ] —

Первые 15 строк сохранились плохо, но по отдельным оставшимся словам можно догадаться, о чем здесь шла речь. В строках 8—10, наверное, повествуется о процедуре διεγγύσεις: «...гиерофеи (пусть запишут) поручителей... на доски... (и имена земледельцев), арендующих *участки* и ручающихся *за них*... (и пусть)... в отношении каждого из тех, которые... народу». Не совсем понятно, что подразумевается под формой женского рода в пом. pl. относительного местоимения. Э Цибарт¹¹⁹ предлагает либо восстановление ἀπο[γραφαί] с сохранением αί, либо восстановление [χ]αί с дальнейшим употреблением ipreg: ἀπο[τινόν]των или ἀπο[διδόν]των τῶι δήμῳι — «в отношении каждого из тех, которые пусть платят народу». Это место, возможно, говорит о проверке платежеспособности гарантов, которая наверняка происходила на народном собрании.

Далее, по довольно распространенному (Э. Цибарт, Дж. Кент) мнению, речь идет о сроках платежа. Для Делоса выплата арендной платы обычно проходила в месяце *metaгейтнийон* (август), как об этом говорится в строке 28-й, по аналогии с которой восстанавливаются строки 11—12, причем, по мнению Э. Цибарта¹²⁰, κατὰ ἀπλοῦν следует рассматривать как обычную арендную плату в отличие от платежа гемиолион (см. ниже). Он же предлагает в 11-й строке восстановить τὸκος и соотнести его с τοὺς, а также читать конец 11-й — начало 12-й строки εἰς [τ]||[ῖν ἔκκλη]σ<ι>αν. Нам все же кажется, что вряд ли в одном тексте два раза повторяется одна и та же мысль о сроках платежа, тем более, что во втором случае (сткк. 19—21, 27—29) она разбирается очень подробно и в отношении разных типов арендаторов. Кроме того, восстановление Э. Цибартом начала 12-й строки, на наш взгляд, неправомочно.

Строки 12—16 информируют о том, что происходило в случае смерти арендатора. Урегулирование этого вопроса в IΣ вполне естественно, поскольку подобные случаи, судя по отчетам, нередко встречались в практике гиерофеев. Вероятно, наследники или гаранты (а может быть, опекуны при малолетних наследниках?) имели право продолжить аренду темена, а не передавать участок новому арендатору, если, конечно, это будет подтверждено гиерофеями. Если же наследники не захотят продолжить арендный договор, то темен сдается в новую аренду. В случае уменьшения арендной платы по новому договору задолженность (ἔκδεια)¹²¹ должны были выплачивать наследники умершего: «Если же кто-либо оставит детей мужского пола, пусть происходит взимание задолженности в арендной плате (с них), точно так же как с арендовавшего» (сткк. 15—16). По отчетам гиерофеев нам известны и случаи прекращения договоров¹²², и случаи продолжения аренды наследниками¹²³. Может быть, прерывание договоров было связано не только с отказом наследников, но и с отсутствием законных κληρονόμοι мужского пола. Тот факт, что IΣ, вероятно, официально не запрещала продолжение аренды, косвенно подтверждает и сдача в наем «храмовых домов», где точно установлено, что смерть главного «квартиросъемщика» не приводила к выселению его наследников из нанятого дома¹²⁴.

IΣ II, напротив, предписывала в случае банкротства или смерти арендаторов различных видов храмового недвижимого имущества взыскать

¹¹⁹ Ziebarth. Op. cit., S. 90.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ L—S—J, s. v. ἔκδεια ἢ — deficit.

¹²² IG, XI, 2, 156, B.7—15.

¹²³ IG, XI, 2, 161, A.7 и 162, A.6; 199, A.4 — Клейниос, сын Доркона, продолжает арендовать темен Пирги. См. также ID, 353, A.6 и 354.36 а также ID, 353, A.11 — 12 и 354, 4.A37; 356 — bis, A.6.

¹²⁴ Molinier S. Les «maisons sacrées», de Délos au temps de l'indépendance de l'île 315—166/5 av. J. C. P., 1914, p. 52 suiv.

плату с того, что они оставили после себя, и с их гарантов и сдавать участок в новую аренду¹²⁵. Вероятно, в связи с изменением внутренней ситуации на острове право наследников продолжать аренду без особого договора с храмом в это время уже не признавалось. В Геракле при бессрочной аренде допускался переход храмовых теменов к детям без особого завещания¹²⁶. Ἐκδεια часто встречается в храмовых отчетах, причем она взыскивалась при пересдаче участков не только в случае смерти арендатора, но и тогда, когда участок переходил к новому владельцу из-за того, что предыдущий владелец не представил в срок гарантов или не внес вовремя арендную плату. Очень часто ἔκδεια платят совместно арендаторы и поручители¹²⁷. Требование обязательной выплаты ἔκδεια при пересдаче теменов встречается в Геракле¹²⁸ и в родосской Перее¹²⁹, правда, в этих случаях ее платят только нерадивые арендаторы.

А что происходило в случае смерти поручителей? На этот вопрос отвечают строки 16—19 ΙΣ: «Если кто-либо из гарантов (умрет за это время), пусть арендатор заплатит (и/или? будет взыскано) с сына поручителя, которому будет дано десять дней (отсрочки, если арендатор не заплатит) арендную плату. Пусть гиеропеи сдадут участок в новую аренду, (и), если новая арендная плата будет меньше прежней, пусть взыщут с (сына) поручителя. (Если же ни арендатор, ни сын поручителя не смогут заплатить, следует записать их имена и сумму долга) на стелу». Смерть поручителя, как и смерть арендатора, ни в коей мере не освобождала его прямых наследников от выполнения обязательств, связанных с арендой. Храм требовал и от тех, и от других полной выплаты положенной суммы. Стела, о которой здесь идет речь, — это хорошо известная нам по храмовым отчетам стела должников. Гиеропеи ежегодно заносили на нее имена людей, не выплативших в срок взятую из храмовой казны денежную ссуду¹³⁰, а также имена арендаторов и их гарантов, если не смогли в силу тех или иных обстоятельств получить с них арендную плату¹³¹. Эти стелы были долговым документом в течение многих лет, до полной выплаты долга¹³².

В конце 19-й строки начинается новая статья, касающаяся сроков платежа арендной платы. ΙΣ различает арендаторов, которые держат овец (τὰ πρόβατα τρέφουσιν — стк. 20), и тех, которые овец не разводят (ἄνθρωποι ἀμὴν τρέφουσιν πρόβατα — стк. 28). «Пусть арендаторы, которые разводят овец, отдадут гиеропеям часть арендной платы, которая с них причитается в месяце артемисионе (= апрель), за каждую голову скота из тех, которых они держат... вне зависимости от всяких внешних событий»¹³³ (сткк. 19—21)... «оставшуюся часть арендной платы они должны отдать в месяце ленеоне в эkkлeсию, а в последний год — в месяце метагейтниионе.

¹²⁵ ID, 1416, B, 1.50—54.

¹²⁶ IG, XIV, 645, 1.151. См. Пригоровский Г. Греция. М.—Л., 1925, с. 93, прим. 1.

¹²⁷ IG, XI, 2, 153.21: οἷδε ἐγγείας ὀφείλουσιν τῶν γεωργῶν [τῶ]ν μισθωθέντων (τῶ) τεμε[υ]ῶν . . . καὶ ὁ ἐγγ[υ]ητής αὐτοῦ Ἀριστόδικος. См. также IG, XI, 2, 163, Bdg. 6; 199, A.14—15; 287, A.27—29, 32 sqq., 196; ID, 371, A.26.

¹²⁸ IG, XIV, 645, 1.109—111.

¹²⁹ Fraser, Bean. Op. cit., № 8a. 23—24.

¹³⁰ ID, 366, A.135—136; εἰ δὲ τινες ὀφείλοντες τόκους τοῦ ἱεροῦ ἀργυρίου μὴ ἀποδεδῶκασιν, ἐγγράφομεν ὀφείλοντας, αὐτοὺς καὶ τοὺς ἐγγύους.

¹³¹ IG, XI, 2, 144, B.73; 162, A.33—38; ID, 356—bis, A. 34—35.

¹³² См. выплату долга должниками 281 и 301 гг. в 278 г. до н. э.— IG, XI, 2, 162, A.36—37.

¹³³ Обычно ἀκίνδονοι παντὸς κινδόνου переводят как требование того, чтобы при платеже не применялась порченная монета (Kent, op. cit., p. 277, not. 115). Нам, однако, кажется убедительнее трактовка этого выражения Э. Вайсом (op. cit., S. 333), который объясняет его как отказ от скидки в арендной плате при пожаре, войне, эпидемиях и других подобных событиях. Противоположные случаи уменьшения ставки арендной платы в год стихийных бедствий известны нам из других районов Греции — IG, II/III², 1241.14; 2492. 12—14; IG, XIV, 645, 1.152. Такие прецеденты встречаются и в папирусах — Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of Papyri 332 B. C.—640 A. D. Warszawa, 1955, p. 359, 363, 365.

Те арендаторы, которые не разводят овец, пусть вносят всю арендную плату целиком в месяце метагейтниионе вне зависимости от всяких внешних событий» (сткк. 27—29). Различие сроков платежа для различных типов арендаторов вполне естественно, поскольку урожай земледельца и приплод скота у скотовода происходили в разное время года¹³⁴. Гиеропеи собирали арендную плату и с тех, и с других арендаторов «по горячим следам», вероятно опасаясь, что в противном случае полученные арендаторами доходы будут истрачены. Срок платежа в других районах Греции колеблется на протяжении всех весенних и осенне-зимних месяцев. Арендная плата выплачивается в один¹³⁵, два¹³⁶ и даже три этапа¹³⁷. В «Афинской политике» указан, однако, только один срок — девятая притания¹³⁸, что подтверждается и арендным договором о землях Кодра, Нелея и Басила¹³⁹. Несомненно неясным остается второй платеж арендаторов, которые держат овец (или овец и быков?) в месяце ленеоне в экклесию. По мнению Ю. Г. Виноградова, по корреляции с ἐνιαυτῶι можно и здесь предположить временное значение — «во время собрания экклесии». Косвенным подтверждением этому служит и то, что у нас нет никаких других свидетельств о поступлении арендной платы с храмовых теменов представителям полисных магистратур, помимо случая с Миконосом, где это каждый раз специально оговаривается в отчетах гиеропеев¹⁴⁰ (арендная плата с теменов, находившихся на Миконосе, поступала частично в Буле, а частично эпистатам для организации различных празднеств, которые были столь многочисленны на священном острове).

Интересно, что при столь четком делении арендаторов (с точки зрения платежа арендной платы) на тех, кто держал овец, и тех, кто не имел их в своем хозяйстве, в середине III в. до н. э. почти на всех участках (на 11 из 14, по которым мы имеем достаточный материал)¹⁴¹ есть загоны для овец (τὸ προβατῶν). К числу хозяйств, в которых основным источником дохода было земледелие, можно безошибочно отнести только два: Дионисион и Лимны. В большинстве хозяйств мы встречаем комбинацию скотоводства, земледелия и виноградарства.

Между строками о первом взносе арендаторов, разводящих овец, и до фиксации положения об их втором платеже, в строках 21—27, идет речь о различных моментах, связанных с держанием скота. «Гиеропеи производят поголовную перепись быков в месяце галаксионе (= март)» (сткк. 21—22). Вероятно, в данном случае их целью является выявление полученного к этому времени приплода. Далее идет малопонятный и плохо сохранившийся текст о чем-то, связанном с приплодом скота и месяцем метагейтниионом. Дж. Кент считает, что смысл строк 22—23 IΣ в том, что арендатору запрещалось продавать приплод скота без разрешения гиеропеев, причем, вероятно, гиеропеи либо сами должны были забрать недавно родившихся телят и ягнят для каких-то храмовых нужд, либо оставить их арендаторам для выращивания, предварительно зафиксировав увеличение поголовья¹⁴². Далее со строки 23-й: «Если же кто-либо растит животное, полученное от приплода храмового скота, пусть гиеропеи приведут его к клятве, что выращивающий не будет его включать в счет арендной платы. Пусть будет позволено желающему донести

¹³⁴ В Аттике при сдаче в аренду земель Тесея арендатор-скотовод платит арендную плату два раза в год, приблизительно в те же сроки, что и на Делосе,— IG, II/III², 2498.12—13.

¹³⁵ IG, XII, 5, 568.

¹³⁶ IG, II/III², 1241, 2496.

¹³⁷ IG, II/III², 1168.

¹³⁸ Arist., Ath. pol. 47, 4.

¹³⁹ IG, I³, 84.16.

¹⁴⁰ ID, 366, A.99—102.

¹⁴¹ IG, XI, 2, 287, A.142—174. См. также таблицы в работе Дж. Кента (op. cit., p. 299—301).

¹⁴² Kent. Op. cit., p. 277.

получить половину цены взысканных с его помощью животных. Если же кто-либо из земледельцев захочет, продавая какое-либо из клейменных животных, предоставить поручительство в том размере, в котором следует, ему это разрешается, если он представит поручителя для той суммы, за которую он будет продавать».

Вопрос о скоте, который держат арендаторы, достаточно интересен. И IΣ и отчеты гиеропеев содержат сведения о двух видах животных — быках и овцах. В большинстве случаев арендаторы теменов разводят оба вида скота. Исключение составляют Скитонея и Лимны, где нет овец, и Дионисион, где нет быков¹⁴³. Быки, вероятно, использовались в качестве тяглового скота (может быть, в ряде случаев их использовали и для пахоты, поскольку на нескольких теменах, судя по всему, существовало какое-то зерновое хозяйство)¹⁴⁴, а овцы — для получения шерсти, как то было общепринято в греческом мире. К сожалению, в делосских документах нет сведений об обработке шерсти на острове, хотя, вероятно, она существовала. Может быть, в какой-то связи с мастерской по обработке шерсти стоит упоминаемый в отчетах гиеропеев — *γυμνασιωνιτις*¹⁴⁵. Этот периодически сдаваемый в наем «храмовый дом» вполне мог быть помещением для жилья тех рабынь, которые в каком-либо другом месте работали над обработкой шерсти. Во всяком случае, тогда становится естественным, почему один из съемщиков этого дома незадолго до того был арендатором теменов, связанных со скотоводством¹⁴⁶. Вероятно, определенным свидетельством в пользу существования на Делосе мастерских по обработке шерсти могут служить открытые в ходе археологического изучения острова две небольшие мастерские по производству пурпура и окраске тканей¹⁴⁷.

Существует немало свидетельств в пользу того, что быки, упоминаемые в IΣ, в основном принадлежали храму. Об этом говорит ежегодная перепись быков (стк. 24), упоминание о клейменом скоте (*ἐγκεικλιμένα ζοσκήματα* — сткк. 25—26)¹⁴⁸, запрет продавать приплод храмового скота без разрешения гиеропеев и включать его в общую сумму причитающейся с арендатора ежегодной арендной платы (сткк. 22—24). Вызывает некоторое сомнение тот факт, что при инвентарной описи теменов мы нигде не находим фиксации поголовья скота в отличие от обязательного перечня виноградных лоз и фруктовых деревьев. Не совсем понятными с этой точки зрения является продажа (каких-то?) быков в счет неуплаченной в срок арендной платы (см. ниже, сткк. 33—34 IΣ) и иллюстрация к этому положению в отчетах гиеропеев¹⁴⁹. К числу сведений, подвергающих сомнению храмовую принадлежность быков, можно отнести и строки 46—47 IΣ, где говорится о том, что гарантией выполнения арендатором его обязательств служил скот, рабы и все остальное имущество, находящееся в закладе у бога.

Что касается овец, то, за исключением ежегодной переписи поголовья, к ним можно отнести все то, что выше говорилось о быках. В пользу их принадлежности храму свидетельствует ежегодная плата за каждую овцу (*κατὰ τὸ πρόβατον ἕκαστον*), которую держал арендатор.

Из отчетов нам известно о покупках скота (быков и овец) храмом для жертвоприношений¹⁵⁰, но, к сожалению, не известно, идет ли здесь речь

¹⁴³ IG, XI, 2, 287, A.162—163, 157—159 и 159—161.

¹⁴⁴ См. работу Дж. Кента, где дана классификация теменов по производившимся там продуктам (op. cit., p. 299—301).

¹⁴⁵ IG, XI, 2, 161, A. 17; 162, A. 14—15; 199, A. 9; 203, A.26; 204, A.32.

¹⁴⁶ IG, XI, 2, 158, A.12; 157, A.4.

¹⁴⁷ Bruneau Ph. Documents sur l'industrie délienne de la pourpre.— BCH, XCIII, 1969, № 2, p. 759—791; *idem*. Deliacae II, 16.— BCH, CII, 1978, № 1; *idem*. Deliacae III, 30.— BCH, CIII, 1979, № 1.

¹⁴⁸ См. расходы храма на клеймение — IG, XI, 2, 287, A.58.

¹⁴⁹ IG, XI, 2, 142. 9—12.

¹⁵⁰ IG, XI, 2, 199, A. 70—71; 203, A. 64; 239.1; ID, 401.16—17, 22.

о том скоте, который пастись на арендованных участках. Есть лишь одно достоверное свидетельство покупки у арендаторов храмовых теменов двух свиней для ежемесячного культового очищения храма Аполлона ¹⁵¹.

Таким образом, можно с сожалением констатировать, что вышеизложенные факты не позволяют однозначно решить вопрос о принадлежности скота, о котором идет речь в ИГ и храмовых отчетах, храму или арендаторам. В пользу обеих точек зрения существует достаточное количество свидетельств. В качестве возможной гипотезы можно предложить версию, более или менее согласующую разноречивые факты. Вероятно, арендуя храмовый темен, арендатор получал от храма определенное количество крупного и мелкого рогатого скота. В ходе десятилетней аренды происходило естественное увеличение поголовья, которое ежегодно фиксировалось гиеропеями в особых описях. С разрешения храмовой администрации, считающей себя собственником как первоначальной скота, так и приплода, арендатор мог продать тех или иных животных, правда, с точной фиксацией цены и, вероятно, выплатой полученных денег гиеропеям или тем храмовым служителям, которые занимались ежегодной переписью поголовья. Тот факт, что до нас не дошли эти ежегодные переписи и различные мелкие финансовые счета, говорит о том, что они, вероятно, были вырезаны на деревянных досках ¹⁵². Одновременно с продажей арендатор, судя по всему, мог и купить какое-то количество голов скота для собственных нужд. В том случае, когда речь идет о продаже быков в счет неуплаченной в срок арендной платы или о закладе скота богу как гарантии выполнения арендатором его обязательств, речь и идет об этом частном скоте. Что же касается отсутствия фиксации поголовья при передаче теменов, то гиеропеи, вероятно, фиксировали только недвижимое имущество (хозяйственные строения, деревья, виноградные лозы), а относительно движимого имущества существовали какие-то особые правила.

После окончательного выяснения вопроса о сроках платежа (сткк. 27—29) в ИГ идет общее положение: «(Пусть) гиеропеи ежемесячно вносят оставшиеся от целого с храмовых земель в казну» (стк. 29). Может быть, речь идет здесь о неуплаченных в срок отдельных платежах от общей суммы арендной платы. По отчетам, которые до нас дошли, невозможно проследить эти ежемесячные поступления. Поэтому, может быть, следует принять восстановление и новое чтение этой строки А. Вильгельмом ¹⁵³: «Гиеропеи должны ежемесячно представлять отчеты обо всем в Einwurfkasten der Behörde». Возможность подобного восстановления подтверждают упоминающиеся в надписях ежемесячные отчеты — τῶι λόγῳι κατὰ μῆνα ¹⁵⁴. Может быть, как раз в этих отчетах фиксировались различные изменения, касающиеся поголовья скота, содержащегося у арендаторов, и другие мелкие вопросы, не заслуживающие увековечивания на мраморной стеле годового отчета.

Далее в тексте ИГ объясняется, что будет с арендаторами, поручителями и гиеропеями и их имуществом при неуплате арендной платы с храмовых теменов в срок: «Поскольку вся арендная плата принадлежит богу по данному постановлению ¹⁵⁵, если арендаторы не внесут арендную плату в надлежащий срок или не передадут урожай в распоряжение

¹⁵¹ IG, XI, 2, 203.A.20, 52—53.

¹⁵² О применении дерева для ежемесячных отчетов см. Kent. Op. cit., p. 243, not. 3.

¹⁵³ Wilhelm. Op. cit., S. 216 f.: ἐισφέρειν δὲ τοὺς ἱεροποιοὺς [λόγον] π[ε]ρὶ πάντων [ἐκ]άστου μηνὸς {ἐν τοῖς ἱεροῖς τεμένεσιν} εἰς[τῆ]ν κ[ιβω]τον. Подобной трактовки этих строк придерживается и Дж. Кент (op. cit., p. 279).

¹⁵⁴ IG, XI, 2, 161, A. 89.

¹⁵⁵ Достаточно логично ввести в начало текста [ὡς κατ?], как это делает Э. Цибарт (op. cit., S. 94 f.), но вряд ли следует связывать его с предшествующими строками. Лучше соединить эти строки с последующими.

гиеропеев, пусть платят гемиолион ¹⁵⁶ в указанное время» (сткк. 30—32). 32-я строка сохранилась плохо: оставшиеся слова заставляют предположить, что здесь речь идет о продаже урожая, принадлежащего арендаторам, в счет не поступившей в срок арендной платы. Далее, со строки 33-й: «Пусть (гиеропеи) взыщут с гарантов гемиолион от арендной платы, который был не уплачен богу. Если какая-то часть останется (неоплаченной) после продажи урожая, пусть будут переданы в счет оставшегося быки, овцы и рабы. Если и после их продажи останется еще что-либо от арендной платы, пусть будет взыскано оставшееся неуплаченным из того, чем владеют арендаторы и гаранты. Если же (гиеропеи) не могут взыскать, поклявшись Зевсом Агореем, что не могут взыскать, пусть запишут их (= арендаторов) вместе с патронимиком на стеле в качестве должников бога, и их, и их гарантов, и сдадут участок в новую аренду. Если же произойдет какая-либо задолженность по арендной плате, пусть гиеропеи запишут их и гемиолион от этого». Платеж гемиолиона редко встречается в храмовых отчетах: до нас дошло всего несколько таких случаев ¹⁵⁷. Судя по всему, эта практика существовала до издания IΣ, поскольку наиболее подробное описание реальной ситуации, опирающейся на это положение IΣ (или списанное IΣ с действовавшей практики), относится к рубежу IV—III вв. до н. э. ¹⁵⁸: у некоего Архандра, не заплатившего вовремя арендную плату, гиеропеи продают за долги ячмень, затем отбирают быков; после этого половину суммы арендной платы вносит один из поручителей, но остается еще неоплаченная часть, на которую назначается гемиолион; его должны заплатить незадачливый арендатор и второй поручитель; темен сдается в новую аренду, но интересно, что его арендатором становится сын Архандра. Судя по всему, гемиолион почти не применялся в III—II вв. до н. э., и наказание нерадивых неплательщиков и их гарантов ограничивалось конфискацией имущества и записью на стеле должников ¹⁵⁹.

Наказания, которые приводит IΣ в случае невыполнения основного условия арендного договора — уплаты в срок ежегодной арендной платы, интересно сравнить с тем, что происходило в подобных случаях в других районах Греции, благо источники позволяют нам сделать это. По Демосфену, те, кто не заплатил вовремя арендную плату за храмовые темены, караются атимией, т. е. полным лишением всех политических прав ¹⁶⁰. На Кеосе арендатор, который не внес плату, должен был покинуть участок ¹⁶¹. Подобная мера применялась и на землях филы Дуалиев в Аттике ¹⁶². В Гераклее (Лукания) за увеличением платы в два раза и изгнанием арендаторов с участка следует сдача земли в новую аренду с выплатой разницы между старой и новой платой при уменьшении ставки ¹⁶³. В афинском деме Эксоне для уплаты конфисковывался сначала урожай, а затем имущество арендатора ¹⁶⁴. У амийцев задержка платежа влекла за собой выплату гемиолиона и изгнание с участка ¹⁶⁵. Таким образом, мы видим, что положения IΣ идут в русле общепринятых греческих норм.

¹⁵⁶ L—S—J, s. v. ἡμιόλιος, α, ον — containing one and a half. Штраф, равный первоначальному платежу, увеличенному в полтора раза, встречается на Аморгосе (IG, XII, 7, 67), в Египте (*Taubenschlag*, Op. cit., p. 337, 345, 347) и у амийцев в родосской Перее (*Fraser, Bean*, Op. cit., № 8a. 16).

¹⁵⁷ IG, XI, 2, 142.9—12; 288.12—13 (с арендаторов и гарантов); ID, 369. 40 (только с арендатора).

¹⁵⁸ IG, XI, 2, 142.9—12.

¹⁵⁹ IG, XI, 2, 144, B.71—75; 162, A.33—38; ID, 356 — bis, A, 34—35.

¹⁶⁰ *Dem.*, XLIII, 88.

¹⁶¹ IG, XII, 5, 568.7—9.

¹⁶² IG, II/III², 1241.

¹⁶³ IG, XIV, 645, 1.109—111.

¹⁶⁴ IG, II/III², 2492.

¹⁶⁵ *Fraser, Bean*, Op. cit., № 8a.16, 17. См. также 9b, 21—23.

Клятва гиеропеев Зевсом Агореем похожа на клятву агораномов в делосском декрете, регулирующем торговлю углем и дровами: «Если же агораномы не могут взыскать эту сумму, то, очистившись присягой, они выдадут осужденного и его имущество доносителю и впишут (имя и долг) на доску...»¹⁶⁶.

Следующее положение ΙΣ относится к гиеропеям и тому наказанию, которое возлагается на них, если они не взыщут вовремя арендную плату с арендаторов или гарантов: «Пусть и гиеропеи выплачивают богу (=в пользу бога) половину арендной платы, если не могут взыскать договорные суммы ее (=арендной платы) с поручителей их» Αὐτῶν здесь можно рассматривать либо как подразумевающее арендаторов, т. е. «... с поручителей арендаторов»; либо как подразумевающее договорные суммы, т. е. «с поручителей за договорные суммы»¹⁶⁷. Такое наказание гиеропеев встречается и при невыполнении в срок строительных контрактов¹⁶⁸.

Затем снова идет речь об ответственности поручителей (сткк. 40—42): «Пусть не будет позволено записанным поручителям арендатора поделить с арендатором¹⁶⁹ часть денег, записанных на стеле, но пусть вся сумма платежа лежит на поручителях, в соответствии с причитающейся каждому частью, если только арендатор не заплатит за них». Это положение, вероятно, предупреждало возможный сговор между арендатором и гарантами или между гарантами одного арендатора. Э. Цибарт¹⁷⁰ предполагает, что данная клаузула обязывала гарантов в случае любого отклонения от нормального течения арендного договора заплатить гарантируемые ими суммы не арендатору, а прямо в храмовую казну. Эти строки ΙΣ в очередной раз показывают педантичность храмовой администрации и ее желание проводить все мероприятия в соответствии с писанным законодательством, а не на основании полюбовного соглашения арендатора и его гарантов.

Еще одно подтверждение тому следует далее в строках 42—46: «Если какая-то часть арендной платы с кого-либо из гарантов все же будет взыскана гиеропеями или он сам ее внесет вместо поставившего его поручителем, пусть Буле, будучи полномочным, запишет, что арендатор должен заплатить поручителю гемииолон подобно должникам. И пусть записанные считаются должниками по закону. Если же Буле не запишет, пусть заплатит поручителю сумму, в два раза большую той, которую он заплатил». На практике поручители очень часто платили арендную плату вместо арендаторов. Об этом свидетельствуют постоянные включения в отчеты платежей от имени гарантов, часто с добавлением *κατὰ αὐτοῦ μέρους* или *κατὰ τὸ ἐπιβάλλον αὐτῶι*¹⁷¹. Однако, как показывает это положение ΙΣ, обязанность поручителя была не так невыгодна, как это может показаться на первый взгляд. Гарантам рано или поздно возмещались заплаченные ими деньги, причем с полоторным увеличением первоначальной суммы. Основанием возврата являлась запись на стеле должников, причем ΙΣ призывала Буле строго следить за этой записью и требовала с Буле возмещения понесенного поручителем ущерба в двойном размере, если оно халатно относилось к своим обязанностям. Подобные меры по защите интересов поручителей, естественно, также побуждали граждан Делоса брать на себя эту обязанность.

¹⁶⁶ ID, 509.27—30 (перевод см. *Приговорский*. Ук. соч., с. 97).

¹⁶⁷ Дж. Кент (op. cit., p. 281) предлагает переводить непонятное слово *ὄντας* как *ἀπὸ μῆ*, объясняя его невнимательностью резчика. Он ссылается на А. Вильгельма (op. cit., S. 216 f), который сходным образом объяснял другое непонятное место ΙΣ. Но вообще грамматическое строение всей фразы малопонятно.

¹⁶⁸ ID, 502, A.16—17.

¹⁶⁹ *ὁ καταστήσας* — мы везде переводим как «арендатор», по аналогии со строкой 44.

¹⁷⁰ *Ziebarth*. Op. cit., S. 101.

¹⁷¹ IG, XI, 2, 158, A.25—30; 287, A.27 и др.

Последние известные нам строки IΣ устанавливали гарантию в виде имущества лиц, несущих ответственность за регулярное поступление платы с храмовых земель в казну Аполлона — арендатора, гарантов и гиеропеев — в случае невыплаты платежей: «Пусть находится в закладе у бога скот, рабы, все, находящееся в доме, и все имущество, которым располагают арендаторы. Подобно этому в закладе у бога пусть находится и все, имеющееся в наличии у гарантов. Если же взыскавшие гиеропеи взыщут арендную плату не полностью, пусть в закладе у бога находится и все, что имеется у гиеропеев» (сткк. 46—49). На основании этого положения, вероятно, и были возможны суровые конфискации описанные в строках 33—40 IΣ.

Эти строки были, вероятно, одними из последних в делосском декрете. Даже если далее и было еще несколько положений, они должны были идти в русле всего вышеизложенного и быть краткими (последняя читаемая строка находится недалеко от конца текста). В конце постановления, несомненно, было предписание занести закон об аренде на мраморную стелу и выставить на агоре или где-нибудь еще в центре города (для всеобщего обозрения).

Таким образом, делосская IΣ фиксировала следующие вопросы арендных отношений: срок, на который сдавались земли; условия возобновления арендного договора на повторный срок; сроки внесения платежей с разных видов участков; обязанности арендаторов (своевременную уплату денег; предоставление поручителей на каждый год договора; различные частные вопросы, связанные с держанием храмового имущества и, возможно, — в несохранившейся части IΣ — с ведением хозяйства на арендованной территории); обязанности поручителей; обязанности гиеропеев, связанные со взиманием платы за земли; санкции к арендаторам, гарантам и гиеропеям в случае невыполнения этих обязанностей; способы разрешения различных отклонений от нормального течения арендного договора (в случае смерти арендатора или гаранта, при стихийных бедствиях и т. п.).

Возможно, IΣ определяла также природу платежа, вопрос о субаренде и еще какие-либо подобные вопросы взаимоотношений между храмом и арендаторами.

Приблизительно тот же характер вопросов находился в сфере действия общего закона об аренде храмовых земель в Аттике, реконструкция которого на основании многочисленных конкретных сведений об аренде храмовых и общественных земель была сделана М. Уолбэнком¹⁷². Из известных нам статей добавляются только положение об эйсфоре и налогах, регуляция прав, связанных с водой, и вопрос о наследственных правах (частично затронутых в IΣ) и приданом. Но, может быть, не все эти вопросы входили в делосскую IΣ.

Почти прямая аналогия вопросов, затронутых в обоих законах, а также многочисленные параллели между положениями в IΣ и конкретными *συγγραφαί*, *συνθήκαι* из других районов Греции свидетельствуют о том, что аренда государственных (а именно храмовых, как частное подразделение этой категории земельной собственности) земель, а также земельных владений фил, фратрий, демов и т. п. (т. е. общественных земельных владений) в конце V — середине II в. до н. э., по-видимому, проводилась по неким общегреческим нормам. Конечно, это нельзя понимать буквально, поскольку в разных регионах были возможны определенные отклонения от общих правил, связанные с местными географическими, социальными и политическими условиями. Помимо этого необходимо, конечно, иметь в виду, что арендные отношения, как и различные другие виды социально-экономических отношений, имеют свою историю, свою динамику развития. Изменение ряда положений делос-

¹⁷² Walbank. Op. cit.— Hesperia, LII, 1983, № 2, p. 249.

ской IΣ 300—290 гг. до н. э. в середине II в. до н. э. (IΣ II) — еще одно тому подтверждение.

Несмотря на все эти многочисленные оговорки, можно предположить, что в общих чертах формы и методы аренды в древней Греции были схожи. Это позволяет рассматривать делосскую IΣ как документ, сведения которого (естественно, с определенной долей осторожности) можно использовать для восстановления неясных вопросов арендных отношений в других районах Греции. Таково одно из значений этой интересной надписи.

Другое, не менее важное значение IΣ в том, что эта надпись приводит сведения об организации конкретных арендных отношений на Делосе в III—II вв. до н. э. Она существенно дополняет сообщения скурых ежегодных отчетов гиеропеев. Благодаря IΣ нам становятся яснее взаимоотношения арендаторов и гарантов и их отношения с храмовой администрацией.

Несмотря на строгие меры, которые вводил делосский закон об аренде в отношении арендаторов, не выполняющих условия контракта, можно констатировать, что в аренду постоянно сдавались все храмовые темены (это видно по сохранившимся отчетам). Это говорит и о том, что аренда храмовых владений, вероятно, была выгодна делосцам. Вполне возможно, что *ἱερά γῶρα* храма Аполлона была в III—II вв. до н. э. единственной землей, на которой можно было организовать доходное сельскохозяйственное производство. Учитывая малые размеры острова, а также большую роль и значение храма Аполлона, вполне можно предположить некую монополию храмовой организации на пригодные для эксплуатации земли. И хотя, конечно, на острове были и небольшие частные участки, но вряд ли на них было организовано доходное хозяйство.

Исследование IΣ отнюдь не приводит к разрешению всех вопросов арендных отношений на священном острове: многое остается еще не ясно. Но надо признать, что без этой надписи наши сведения о Делосе были бы значительно скуднее.

О. Б. Лопухова

SOME DATA ON THE RENTING OF TEMPLE LANDS IN DELOS

О. В. Lopukhova

For the study of rent relations in Delos in the 3rd and first half of the 2nd century B.C. the *ἱερά συγγραφή* is an important document. From the data contained in the surviving lines of this inscription and references to it the annual accounts of the *hieropoioi* it is possible to discern and discuss the problem under the following heads: the term for which temple lands were rented; the conditions for renewal of the lease; the dates by which payment was due on rental for different sorts of land; the obligations of tenants, their sureties and the *hieropoioi*; various sanctions imposed on tenants and sureties for violating the terms of the contract. Thanks to the Sacred Contract we have a better grasp of the relations between Delian citizens, in their capacity of lessees of lands owned by the temple of Apollo, and the temple administration, which was in charge of extensive landed estates and derived no small income from land-rent. Since Delos and its neighbour Rhenea (where the temple of Apollo also had *temenē*) were small islands, it is quite possible that the letting of temple lands there was the only way of obtaining income from agricultural production. Comparison of the Sacred Contract with other documents from different parts of the Mediterranean area allows the conjecture that throughout the Greek world similar rules were applied to the renting of temple land and land-lots dedicated to various gods and owned by phylae, phratries and demes. It should however be kept in mind that the rate of development of rent relations would always be influenced by local conditions.

ВИЛЛЫ В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследование социально-экономической истории провинций — основа создания цельной картины Римской империи. При этом неизбежно возникает вопрос, насколько возможно изучать те или иные явления социально-экономического порядка в рамках достаточно обширных регионов, охватывающих целый комплекс провинций, таких, как римский Запад. Как представляется, само существование и развитие этих областей в пределах одного государства дает основание для такого изучения. Кроме того, здесь следует учитывать схожесть исторических судеб западных провинций к моменту римского завоевания: все они в отличие от восточных областей находились на той или иной стадии разложения первобытного общества. Исходя из этого, можно усмотреть определенное единство в истории Великой Галлии, Испании, до некоторой степени Северной Африки и Британии (именно эти области и подразумеваются в данной статье под западными провинциями). Понимание этого единства не должно подменять собой совершенно необходимое тщательное изучение специфики отдельных областей, однако может стать основой для плодотворных сопоставлений местных форм развития социально-экономических явлений, а данные, почерпнутые из таких аналогий, могут обогатить общее представление о древнеримской экономике.

История сельского хозяйства древнего Рима уже давно привлекает пристальное внимание историков, и неудивительно, что здесь достигнуты значительные успехи, в особенности в изучении античной Италии. В работах М. Е. Сергеевко, Е. М. Штаерман, В. И. Кузицина выявлены различные типы сельских хозяйств в Италии, показаны их соотношения в разные периоды римской истории. В качестве ведущего экономического типа в Италии, определявшего лицо римских аграрных отношений¹, выделена средней величины товарная вилла, дававшая возможность извлекать максимум выгоды из рабского труда². В. И. Кузицин исследовал хозяйство такой виллы, уровень его агротехники и доходности, степень товарности и натуральную основу хозяйства, организацию рабочей силы, связи с рынком и другими типами имений.

При изучении истории западных провинций Римской империи делается вывод о том, что распространение здесь классической римской виллы было одним из важнейших проявлений экономической романизации³. И именно классический тип итальянской виллы служит исходным моментом для суждения о виллах по их остаткам в различных областях римского мира, а всякие отклонения от такого образца рассматриваются как особенности в характере землевладения, его организации и т. д. в той или иной области и в разное время⁴. При этом неизбежно возникает вопрос, насколько приложимы выводы, полученные на итальянском материале II в. до н. э. — I в. н. э., к провинциям: ведь их история отнюдь не была простым слепком с истории Рима и Италии. В провинциях в целом гораздо четче прослеживается динамика соотношения различных укладов в сельском хозяйстве, один из которых был связан с рабовладельческими отношениями, наиболее полно развившимися в виллах,

¹ Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973, с. 249.

² Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978, с. 102.

³ Белова Н. Н. Рабство в римской Галлии. — В кн.: Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в западных провинциях римской империи в I—III вв. М., 1977, с. 90—91; Армичева В. И. Римская вилла в Испании. — В сб.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1983, с. 63.

⁴ Белова Н. Н. О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I—II вв.). — В сб.: Античная древность и средние века, вып. 6, 1969, с. 160.

а другой был представлен крупными императорскими и частными поместьями, где основными производителями были мелкие земледельцы весьма различного происхождения, статуса и положения, которые определялись условиями территории и эпохи⁵. Синтез античной и неантичных структур не мог не сказаться на судьбах вилл, причем это влияние было многообразным. Оно выражалось в закономерностях широкого распространения вилл средних размеров, организованных по римско-италийскому образцу, в областях с наиболее развитыми рабовладельческими отношениями⁶, что было связано с большей или меньшей живучестью общинных отношений. Синтез проявлялся в том, что рабовладельческие формы хозяйства постепенно внедрялись в имения местных владельцев и сосуществовали с прежними формами эксплуатации, характерными для эпохи независимости, а выходцы из Италии, принесшие с собой римско-италийские традиции хозяйства, воспринимали местные формы эксплуатации крестьянского населения, используя их на вилле⁷. Все это не могло не отразиться на социально-экономическом облике такой виллы.

Описанные даже в самой общей форме, эти явления заставляют с большей осторожностью относиться к выводам о широком заимствовании из Италии форм рабовладельческого сельского хозяйства, о широком применении труда рабов в этой отрасли экономики⁸. Дальнейшего исследования требует и определение соотношения товарности и натуральности в различных типах провинциальных вилл, и соответственно структура связей этих хозяйств с округой и рынками различных масштабов: от местного до имперского. Ведь по преимуществу товарная направленность сельского хозяйства Италии объяснялась господством мелкого и среднего индивидуального производства, когда отсутствовал или во всяком случае не играл большой роли сектор, основывавшийся исключительно или почти исключительно на натуральном хозяйстве⁹. В провинциях же, где крупное землевладение никогда не исчезало, этот сектор занимал гораздо большее место и должен был модифицировать экономический облик различных типов сельских хозяйств, соотношение в них товарности и натуральности. Это соотношение могло со временем меняться также и в зависимости от близости городов, условий экспорта, потребностей хозяев в наличных деньгах для выполнения обязанностей по отношению к городу и империи. Без соответствующих исследований едва ли может быть безоговорочно принято положение о производстве на виллах основной товарной, в том числе экспортной, продукции провинции, обоснованное ссылками на италийские образцы и иллюстрируемое отдельными археологическими данными из провинции¹⁰.

Таким образом, существует много вопросов, связанных с римскими виллами в западных провинциях, которые, несмотря на успехи в изучении италийских вилл, требуют дальнейшей разработки. При почти полном отсутствии для провинции письменных источников, специально посвященных сельскому хозяйству, скудости, как по количеству, так и по содержанию, эпиграфического материала особое внимание, естественно, должно быть обращено на археологические данные, а также на некоторые работы, в которых на их основе предлагается обобщающая картина. Интерес к исследованию вилл в западных провинциях на основе археологических данных существует давно. Достаточно вспомнить лишь имя А. Гренье, еще в начале века выпустившего исследование о виллах

⁵ Штаерман. Ук. соч., с. 115.

⁶ Белова. Рабство в римской Галлии, с. 88.

⁷ Там же, с. 93; Белова Н. Н. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I—III вв.—ВДИ, 1970, № 1.

⁸ Армичева. Ук. соч., с. 61.

⁹ Штаерман. Ук. соч., с. 101.

¹⁰ Армичева. Ук. соч., с. 52.

и местных поселений у медиоматриков, а затем обобщившего многие археологические аспекты изучения галло-римских вилл¹¹.

В последнее время наряду с всегда массовыми археологическими публикациями в журналах и отдельных изданиях можно отметить появление синтезирующих работ, в которых на основе массового археологического материала создается общая картина истории вилл¹². Это работы разные по форме. Примером наиболее обобщающих может служить книга Джона Персиваля о вилле на римском Западе¹³, ставшая заметным событием и вызвавшая много положительных откликов¹⁴. В ней рассматриваются многие аспекты исторического развития вилл в западных провинциях, причем в отличие от многих предшествующих работ¹⁵ в центре внимания находится не средиземноморский регион, не Италия, Испания, Северная Африка, а Великая Галлия, Британия, Германия, дунайские провинции и, следовательно, проблемы взаимодействия римских и доримских элементов в развитии вилл.

Предметом монографии Жан-Жерара Горжа являются только виллы испанских провинций, зато они представлены с наибольшей полнотой, чему служит подробный список археологически известных к настоящему времени 1300 вилл Пиренейского полуострова. Именно на основе такой «инвентаризации» автором и написан общий исторический очерк о римских виллах в Испании¹⁶. Выводы об исторических судьбах римских вилл в пределах определенных областей (например, на юге Галлии) могут быть сделаны и на основе длительного изучения одной-единственной виллы, такой, как Мон-Морен¹⁷.

Отличительной особенностью всех этих работ является пристальное внимание к природе археологического источника, анализ его возможностей и ограниченности, а также интерес к отдельным небольшим географическим областям, стремление понять и показать их специфику на фоне общего развития. При рассмотрении под этим углом зрения оказывается, что если историческое место виллы более или менее ясно, то с точной археологической дефиницией дело обстоит совсем иначе. Вилла отражает определенный тип землепользования, характеризующийся оседлостью, расположением отдельных хозяйств на удалении друг от друга, преобладанием земледелия над скотоводством, общей обстановкой безопасности в сельской местности. Кроме того, вилла — это римское жилище, и по своему плану, обстановке, образу жизни она является отражением и очагом римской цивилизации на местности¹⁸. Но каковы археологические остатки виллы и как они могут быть точно идентифицированы? На этот счет разные исследователи придерживаются неодинаковых мнений, и поэтому если одни, не колеблясь, готовы считать виллой любое поселение, где найдена черепица с бортиками или несколько осколков сигиллаты, то другие, сознавая возможности и других идентификаций, вовсе воздерживаются от определения. Между тем необходимо уметь выделять из возможного множества те объекты, которые на основании строгого анализа могут быть признаны именно виллами. Критерии такого анализа намечены Ж.-Ж. Горжем в виде определенной формулы, основанной на выделении и объединении наиболее специфических и постоянных признаков виллы. Эти признаки разделены

¹¹ Grenier A. La villa romaine et les habitations gauloises dans la cité des médiomatrices. P., 1906; *idem*. Manuel d'archéologie gallo-romaine, V. III. P., 1934.

¹² В археологической литературе под виллами обычно понимается всякое хозяйство римского типа, от латифундии до небольшой фермы.

¹³ Percival J. Roman villa. An historical introduction. L., 1976.

¹⁴ Classical Review, 28, 1978, p. 330—332; JRS, 69, 1979, p. 210—212.

¹⁵ Mansuelli G. A. Le ville del mondo romano. Milano, 1958.

¹⁶ Gorges J.-G. Les villas hispano-romaines. Inventaire et problématique archéologique, P., 1979.

¹⁷ Fouet G. La villa gallo-romaine de Mont-Maurin. P., 1969.

¹⁸ Gorges. Op. cit., p. 12—13.

на четыре разряда: 1) местоположение виллы, 2) общая ее площадь, вернее площадь, на которой встречаются археологические свидетельства ее существования, 3) наличие определенных архитектурных элементов, 4) наличие определенных данных, свидетельствующих о сельскохозяйственной деятельности. Если в одном и том же месте сочетаются благоприятное расположение поселения, средняя площадь от 0,5 до 3,5 га¹⁹, не менее двух архитектурно-строительных элементов, свидетельствующих о римском комфорте и благоустройстве (например, мозаики, колонны, гипocaustы), и не менее двух свидетельств сельскохозяйственной деятельности (например, мельницы, долии, прессы), то можно с большой долей вероятности говорить именно о вилле²⁰. Конечно, эта формула, практически не учитывающая динамику развития вилл, их местные особенности, как и всякий шаблон, не может не вызывать несогласия в качестве абсолютно точного определения виллы даже в пределах одной области: например, в нее не вписываются испано-римские виллы I в. н. э., которые, как правило, были лишены еще специфически римского благоустройства, где, следовательно, не могут быть найдены необходимые строительные элементы. Вместе с тем нельзя недооценивать роль, которую сыграла эта формула у автора для создания единого по критериям списка вилл в Испании, совершенно необходимого в условиях полного разноречия в стиле, методах и критериях археологических публикаций в различных изданиях. В результате кропотливой работы, подкрепленной исследованиями в музеях и на местности, Ж.-Ж. Горж составил подробнейший список всех известных испано-римских вилл с краткой характеристикой и исчерпывающей библиографией для каждой из них. Всего включено 1300 археологических объектов, известных как виллы, но с помощью своей методики автор выделил 602 виллы, которые, по его мнению, подходят полностью под это определение. Они и положены им в основу исследования о римских виллах на Пиренейском полуострове.

Дж. Персиваль, также сознательно ориентируясь прежде всего на данные археологии, тем не менее не ищет точных археологических дефиниций виллы как таковой. Он в общем следует выводам и стилю публикаций, которыми он пользуется. Особенностью его книги является постоянное сопоставление археологических данных с другими, почерпнутыми из римских агрономических трактатов, североафриканских мозаик с изображениями вилл, средневековых ирландских источников, с результатами аэрофотосъемки. Поэтому естественно, что его книга шире, чем несколько вводных глав к списку Ж.-Ж. Горжа, не только по географическим рамкам, но и по охвату различных сторон предмета исследования.

Исторический очерк Ж.-Ж. Горжа начинается с описания хода распространения вилл по Пиренейскому полуострову, появившихся здесь раньше, чем в других западных провинциях. Начиная с I в. до н. э. они распространяются из трех прибрежных зон (окрестности Тарракона, Нового Карфагена, а также низовья Бетиса) в глубь полуострова и в Лузитанию, а к середине II в. н. э. виллы возникают и в гористом центре полуострова²¹. Уже с самого начала отмечается различие между отдельными областями: Каталонией, где начинает господствовать мелкое землевладение колонистов, и Бетикой и Лузитанией, где дольше сохранялось среднее и крупное. К сожалению, эти особенности почти не связываются с формами земельной собственности, существовавшими у местного населения тех или иных областей, а по преимуществу объясняются природными

¹⁹ Ж.-Ж. Горж особо отмечает, что такие размеры свойственны Испании. Действительно, полгектара в качестве нижней границы — это сравнительно много. Однако в Испании, видимо, не было совсем маленьких вилл, похожих на ветеранские усадьбы вдоль лимеса (см. Die Römer an Rhein und Donau. В., 1975, S. 150).

²⁰ Gorges. Op. cit., p. 15—16.

²¹ Gorges. Op. cit., p. 56.

условиями и уже господствовавшими направлениями сельского хозяйства (например, экстенсивное скотоводство в Лузитании).

II—III века характеризуются дальнейшим распространением вилл по полуострову. Во II в. во многих виллах появляются роскошные господские помещения, что, по мнению Ж.-Ж. Горжа, свидетельствует о том, что с этого времени хозяева живут в поместьях (а не в городах, которые теперь отпугивают их расходами) и руководят сельскохозяйственным производством, с чем связываются усиление экономического назначения вилл и рост их доходности. Однако можно предположить и иное объяснение: просто раньше у хозяина могло не быть средств для столь дорогих построек, а жил он на вилле и раньше²². Косвенным подтверждением может служить то, что в крупных поместьях Лузитании господский дом существовал изначально. Отсутствие *villa urbana* связано, таким образом, с ранними этапами существования небольших вилл. Впрочем, у Ж.-Ж. Горжа намечается и другая линия: связь присутствия или отсутствия хозяина на вилле с близостью или удаленностью городского центра, именно так он объясняет особенности Лузитании. При дальнейшем изложении оказывается, что от этого же расстояния до города порой зависит и величина поместья.

Дж. Персиваль, рассматривая вопросы происхождения вилл, настаивает на том, что романизация была делом рук самих провинциалов. Непосредственное римское влияние давало лишь толчок, создавало определенные условия. Экономически возникновение вилл было связано с необходимостью и возможностью получения излишков сельскохозяйственной продукции. Такая возможность существовала у галлов и белгов в Британии еще до прихода римлян, но необходимостью это стало лишь в результате утверждения городов римского типа с развитыми рыночными отношениями. Влияние оказывали также долговременные военные лагеря с поселками при них, а также постоянные потребности уплаты налогов.

Хозяевами возникавших вилл в основном были местные жители, которые начинали перестраивать вместе со своим хозяйством и свое жилище²³. В западных провинциях известны, хотя и не очень многочисленные, примеры, когда археологически прослеживаются все этапы, через которые проходило какое-нибудь местное жилище, превращаясь в настоящую виллу. Наиболее известным является пример виллы в Майене, где отмечены восемь последовательных этапов развития здания. Дж. Персиваль приводит подобные примеры в Британии (Парк Стрит)²⁴, а также отмечает, что были случаи, когда этот путь был короче, с пропуском нескольких стадий, а с другой стороны, такое развитие наблюдалось не только в начале романизации, но и в конце III—IV вв. (Фрочестер-Кур)²⁵.

Другие виллы, возникавшие, как правило, в середине — второй половине I в. н. э., строились сразу же будто точная копия наиболее роскошных италийских усадеб. Это Сен-Ульрих в Германии, Шираган и Мон-Морен в Галлии, в Британии — наиболее известная, но не единственная вилла такого типа в Фишборне. Их владельцами, очевидно, были либо богатые римляне, либо местные вожди, достаточно близкие к верхам империи, которые могли позволить себе такие расходы. Не случайно, что

²² Катон, безусловно руководивший хозяйством вилл, «ничего не говорит о выделении господских помещений и их особом благоустройстве... Скорее всего лишь по прошествии некоторого времени произошло дальнейшее развитие виллы как архитектурного комплекса, с обособлением господских помещений и их специальным благоустройством» (*Кузицин*. Ук. соч., с. 57—58).

²³ Ж.-Ж. Горж (op. cit., p. 29) также не исключает возможности того, что быстрое распространение вилл в Бетике в эпоху Августа могло быть связано с вовлечением в муниципальную жизнь местной землевладельческой знати.

²⁴ Percival. Op. cit., p. 38.

²⁵ Ibid.

строились такие виллы часто возле границ, охраняемых войсками, и недалеко от крупных административных центров ²⁶.

Обычными же для I—II вв. были не такие загородные дворцы, а виллы, подобные Гири-Гаданкур и Нуайе-сюр-Сен в Галлии, весьма скромные по размерам, но построенные основательно, со всеми удобствами и иногда с мозаиками. В целом они составляют впечатление постепенно накапливаемого благополучия,¹ основанного на длительных благоприятных условиях мирного развития ²⁷.

Поступательное развитие провинциальных вилл было прервано кризисом III в., после которого многие виллы совсем исчезли. Не всегда их гибель могла быть вызвана варварскими вторжениями. Более же глубокие, внутренние причины, которые могли бы привести к такому результату, Дж. Персиваль считает недостаточно известными. Он называет множество факторов: общую нестабильность обстановки, падение уровня производства, рост налогообложения сверх разумной меры, однако ни слова не говорит о соотношении различных форм собственности в империи, о социальных слоях, с ними связанных, и борьбе между ними, т. е. о том, что уже достаточно давно рассматривается как первопричина кризиса III в. ²⁸

Если обратиться к материальным свидетельствам, то окажется, что картина кризиса, ясная в общих чертах, с трудом поддается детализации. Разрушения или общий упадок характерны почти для всех раскопанных вилл. Сокращение керамического и нумизматического материала, кое-где — слой пепла и сгоревших материалов — это настолько общие признаки, что если даже их и нет, то предполагают скорее, что они не сохранились, нежели что этих свидетельств не было вовсе. Известны лишь единичные раскопанные виллы, которые будто бы и не были затронуты кризисом III в.: Экклс (Кент), которая даже расширяется в это время, Сорд-л'Аббэ (деп. Ланд), где вообще нет следов разрушений, и уже упоминавшаяся вилла в Майене ²⁹. Но даже если этот список дополнить, то на противной стороне гораздо больше материала. В каждом отдельном случае достаточно поводов для сомнений: слой пепла не всегда можно точно датировать, и эти свидетельства трудно привязать к тому или иному вторжению. Многие разрушения были случайными, а отличить их невозможно — иногда даже то, что кажется последствиями разрушения, при более внимательном рассмотрении оказывается результатом простых перестроек и хозяйственной деятельности. Плюс еще одна сложность: оставленные виллы. Например, Гири-Гаданкур была оставлена почти за век до разрушения, а Лион-ла-Форе, после того как была заброшена, так и не подверглась разрушению. Но, по мнению Дж. Персиваля, эти сложности и сомнения не искажают общей картины упадка, а лишь усложняют ее, и масштабы общего разрушения едва ли можно считать сильно преувеличенными историками.

Ж.-Ж. Горж иначе оценивает эти масштабы для Испании. Основываясь на последних испанских работах о вторжениях III в. и их последствиях, он определяет маршрут следования франко-аламаннских отрядов по полуострову в ходе двух волн походов и доказывает, что большинство испано-римских вилл уцелело от непосредственного разрушения, хотя они и существовали в обстановке постоянного страха, о чем свидетельствуют многочисленные монетные клады. Непосредственному разрушению подверглись лишь виллы возле Тарракона, в окрестностях Лериды и в верховьях Дуэро (где эти разрушения относятся ко второй волне втор-

²⁶ Ibid., p. 40.

²⁷ Ibid., p. 41.

²⁸ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

²⁹ Gallia, XIX, 1961, p. 393—396; Percival. Op. cit., p. 44.

жений и могут быть также связанными и с багаудами)³⁰. Ж.-Ж. Горж приводит список вилл, существование которых прекращается в III в. Из 31 виллы лишь для 11 можно археологически доказать разрушение, в остальных 20 случаях речь скорее может идти о заброшенности³¹.

Как бы ни оценивать размеры материальных потерь, понесенных виллами в III в., значительно более важным представляется изучение последствий этого общего кризиса для вилл, определение тенденций их развития в эпоху поздней античности. Дж. Персиваль характеризует общую обстановку IV в. как экономическую стабильность и даже некоторое процветание, однако на уровне более низком, чем до кризиса³². В некоторых районах виллы так и не возродились (Дакия, Декуманские поля). Удивительно, но система вилл продолжала свое существование на севере Бельгии, за пределами укрепленной линии Бавэ — Кельн. Вообще же в местностях рядом с границами, где теперь обосновывались на тех или иных условиях германские племена и в то же время продолжали селиться, строя маленькие усадьбы, ветераны, надо быть очень осторожными в заключениях о судьбах вилл. Если же оставить в стороне пограничные районы и некоторые местности с особенностями в развитии, общая картина оказывается достаточно ясной, она характеризуется двумя основными чертами: снижением стандартов жизни и некоторым сокращением используемых площадей³³. Первая из этих черт отмечается в большинстве археологических отчетов, и если в каждом отдельном случае речь идет скорее об общем впечатлении, нежели о точных данных, суммарное представление достаточно определено: восстанавливаются отдельные виллы или их части, а вовсе не вся система возвращается к прежнему состоянию. Сокращение же площадей хорошо показано в книге Э. Вайтман о Трире³⁴: здесь в окрестностях города восстановление вилл шло полным ходом, тогда как более удаленные земли к югу от Мозеля оставались незанятыми. В других районах это явление слабо изучено, так как мало где велись исчерпывающие исследования, но следы его есть и на севере Франции. Однако не следует спешить с обобщениями, ибо даже там, где на первый взгляд данные подтверждают высказанные положения, необходимо более внимательное рассмотрение.

Например, вилла Шираган в Аквитании после пика своего процветания при Антонинах, по мнению Ж. Жулена, в течение IV в. находилась в состоянии упадка, что проявилось в обеднении, уменьшении и упрощении господских помещений и в приспособлении части их под хозяйственные нужды. А. Гренье подтвердил мнение об упадке виллы во время Константина после расцвета в эпоху Антонинов и Северов. Но даже если ограничиться только самой villой, возможна и иная точка зрения: хозяйственная и строительная деятельность в господских помещениях, в чем усматривают лишь уменьшение комфорта, может свидетельствовать о прогрессе в других отношениях. Изменение назначения помещений могло быть вызвано и возникновением новой виллы в 1 км от Шираган, в деревне Мартр-Толозан, и превращением виллы Шираган во вспомогательное хозяйство большого поместья³⁵.

Использование жилых помещений в хозяйственных нуждах было распространено в IV в. Например, на испанских виллах Каль-Куч и Ректория для размещения долив были пробиты мозаичные полы³⁶. Было ли это проявлением роста сельскохозяйственного и других производств или только свидетельством стремления к централизованному хранению

³⁰ *Gorges*. Op. cit., p. 43—44.

³¹ *Ibid.*, p. 47.

³² *Percival*. Op. cit., p. 46.

³³ *Ibid.*, p. 47.

³⁴ *Wightman E.-M.* Roman Trier and the Treveri. L., 1970.

³⁵ *Pallas*, 3, 1955, p. 89—115.

³⁶ *Gorges*. Op. cit., p. 49.

продукции в связи с общей неспокойной обстановкой в целях самообеспечения? Каков бы ни был ответ, очевидно, что уменьшение роскоши и комфорта на виллах не может рассматриваться как показатель экономического положения поместья или целого района³⁷. Косвенным подтверждением может служить и положение британских вилл, где также наблюдаются факты использования прежних жилых помещений для хозяйственных нужд. Но в целом обстановка была другой, и здесь нет и речи об общем снижении уровня роскоши и жизненных стандартов вообще. Напротив, в Британии они как раз в это время достигают уровня, типичного для континентальных вилл в эпоху Антонинов и Северов. Причины столь быстрого роста вилл Дж. Персиваль видит как в неучастии Британии в военных конфликтах III в., так и в том, что, будучи отрезанной от прежних рынков кризисом, она была вынуждена заняться самообеспечением. Если этот довод и может быть принят для объяснения роста производства отдельных видов керамики, все же едва ли можно объяснить таким образом общий рост британского сельского хозяйства в III—IV вв. Впрочем, сам автор признает, что причины именно такого развития еще нуждаются в изучении.

В ходе очерченного развития в Британии не только достигают наивысшего расцвета уже существовавшие ранее виллы (Норт-Лей, Бигнор), но и возникает много новых. Возможно, и преобразование части прежде жилых построек в хозяйственные следует рассматривать не как свидетельство экономической ослабленности, а как следствие включения этих хозяйств в более крупные и выполнения ими специальных хозяйственных функций³⁸.

Такое же позднее процветание вилл встречалось в Паннии и даже в отдельных областях Галлии (Аквитания). Около Трира не только отстраивались старые виллы, но и возникали новые большие хозяйства, два из которых считают императорскими. Вероятно, как и предполагал А. Гренье, этот расцвет объяснялся превращением Трира в столицу империи.

Но несмотря на благополучие в отдельных областях, в целом расцвет позднеантичных вилл был недолгим, что Дж. Персиваль склонен объяснять ссылаясь на неудачную политику империи. Поэтому виллы в ходе завоеваний, разрушивших Западную Империю, перестали существовать как таковые, поскольку являлись по существу неотъемлемой частью римской социально-экономической организации. Общий очерк истории вилл у Дж. Персиваля вызывает порой ощущение неудовлетворенности, в особенности, когда он делает попытки обобщения по всем провинциям. И наоборот, наибольший интерес представляют описания региональных различий в развитии вилл, которые могут пролить свет и на общие закономерности.

Ж.-Ж. Горж также пишет о многообразных и значительных последствиях кризиса III в. для испано-римских вилл. (Это тем более интересно, что у Дж. Персиваля испанский материал почти отсутствует.) Здесь, во-первых, очевидны разрушения и общее сокращение нового строительства. Но гораздо более интересны другие результаты: в области соотношения крупного и более мелкого землевладения. Например, на востоке Тарраконской провинции отчетливо прослеживается процесс земельной концентрации, в ходе которого виллы, бывшие крупнее других еще до III в., теперь еще более разрастаются, отстраиваются и поглощают более слабых соседей. В Константи возле Тарракона большая усадьба de Centcelles, видимо, поглотила все соседние хозяйства, кроме Мас-де-Сераши, где, впрочем, отчетливо наблюдается общий упадок. Вообще 80% вилл на северо-востоке Испании относятся ко времени до кризиса III в.³⁹ Ж.-Ж. Горж объясняет это тем, что более крупным хозяйствам вообще всег-

³⁷ Percival. Op. cit., p. 48.

³⁸ Ibid., p. 49; Кузищин. Ук. соч., с. 212.

³⁹ Gorges. Op. cit., p. 53, 96.

да легче дается восстановление, а кроме того, большие виллы, будучи в отдалении от городов, укрепленные и обороняемые значительными людскими силами, практически не подвергались разрушению. Похожая земельная концентрация отмечена и для левантийского побережья, хотя там, вероятно, не произошло непосредственных разрушений варварами. Таким образом, заметное укрупнение вилл происходило в тех районах, где прежде преобладала мелкая земельная собственность.

Вторжения увеличивали число землевладельцев, оставлявших разграбленные или ослабленные города и переселявшихся в сельскую местность. Поэтому роскошное обустройство и расцвет испанских вилл в IV в. автор объясняет перемещением туда центра ремесленной, торговой, художественной и культурной деятельности, превращением их в экономически независимые поселения с разным уровнем внешних связей. Но этот важный процесс детально не исследуется, и утверждение о «рурализации» повисает в воздухе без изучения испано-римских городов этого времени⁴⁰.

На всем полуострове Ж.-Ж. Горж насчитывает более 140 вилл, как правило, крупных, расцвет которых приходится на IV в. (причем дальнейшие раскопки, особенно в Бетике, смогут существенно увеличить эту цифру). Этот подъем связывается с превращением вилл в торгово-ремесленные центры и с образованием больших поместий вокруг усадеб богатых земельных собственников.

В завершение исторического очерка рассматривается важный вопрос о судьбах испано-римских вилл в позднеантичное и раннесредневековое время. Так, из 95 вилл IV в., расположенных вокруг Севильи, лишь 12 продолжали существовать в первой половине V в., но затем исчезли и они (за исключением одной в Гвильене, где обнаружена вестготская керамика)⁴¹. Впрочем, это неудивительно, так как среди всех этих вилл не было действительно крупных хозяйств, как в других частях Испании, и их постигла та же участь, что и полтора века раньше еще более мелкие виллы возле Тарракона. Всего же из упомянутых 140 вилл в V в. продолжали существовать примерно 50, что, по мнению Ж.-Ж. Горжа, не означает исчезновения вилл, но говорит о сокращении этого типа хозяйства и превращении его в новые формы. Приводятся данные о существовании примерно десятка вилл в V—VI вв. в качестве подлинных хозяйственных центров⁴². Все они были центрами крупных поместий еще в античности. Есть и отдельные уникальные примеры континуитета вилл чуть ли не до нового времени, когда виллы становились центрами деревень или оставались изолированными хозяйствами. Но несмотря на интерес, который представляют эти археологические факты, в книге Ж.-Ж. Горжа нет единого взгляда на судьбы позднеантичных вилл в Испании. Вообще его исторический очерк является в значительной степени просто введением и комментарием к списку вилл, поэтому в нем не хватает исторического анализа и обобщений.

Пожалуй, наиболее интересны в книгах Ж.-Ж. Горжа и Дж. Персивалля главы, посвященные отдельным проблемам истории вилл. Ж.-Ж. Горж намечает разные аспекты типологии испано-римских вилл: географический, экономический, архитектурный и т. д. Прежде всего он рассматривает распределение вилл по территории полуострова и находит любопытную, хотя и естественную зависимость: большинство (53%) их расположено на самых плодородных почвах, составляющих всего 8% всей испанской территории⁴³. Как правило, виллы тяготеют к речным долинам,

⁴⁰ Вообще едва ли превращение вилл в роскошные загородные дворцы может само по себе свидетельствовать о «рурализации» общества. Итальянские виллы превращались в настоящие дворцы в I в. н. э., т. е. как раз во время наивысшего развития городов (Кузицин. Ук. соч., с. 58).

⁴¹ Gorges. Op. cit., p. 56.

⁴² Ibid., p. 56, № 74.

⁴³ Ibid., p. 70—72.

и кажущееся беспорядочным расположением вилл на полуострове лишь отражает невидимую на карте сеть рек. Эта привязанность вилл к низменным, пойменным землям известна для других западных провинций, где она, как правило, контрастирует с расположением местных поселений на более легких почвах на высотах ⁴⁴. В пространственном отношении бесспорна также привязанность вилл ко всем тем областям, где была развита урбанизация и потребности городского рынка порождали сеть усадеб. Такая взаимосвязь города и виллы была показательной для существовавшего тогда типа общества. Впрочем, Ж.-Ж. Горж не раскрывает основ этой взаимосвязи. Виллы располагались также и вдоль дорог, хотя и на некотором удалении от них (в отличие от средневековых деревень, как правило, стоявших прямо у дороги).

По провинциям виллы распределялись следующим образом: из 602 вилл 138 — в Бетике, 52 — в Галлеции, 96 — в Лузитании, 316 — в Тарраконской провинции. Конечно, соотношение это не абсолютно точное вследствие неравномерности исследований. Однако, исходя именно из этих данных и из общей площади земель, пригодных для обработки, Ж.-Ж. Горж выводит показатель средней плотности вилл для каждой области. Так как более или менее исчерпывающе исследованы только окрестности Тарракона и побережье Бетиса, выводимые цифры несут в себе рациональное зерно только для этих районов. Возле Тарракона, на северо-востоке одноименной провинции, одна вилла приходилась на 1—5 кв. км (что примерно соответствует размерам самых больших из кампанских вилл I в.), тогда как в Бетике — одна вилла на 10 кв. км ⁴⁵.

Определяются критерии подразделения земельных владений: 2,5—30 га — мелкая собственность, 40/50—250 га — средняя, выше 500 га — латифундия ⁴⁶. Подробнее подразделяются латифундии: «ограниченная» — 200/300—800 га, собственно латифундия — 1000—1500 га, расширенная латифундия — 2000—8000 га. Основой такого разделения служат как литературные источники (для мелкой и средней собственности), так и археологические данные (для латифундий). Например, важной точкой отсчета для максимальной площади служит площадь поместья Мон-Морен — около 8 тыс. га.

Интересны рассуждения Ж.-Ж. Горжа о природе крупной земельной собственности в Испании, ее распространении и исторических судьбах в различных областях. Он выделяет «латифундизм» первоначальный и складывающийся постепенно в римское время. Классическим примером первого служат поместья в Лузитании (3—8 тыс. га), которые сохраняют свой характер на протяжении всего императорского времени, отличаясь несколькими признаками: относительной близостью к городам, постоянным проживанием хозяев на виллах, частым присутствием эргастула и принадлежностью одному хозяину ⁴⁷.

Совсем иным предстает восточное побережье полуострова, где с самого начала римской колонизации и в ее результате господствовала мелкая земельная собственность, которая лишь после кризиса III в. уступила место более крупной. Но уже у начала истории тарраконских и левантских вилл лежал процесс определенной земельной концентрации, так как представители «муниципальной буржуазии» покупали участки ветеранов-колонистов, и таким образом формировалась средняя земельная собственность ⁴⁸, хотя действительно крупных поместий на северо-востоке Тарра-

⁴⁴ Percival. Op. cit., p. 93; Grenier. Manuel..., III, p. 202; Die Römer..., S. 147.

⁴⁵ Gorges. Op. cit., p. 88, 93: конечно, это приблизительная оценка, ориентировочная для определения порядка возможной величины, а не площадь реального поместья.

⁴⁶ Ibid., p. 98.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Gorges. Op. cit., p. 95. Кроме того, в императорское время выросли сами размеры участков, выделявшихся колонистам, в том числе ветеранам, особенно в провинциях (Лузитании. Ук. соч., с. 23, 25).

конской Испании, несмотря на концентрацию земли даже после кризиса III в., видимо, не было, так как там постоянно возрождалась мелкая и средняя собственность, и даже в наши дни неделимых владений более 20/30 га здесь нет⁴⁹.

Бетика с точки зрения размеров земельной собственности представляет собой смешанную область, однако с преобладанием все же относительно более крупной, чем возле Тарракона⁵⁰. Мелкая и средняя собственность здесь явно оттеснена к узкой прибрежной полосе, тогда как вдоль Бетиса встречаются поместья от 200/400 до 1—1,5 тыс. га в зависимости от преобладающего направления хозяйства (зерновые или масличные культуры)⁵¹. Интересно, что автор связывает господство относительно более крупного землевладения с производством товарно-экспортного зерна и масла, которыми славилась Бетика. Невозможность такого производства при господстве мелкой земельной собственности он аргументирует тем, что продукция вилл из-под Тарракона из Испании не вывозилась. На основе этих данных Ж.-Ж. Горжа можно предположить, что маленькие виллы, наподобие италийских, распространившиеся в районах непосредственной и активной колонизации, были связаны, как правило, с местным рынком, с ближайшими городами, в то время как продукты сельского хозяйства Испании, вывозившиеся в Италию и в другие провинции, производились в более значительных по размеру хозяйствах, причем там далеко не вся продукция реализовывалась за пределами Испании в товарной форме, но какая-то ее часть поступала в виде анноны и натуральных податей. Можно также предположить, что в таких больших хозяйствах основную массу продукции производили местные земледельцы, находившиеся в разных формах зависимости от владельцев вилл.

Ж.-Ж. Горж бегло касается и вопроса о размежевании земель в Испании. По его мнению, исследования этой проблемы не дали пока убедительных результатов, и имеется только два несомненных примера центуриации: в Илици (Эльче), где пока зафиксировано 225 центурий вокруг колонии времени Августа с отчетливым преобладанием мелких и средних участков, и в Эмерите, где размеры участков достигают 100—250 га, а сама размежеванная территория удалена от города на 15—30 км. По мнению Ж.-Ж. Горжа, наделы столь больших размеров оказались достаточными для того, чтобы колонисты не продавали их, а могли организовать на них хозяйства достаточно рентабельные по сравнению с окружающими крупными поместьями, возникшими еще в республиканское время⁵².

Несмотря на отчетливость тенденции к земельной концентрации в период Поздней империи, размеры поместий этого времени в абсолютном выражении остаются неясными. Но и здесь были региональные различия. Латифундии, развивавшиеся на северо-востоке Испании, все же меньше тех, которые возникали на юге. А роскошные виллы, распространившиеся

⁴⁹ Gorges. Op. cit., p. 97.

⁵⁰ Вопрос о размерах земельной собственности в Бетике является дискуссионным. Если большинство испанских исследователей настаивают на преобладании мелкой (см. Blázquez J.-M. Gran latifundio o pequeña propiedad en la Bética (Hispania) en época imperial? Roma, 1979, passim), основываясь на самых общих соображениях — о большом количестве городов и вилл, их высокой концентрации, а также огромном числе амфорных клейм, соответствовавшем, как считают, числу владельцев вилл, то другие, особенно Р. Этьен и Ж.-Ж. Горж, говорят о значительной доле средней и даже крупной собственности. Стоит прислушаться к мнению Ж.-Ж. Горжа, так как он оперирует материалом не только из Бетики, но и из других областей Испании, что дает возможность для сравнений. О заметном весе крупных землевладельцев может свидетельствовать также аристократический строй городов, в муниципальной жизни которых никакой роли не играли ветераны стоявшего в Испании легиона, возможно, что «те имена и деньги, которые они приобретали за время службы и при отставке, были по сравнению с состояниями местной знати слишком ничтожными, чтобы войти в ее круг» (Штаерман. Кризис..., с. 159 сл.).

⁵¹ Gorges. Op. cit., p. 101—102.

⁵² Ibid., p. 96—99.

по всему полуострову в это время, кажутся тесно связанными прежде всего с районами преобладания зернового хозяйства, и вследствие этого площадь их поместий меньше тех, которые располагались в районах традиционного скотоводства или «изначального» латифундизма. Общим выводом может быть лишь то, что крупная земельная собственность всегда существовала в Испании, хотя и была различного происхождения и размеров. При этом кризис III в. ускорил ее концентрацию, уже наметившуюся во II в.⁵³ Представляется, однако, что все вопросы, связанные с характером и развитием землевладения в Испании, получили бы более глубокое объяснение, если бы Ж.-Ж. Горж попытался их связать с характером социальных отношений, существовавших в тех или иных районах полуострова как до римского господства, так и в ходе романизации. Тогда были бы более ясны и дальнейшие судьбы испано-римских вилл и их значение. Видимо, все отмеченные слабости книги Ж.-Ж. Горжа объясняются в известной мере ее очевидной археологической направленностью, а также тем, что испанские виллы, как правило, раскопаны без изучения их поместий, что делает затруднительным анализ взаимоотношений с местным населением. Но несмотря на слабости вступительного очерка, можно только поражаться объему проделанной Ж.-Ж. Горжем работы и быть ему признательными за великолепный «рабочий инструмент» (по выражению Р. Этьена) — список испано-римских вилл, без которого теперь невозможно никакое сколько-нибудь систематическое изучение и ради которого, собственно, и написана вся книга.

«Проблемные» главы у Дж. Персиваля начинаются с описания географического распределения вилл и их региональных типов по провинциям. В Африке подход к строительству вилл отличался очевидной утилитарностью. Расположенные в наиболее отдаленных от побережья районах небольшие хозяйства, производившие в основном оливковое масло, создают даже впечатление стихийно оформившихся построек, без всякого плана протянувшихся вокруг двора. С внешней стороны они представляли собой неприступные крепостцы. В более романизованных районах, где сами поместья были больше, развивалось зерновое хозяйство, виллы были более комфортабельны, больше соответствовали средиземноморским образцам, но и там акцент явно делался на полезность. Не случайно именно африканские мозаики донесли до нас сцены производственной жизни на виллах. Особое место занимали известные повсюду пригородные и приморские виллы, построенные лишь для отдыха.

Сложность типологического изучения галло-римских вилл обусловлена тем, что, несмотря на необыкновенное обилие археологического материала, эти данные очень неравноценны по своему составу: раскопки ведутся уже не одно столетие, и результаты прошлых раскопок, главным образом сосредоточивавшихся на жилых, богато украшенных помещениях и оставлявших в стороне хозяйственные, искажают общую картину. Кроме того, лишь очень небольшая часть всех известных в Галлии вилл подвергалась систематическим полевым исследованиям в течение нескольких полевых сезонов, гораздо чаще дело ограничивается лишь разведками. Интенсивность археологического изучения галло-римских вилл варьируется в зависимости от наличия в том или ином районе местной археологической школы, а порой даже от существования одного-двух энтузиастов. Все это нельзя не учитывать при составлении типологий⁵⁴.

Дж. Персиваль начинает с аквитанских вилл. Несмотря на широкую известность вилл-дворцов (Шираган, Мон-Морен, д'Арнеп, Ля Лонкет), наиболее типичными для этого региона он считает все же виллы более скромных размеров, например Кадейян-сен-Клар: с обычной галереей перед фасадом длиной 60—100 м и с центральным помещением — экусом —

⁵³ Ibid., p. 106.

⁵⁴ Percival. Op. cit., p. 68.

полукруглым в плане, с мозаичным полом конца III в., тогда как все остальные помещения имели просто цементные полы⁵⁵. Отличительной чертой Аквитании вообще и района вокруг Бурдигалы в частности является относительно более высокая доля в современной топонимике названий, происходящих от названий поместий римского времени.

Другим районом с ярко выраженными особенностями Дж. Персиваль называет Восточную Галлию, где соседствовали совсем маленькие и огромные виллы. По его мнению, в некоторых случаях явно можно предположить, что маленькие хозяйства были частями большого⁵⁶. Вообще в Восточной и Северо-Восточной Галлии история вилл представляется самой сложной, что было связано как с постоянным действием военных факторов, так и с нарастающим проникновением — военным и мирным — германских племен.

По понятным причинам с особым пристрастием и подробностью рассматривает Дж. Персиваль британские виллы. В наиболее близких к материку частях острова (совр. Кент и Сассекс) не так уж много вилл раскопано полностью, но можно предположить, что здесь они были прежде всего связаны с земледелием. Вместе с тем определенную роль играли овцеводство (о чем свидетельствует находка чана для валяния шерсти в Даренте) и садоводство. Добыча железа и производство керамики здесь не было связано с виллами. Среди вилл Кента и Сассекса выделяются два типа: одни, построенные довольно рано, еще в I в. н. э. сразу как обширные здания, другие же — отстраивавшиеся постепенно, начиная со II в. н. э., и достигшие пика своего развития к III—IV вв. Для всей остальной Британии наблюдаются некоторые общие черты: преобладание именно второго типа вилл, часть из которых не пережила 350—370 гг., а другие продолжали существовать до V в. и позже. Богатые же ранние виллы I в. н. э. — большая редкость, и их возникновение, вероятно, всегда объяснялось факторами политического характера. Наиболее типичным архитектурным «проектом» была галерея перед фасадом виллы, но когда вокруг строились новые сооружения, возникали виллы с внутренним двором.

Отмечается расцвет вилл в районах массового керамического производства, связанный с его ростом в III—IV вв. Земли же, где было сравнительно мало вилл (например, в Восточной Англии), автор считает императорской собственностью, которая эксплуатировалась другими способами. Свообразием отличались окрестности Бата и Ильчестера, где сосредоточено множество вилл, эпоха наибольшего развития и распространения которых приходится как раз на IV в. — время большого подъема и самих этих городов.

Много внимания уделяет Дж. Персиваль изучению социально-экономических отношений на виллах, хотя и признает, что археологический материал без других источников может дать здесь лишь очень расплывчатую и раздробленную картину. Автор с большим вниманием относится к исследованиям на местности, в ходе которых с помощью анализа археологических, топографических, лингвистических данных определяются границы того или иного поместья, его структура — связи центральной виллы с другими виллами, зависимыми от нее, а также с местными поселениями на территории поместья⁵⁷.

Дж. Персиваль уделяет большое внимание тем социальным отношениям, в рамках которых существовали виллы в провинциях, в особенности в Британии. Прямых данных о социальном составе владельцев вилл здесь практически нет — лишь в ничтожно малом числе случаев можно определить владельца конкретного, археологически изученного поместья⁵⁸.

⁵⁵ Gallia, XI, 1953, p. 41—67.

⁵⁶ Percival. Op. cit., p. 80.

⁵⁷ Ibid., p. 129.

⁵⁸ Все сколько-нибудь достоверные построения по этому вопросу базируются на материале кампанских вилл (см. Carrington R. C. Studies in the Campanian Villae Rus-

Для Британии составлен список из 26 имен, хотя, надо заметить, некоторые из них выводятся из топонимов, а из остальных не все фигурируют в источниках именно как имена владельцев вилл. Едва ли этот список, в котором есть римские граждане (из них иные вполне могли быть британского происхождения), ветераны, один-два отпущенника и несколько землевладельцев, проживавших постоянно в других провинциях, может с какой-либо полнотой отражать социальный состав владельцев британских вилл, тем более что Дж. Персиваль как раз выступает против мнения, будто владельцами вилл всегда были римляне. Напротив, он всеми доступными способами старается показать, что провинциальная вилла была созданием местного земледельческого населения и должна была нести на себе значительный отпечаток местных социальных отношений и обычаев. Именно с этой целью Дж. Персиваль обращается к археологическим данным, подходя к их интерпретации с разных сторон. Например, скопление богатых вилл IV в. вокруг Бата связывается с присутствием среди их владельцев переселившихся с материка собственников, что может быть подкреплено ситуационным анализом таких данных, как посвящения богам, а также планы вилл и стили мозаик⁵⁹.

О характере отношений хозяина виллы с его подчиненными могут рассказать даже планы вилл. Постепенное развитие здания от одного помещения к нескольким, появление других, отдельно стоящих строений можно связать с ростом богатства, с увеличением социальных различий, с растущим разделением хозяина и работников по месту проживания. Дж. Персиваль склонен почти напрямую объяснять влиянием местных социальных структур факт распространения в Британии вилл «базиликального» типа. В соответствии с этой точкой зрения наиболее ранние виллы принадлежали целой родственной группе, а возрастающее затем дробление помещений внутри такого здания означало постепенное развитие социальных различий по римским образцам, и в конце концов такая «базилика» превращалась в одно из вспомогательных зданий новой, более «римской» по архитектуре виллы⁶⁰. Эта картина остается чисто гипотетической из-за неудовлетворительной датировки отдельных памятников.

Характеризуя возможные формы влияния местных структур на процесс развития римских вилл в провинциях, автор отмечает, что это влияние должно было быть сильнее в Британии, где эти структуры сохранились в более чистом виде, чем в Галлии, где в результате более раннего соприкосновения с римлянами уже ко времени Цезаря, видимо, возникла частная собственность на землю и прежние «клиентские» отношения переросли в настоящую зависимость общинников от землевладельца. Поэтому, если в Галлии еще до начала распространения римских вилл уже существовали общественные отношения, близкие к римским, то в Британии, наоборот, кельтские формы могли быть достаточно живучими, чтобы оказывать влияние на рост и характер вилл, когда они в конце концов стали появляться. Ставится вопрос о том, как такие районы, где местные структуры сильно деформировали облик вилл, могут быть засвидетельствованы археологически. Для его решения Дж. Персиваль считает возможным сопоставить археологические данные со сведениями о кельтских общинах, почерпнутыми из средневековых памятников Ирландии и Уэльса. Зависимая община (*tref gyfrif*), характеризовавшаяся переделами земли и расселением по селам, по его мнению, достаточно хорошо вписывалась в систему позднеримского колоната и поэтому едва ли может быть выделена археологически, хотя такие села были сравнительно распространенным явле-

ticae. — JRS, 21, 1931, p. 110—130). Для Британии подобную работу, исходя из ничтожного количества данных, провел С. Эпплбаум (*Applebaum S. The Agrarian History of England and Wales, I, 2, 1972, p. 1—277*), у которого и черпает материал Дж. Персиваль.

⁵⁹ *Percival. Op. cit., p. 134.*

⁶⁰ *Ibid., p. 134—137.*

нием в римской Британии, и в нескольких случаях их близкое к виллам расположение могло бы навести на мысль о том, что села были зависимыми поселениями⁶¹. Свободная кровнородственная община (клан — *gwely*) характеризовалась с точки зрения типа расселения постепенным распространением из одного центра новых хозяйств типа хуторов, связанным с колонизацией более молодыми ее сочленами новых, отдаленных от центра земель. Поэтому земли клана часто простирались по территории нескольких городов, а структура их была крайне сложной. Влияние такой формы общины на развитие римских вилл археологически можно зафиксировать лучше, если связывать с кланами не только местные жилища, но и сами виллы. Такие виллы должны были бы отличаться следующими чертами.

Во-первых, следует искать группы вилл, сопоставимых по размерам друг с другом, среди которых выделялось бы чисто географическое ядро (но вовсе не естественный центр), и чем дальше от этого ядра, тем «моложе» должны быть виллы, если они связаны с кланами.

Во-вторых, наличие прочной общинной организации, даже с возможными переделами земли, должно было сдерживать процесс концентрации богатства. В таких условиях у вилл замечалась бы тенденция быть просто производственными поселениями и не развиваться в богатые, благоустроенные хозяйства до тех пор, пока сохранялась община. Имея в виду эти соображения, К. Стивенс выдвинул гипотезу о том, что районы наибольшего сохранения кельтских общин в Британии в общих чертах совпадают с местами наименьшего распространения мозаичных полов на виллах, так как такие полы — очевидный признак трат «для удовольствия»⁶². Дж. Персиваль признает, что это метод «пальца в небо», но именно с его помощью можно объяснить такие явления, которые иначе не находят разумного истолкования: например, в восточной части Британии мозаики очень редки, в то время как дальше к западу они являются чуть ли не нормой для каждой виллы. Кроме того, расположение крупных вилл в IV в. явно тяготеет к западу, т. е. можно предположить, что в более восточных районах было намного меньше возможностей для организации крупных поместий. Возможно, именно учет влияния кельтской общинной организации мог бы дать всему этому приемлемое объяснение⁶³.

Изложенные гипотезы Дж. Персиваля, разумеется, уязвимы во многих отношениях и прежде всего в том, что данными средневековых кельтских источников он пользуется не из первых рук. Кроме того, развивая умозрительную теорию К. Стивенса, он делает свои выводы еще более неубедительными. Тем не менее критикующий его за это А. М. Смолл не исключает и правоты Дж. Персиваля, так как некоторые, в том числе и новые археологические факты могут быть объяснены предложенным им способом⁶⁴. В целом следует признать, что предложены очень интересные пути для изучения влияния местных социальных отношений на формы существования и распространения римских вилл в провинциях, хотя до определенных выводов, конечно, еще далеко.

Отдельная глава отведена в книге экономике провинциальной виллы. Подчеркивается связь город—вилла, объясняющаяся как чисто экономическими причинами, так и включенностью и вилл, и городов в систему Римской империи, которая создавала необходимые условия для их существ-

⁶¹ Вопрос о том, жили ли в таких поселениях колонны или «зависимые», по мнению Дж. Персиваля, может быть снят, так как римляне могли считать их колоннами, а они себя — «зависимыми». Впрочем, никакой характеристики колоннов он не дает, и остается неизвестным, откуда они взялись в Британии, была ли у них община и в чем могло заключаться ее отличие от кельтской общины описываемого типа.

⁶² *Stevens C. E. The Social and Economic Aspects of Rural Settlement.*— In: *Thomas C. Rural Settlement in Roman Britain.* L., 1966, v. 108—128.

⁶³ *Percival.* Op. cit., p. 143—144.

⁶⁴ *JRS*, 69, 1979, p. 211.

воваия (общую стабильность, пути сообщения, финансовую систему и т. п.). Связь виллы с городом была не только экономической еще и потому, что владельцами вилл, как правило, хотя бы изначально, были граждане городов, но это не столь приложимо к провинциям, как к Италии. Даже в Италии крестьяне могли, перестроив свое хозяйство, становиться хозяевами вилл. Еще больше это относится к провинциям, где общество было более аграрным, а города были таким же новшеством, как и виллы. Владельцами первых вилл были, несомненно, жившие в городах должностные лица и дельцы, но как только возникали эти основанные из городов виллы, местное население воспринимало их как пример для подражания, и в этом случае виллы могли развиваться в деревне в рамках уже существовавших хозяйств местных земледельцев. Именно они перестроили белгские хижини в Парк Стрит и Дичли в Британии и возвели бессчетные виллы небольших размеров по всем западным провинциям. В определенной степени свидетельством того же можно считать тот факт, что кое-где (например, в окрестностях Веруламния) строительство вилл, их благоустройство и развитие в конце I в. н. э. опережало развитие самого города ⁶⁵.

Тем не менее это смещение акцентов не должно заслонять основополагающего факта связи вилл как таковых с городами. Появление и распространение тех и других в определенном районе может свидетельствовать о наличии нескольких благоприятных условий: 1) достижения уровня производства излишков сельскохозяйственной продукции, 2) существования рынка для их продажи и для приобретения «удовольствий и удобств». Наличие этих условий связано с размахом романизации, так что вилла с этой точки зрения в сущности римское явление. Но, как Дж. Персиваль показал в предыдущих главах, этому римскому установлению мог быть придан местный колорит, да и успехи романизации основывались на уже достигнутых ранее успехах хозяйства. Благодаря общему усовершенствованию сельскохозяйственного инвентаря и введению некоторых новых орудий труда (железной лопаты, бороны) агротехника и системы земледелия, известные и ранее, могли теперь распространиться шире. Включение же провинции в состав империи создало многообразные стимулы для того, чтобы возможное и раньше производство сельскохозяйственных излишков осуществилось на деле. Среди этих стимулов автор называет более богатые рынки, улучшенные средства сообщения, прочную и стандартную систему денежного обращения, а также необходимость уплаты налогов. Функционирование нормальной экономики виллы Дж. Персиваль связывает преимущественно с рыночными отношениями, ее успех обеспечивался доступностью все более широких и выгодных рынков. Во-первых, при римлянах продолжали существовать местные рынки, обслуживавшие округу в 10—15 км в радиусе, причем наблюдалась тенденция к превращению этих мест в постоянные поселения, при этом образовывались новые села. Во-вторых, с подъемом больших городов можно уже говорить о рынке как об устойчивом спросе на большие массы сельскохозяйственной продукции, что изменяло весь характер существовавшей рыночной системы и давало возможность скопить владельцам вилл средства для строительства роскошных зданий. Город был жизненно необходим как место сбыта продуктов сельского хозяйства и место приобретения некоторых товаров и услуг, которые и придавали виллам свойственные им черты ⁶⁶.

Археологически связи виллы с городом столь же трудно различимы, как и связи виллы с зависимыми от нее поселениями. Связь вилл с конкретным городским центром усматривается в совпадении фаз их строительства: т. е. в одни и те же периоды наступает расцвет, затем упадок III в., возрождение IV в. и окончательное разрушение или упадок в V в. и позже. Это прослежено на примере Трира и Веруламния. Но

⁶⁵ Percival. Op. cit., p. 149.

⁶⁶ Ibid., p. 155, 159.

нигде не изучены связи города с конкретными виллами, хотя наличие таких связей настолько несомненно, что возникает вопрос, а могла ли вообще вилла существовать независимо от города и оставаться при этом villой. Это особенно интересно в свете широко распространенного мнения о стремлении villл к полной самообеспеченности в эпоху Поздней империи. Дж. Персиваль считает, что если даже и рассматривать археологические факты как свидетельства такого стремления, достичь такой независимости могли либо — путем самоограничения — мелкие хозяйства, к которым неприложим сам термин «вилла», либо крупные поместья, где были жизнеспособными собственное ремесло и промыслы. Вилла же, оставаясь villой, не могла стать автаркичной. «Обрыв товарных связей или их ослабление вели к структурным изменениям и перестройке самых глубоких основ такого рода поместий»⁶⁷. Однако Дж. Персиваль не вскрывает двойственности экономики villл, обремененной натуральной хозяйством ее хозяйства, поэтому у него и нет сопоставления хозяйства villл с другими типами поместий, в которых значительную роль играло натуральное хозяйство, чего можно было бы ожидать на основе его собственного анализа социальных отношений на villе. Получается, что влияние местных структур на систему villл сказывалось только на их расположении, архитектурном облике, но не на организации хозяйства, уровне его товарности, системе связей с рынками (местными, городскими и внешними). То есть с экономической точки зрения вилла в книге Дж. Персиваля оказывается просто пересаженной на провинциальную почву без заметных изменений.

Пожалуй, наибольшие изменения в последнее время претерпели взгляды на судьбы позднеримских villл. Не так давно считалось, что они с концом империи гибнут, разрушаются, тем самым полностью исчезая с арены истории. Действительно, археологическая картина поразительно однотипна в разных провинциях: самые верхние слои раскопанных villл относятся ко времени не позже конца IV — начала V в. Предполагается, что большинство villл было разрушено варварами (если известно, что они проходили в этих краях), а остальные были заброшены и разрушились постепенно сами. Таким образом доказывается полный дисконтинуитет, разрыв между системами землепользования, а следовательно, и земельной собственности, между античностью и средневековьем.

Что же нового появилось за последние годы? Конечно, никто не оспаривает того факта, что система римского провинциального сельского хозяйства, основывавшаяся на villaх, перестала существовать, уступив место новым отношениям. Но следует ли из этого, что позднеантичные villл не внесли ничего своего в оформление нового общественного устройства? Отнюдь. Как раз в книге Дж. Персиваля отразились различные поиски места и роли позднеримских villл в это сложное переходное время, обозначенное им в оглавлении своей монографии «IV век и позже».

Во-первых, он считает вторжения варваров фактором второстепенным по значению, а на первое место выдвигает влияние общего социально-экономического кризиса, обусловившего исчезновение системы villл как таковой, даже если и продолжали существовать отдельные из них.

Во-вторых, необходимо представить, чем были villл IV в., ведь известно, что после кризиса III в. они стали совсем не такими, как ранее. Поэтому, естественно, они изменялись и в дальнейшем. По мнению Дж. Персиваля, нужно проследить для этого возможные формы развития villл в двух характерных для описываемого периода направлениях, определенных еще А. Гренье⁶⁸, — «фортификации» и «нуклеации». Приводятся примеры укрепленных позднеантичных villл как литературные (замок Леонция у Аполлинария Сидония, Нипетия у Фортуната и др.), так и археологические (Пфальцель подле Трира, Sümeg и Keszthely-Fenék-

⁶⁷ Кузицин. Ук. соч., с. 248 сл.

⁶⁸ Grenier. Manuel..., III, p. 843, note 3.

русье в Паннонии). При этом характерно, что жизнь в этих укреплениях не обрывалась с концом античности.

Почему столь сложно найти виллы, которые могли пережить свое время и продолжать свое существование, как и эти «замки»? Ответ можно найти во второй линии развития — «нуклеации», т. е. в превращении виллы в центр деревни. Известно, что в течение первых веков средневековья именно в таком направлении изменилось само значение слова «вилла». Когда это произошло, сказать нельзя, но сама эволюция показательна. Нечто подобное происходило и с топонимами на *-apum/-acum*, которые постепенно стали относиться к большим деревням, что наблюдается уже у Григория Турского. Во время вторжений виллы, привлекаемые к себе местных крестьян и приближая собственные зависимые постройки, стали превращаться в деревни. Соответствующий социальный процесс проявлялся в тенденции развития патроната, патроциния и т. п. Предположив, что такая вилла пережила конец античности и продолжала развиваться как центр деревни, следует оценить возможность обнаружения ее археологических остатков. Шансы здесь ничтожны вследствие многократных последующих перестроек и напластования слоев, причем если ранние слои I—III вв. еще могут быть изучены, то полные раскопки, с помощью которых можно было бы открыть для исследования всю историю поселения в позднеантичное и последующее время, практически неосуществимы. Самое большее, на что можно надеяться, — это найти следы мозаики во дворе приходской церкви или римский материал при строительных работах в деревне. Такие находки очень многочисленны во всех провинциях.

Именно поэтому лучше всего исследованные позднеантичные виллы — это как раз те, которые не пережили конца античной эпохи. И не имеет смысла искать в больших и подробных, снабженных планами археологических отчетах следы и свидетельства послеримского существования вилл: само качество таких публикаций говорит о том, что эти виллы не знали дальнейшего развития, а их очень много во всех западных провинциях. Это доказывает, что очень многие римские виллы не пережили своего времени, не смогли приспособиться к новым условиям хозяйствования. Но из этого нельзя делать выводов о других поселениях, которые выжили и перестроили свое хозяйство, превратившись в деревни, став частью уже совсем другой социально-экономической системы. Связью вилл с позднейшими деревнями могут быть объяснены многие интересные явления.

Например, при изучении сельских поселений на севере Франции с помощью аэрофотосъемки выяснилось, что большинство вилл, видимых с воздуха, находятся вдали от современных поселений, и это, поскольку сейчас здесь господствуют деревни, а не фермы, на первый взгляд свидетельствует о полном дисконтинuiteте между римским и средневековым периодом. Ложность этого впечатления вскрыл Р. Агаш, показав, что многие современные деревни тоже находятся на месте вилл. Кроме того, многие виллы, расположенные вдали от них, представляли собой в действительности уже не виллы, а деревни, которые были оставлены в раннем средневековье⁶⁹.

Подобным же образом бросается в глаза и видимый разрыв между виллами и топонимами на *-apum* во многих районах, и, возможно, здесь можно предложить такое же решение. Может быть, деревни с названиями, происходящими от таких топонимов, очень многочисленные, например, на юг от Парижа (их в 20 раз больше, чем обследованных археологически вилл!) на самом деле тоже расположены на месте вилл. Более пристальный взгляд на карту подтверждает такую возможность: по дороге на юго-восток (Париж — Мелэн) встречается целый ряд поселений с такими названиями, большинство из которых находится в нескольких сотнях метров

⁶⁹ *Percival. Op. cit.*, p. 180.

от античной дороги, что было присуще виллам. Кроме того, они расположены на одинаковом расстоянии — в 1,5—2 км друг от друга, что предполагает возможную площадь поместий около 350 га ⁷⁰. Было бы слишком смелым предположением считать все эти деревни в прошлом виллами, но такое допущение может придать смысл распределению известных вилл, иначе раскопанные усадьбы оказываются разбросанными совершенно беспорядочно, без связи с сетью дорог и природными условиями местности. Можно предположить, что в ходе исторического развития виллы, расположенные вдоль больших дорог, превратились в деревни и выжили, а более удаленные были постепенно заброшены.

Похожая картина наблюдается и в части Бельгии. Здесь тоже встречается несоответствие в распространении вилл и соответствующих топонимов, причем первые сосредоточены вдоль старой римской дороги из Бавэ в Трир, а вторые — вдоль рек. Маловероятно, чтобы римляне ограничились возделыванием бедных земель и оставили нетронутыми плодородные почвы в долинах рек. Разумнее было бы считать, что топонимы в действительности соответствуют прежним виллам, и, таким образом, и речные долины, и земли вдоль сухопутных дорог были одинаково заселены. Затем дорога и виллы вдоль нее были заброшены, а возле рек они продолжали существовать и превратились в деревни, передав им свои имена ⁷¹. Это косвенно подтверждается и существованием франкских некрополей как раз вдоль рек. Более того, по меньшей мере в двух местах топоним с римским окончанием относится к центру современной коммуны, а на некотором удалении от него известны по 2—3 виллы, что может указывать на возможную концентрацию и «нуклеацию», в ходе которых центральная вилла и могла превратиться в деревню.

Конечно, подобные исследования требуют дальнейших археологических, топографических поисков, и сейчас сколько-нибудь массовое «выживание» вилл в западных провинциях не может считаться более чем гипотезой. Но предполагаемое ею направление развития гораздо лучше согласуется с изменениями социально-экономических отношений на грани античности и средневековья, чем положение о полном разрыве и абсолютном исчезновении вилл как таковых.

Дж. Персиваль приводит примеры превращения позднеантичной виллы в монастырь или другой религиозный центр ⁷².

В целом книга Дж. Персиваля по праву заняла видное место в современной литературе о виллах. На ее примере видно, сколь многочисленные важные проблемы аграрной истории римских провинций могут быть поставлены и решены на основе преимущественно археологических данных при одновременном привлечении информации иного рода. Большой интерес вызывает постоянное внимание, сосредоточенное на определении роли местных структур в процессе распространения римских форм сельского хозяйства, связанных с виллою, хотя следует отметить, что автору не всегда удается соединить и сопоставить явления этого рода в рамках отдельного региона, провинции или всей империи. Возможно, это связано с тем, что несмотря на сознательное рассмотрение римских вилл не самих по себе, а в качестве элемента всего социально-экономического строя общества ⁷³, Дж. Персиваль в сущности не определяет ни тот общественный строй, при котором возникли и развивались виллы в Италии, ни тот, который существовал в провинциях как до римского завоевания, так и в римский период. От этой неопределенности самых общих понятий зависит и недостаточность отдельных выводов (например, об экономике вилл).

Наряду с книгами, обобщающими материал многих раскопок, для создания общей картины функционирования и развития вилл в отдельных

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Percival. Op. cit., p. 182.

⁷² Ibid., p. 183—198.

⁷³ Percival. Op. cit., p. 199.

провинциях и областях Римской империи, большой интерес представляют публикации об отдельных виллах, исследованных с максимальной полнотой, которые появляются как в виде отдельных книг ⁷⁴, так и в виде статей в различных археологических журналах ⁷⁵.

Дж. Персиваль называет виллу Мон-Морен в Аквитании самой знаменитой во Франции. Действительно, внимание к ней приковано уже давно ⁷⁶. Это обусловлено как ее большими размерами, замечательным богатством убранства, так и настойчивостью Ж. Фуэ, который с 40-х годов и по сей день занимается археологическим изучением как самой виллы, так и других поселений на территории поместья. После многих лет таких исследований сложилась определенная картина, конечно, еще далекая от окончательной. В реконструируемой истории этой виллы можно увидеть многие из тех общих тенденций и явлений, о которых говорилось выше.

Вилла Мон-Морен расположена в 76 км от Тулузы и в 22 от Сен-Бертран-де-Комменж (в античности Lugdunum Convenarum) в долине верхнего течения реки Савы, обрамленной цепью лесов на холмистых возвышенностях. Систематические раскопки ведутся с 1947 г. Выявлены остатки первоначальной виллы, возникновение которой относится ко времени Клавдия — Нерона. Весь ансамбль был построен по единому замыслу, в римских традициях. Прямоугольное пространство площадью примерно 18 га (800 × 225 м), обнесенное оградой, было занято более чем 20 строениями, расположенными в определенном порядке. На меньшей стороне прямоугольника располагалось главное здание, напротив — основной въезд, от которого вела дорога к входу в это здание. Вдоль дороги, кое-где примыкая к внешней ограде, располагались небольшие постройки хозяйственного назначения самых разных размеров. Каждое строение располагало, видимо, собственными жилыми помещениями, в которых жили работники. Можно определить и хозяйственное назначение некоторых построек: возле ворот, впритык к внешней стене — загоны для скота, возле здания виллы, возможно, водонапорная башня, одно из зданий предназначалось для хранения и обработки шерсти (впрочем, ткацкие грузила найдены и в других местах), на втором этаже другого, как предполагают, были житница и сеновал ⁷⁷. Таким образом, вилла Мон-Морен представляет собой хорошо известный тип больших вилл, построенных в самом начале процесса романизации по единому римскому плану: огороженный прямоугольник с линейным расположением служебных построек внутри. Единновременное строительство таких вилл, размещение на их территории жилых построек для персонала и других строений хозяйственного назначения хорошо согласуются с характеристикой таких поместий как рабовладельческих вилл, возникших по образцу римско-италийских ⁷⁸. Их владельцами могли быть либо состоятельные выходцы из Италии, либо местные вожди, располагавшие огромными богатствами и продолжавшие наживаться на службе у римлян, представители быстро романизовавшейся племенной верхушки. Ж. Фуэ сам связывает возможность строительства богатой виллы с расцветом близлежащего Лугдуна Конвенов, где особенно многочисленны императорские посвящения именно времени

⁷⁴ Fouet G. La villa gallo-romaine de Mont-Maurin. P., 1969.

⁷⁵ Для Галлии особое значение имеет ежегодник: Gallia. Fouilles et monuments archéologiques en France métropolitaine (Paris).

⁷⁶ См., например, Белова. Рабство в римской Галлии..., с. 93—94.

⁷⁷ Fouet. La villa..., p. 31—44.

⁷⁸ На вилле Шираган открыт рабский колумбарий. Приведем некоторые другие примеры подобных вилл: вилла в Анте — около 20 сооружений в 2 линии внутри ограды, заключающей пространство в 12 га; Оберэнтфельден — около 20 сооружений в 2 линии на огороженной площади примерно 6 га; похожая планировка и у виллы Шираган, где изгородь окружает пространство величиной 16 га (Fouet. La villa..., p. 52, № 35—37). Расположение отдельных строений (всего 30) вокруг огромной виллы Сен-Ульрих позволяет предположить похожую организацию пространства (Gallia, 29, 1971, p. 22).

Клавдия ⁷⁹. Видимо, хозяйство таких больших villae приближалось по своему характеру к рабовладельческой латифундии, что подтверждается и направлением их дальнейшего развития. Так, на вилле Мон-Морен внутри ограды после II в. н. э. наблюдается полное запустение, за исключением главного здания, в то время как примерно с середины III в. на всей территории поместья появляются «хутора», явно зависимые от большой виллы. И в дальнейшем наблюдается постоянный рост богатой центральной виллы в сочетании с развитием зависимых поселений. Все это хорошо вписывается в картину развития рабовладельческой латифундии в направлении «к децентрализованной вотчине с колонатным земледелием и с постепенно сокращающимся сектором рабского труда» ⁸⁰.

Об изменениях в системе хозяйства большой виллы домена Сен-Ульрих свидетельствуют и исследования на территории этого домена, ведущиеся М. Лутцем. Он показывает эволюцию небольшой виллы (№ 6) поблизости от главной виллы, начиная с I в. н. э. Вилла № 6 возникает как небольшая, затем отстраивается, обзаводится банными помещениями, но все же размеры ее остаются скромными (20 × 18 м). Во второй половине III в. происходит глубокая перестройка: отныне здание служит лишь хозяйственным нуждам. Число помещений уменьшилось, самое большое превратилось во двор, в котором разместилась круглая печь, возле которой найдены шлаки и следы плавления стекла. В другом помещении с печью находилась кухня или кузница. Изменяется и характер керамического материала: если в I—III вв. много сигиллаты, то в IV в. ее на удивление мало. Это может свидетельствовать как о том, что такой посудой больше не пользовались, так и о том, что данная вилла перестала быть жилым зданием, превратившись в поместную мастерскую. Как кажется, вилла № 6 могла служить местом жительства поместной администрации (она расположена слишком близко к главной вилле, чтобы выполнять самостоятельную хозяйственную роль), а с изменением типа хозяйства это помещение было использовано под мастерскую.

Похожую эволюцию претерпело и строение № 32, которое, так же как и главная вилла, и вилла № 6, относится к I в. н. э. Сначала оно состояло из трех помещений, затем среднее было разделено на семь частей. После пожара III в. произошла большая перестройка. По всему зданию распространяются ремесленные орудия, особенно в центральном помещении. Вход перемещается с запада на север. Открыто несколько очагов и печей разного типа, а также приспособление для изготовления колес повозок. В боковом помещении могло находиться жилище, ибо там найдены фрагменты гипсокауста. Среди керамического материала IV в. встречается и сигиллата.

Очевидно, и это сооружение не было сначала предназначено для ремесленных работ, и лишь в III в. превратилось в мастерскую или даже придорожную станцию ⁸¹ на территории поместья. Таким образом, археологически засвидетельствованная переориентация хозяйственной направленности отдельных элементов большого поместья Сен-Ульрих ⁸², возникшего в I в., может, как представляется, говорить об общем изменении типа хозяйства.

Вернемся к вилле Мон-Морен, где описанные изменения привели к полному запустению прежней villa rustica, но при этом после некоторого запустения в конце III в. главная вилла в IV в. в несколько приемов украшается и в ходе общей реконструкции около середины века превращается в роскошный дворцово-парковый ансамбль. Однако уже во второй половине столетия наблюдаются признаки упадка, и грандиозный пожар

⁷⁹ Fouet. La villa..., p. 306—308.

⁸⁰ Кузищин. Ук. соч., с. 250.

⁸¹ Grenier. Manuel..., II, p. 209.

⁸² Lutz M. Le domaine gallo-romain de Saint-Ulrich (Moselle) II.— Gallia, 30, 3, 1972, p. 41—71.

на рубеже IV и V вв. застаёт ее уже в полуопустевшем состоянии. Но, видимо, и после этого часть помещений еще использовалась, хотя не может быть и речи о каком-либо восстановлении: практически нет материала, датируемого V веком. Но это вовсе не означало исчезновения всего поместья: поселения, рассеянные по его территории, продолжали существовать и, возможно, сохранялись их подчинение одному центру, который был теперь перенесен с виллы в другое место (возможно, Сен-Плакар, игравший эту роль в средние века).

Несмотря на большой объем раскопок, в основном пока исследовалась лишь жилая часть большой виллы. Хозяйственные помещения, которые могли находиться в отдаленных ее частях, практически неизвестны, поэтому очень мало можно сказать о хозяйственной деятельности на большой вилле, тем более что остатки *villa rustica* I—II вв. сильно повреждены, а поселения на территории поместья, существовавшие в III—V вв., практически не раскопаны. Отдельные находки, свидетельствующие о функционировании самых необходимых ремесел (кузнечного, ткацкого и др.), не дают возможности составить общую картину. Интересно, что среди черепицы IV в. встречается примерно 40 экземпляров с клеймом LTA. Эти же буквы встречаются на граффити на горле амфоры и на маленьком кувшине и больше нигде не засвидетельствованы⁸³, возможно, это инициалы владельца виллы или местного гончара.

На основе изучения мон-моренской виллы и ее территории Ж. Фуэ составил очерк развития римской виллы на юге Галлии. Вилла расположена в местности, которая до 1267 г. в средневековых документах называлась Небузан, и это имя, как считают, происходит от римского названия фундуса по имени владельца: Непот или Неподий⁸⁴. Это сравнительно небольшая местность вдоль течения Савы, всего примерно 10 × 7 км, две трети которых заняты лесами. То есть из 7—8 тыс. га 2—3 тыс. га могли использоваться для сельского хозяйства, в особенности как кормовые луга. В этом отрезке долины Савы заметны два расширения. В большем расположена большая вилла, обеспечивавшая возделывание примерно 1 тыс. га земель, расположенных вокруг нее. Богатый облик виллы предполагает наличие других земель. Так, меньшая часть долины, примерно 400 га, обработка которой осуществлялась силами двух вилл, расположенных по разные стороны реки, вероятно, также зависела от большой виллы Мон-Морен. К ведению одной из этих двух вилл (Вилль-Руж или Мансан — от *Mancianum*) относились примерно 250 га на левом берегу, вторая же вилла, Эс-Кабирос, возникшая только в IV в., возделывала сотню гектаров на правом. Должны были существовать и другие вспомогательные хозяйства на территории домена, названия которых сохранились в современных топонимах. Наконец, на окраинах Небузана, на лесистых возвышенностях располагались деревни местных жителей с большими домами из утрамбованной земли⁸⁵. В организации территории имени большую роль играли древние дороги, усовершенствованные в римское время.

Долина Савы вокруг виллы Мон-Морен была, видимо, центром пага на территории конвеннов. То, что одно название относилось и к пагу в целом, и к его центральной части, может объясняться ролью, которую играл в паге владелец большой виллы в позднеантичное время. Ж. Фуэ предполагает, что он мог тогда быть магистром пага⁸⁶. Действительно, во время наивысшего расцвета виллы (около 330 г.) был отстроен и комплекс вокруг

⁸³ Fouet. *La villa...*, p. 137—139.

⁸⁴ Интересно, что Авзоний упоминает грамматика и ритора из Бордо Неподциана, бывшего наместником, отличавшегося гостеприимством (*Commemoratio professorum Burdigalensium*, 15).

⁸⁵ Fouet. *La villa...*, p. 289—292.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 296.

святилища Ла-Иллер, также исследованный Ж. Фуэ⁸⁷. Он находился примерно в 1 км вниз по реке от виллы. На площади 110 × 60 м находились по меньшей мере три здания. Одно, тесно связанное с культом источника и расположенное непосредственно возле него, имело и жилые помещения. Другое, небольшое строение шестиугольной в плане формы, было храмом. Наибольший интерес представляет третье здание, определяемое Ж. Фуэ как «крытый рынок», должно быть, служивший в то же время и постоянным двором, где многочисленные путешественники (вблизи проходила дорога из Тулузы в Испанию), покупатели и продавцы оставили множество следов своих трапез. В верхних слоях у очагов обнаружены наряду с оброненными ножами и черепками сосудов местного производства кости домашних животных. Автор делает вывод, что на рынке продавались в основном сельскохозяйственные продукты⁸⁸.

Весь комплекс Ла-Иллер датируется IV в. Большое здание вокруг источника и шестиугольный храм, вероятно, были построены хозяином виллы Мон-Морен в период наивысшего расцвета, о чем свидетельствует и отделка помещений комплекса сен-беатским мрамором, как и на вилле⁸⁹. В середине века комплекс, как и вилла, пострадал от пожара и наводнения, затем последовало восстановление и общая перестройка, в ходе которой и было построено здание рынка. Если на вилле жизнь прекращается задолго до конца IV в., то в Ла-Иллере она продолжается, о чем свидетельствуют находки некоторых типов местной керамики второй половины IV в., полностью отсутствующих на вилле. Впрочем, это может говорить и о различной социальной принадлежности обитателей виллы и посетителей комплекса.

Таким образом, строительство комплекса Ла-Иллер возле древнего почитаемого источника, где, вероятно, также с давних времен существовал и местный рынок, осуществлялось владельцем большой виллы, на территории которой и находился источник. Известно, что строительство общественных зданий различного назначения входило в задачу латифундиста, поскольку в сферу его хозяйства оказывалось втянуто разнообразное население. Такое строительство «легко использовалось землевладельцем для экономического и политического давления на местных жителей»⁹⁰.

В заключение Ж. Фуэ рассматривает исторические этапы освоения земель в паге Небузан и роль римской виллы в этом процессе. Паг был заселен в эпоху галльской независимости. К этому времени относятся несколько оппидумов на возвышенных местах, а также находки итальянских амфор I в. до н. э. вдоль Савы. Римская колонизация началась строительством виллы Мон-Морен, на основе которой и развернулось дальнейшее освоение всей долины Савы посредством создания дочерних вилл и затем окончательного перехода к раздробленному между многими вспомогательными и зависимыми хозяйствами землепользованию. Однако в римское время была освоена не вся территория пага: если на востоке его, вблизи виллы, множество топонимов римского происхождения, то в западной части их почти нет. Здесь, напротив, названия типа Вильнев, Вранквель свидетельствуют о том, что освоение этих земель было связано с возникновением новых деревень в раннем средневековье. Так же отсутствуют римские топонимы на пограничных высотах пага, где сохранились местные жилища⁹¹.

Вилла в Мон-Морене, принадлежавшая к типу вилл, построенных по единому замыслу еще в I в. н. э., имеет в Аквитании и Новемпопулании аналогии по своим размерам, достигнутым в IV в. Однако исходные

⁸⁷ Fouet G. Le sanctuaire] des] eaux de «La Hillère» à Mont-Maurin.— Gallia, 30, 1, 1972, p. 83—123.

⁸⁸ Ibid., p. 101.

⁸⁹ Ibid., p. 103.

⁹⁰ Кузищин. Ук. соч., с. 239 сл.

⁹¹ Fouet. La villa..., p. 303.

пункты развития этих вилл могли быть совершенно другими. Для примера сошлемся на виллу Лалонкет, расположенную на почти одинаковом расстоянии от городов Ош, Дакс, Оза, раскопки которой еще далеки от завершения⁹². У начала ее истории, возможно, было поселение, служившее пристанищем для путешественников. Пока раскопки затронули только центральную часть *villa urbana*, и архитектурные остатки (проследиваются дальше во все стороны. Сохранность верхних слоев, соответствующих вилле IV в., позволяет уже сейчас представить себе характер этого сооружения, напоминающего виллу Мон-Морене. Однако есть и заметные отличия в планах этих вилл. В Мон-Морен симметричный регулярный характер застройки свидетельствует о строительстве по единому замыслу, без учета какой-либо предшествующей застройки. Вилла Лалонкет построена совершенно иначе: взято в расчет наличие предшествующих отдельно стоящих строений, которые искусно включены в структуру оформившейся виллы. Под виллой IV в. сейчас различимы два отдельных больших комплекса, каждый из которых неоднократно перестраивался. Характер строительных материалов, исследование мест сочленения стен и в особенности анализ уровней высоты полов и оснований стен позволили авторам публикации составить четыре приблизительных плана, соответствующих различным стадиям развития застройки.

Самые первые здания датируются I в. н. э., но последующие перестройки настолько стерли их следы, что восстановить их облик и определить назначение едва удастся. Вероятно, это была центральная часть поселения типа придорожного села с площадью и постройками вокруг нее, среди которых выделялось здание типа базилики (рынок?) с гипокаустом в одном из помещений. Это основательное здание в общих чертах сохранилось при всех перестройках. К юго-западу и к югу от площади были построены в конце I — начале II в. купальни, отапливаемые части которых сохранились затем вплоть до V в. Находки, датирующие эти первые сооружения, относятся ко времени Флавиев, причем их характер (бронзовый светильник, фрагменты мраморных украшений) подтверждает, что здесь были не просто сельскохозяйственные постройки, перестроенные позднее в господские покои виллы, но с самого начала располагалась «богатая полугородская агломерация, оснащенная отапливаемыми зданиями, канализацией, термами и, возможно, базиликой»⁹³. Во II в. эти строения сменяются большой виллой, причем характер этого перехода неясен. Она представляла собой компактный архитектурный комплекс с центральным двором на месте бывшей площади. Появляются парадные помещения, перестраиваются купальни, многие комнаты теперь отапливаются. Стены становятся толще, появляются кирпичные колонны. Эта вилла просуществовала в течение двух веков, неоднократно сгорала и перестраивалась. Размеры ее были весьма велики, так как границы здания находились за пределами уже раскопанной площади (1 га). В конце III в. вилла была практически разрушена, но затем отстроена с еще большей роскошью. Здесь встречается, как и в Мон-Морене, сен-беатский мрамор, заменивший расписную штукатурку предшествующего периода. Почти все помещения, даже второстепенные по виду, отапливаются. Полы покрываются мозаиками, которые переделываются в начале V в. Судя по количеству найденных монет, апогей развития виллы приходится на 340—360 гг. Среди найденных предметов роскоши выделяются бронзовые изделия с эмалью, жемчуг, пластины слоновой кости, перстень с резной каменной печаткой. Последний период существования виллы охватывает конец IV — начало V в. Материал этого времени сильно пострадал от глубокой вспашки. Создается впечатление, что изменилось хозяйственное назначение некоторых по-

⁹² *Lauffray J., Schreyek J., Dupré N.* Les établissements et les villas gallo-romaines de Lalouquette. — *Gallia*, 31, 1, 1973, p. 123—156.

⁹³ *Ibid.*, p. 136—137.

мещений. Появляются новые мозаики, в том числе в виде ковра из крестов. Среди находок встречается вестготская керамика, что заставляет авторов предположить возможное пребывание на вилле короля вестготов или одного из его приближенных во время весьма вероятного местонахождения резиденции в Эр-сюр-Адур⁹⁴. Если же, согласно этой гипотезе, вилла пережила V век, то окончательное ее разрушение может быть связано с вторжением франков в начале VI в., после чего существование виллы прекращается, что не означает полного запустения, так как на этом месте с VI в., возможно, существовала часовня, ибо вскрыты захоронения.

История виллы Лалонкет свидетельствует о том, что судьбы больших вилл в позднеантичное время были сходными, с какого бы пункта ни началось их развитие: на голом месте или на месте прежнего поселения.

Вообще же, как показывает материал, приведенный выше, главным образом археологический, в истории римских вилл в западных провинциях действительно можно найти немало общих черт, что, конечно, не означает полного сходства. Распространение вилл как часть общего процесса социально-экономической романизации подчинялось его закономерностям: прежде всего виллы возникали в тех областях, которые всем ходом предыдущего развития были уже подготовлены к этому, где формы земельных отношений создавали предпосылки для внедрения римских форм сельского хозяйства. Здесь же быстрее оформлялись и городские общины, в результате чего росло могущество местных землевладельцев, игравших первую роль в городах. Именно с их деятельностью было связано, как представляется, строительство роскошных усадеб I в. н. э. и распространение рабовладельческих латифундий, которые оказались особенно недолговечными именно в провинциях.

В более отсталых областях виллы возникали медленнее, а местные социально-экономические отношения оказывали большее влияние на формы их развития: размеры, характер застройки, даже, возможно, и на расположение их на местности, не говоря уже об организации хозяйства и формах эксплуатации рабочей силы.

Однако, как бы ни возникали виллы в разных областях, у них было общее: в их рамках осуществлялся синтез античной, рабовладельческой, и неантичных структур, в результате которого происходил дальнейший прогресс в социально-экономических отношениях, ведущий в сторону все большей и большей феодализации сельского хозяйства. Влияние античного уклада ускорило этот процесс, и в конце концов позднеантичные виллы, сыграв свою роль, должны были сойти со сцены: многие из них исчезли с лица земли от разрушений или заброшенности, а другие, которых тоже было немало, сумели перестроить свое хозяйство и превратились в центры деревень.

Е. В. Ляпустина

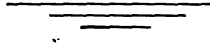
VILLAS IN THE WESTERN PROVINCES OF THE ROMAN EMPIRE

Ye. V. Lyapustina

The author considers in particular the history of villas in Gaul, Spain, Britain and parts of North Africa, since each of these regions had arrived at approximately the same level of development just prior to conquest by the Romans. Special attention is paid to the archaeological evidence and its interpretation in recent historical works: Gorges J.-G. Les villas hispano-romaines. Inventaire et problématique archéologique. P., 1979; Percival J. Roman villa. An historical introduction. L., 1976. The author regards the history of villas as part of the process of social and economic Romanisation in the provinces. In the course of that process two types of social organisation met and coales-

⁹⁴ Ibid., p. 153.

ced, classical slave society and local, non-classical social structures, influencing the forms in which villas developed and functioned in various districts, their size, architectural features and even their placement in the locality, not to mention their economic organisation and methods of exploiting labour. For instance, it was the influence of local social relations that put a speedy end to the slave-worked latifundia of the 1st century A. D. and transformed them into the decentralised latifundia of the colonate — a type of development of which the history of the villa at Mont-Mauren provides a good example. On the other hand, the influence of classical ancient social relations hastened the feudalisation of the agrarian economy with the result that many late classical-type villas in the provinces disappeared, while many others succeeded in reorganising their farming methods and became village centres.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДВЕ НОВЫЕ КНИГИ О КУМРАНЕ

И. Д. АМУСИН. Кумранская община. Институт востоковедения АН СССР. М., 1983, 328 с., 1 рис.

Рецензируемая книга представляет собой значительное событие как для кумрановедов, так и для широких читательских кругов *. И. Д. Амусин был известен как автор целого ряда исследований, посвященных рукописям, открытым в 1947 г. в пещерах на побережье Мертвого моря. Со времени двух изданий его книги «Рукописи Мертвого моря» (М., 1960, 1961 гг.) прошло столько времени, что выросли новые поколения читателей. Настоящая книга написана с той тщательностью, которой отличаются все работы автора. Это своего рода энциклопедия кумрановедения — отрасли науки, получившей название от развалин в Хирбет-Кумране (араб.) поселения общины, создавшей библиотеку, остатки которой издаются и исследуются в течение почти сотера лет. Монография состоит из шести глав (с. 5—225), примечаний к ним (с. 226—268), обширной библиографии, включающей основные работы зарубежных специалистов и почти все советские очерки и исследования (с. 276—308), и указателей источников (с. 309—327). Краткое вступление «От автора» (с. 3—4) объясняет цели и задачи его труда.

Отдельные главы излагают историю открытия (с. 3—17), археологические исследования в районе Хирбет-Кумрана (с. 18—29), описывают «Библиотеку кумранской общины», анализируя входящие в ее состав произведения (с. 30—90), их содержание, время и обстоятельства их создания и переписки. Очень полезны для широкого круга читателей сведения о серийном издании полного свода всех открытых в пещерах памятников. Принадлежность кумранской общины к ессеям исследуется в V главе — «К отождествлению кумранской общины...» (с. 187—204). В заключение автор рассматривает отношение кумранской общины к раннему христианству (с. 202—225), призывая в эссеистике посредническую роль между христианством и иудаизмом: «...у ессеев, несмотря на их замкнутость и эзотерический характер их учения, отмечаются явные тенденции дальнейшего развития универсалистских идей: достаточно напомнить о кумранской книге Тайн». (с. 225). «В кумранской идеологии впервые пробилась себе место идея замены избранничества целого этноса избранничеством индивидуальным» (с. 225). Автор соглашается с тезисом Ренана: «христианство — преуспевшее эссеиство» (там же). Центральной частью книги и по объему, и по содержанию является IV глава — «Кумранская община» (с. 91—186). Начиная с описания хозяйственного уклада, производственной деятельности, с особым вниманием к работе в скриптории, т. е. к изготовлению рукописей, автор последовательно изучает вопросы правил общежития, прав и обязанностей членов общины, приема новых членов, административного устройства и организации коллектива в целом. Только после этого автор переходит к идеологии общины кумранитов, выделившейся из среды иудеев в особую замкнутую группу. По подсчетам разных специалистов, число обитателей поселения (современный Хирбет-Кумран) и его окрестностей не превышало 150—400 человек (с. 95). И. Д. Амусин тщательно исследует все самоназвания сектантов, так как они раскрывают с разных сторон характер противопоставления ими себя остальному миру

* Рецензия на последнюю книгу И. Д. Амусина была написана незадолго до кончины автора, но ей не суждено было появиться при его жизни. Надеемся, что она хотя бы частично выразит наше глубокое уважение к научной деятельности, личности автора «Кумранской общины» и к тому обширному вкладу, который он внес в советское и зарубежное кумрановедение. Его талант, трудолюбие и эрудиция будут ощущаться в этой области знания еще многие годы. Последняя его книга дает наглядное представление о величине утраты, понесенной советской наукой.

(с. 106—118). Подробно разбирается термин *peṭī* (ед. ч.) или *peṭā'im* (мн. ч.) — «простак» или «несовершеннолетний». (В арабском языке производные того же корня обозначают молодых людей обоего пола.) Изучению этого термина автор посвятил статью еще в 1960 г. Следующие разделы главы трактуют ессеико-кумранский календарь, вопросы ритуала, культа (с особым интересом к спору о возможности наличия кровавых жертвоприношений в кумранской среде и об отношении к храмовой службе вообще, к обрядам омовений и общих трапез). Отдельный раздел отведен семье и браку среди ессеев (с. 148—151); источниками для него служат Дамасский документ и свидетельства Филона и Иосифа Флавия. Во всяком случае, кумранское поселение предназначалось лишь для мужчин-аскетов.

Согласно концепции автора, главное место в идеологии кумранитов занимает эсхатология, учение о судьбах мира «в конце дней», о будущем грешников и праведников, «сынов света и сынов тьмы». «Дуалистические, эсхатологические и мессианские воззрения являются характерной и определяющей чертой кумранской общины» (с. 167). Всякий раз, когда в тексте источника появляются слова *māšī'aḥ*, *m'šīṭēyū* (букв.: «помазанник, помазанники»), автор, как правило, использует греческую передачу, в русской графике «мессия», «мессии» (в греческом переводе в Евангелиях «Христос» применительно к Иисусу из Назарета). В развитии раннехристианской и позднееврейской эсхатологии образ мессии носит трансцендентный характер. Естественно, читатель невольно воспринимает выражение «мессия», особенно «Мессия», в его мистическомифологическом аспекте, хотя бы речь шла о царе или жреце (царях или жрецах) реального мира в настоящем (для членов общины) или в прошлом, когда и цари, и жрецы были «законными». В условиях узурпации обоих санов Хасмонеев и их преемниками во время управления римских властей слова «царь» и «первосвященник» маскировались термином «помазанник». Эсхатология — та черта иудейского монотеизма, которая особенно успешно и последовательно развивалась в столетия, предшествующие и следующие за началом нашей эры. Однако эта сторона идеологии причудливо сочеталась с пламенным желанием изменения существующего мира в самом скором времени. (По нашему мнению, против этого предостерегает 1QpHabVII, 3—14). Что дело обстоит действительно так, доказывают, по мнению И. Д. Амусина, войны-восстания 66—70, 134—135 гг., которые вряд ли заняли бы место в истории без упорной идейной подготовки — того направления, какое характерно для кумранской литературы.

За 20 лет произошла эволюция во взглядах автора на личность Учителя праведности. Иногда автор употребляет сокращение «Учитель», что придает есевдониму опять-таки легкую «эсхатологическую» окраску, тогда как источники всегда употребляют прозвище с дополнением или определением *sedeq*. В прежних трудах И. Д. Амусина — это «центральная и наиболее значимая мессианская и эсхатологическая фигура» (Тексты Кумрана. Вып. I. М., 1971, с. 161, прим. 12). В настоящей книге его характеристика более узка: «Таким посредником (между пророками и обычными людьми. — К. С.), по-видимому, мыслился и кумранский Учитель праведности, который непосредственно из уст Бога узнавал все тайны прошлого и будущего и указывал путь, по которому следовало идти» (с. 162). Однако ниже автор анализирует тексты, упоминающие Учителя праведности (с. 168—172), таким образом, что может сохранилось впечатление о существовании его культа в общине (с. 172 сл.). Возражения против этой точки зрения заинтересованный читатель найдет в нашей книге «Памятники кумранской литературы» (М.—Л., 1972). Здесь отмечу только, что слово «благодарить» применительно к Учителю праведности неправомерно, так как в оригинале источников нет для него эквивалента, оно заимствовано автором из христианской литературы. Соответствие этому термину автор находит в слове *ḥesed* (с. 159), которое и в Библии, и в кумранских свитках значит «доброта», «снисхождение», «милость» и одинаково является свойством и Бога, и людей (ср. Амос 4: 6, Руфь 1: 8). Совершенно справедливо предположение автора о том, что Учитель праведности мог быть создателем жавра *пешер* — «толкование» (у И. Д. Амусина — «комментарий»). От себя скажем, что, возможно, именно на это намекает 1QpHabVII, 3—4 словами «из уст (букв. „рта“) Бога», так как «уста» («рот») переносно обозначают речь. Многообразие мнений по поводу отождествления Учителя праведности с историческими или легендарными лицами автор рассматривает на с. 177 сл., но сам ни к одному из них не присоединяется, счи-

тая материал для решения этого вопроса слишком недостаточным (с. 186). Невозможность выявить других действующих лиц, скрытых под прозвищами-псевдонимами, затрудняет или делает невозможным определить точно время и место их деятельности. Единственную дату, приведенную в самих документах (CD I — 390 лет спустя взятия Иерусалима Навуходоносором), очень многие исследователи на основе слов Иезекииля 4 : 5 считают условной или символической. И. Д. Амусян, по-видимому, согласен с ними, хотя вполне определенно на этот счет не высказывается (с. 179—180). Как правило, он очень осторожен в выводах и предпочитает оставлять открытыми многие спорные вопросы, считая, что время ответа на них до публикации или открытия новых источников сведений еще не настало. В то же время автор выделяет группу толкований (*пешарим*), где содержатся упоминания реальных исторических лиц, время жизни и правления которых точно известно (сирийского царя Деметрия Эвкера, Хасмонеев Александра Янная и его вдовы Александры Саломей), и указан период до захвата римлянами (киттиями) Иерусалима в 64 г. до н. э., т. е. документы, охватывающие события примерно за 30 лет (90—64 гг.). Этим документам посвящено несколько специальных работ автора, на которые он ссылается (с. 180). К сожалению, в монографии в качестве специального раздела не вошла его работа 1982 г. с анализом этих документов и фактов, в них освещаемых, хотя она и включена в библиографию (с. 277): «Отражение исторических событий I в. до н. э. в кумранских комментариях (4Q 161, 4Q 169, 4Q 166)»¹. Статья заканчивается таблицей раскрытия символических обозначений комментария на Наума (4Q 169), включающей 22 названия. Сильно поврежденные фрагменты ничего не могут дать истории своего времени, они сами могли быть расшифрованы благодаря подлинным историческим источникам — сочинениям Иосифа Флавия. Ценность их в том, что они дают опорные пункты для установления времени возникновения некоторых памятников, в первую очередь типа *пешер*. Упоминание Деметрия Эвкера еще раз показывает, что зашифрованные имена появляются лишь в тех случаях, когда их носители сошли со сцены истории и не могли оказать влияние на существование кумранской общины. Учитель праведности ни в одном из анализируемых в этой статье трех текстов не упомянут, но тексты сильно разрушены, до нас дошли очень небольшие фрагменты, и о том, что в них содержалось в их полном виде, можно только гадать. Непонятно в то же время, почему в связи с этими документами автор датирует Дамасский документ (CD) уже без всякого колебания I в. до н. э. (с. 180, ср. с. 71—73), тогда как Дамасский документ, хотя в ряде случаев и показывает общий с *пешарим* метод толкования Библии, но представляет собой другую стадию развития этой системы, явно более раннюю. По композиции и содержанию CD — толкование (комментарий), а регламент в соединении с дидактическим очерком истории общества сынов Садока. Последний вид сочинения не имеет пока параллели среди свитков кумранской библиотеки.

К числу немногих недостатков этой весьма нужной книги относится, по всей видимости, не зависящая от воли автора транскрипция слов еврейского языка латиницей без диакритических знаков. Не знающему язык подлинника она бесполезна. Прозвища и необходимые термины можно было бы в этом случае передавать просто русским алфавитом, как, например, автор и поступает с терминами «пешер», «пешарим». Знающему язык и желающему понять характерное выражение или спорный текст лучше привлечь в помощь себе издания оригиналов или такие своды переводов с комментариями, где господствует система транскрипции с диакритическими знаками.

В заключение можно отметить, что появление превосходной монографии И. Д. Амусяна не только не устраняет, но, напротив, вызывает потребность публикации переводов не только фрагментов толкований (Тексты Кумрана, вып. 1), но и остальных сочинений. Русский читатель должен, наконец, иметь возможность судить об опорных произведениях кумранской общины не только по цитатам и истолкованиям исследователей, но и по полным переводам на родной язык. Такой свод переводов давно подготовлен, но все еще дожидается издания.

¹ Oikoumene, 3, Budapest, 1982, p. 231—253.

EUGEN VERBER. *Kumransky ħrukopisi iz perċina kraj Mrtvog mora. Drogo izdanje.* Beograd, 1983 (ЭУГЕН ВЕРБЕР. *Кумранские рукописи из пещер Мертвого моря.* Предисловие д-ра Бранко Бошняка. 2-е изд. Белград, 1983, 400 + 4 с., 4 фототаблицы)

Книга Э. Вербера содержит свод переводов основных сочинений: «Устав», дополнения к нему — «Две колонки» и «Благословения», «Война сынов Света...», Благодарственные Гимны, Толкование на книгу пророка Хабакука (Аввакума, 1QpHab) и Апокриф по книге Бытия, переведенный с арамейского языка. Сербское заглавие «Apokrifni svitak Postanka» кажется более удачным, чем принятое на основе интернационального Genesis Αποκρυφον русское «Апокриф книги (или: на книгу) Бытия». В сборник включены также тексты из 4-й пещеры: Толкования на книги пророков Наума, Осию, на 37-й псалом, Мидраш Мельхиседека, Флорилегиум и небольшой, но важный по содержанию отрывок из 1-й пещеры — книга Тайн (1Q Myst). Полностью переведен также так называемый Дамасский документ (CD), озаглавленный «Novi Savez u zemlji Damaska» («Новый Союз в земле Дамаска»). Каждому переводу предпославо заглавие и знака сочинения с указанием первых изданий оригинала. В конце переводов помещены примечания, в сжатой форме разъясняющие специальные термины, малопонятные места и указывающие, если нужно, специальную литературу по вопросу. Приложением к переводам и комментариям является глоссарий имен и терминов древнееврейского языка, необходимый для понимания источников (с. 373—383). Словарь очень полезен для неспециалистов как дополнение к комментарию, но в ряде случаев интересен и для филологов и историков, например, статья Cadok (Садок, Цадок), kniga Jubileja (кн. Юбилеев) и др. Помещены также списки обозначений ветхозаветных источников (с. 391—393), принятых сокращений (с. 395—396) и библиография обзорно-рекомендательного характера (с. 397—401). Послесловие Э. Вербера (с. 385—390) заменяет предисловие в собственном смысле слова. Автор говорит о значении открытия свитков и особенностях дискуссий, связанных с объяснениями содержания и происхождения новых источников, останавливается на важности свитков для изучения древнееврейского и арамейского языков и письменности, для истории иудаизма как религии и для истории еврейского народа. Он подчеркивает, что в их свете яснее наше представление о той среде, в которой возникло и развивалось христианство. Автор выражает сожаление по поводу того, что не смог использовать открытый позднее других рукописей «Свиток Храма» (11Q Temple Scroll), так как он был издан к 1977 г., незадолго до завершения его труда.

В заключение автор объясняет принципы, положенные в основу перевода и комментария, а также систему транскрипции и передачи собственных имен и топонимии. Для них автор использует в основном формы, сложившиеся в сербской письменности под влиянием Вульгаты и Септуагинты (Mojsije вместо Моше и т. п.). Иногда сербская форма приводится в скобках рядом с древнееврейской: Nabakuk (Avvakum). Транскрипцию автор установил, исходя из особенностей живой речи в Палестине того времени, где разговорным языком был арамейский, в котором ослаблены гортанные и фарингальные согласные и преобладают краткие гласные звуки. Для передачи некоторых слов оригинала автор употребляет латиницу без диакритических знаков, так что h служит для обозначения не только he и het, но и для kaf без дагеша. Удвоение согласных он опускает, хотя от наличия его, как правило, зависит сохранение краткости предшествующей гласной (см. с. 390 — m'gilā — свиток). Можно согласиться с тем, что апостроф (') точнее передает ш'eva mobile, чем обычное e, но чрезмерное упрощение алфавитных знаков может помешать читателю ориентироваться в случае надобности в словаре древнееврейского или арамейского языков (см. выше). Для перевода и комментария автор учел все специальные исследования за последние 10 лет (естественно, и многие более ранние), но перевод и объяснения к нему вполне самостоятельны. В спорных случаях он указывает и противоположные мнения и отсылает читателя к соответствующей литературе (с. 390).

Очень интересно предисловие Бранко Бошняка, озаглавленное «Идея кумранских текстов». Вместо обычного введения к такого рода трудам, с изложением истории открытия и исследования свитков, археологических и исторических данных, описаний организации и жизни общины и т. п., автор останавливает внимание на исходных пунктах кумранской идеологии¹.

Автор выделяет идею теоцентризма как господствующую в монотеистическом иудаизме всех направлений: в Ветхом Завете, в сочинениях ессейского общества и в специфически кумранских произведениях, а также в новозаветном каноне. На конкретном материале текстов он проследживает развитие этой идеи и приложение ее к основным идейным течениям важнейших писаний всех трех религиозно-литературных группировок. Он отмечает их сходство и расхождения, отличительные особенности в понимании и осуществлении Моисеева закона применительно к идеальному общественному устройству. В результате такого анализа идейной сущности кумранско-ессейской общины особенно рельефно выделяются как ее самобытность, так и коренная связь с иудейским обществом своего времени. Проявлением теоцентризма идеи является учение о союзе (savez) Бога с народом, правильное соблюдение его обуславливает весь ход истории по представлениям Библии и в кумранской письменности и в Новом Завете христианства (с. 8—9). Секта кумранцев отделяется от остальных иудеев для правильного исполнения Завета, данного Богом Моисею (с. 10). Целиком на основе мозаизма кумранская секта организовала свою жизнь в общине и сообща (с. 8—9, 27). Теологическая основа идеологов Кумрана — учение о двух духах (с. 24), имеющее параллели в Евангелиях. Однако как бы близко ни соприкасались идеи кумранской литературы с новозаветной, нет оснований, по мнению Б. Бошняка, видеть параллель: Христос — Учитель праведности в духе А. Дюпон-Соммера (с. 25). Учитель праведности в его трактовке — основатель и организатор общины, создатель жанра толкований к Библии, сам много написавший (с. 9). Он учил, что нужно делать и как надо верить, на каждую новую ситуацию он дает толкование, извлекая его из книги пророка (в данном примере — Аввакума, с. 15). Время его деятельности — первая половина I в. до н. э. На основе согласования упоминаний об Учителе праведности в Толковании на Аввакума (1QpHab) и в Дамасском документе автор датирует уход в Дамаск предположительно около 90 г. до н. э. (с. 16). За несколько десятилетий до этого Учитель праведности был изгнан из клира иерусалимского храма, священником которого состоял (с. 16). Название народа «киттии» относится только к римлянам. В раннехристианской литературе они признаны «поборником сатаны», у кумранцев к ним такое же отношение (с. 13, прим. 1). На с. 13—26 Б. Бошняк в сжатом виде рассматривает факты и мысли главных дошедших до нас кумранских памятников, неизменно сопоставляя их с выражением идей теоцентризма в Ветхом и Новом Завете.

В заключение, сравнивая общепринятые и идеалы кумранской и раннехристианской общин, автор считает их выражением народной религии. Христианство преобразовало мозаизм и национализм иудаизма в интернациональную религию, и уже это, по мнению Б. Бошняка, было революционным актом (курсив, с. 28). Кумранцы остались в сфере (okviru) древнееврейской эсхатологии, тогда как христианство пошло далее и создало универсализм, космическую эсхатологию (с. 28).

Следует отметить отличное оформление книги, превосходную бумагу, шрифт и фотоснимки, представляющие внешний вид пещер и свитков и процесс их реставрации и изучения.

К. Б. Старкова

¹ В случае надобности сербский читатель имеет возможность обратиться к более ранней монографии Э. Вербера «Krišćanstvo prije Krista?» (Христианство до Христа?). Zagreb, 1972, 238 с. В этой книге основную часть занимает очерк истории рукописей и устройства кумранской общины; переведены лишь три памятника: «Война сынов Света», «Устав» и «Устав всего общества Израиля в конечные дни» (иначе известный как «Две колонки»).

ДВА САБЕЙСКИХ СЛОВАРЯ

(*J. C. BIELLA. Dictionary of Old South Arabic, Sabaean Dialect.* — Harvard Semitic Studies, 25. Harvard, 1982, XIII—561; *A. F. L. BEESTON, M. A. GHUL, W. W. MULLER, J. RYCKMANS. Dictionnaire Sabéen.* Louvain-la-Neuve-Beyrouth, 1982, XLI—172—IV)

Изучение древней Южной Аравии продолжается уже почти полтора столетия; число опубликованных южноаравийских надписей превысило 6 000, среди них много значительных текстов разнообразного содержания — политического, юридического, религиозного и даже бытового. Но до самого последнего времени отсутствовали какие-либо словари южноаравийского эпиграфического языка или отдельных его диалектов. Единственный словарь, приложенный к хрестоматии К. Конти Россини¹, совершенно устарел, ибо появилось огромное число новых текстов и намечался прогресс в их интерпретации. Не могут заменить словари и глоссарии к отдельным публикациям, даже таким крупным, как издание надписей, обнаруженных при раскопках Марибского храма², из-за однотипности публикуемых надписей и однообразия их лексики.

Потребность в словаре южноаравийского языка ощущается очень давно, особенно на фоне существования удовлетворительных справочных изданий другого характера: грамматики³, сводных изданий текстов⁴, указателей собственных имен и надписей⁵ и библиографии⁶. Именно отсутствие словаря больше всего повинно в превращении сабейстики в «замкнутую» науку, результаты которой остаются труднодоступными ученым смежных, даже близких, областей, и почти не находят отражения ни в исторических, ни даже в лингвистических работах по семитологии, арабистике и эфиопистике.

Попытки создания словаря предпринимали все ведущие сабейсты нашего века, но ни одна из них не была осуществлена. Причиной тому — огромные трудности, стоящие на пути создания словаря, отвечающего требованиям современной науки. Первая из трудностей — стремительный непрекращающийся рост материала. Каждый год приносит все новые и новые публикации, содержащие неизвестные слова и термины, и каждая такая публикация заставляет в какой-то мере пересматривать уже имеющиеся чтения и интерпретации текстов. Поэтому словарь неизбежно должен устареть уже за время его создания.

Вторая сложность — в ненадежности интерпретации южноаравийских эпиграфических памятников, часто фрагментарных или известных лишь по неточным копиям или плохим фотографиям. Столь же ненадежна и интерпретация терминов. Надписи всегда представляют собой официальные тексты, где использован стандартный формульный язык. В результате слова иногда встречаются десятки раз, но только в одном неизменном контексте, не раскрывающем их значения. В таком случае единственный текст другого типа может заставить пересмотреть значение и толкование десятков уже известных надписей.

Толкования отдельных слов и формул различными учеными часто расходятся, иногда очень резко, что также затрудняет подготовку словаря. Для определения зна-

¹ *Conti Rossini K. Chrestomathia Arabica Meridionalis Epigraphica, edita et glossario instructa.* Roma, 1931.

² *Jamnes A. Sabaean Inscriptions from Mahram Bilqis (Marib).* Baltimore, 1962; *Бауэр Г. М. Язык южноаравийской письменности.* М., 1966.

³ *Höfner M. Altsüdarabische Grammatik.* Lpz, 1943; *Beeston A. F. L. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian.* L., 1962, *Бауэр.* Ук. соч.

⁴ *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta. Inscriptiones himyariticas et sabaicas continens (CIS).* T. I—III. Parisiis, 1889—1932; *Repertoire d'Epigraphie Sémitique (RES).* T. V—VII. P., 1929—1950; *Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes (CIASA).* T. 1, section 1.—Inscriptions; section 2 — Antiquités. Louvain, 1977.

⁵ *Ryckmans G. Les noms propres sud-sémitiques.* T. I—III. Louvain, 1934—1935; *Harding G. L. An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions.* Toronto, 1971; *Avanzini A. Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud 1950—1973.* T. 1. Firenze, 1977.

⁶ *Robin Ch. Bibliographie générale systématique. Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes.* Louvain, 1977.

чения слова слишком часто используются данные этимологии, оставляющие простор для произвольных толкований. Чрезвычайно велики и технические сложности работы: разбросанность мелких публикаций и переизданий, разноречивой в обозначении текстов, часто известных под 3—4 сиглами, и т. п.

Необходимость словаря вызвала серию подготовительных работ, прежде всего конкорданций слов к изданиям «Корпуса» и «Репертуара»⁷. Наиболее крупная из них — словарь А. Аванзини, очень широко задуманный, но опубликованный еще не полностью⁸. Он построен по принципу тезауруса и охватывает все диалекты южноаравийского, но включает лишь надписи, опубликованные или переизданные в 1950—1973 гг.; такой принцип отбора приводит к значительным и трудно выявляемым пропускам и в большой степени обесценивает работу⁹.

Лакуна в научной литературе по сабейстике была заполнена в 1982 г. двумя почти одновременно вышедшими работами. Первой выполнила эту сложнейшую работу американская исследовательница Дж. К. Биелла. Она довольно удачно преодолела или обошла большую часть стоявших перед ней трудностей, ограничившись лишь сабейским материалом¹⁰ и отказавшись от самостоятельной интерпретации слов. Она ограничила круг источников основной литературой, перечисленной во «Введении» (с. VII—IX), подобранной достаточно умело и удачно, так что пропуски материала сведены к минимуму¹¹. К сожалению, автор не привлекает литературу на русском языке, даже издания надписей¹², используя их лишь из вторых рук¹³. В работе использованы публикации надписей и литература до 1976 г.¹⁴ Такое отставание нельзя считать чрезмерным при большом объеме и сложности работы, однако за этот период вышло несколько важных публикаций надписей¹⁵, и их отсутствие в работе заметно ощущается.

Дж. Биелла отказалась от собственных интерпретаций текстов, ограничившись воспроизведением переводов издателей или позднейших исследователей; в результате нередко одному термину даются разные толкования, иногда даже взаимоисключающие. Однако хороший подбор литературы и предпочтение, оказываемое наиболее авторитетным современным ученым (А. Бистону, М. Хёфнер, Ж. Рикмансу), сводит число неточностей к минимуму, а читатель получает представление о различных мнениях специалистов (правда, в весьма завуалированной форме).

Дж. Биелла выполнила работу тщательно, методично и на достаточно высоком научном уровне. Число опечаток незначительно; ей удалось также почти полностью избежать двойного использования надписей, изданных под разными обозначениями.

⁷ *Pirenne J.* Tables et indices des tomes V, VI, VII.— RES, t. VIII. P., 1968; *Höfner M.* Beleg-Wörterbuch zum CIL.— Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philol.-hist. Kl., B. 363. Wien, 1980.

⁸ *Avanzini A.* Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud 1950—1973, II. Firenze, 1980. Том охватывает буквы ζ — h (в порядке лагинского алфавита), т. е. примерно $\frac{1}{3}$ материала.

⁹ В этот период почти не публиковались маинские и хадрамаутские надписи, так что эти диалекты крайне слабо отражены в работе.

¹⁰ Сабейские надписи представляют собой подавляющее большинство материала как по объему, так и по разнообразию. Однако нужно отметить, что надписи на других диалектах часто отличаются по тематике и построению; их лексический материал довольно значителен и иногда важен для точной интерпретации терминов.

¹¹ Отметим наиболее значительные пропуски: *Höfner M.*, *Sola Solé J. M.* Inschriften aus dem Gebiet zwischen Mariḥ und dem Gōf.— In: Sammlung E. Glaser, II, 1964; *Lundin A. G.* Die Epnymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil).— In: Sammlung E. Glaser, V, 1965; *Höfner M.* Sabaeica, III.— Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde im Hamburg, 28. Hamburg, 1966; *Jamme A.* Inscriptions des alentours de Marib (Yemen).— Cahiers de Byrsa, V, 1955; *Garbini G.* Iscrizioni sabee da Hakir.— AION, 32, 1972, *idem.* Iscrizioni sabee da Dula.— AION, 33, 1973; *Beesto A. F. L.* Warfare in Ancient South Arabia. L., 1976.

¹² *Лундин А. Г.* Новые южноаравийские надписи музея в Сан'а. I — ЭВ, 15, 1964; II — ЭВ, 19, 1969; *он же.* Сабейские надписи музея в Та'иззе.— ЭВ, 21, 1971.

¹³ По серии *Ryckmans J.* Etudes d'épigraphie sud-arabe an russe. I—VIII.— BiOr, 24, 1967 — 29, 1972.

¹⁴ Лишь выборочно включены некоторые публикации из журнала «Raydan»: I — 1978; II — 1979.

¹⁵ Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры, I. М., 1978; *Jamme A.* Carnegie Museum 1974/75 Yemen Expedition. Pittsburg, 1976; *Höfner M.* Sabäische

Тексты цитируются обычно по наиболее авторитетным изданиям¹⁶. Однако зависимость автора от литературы неизбежно приводит к разного рода неточностям и ошибкам: включению в словарь терминов или даже корней, основанных лишь на неверном чтении или интерпретации текста (исправленных в позднейших исследованиях), пропускам терминов и даже корней и т. п. Приведем в качестве примера результаты проверки произвольно выбранного десятка страниц (с. 400—409).

Корень FG, с. 407; предлагаемое исправление текста надписи С 607, 8 wfg на wfup явно неудовлетворительно. Слово следует возводить к корню FGG, ср. арабское faġġ, faġāġ «ущелье, долина, проход между горами».

С. 401, FDY: к приводимым формам следует добавить yfdyn Roh-Kanit 4,3 и yfdw Gl 1520,5,7.

FDFD: термин fdfd почему-то помещен под корнем WFD (с. 136), хотя наличие самостоятельного корня fdfd подтверждает и кatabанская надпись Ja 2360, 2, 5¹⁷. Это тем более существенно, что четырехсогласные корни редки в южноаравийском языке.

Следует добавить корень FHD: см. Ja 2208¹⁸: mhfd «покровительствуемый».

FW: корень засвидетельствован лишь в одном тексте — граффити Ru 416, скопированном Г. Филби в Карйат ал-Фав в Центральной Аравии, и не может быть включен в лексику южноаравийского языка.

FHM: слово fhm в С 924, 3 явно фрагментарно: следует восстанавливать sfhm (см. с. 341) или kfhm (с. 250).

FTN, с. 402: слово hftnhw Ja 2856,4 надо читать hfthn.

FZR, с. 403: надпись VL7 (=Ja 2361) — кatabанская, так что корень FZR в сабейском языке не существует.

FYS: форма yfsh в Ja 631,22 восходит к глаголу nfs¹⁹. Таким образом, корень FYS не засвидетельствован в надписях.

С. 404: следует включить корень FLH, см. Ja 1028,4 hflh «быть успешным, удачным».

Отсутствует также корень FLT: см. Gl 1444,1 wuflt. Ср. также кatabанскую надпись RES 4931,4, которая позволяет установить значение глагола — «освобождать, разрешать».

FLY: приводимые формы tfl и tflw восходят, несомненно, к корню FLL «просить, умолять»²⁰. Имя flyt (RES 4009,7; Ja 628,7), вероятно, восходит также к глаголу fll, представляя собой отглагольное имя от удвоенного глагола с окончанием ut-, как gdyt от gdd и klyt от kll.

FLQ, с. 405: RES 3686A и RES 4626, цитируемые как разные надписи, представляют собой два издания одного текста.

FSD, с. 406: такого корня нет; во всех приводимых примерах следует читать QSD: ср. DS II, p. 108.

F'L, с. 407: следует добавить форму каузативной породы глагола hf'l (Ja 2864,2; YMN 3,2; 4,3) и имя f'l (Ja 2867,3; 2354,7).

FŞY: добавить форму fşyt: CIH 890,3.

FQD, с. 408: ссылку Ja 525,2 следует читать Ja 525, 4.

С. 409: следует добавить корень FQD «надзирать». CIH 955 + 418,1,2²¹.

Inschriften (Letzte Folge).— Sammlung E. Glaser, XIV, 1981; Müller W. W. Sabäische Inschriften von der jemenitischen Grenze zur Rub' al-Ḥali.— MESE, III, 1978; 'Inan Z. Tarīḥ hadarat al-Yaman al-qadim. Al-Qahira, 1976; *Abdalḥa* Y. Mudawwanat an-nuquṣ al-yamaniya al-qadima.— Dirasat Yamaniya, 2, 3, 1979; Corpus des inscriptions et antiquités sud-Arabes. V. I, section 1. Louvain, 1977.

¹⁶ Лишь иногда «Репертуару» почему-то отдается предпочтение перед «Корпусом», даже тогда, когда «Корпус» содержит более позднее и более полное издание.

¹⁷ Jamme A. Miscellanées d'ancien arabe. III. Washington, 1972, p. 22—26.

¹⁸ Idem. Miscellanées d'ancien arabe. II. Washington, 1971, p. 52—53.

¹⁹ Ryckmans J. Himyaritica, 3.— Le Muséon, v. 87, 1974, p. 249; Beeston A. F. L. Warfare in Ancient South Arabia. L., 1976, p. 67.

²⁰ Ryckmans J. La mancie par ḤRB en Arabie du sud ancienne.— In: Festschrift Werner Caskeel. Leiden, 1968, p. 268.

²¹ Höfner M. Inschriften aus Sirwah, Ḥaulan (II. Teil).— In: Sammlung E. Glaser, XII. Wien, 1976, S. 9.

FRH: Надпись RES 3234 = СIН 924; слово wfrhw восходит к корню wfr²² «взделывать землю»; корня FRH в надписях нет.

FRY: формы tfrу и utfrnn встречаются лишь в формуле dtfrу/wytfrrnn и представляют собой формы двойственного числа от глагола wfr; см. особенно наглядно в надписи Iг 25: dtfrу/wytfrrnn/bdyhw «которые обрабатывали и будут обрабатывать два раба его». Таким образом, корень FRY отсутствует в надписях.

К сожалению, приходится констатировать, что даже не углубляясь в проверку обоснованности и надежности предлагаемых переводов и толкований слов, можно обнаружить почти на каждой странице словаря Дж. Биеллы какую-либо ошибку или неточность. Это показывает ненадежность приводимого материала и необходимость тщательной проверки его при каждом обращении к словарю. Нужно, однако, повторить, что такое положение нельзя поставить в вину автору: оно объясняется в большинстве случаев исключительными трудностями самого материала и состоянием его изучения и почти неизбежно при первом опыте составления такого словаря. При надлежащей осторожности и критическом отношении словарь Дж. Биеллы может служить полезным пособием, особенно на начальных этапах ознакомления с южноаравийским языком и эпиграфикой.

Почти одновременно со словарем Дж. Биеллы появился другой сабейский словарь, подготовленный четырьмя крупнейшими специалистами по южноаравийскому языку и эпиграфике: А. Бистомом, М. Гулем, В. Мюллером и Ж. Рикмансом. Он создавался по решению Коллоквиума по йеменской цивилизации, состоявшегося в Адене в 1975 г., как учебный словарь, предназначенный для практического чтения южноаравийских текстов. За время подготовки авторы словаря заново проработали весь имеющийся сабейский эпиграфический материал, критически оценив предложенные интерпретации надписей и терминов и иногда предложив собственные толкования. Был также заново сверен текст надписей по фотографиям, в том числе и неизданным. Таким образом, даже надписи, не пересматривавшиеся много лет и известные лишь по устаревшим неудовлетворительным изданиям, получили интерпретацию на современном научном уровне.

Готовя учебный словарь, авторы отказались от значительной части научного аппарата: ссылок на надписи, цитирования контекстов, анализа существующих интерпретаций и т. д. В результате словарь, вышедший на трех языках (английском, французском и арабском), получился чрезвычайно компактным (173 с. + 58 с. дополнительных материалов, включая указатель обозначений надписей и библиографию²³) и очень удобным для пользования.

Благодаря продуманной системе специальных знаков и сокращений словарь при очень сжатом объеме содержит огромное количество разных сведений. Так, для терминов, встречающихся не больше чем в трех надписях, даются исчерпывающие ссылки; в нужных случаях приводятся контексты, причем отобранные наиболее типичные и выразительные. Специальные сокращения показывают связь определенного значения с характером текста (М — военный, R — религиозный, J — юридический и т. п.). Особые знаки отмечают отсутствие связанного контекста, сомнительные и альтернативные толкования; при этом в большинстве случаев дается и ссылка на работу, где предлагается и обосновывается это толкование. Отмечены и новые интерпретации, предлагаемые авторами, или особые толкования одного из них, еще не нашедшие отражения в научной литературе. Специальным знаком обозначены также термины или значения, встречающиеся только в надписях V—VI вв. По информативности и аргументированности словарь, несмотря на учебный характер, не уступает научным словарям.

Поражает оперативность издания, в котором нет неизбежного разрыва между завершением работы и ее публикацией: использована вся литература до 1982 г. включительно, в том числе и работы, вышедшие практически одновременно со словарем²⁴; учтен также ряд еще неизданных надписей (см. с. XX—XXV). Таким образом, словарь отражает буквально сегодняшний уровень науки.

²² Ср. *eadem*. Beleg-Wörterbuch..., S. 48.

²³ Выборочная библиография (больше 200 работ) практически полностью отражает все работы по южноаравийской филологии последних 30 лет и более ранние труды, сохранившие свое значение.

²⁴ Например: Archäologische Berichte aus dem Yemen. В. I. Mainz, 1982; *Wissmann H. von*. Die Geschichte von Saba. II.—SBAWW, В. 402. Wien, 1982.

Авторы поставили основной задачей стремление к надежности и объективности сообщаемых сведений. Они отказались от сравнительного материала других семитских языков и даже других диалектов южноаравийского и основывают приводимые значения только на анализе контекстов, явно предпочитая более общие значения без сомнительной и часто иллюзорной конкретизации. Таким образом, читатель получает весьма точные и надежные сведения, насколько это вообще возможно при современном состоянии изученности сабейского языка и эпиграфики. Авторам удалось блестяще выполнить свою задачу, еще недавно казавшуюся вообще невыполнимой, и создать надежный современный словарь сабейского языка, который составит важнейший этап в изучении южноаравийского языка и древнейшей эпиграфики. Словарю, несомненно, предстоит долгая жизнь и многократные переиздания; для их облегчения и совершенствования ниже приводятся некоторые пожелания и замечания.

Вызывает сожаление, что авторы не обозначают, а иногда и не выделяют производных глагольных пород, хотя бы в тех случаях, когда такое выделение достаточно надежно, например, в отыменных глаголах (šr, порода 02 aššara «уплачивать десятину», gn¹ 02 «обносить стеной»), а также выражаемых графически форм удвоенных глаголов (kll 02 «завершать» при 01 kl Ja 842,3; bgr 02 «выходить») или пустых глаголов (šyd 02 «охотиться», qyf 02 «совершать обход»), тем более что они имеют, вероятно, и значение, отличающееся от значения породы 01, — например, многократности²⁵. Ср. также kbr «делать обильными урожаи» (01) и kbr «надзирать, управлять» = «исполнять обязанности кабира» (02, с. 76). При переиздании желательно ввести в словарь такие обозначения пород.

Приведем несколько замечаний по отдельным словам: ʾḥw, с. 4: в глаголе дано лишь значение «быть союзником»; нужно отметить и исходное «быть братом» (yʾḥw см. Gl 1218,6; Nami 20,9²⁶).

ʾRB III, с. 20: надпись RES 4773 — явно не строительный, а юридический текст. Об этом свидетельствуют фрагменты формул wqh/ʾttr «приказал ʾАстар» и lkdy, вводящее текст декрета. Соответственно перевод «строить из тесаного камня» необоснован. Здесь следует переводить, видимо, «вступать (в храм)», в параллель к катабанским сакральным текстам RES 311,3 и DOE 2,4²⁷.

В ʾL I, с. 25: глагол bʾl в значении «владеть, приобретать» встречается лишь в надписи RES 3966,8. Но этот текст, хотя и имеет сабейские грамматические формы, но написан членами катабанского рода ʾАмрат и содержит слова, не встречающиеся в сабейском, хотя и частые в катабанских надписях (например, mʾmr, см. с. 17). По-видимому, и в глаголе bʾl следует видеть катабанское словоупотребление, что следовало бы отметить при строгом различении диалектов.

DWR/DYR, с. 37: нужно добавить форму dwr в надписи CИH 603 b, 12 с неясным значением.

FLT, с. 44: значение «жаловать, даровать кому-либо землю» не вытекает из контекста. Видимо слово на основании катабанских надписей RES 3879,5 и RES 4931,5 следует толковать как «делать доступным, позволять».

GDY, с. 49: глагол hgd сочетается с именем gdyt (CИH 37,7 gdyt/hgd/lhw/krb¹) и поэтому интерпретируется как усеченное написание hgd(y). Имя gdyt обозначает, несомненно, какой-то вид юридического документа. В том же значении оно встречается и в катабанских надписях Folkard 1,1,6,8; RES 3692,1,2. Однако в последнем тексте ему явно соответствует глагол sgdd: hg/srytm/wgdytm/wmḥrtm/sry/wšhr/wsgdd. Это позволяет рассматривать gdyt как именное образование от удвоенного глагола с окончанием -yt, ср.: klyt от kll (с. 77) и glyt от gll (с. 54). Соответственно и имя gdyt и глагол hgd следует относить к корню gdd. В этом случае глагольную форму hgdd/sgdd нужно понимать как каузатив от усиленной породы 02: *hagaddada.

NFR, с. 92: глагол tfr в RES 4176,7 явно восходит к корню wfr «обрабатывать землю»²⁸: ср. форму двойственного числа tfrу (с. 158).

²⁵ См. *Лундин*. Новые южноаравийские надписи музея в Сан'а, II, с. 15—16.

²⁶ *Preissler H.* Zum altsüdarabischen Lexicon: brw = «Neugeborenes; Kind; Sohn». — *Altorientalische Forschungen*, IX. В., 1982, S. 96.

²⁷ См. *Лундин А. Г.* Катабанская сакральная надпись RES 311. — *ВДИ*, 1976, № 3, с. 22, 25.

²⁸ См. уже *Бауэр Г. М.* Сабейская надпись из собрания Э. Глязера № 1210. — *В кн.: Семитские языки*. I. М., 1963, с. 137, 143.

Т^сД, с. 149: авторы правильно отказываются от традиционного перевода имен ʔ'd, ʔ'dt как «орошенная земля» или «право орошения», но не дают никакого иного толкования. Между тем гробничные надписи, где термин ʔ'd часто встречается в контекстах о разделе гробницы или продажи части ее, позволяют установить значение термина: «часть, доля (имущества), надел».

Число даже таких мелких замечаний очень невелико. Словарь отличается исключительной надежностью. Наличие такого труда впервые дает возможность пользоваться материалами южноаравийского языка и эпиграфики без предварительного многолетнего освоения материала, т. е. позволяет использовать эти данные ученым смежных специальностей: семитологам, арабистам, историкам древнего Востока. Изучение древнейшей цивилизации превращается в полноправную отрасль истории древнего Востока.

В словарь включено около 1400* корней и более 2900 лемм, за исключением собственных имен; словарный запас сабейского, таким образом, значительно превышает запас такого хорошо известного семитского языка, как угаритский (около 3000 лемм, включая собственные имена), и находится на уровне имперско-арамейского. Использование такого богатого нового материала, несомненно, составит этап в изучении лексики семитских языков.

При таком объеме лексики поразительно, насколько неточными остаются знания о южноаравийском языке: рецензируемый словарь, тщательно отмечающий сомнительные и альтернативные интерпретации, очень хорошо демонстрирует современный уровень знаний. Это показывает, что задача создания подобного научного словаря южноаравийского эпиграфического языка остается неотложной задачей сабеистики. Такой словарь должно широко включить и этимологические материалы — разных диалектов южноаравийского, живых южноаравийских диалектов и других семитских языков. Однако составлению такого словаря должно предшествовать углубленное исследование южноаравийской лексики. Рецензируемый словарь, несомненно, — новый шаг вперед в изучении и интерпретации южноаравийских текстов. Он не только облегчит и углубит понимание надписей, но и позволит перестроить и упростить принятые методы их публикаций и комментирования, сосредоточив внимание исследователей на новых или неясных терминах.

А. Г. Лундин

ГЕНЕЗИС ИБЕРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О существовании иберов и их страны Иберии на средиземноморском побережье современных Франции и Испании известно с давних времен. Античные авторы помещали иберов от Роны на севере до Сегуры на юге, их западная граница проходила по отрогам Андалузских гор¹. Общественный и экономический строй иберов достаточно исследован, но культура этого народа продолжает таить в себе много загадок, наиболее сложной из которых является проблема ее происхождения. Когда, на какой основе, из каких источников и как она возникла — вот вопросы, волнующие испанистов на протяжении последнего столетия. Представляется возможным выделить два основных этапа в истории ее изучения: 1870—1960 гг. и с 1960 г. по настоящее время².

¹ Обзор классических источников о Иберии, иберах и иберийской культуре см.: *Fletcher Valls D.* Algunas fuentes clásicas atribuíbles a los iberos del Sudeste de Francia. — In: *Crónica del IV Congreso de Arqueología del Sudeste español* (Elche, 1948). Cartagena, 1949; *García y Bellido A.* España y los españoles hace dos mil años, según la Geografía de Estrabón. Madrid, 1959; *Schulzen A.* Iberische Landeskunde. Geographie des antiken Spanien. I. Köln, 1955, S. 104 ff.; *Blázquez J. M., Presedo F., Javier Lomas F., Fernández Nieto J.* Historia de España antigua. T. I (Protohistoria). Madrid, 1983, p. 151—156, 215—276.

² Первая попытка периодизация изучения иберийской культуры принадлежит известному исследователю середины XX в. Д. Флетчеру (*Fletcher Valls D.* Problemas de la cultura ibérica. Madrid, 1960, p. 70): она включала три этапа: 1894—1913 гг., 1913—1940 гг., 1940—1960 гг.

Понятие «иберийская культура» как продукт духовного и материального производства населения средиземноморского побережья Франции и Испании в I тыс. до н. э. оформилось в европейской науке к 1890-м гг.³ В попытке определения ее истоков мнения исследователей резко разошлись. Вполне традиционно выглядела европоцентристская концепция П. Лемьера и его сторонников об иберах как об одной из ветвей кельтской «расы», проникшей в VIII—VII вв. до н. э. в испанский Левант и принесшей готовый вариант культуры⁴. Практически одновременно возникает теория азиатского происхождения иберов и их культуры⁵, порождавшая надолго затянувшиеся споры по вопросу о том, откуда конкретно прибыли иберы. Вплоть до 1920-х годов существовало мнение об их ответвлении от одного из земледельческих племен бассейна Евфрата⁶ или Ассирии времени Саргона Аккадского⁷. Еще более смелой представляется попытка каталонского исследователя П. Эраса увидеть предков иберов, равно как и «всех средиземноморских народов», в протоиндийцах эпохи неолита⁸. Большой резонанс получила мысль о хамитских истоках земледельческой культуры иберов, которая нашла якобы живительные силы для своего дальнейшего развития в культуре прибывшего в Альмерию в середине III тыс. до н. э. восточносредиземноморского этноса, с которым связывали культуру колоколовидных кубков, или протоиберийскую (последняя треть II тыс. до н. э.)⁹. Однако господствующей оказалась теория К. Отрана о трех последовательных миграциях малоазийских народов в Западное Средиземноморье: лелего-финикийцев, хеттов и иранцев, давших в конечном счете столь своеобразную иберийскую культуру¹⁰.

В начале XX в. под непосредственным влиянием сенсационных открытий Г. Шлимана его соотечественником А. Шультенем была создана теория крито-микенских истоков иберийской культуры¹¹. Он утверждал, что к X тыс. до н. э. зона Альмерии — Андалузии была прочно освоена одним из африканских этносов, которому к середине III тыс. удалось создать самую древнюю и высокоразвитую культуру крайнего запада Европы. Базой для нее послужила металлургия меди — бронзы, а решающее влияние оказали обитатели Эгеиды. К III в. до н. э. потомки этого этноса заселили все западноредиземноморское побережье вплоть до Роны¹². Под влиянием этой теории находились даже А. Эванс и П. Пари, которым, видимо, импонировала идея диффузии эгейской культуры по все-

³ Подробнее см. *Dechelette J.* Les petits bronzes ibériques.— *L'Anthropologie*. V. XVI. P., 1905, p. 29.

⁴ *Lemière P. L.* Etude sur les celtes et les gaules. P., 1881, p. 104; *Philipon E.* Les peuples primitifs de l'Europe méridionale. P., 1925, p. 30. В испанском антиковедении эта теория нашла распространение особенно в работах Х. М. Олаллы (*Santa-Olalla J. M.* Casco de plata céltico de la Edad de Hierro.— *Información y progreso*. VIII. Madrid, 1934, p. 22). Однако вскоре он пересмотрел свои позиции и, присоединившись к ориенталистам, стал всячески утверждать идею восточного, анатолийско-эгейского происхождения древнейшей культуры испанского Леванта (*Santa-Olalla J. M.* Excavaciones en la ciudad del Bronce mediterráneo II de la Bastida de Totada (Murcia).— In: *Informes y memorias de la Comisaría general de Excavaciones Arqueológicas*. V. 16. Madrid, 1947, p. 154). Эта идея нашла много сторонников и среди европейских лингвистов-компаративистов. См., например, *Tovar A.* Sprachen und Inschriften. B., 1952, S. 124 f.

⁵ Подробнее см. *Fernández Guerra A.* Los aborígenes ibéricos.— *La Academia*, I, Madrid, 1877, p. 175.

⁶ *Doening D.* Iberos y Eúscaros y la misión civilizadora de la Iberia en tiempos prehistóricos.— *Boletín de la Facultad de Derecho y Ciencias sociales de la Universidad de Córdoba* (Argentina). I. Córdoba, 1921, p. 2.

⁷ Подробнее см. *Schulten A.* Iberische Landeskunde. B., 1960, S. 67.

⁸ *Heras P. E.* La escritura protoíndica y su desciframiento.— *Ampurias*, I, Barcelona, 1939, p. 5.

⁹ *Bosch-Gimpera P.* Etnología de la Península Ibérica. Barcelona, 1932, p. 4; *Hoyos Sainz L.* El foco ibérico del Sudeste español. — In: *Crónica del IV Congreso de Arqueología*. Madrid, 1965, p. 368; *Laviosa-Zambotti L.* España e Italia antes de los romanos.— *Cuadernos de la Historia primitiva*, t. VI, p. 1, 2. Madrid, 1930, p. 75.

¹⁰ *Autran C.* Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire antique de la Méditerranée. P., 1920, p. 31.

¹¹ *Schulten A.* Tartessos. Berlin — Madrid, 1922, p. 21; *idem.* Tartessos. Madrid, 1972, p. 185. См. также *Vasseur G.* La poterie ibérique pseudo-mycénienne aux environs d'Arles.— *Bulletin de la Société Archéologique de Provence*. Marseille, 1907, p. 54.

¹² *Schulten.* Tartessos, 1972, p. 185; *idem.* Iberische Landeskunde, S. 97.

му древнему Средиземноморью¹³. В Испании концепция А. Шультена нашла свое дальнейшее развитие в трудах М. Касурро, предложившего, правда, интерпретировать иберийскую культуру не как непосредственный продукт микенской, а как результат деятельности в Иберии микенцев одного из североафриканских центров¹⁴.

Таким образом, первый период изучения иберийской культуры можно охарактеризовать как диффузионистский, поскольку представляющие его испанисты объясняли элементы сходства иберийской культуры с другими синхронно существовавшими культурами Европы и Средиземноморья их происхождением из единого центра — будь то Европа, Передняя Азия или Эгеида — с последующим прямым или опосредствованным распространением. Для обоснования своих идей они использовали материалы лингвистики, этнографии и в меньшей мере археологии, позволявшие им варьировать свои теории в рамках концепции Л. Фробениуса: *Übertragung — Verpflanzung mit Migration*¹⁵. Наиболее последовательным миграционистом можно считать А. Шультена. За основные критерии для выявления генетических связей иберийской культуры были приняты форма и количественные совпадения, разработанные в окончательном виде Ф. Гребнером¹⁶.

Несмотря на абсолютизацию идеи культурного влияния более развитого народа на неразвитые народы европейского Юго-Запада, диффузионистское направление внесло значительный вклад в историю изучения одной из наиболее загадочных культур Европы — иберийской, выявив основной круг источников, разработав систему принципов их изучения, вычленив наиболее характерные компоненты культуры и обосновав идею культурных связей в рамках европейского и переднеазиатского Средиземноморья.

В 1940—1960-е гг. происходит расширение проблематики, поскольку испанистика отказывается в целом от недавних попыток выявления этноисторического ядра иберийской культуры и обращается к вопросу ее развития. Своего рода теоретико-методологическим руководством можно считать монографию П. Босх-Гимперы «Древнейшее население Испании и формирование испанских народов»¹⁷. Автор, — видимо, под влиянием своих учителей Ж. Дешеллета и К. Жюллиана — придерживается концепции определяющего воздействия кельтских миграций и греческой колонизации на обитателей полуострова их культуры¹⁸. Источниковой базой его концепции послужили исследования керамик Эмпориона (датировки которой, исходившие из предложенной М. Касурро стратиграфии городских слоев¹⁹, ныне признаны ошибочными²⁰) и иберийское письмо, возникшее якобы из архаического ионийского²¹. Колыбелью иберийской культуры он признает район Эльче — Арчены (пров. Валенсия), так как именно там в V в. до н. э. появляется наиболее ранняя иберийская керамика²². Самостоятельным регионом считается Тартесс²³.

¹³ *Paris P.* Note sur la céramique ibérique.— *L'Anthropologie*. XVIII. P., 1907, p. 277; *Evans A.* Scripta Minoa I. Oxf., 1909, p. 97.

¹⁴ *Cazurro M.* Fragments de vasos iberies D'Empories.— *Anuari de l'Institut d'Estudis Catalans*. Barcelona, 1909, p. 555.

¹⁵ *Frobenius L.* Die Ursprung der afrikanische Kulturen. B., 1898, S. 7.

¹⁶ *Graebner F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911, S. 107 f.

¹⁷ *Bosch-Gimpera P.* El Poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España. México, 1945.

¹⁸ *Ibid.*, p. 223—245 (особенно p. 231). Проблема кельто-иберийских взаимоотношений интересовала ученого и в последующие десятилетия (см. *Bosch P.* Rome et les Ibères.— In: *Colloque sur le thème: Spontanéité et adaptation sur le Développement des civilisations*. México, 1963, p. 1—13; *idem.* Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques.— In: *8e Congrès International d'Archéologie Classique*. P., 1965, p. 111—118, и ряд других), так же как и проблема греков в Испании (см. *Bosch P.* Tartessos, Fenicios, Griegos. *Anales de Antropología*. V. IX. México, 1972, p. 225—243, и многие другие статьи, объединенные впоследствии в одном томе: *Bosch-Gimpera P.* Indo-Europeos. Madrid, 1972).

¹⁹ *Cazurro M.* Crónica de los excavations d'Empuries.— *Anuari de l'Institut d'Estudis Catalans*. Barcelona, 1911, 1/2, p. 672.

²⁰ *Almagro Basch M.* Ampurias. Historia de la ciudad y guía de excavaciones. Barcelona, 1953—1955. I—II, passim.

²¹ При этом автор ссылается на работы по дешифровке языка и письменности иберов М. Гомеса Морено (*Gómez Moreno M.* Disgresiones ibéricas: escritura, lengua.— *Boletín de la Real Academia Española*. Madrid, 1945, p. 275 sq.).

²² *Bosch-Gimpera P.* El Poblamiento..., p. 342.

²³ Впервые это было сформулировано им еще в 1910-х гг. См. *Bosch-Gimpera P.*

Авторитет П. Бош-Гимперы был столь велик, что его идеи немедленно нашли сторонников как в Испании, так и за рубежом²⁴. А. Гарсиа-и-Бельидо был убежден в таком глубоком влиянии греков на формирование иберийской культуры, что предлагал даже назвать ее «провинциально-греческой или греко-иберийской»²⁵, поскольку «нельзя не увидеть в ней техническое мастерство эллинов, их эстетизм и глубокие традиции»²⁶. Так, по его мнению, в результате деятельности средиземноморских европейцев, а также кельтов иберы создают свою урбанистику, фортификацию, скульптуру, вазопись, письмо и религию, их керамика находит широкое распространение в пределах Западного и Центрального Средиземноморья (Южная Галлия — Этрурия — Лаций — Кампания — Сицилия — острова Центрального Средиземноморья — побережье Северной Африки).

В работах 1950—1960-х гг., особенно в написанном совместно с Х. Малукером и Х. Каро томе «Иберийские народы» 22-томной «Истории Испании» А. Гарсиа-и-Бельидо все больше делает акцент на местной основе иберийской культуры²⁷. Утверждение идеи автохтонности европейских культур, распространившиеся после второй мировой войны в европейском антиковедении в качестве реакции на господствовавший долгое время диффузионизм (а в 1930—1940-х гг. и немецкий расизм), проникает и в испанскую науку о древностях. Основной характеристикой иберийской культуры по-прежнему признается III группа иберийской керамики (по классификации М. Альмагро²⁸), которая якобы выдвигается «на особое место в европейской керамике» по разнообразию форм, оригинальности декора и высокому техническому мастерству изготовления²⁹.

Идея местного происхождения иберийской культуры получила дальнейшее развитие в трудах М. Альмагро, известного прежде всего исследованиями истории Эмпурюна — ведущей греческой колонии в испанской Иберии. Он утверждал, что в силу непрерывности существования местной материальной культуры Каталонии иберы как ее носители должны были быть аборигенами, хотя их исторической родиной

Excavations d'Empuries. La cerámica ibérica. Anuari d'Institut d'Etudis Catalans. Barcelona, 1915, p. 840.

²⁴ *García y Bellido A.* Contactos y relaciones entre la Magna Grecia y la Península Ibérica, según la Arqueología y los textos clásicos. — *Boletín de la Academia de Historia*. Madrid, 1935; *Deona W.* Dadala ou la statue de la Grèce Archaïque. I, P., 1931, p. 307; *Jacobsthal J.* Zum Kopfschmucke Frauenköpfer von Elche. — *Athenische Mitteilungen*, 1932, p. 57; *Dixon P.* The Iberians of Spain and their Relations with the Aegean World. Oxf., 1940.

²⁵ *García y Bellido A.* Hispania Graeca. V. III. Madrid, 1948. К тому времени, когда А. Гарсиа-и-Бельидо занялся проблемой греков в Испании, его перу уже принадлежали такие работы, как: *Los iberos en Cerdeña, según los textos clásicos y la arqueología.* — *Emerita*, III, Madrid, 1935; *Factores que contribuyeron a la helenización de la España preromana. Los iberos en la Grecia propia y en el Oriente helenístico.* — *Boletín de la Academia de la Historia*. Madrid, 1934, v. 104; *Las relaciones entre el arte etrusco y el ibérico.* — *AEEA*, 1931, p. 20; *Los hallazgos griegos en España*. Madrid, 1931, p. 9; *Ars Hispanica*. *Historia Universal del arte hispánico*. Madrid, 1947, p. 195.

²⁶ *García y Bellido A.* *Ars Hispanica...*, p. 195; *idem*. *Hispania Graeca*, v. II, p. 67 sq. В работах А. Бельидо присутствует идея римского и этрусского влияния на иберийскую культуру (*Los hallazgos...*, p. 7; *Las relaciones entre el arte etrusco...*, p. 119), развиваемая и поныне в европейской испанистике (см., например, *Blazquez J. M.* *Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente*. 2ª ed. Madrid, 1976, 1977). Впоследствии А. Бельидо вообще отказался от своей первой теории и разработал гипотезу «иберо-римской культуры» (*García y Bellido A.* *La Dama de Elche y el conjunto de piezas reintegradas en España en 1941*. Madrid, 1943, p. 108; *idem*. *Algunos problemas de arte y cronología ibéricos.* — *AEA*, s. XVI, Madrid, 1943, p. 78). Его концепцию поддерживает и поныне Х. Малукер де Мотес (*Maluquer de Motes J.* *Epigrafía prelatina de la Península Ibérica*. Barcelona, 1968, p. 14, 99; подробнее см. *Almagro Basch M.* *Resistencia y asimilación de elementos culturales del Mediterráneo occidental en la Iberia preromana.* — In: *Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancien*. P., 1976, p. 117—119).

²⁷ *García y Bellido A., Maluquer de Motes J., Caro Baroja J.* *Los pueblos ibéricos.* — In: *Historia de España*. V. I, pt. 3. Madrid, 1954, p. 305.

²⁸ *Almagro Basch M.* *El estado actual de la clasificación de la cerámica ibérica.* — In: *Crónica del Congreso de Alcoy de 1950*. Cartagena, 1951, p. 119. Подробную характеристику см. *Maluquer de Motes J.* *El arte de los pueblos ibéricos.* — In: *Historia de España*, v. 1, pt. 3, p. 339—345.

²⁹ *Ibid.*, p. 344.

вполне можно считать широкую зону Европы от Южной Германии до Валенсии³⁰. Они сохранили свое культурно-историческое единство (орпиды, керамика и т. д.) вплоть до рубежа новой эры, что обусловило единую модель греческой колонизации Испании и идентичность ее культурных последствий для французских и испанских иберов. Таким образом, М. Альмагро является, пожалуй, первым, кто поставил вопрос о синкретизме иберийской культуры. По его мнению, в Валенсии она настолько органично впитала в себя греческие влияния, что нередко возникают трудности в определении ее конкретных памятников: были ли они эллинизированными иберийскими или иберизованными греческими? Каталонской части Иберии удалось в значительной мере сохранить автономность своего культурного развития, поскольку ее население было «более консервативно и менее податливо процессу эллинизации»³¹. Идея местного происхождения иберийской культуры находит свою поддержку и среди лингвистов. Так, М. Паллоттино, К. Батисти и Г. Губшмидт настаивают на единстве субстрата целого ряда до сих пор не дешифрованных западноземноморских языков: лигурийского, сардского, этрусского, иберийского — и на наличии значительного числа параллелей на всем протяжении их существования вплоть до ассимиляции латынью³².

Своего рода итоговой явилась монография Д. Флетчера «Проблемы иберийской культуры»³³, построенная прежде всего на анализе различных групп археологического материала о французских и испанских иберах как создателях единой иберийской культуры. Подвергнув сравнительному анализу наиболее развитые сферы материальной (керамика, торовтика, скульптура, монета, урбанистика) и духовной (письмо, отчасти — религия) культуры Испании и Франции, автор приходит к выводу о их генетическом родстве³⁴. Отличия, и весьма ощутимые, в культуре французской Иберии он объясняет ее гораздо более тесными контактами с континентально-европейским миром и более глубокой романизацией³⁵.

Французские антиковеды-испанисты 1940—1960 гг., развивая этногеографические идеи Видаль де Лабланша — А. Демажова³⁶, сконцентрировали основное внимание на проблеме связей иберийской культуры Испании и Франции. Идя вслед за Х. Малукером³⁷, они объявляют тезис об этнокультурном генетическом родстве всей прибрежной территории от Северной Италии до Каталонии³⁸. Поскольку в эпоху железа

³⁰ Следует отметить, что на первом этапе своих штудий М. Альмагро был приверженцем теории европейского происхождения иберийской культуры. См. *Almagro M. Introducción a la Arqueología*. Barcelona, 1941, Prólogo; *Almagro Basch M.* Ampurias. Historia de la ciudad y guía de excavaciones. Barcelona, 1953.

³¹ Подробнее см. *Almagro Basch*. Ampurias. Historia de la ciudad..., p. 153—160.

³² *Pallottino M.* La Sardegna Nuragica. Roma, 1950, p. 38; *idem.* El problema de las relaciones entre Cerdeña e Iberia en la antigüedad preromana.— Ampurias, XIV. Barcelona, 1952, p. 137; *Hubschmidt H.* Sardische Studien. Das Mediterrane Substrat des Sardischen, seine Beziehungen zum eurafrikanischen und hispano-kaukasischen Substrat der romanischen Sprachen.— Romanica Helvetica, 41. Bern, 1953, S. 37—39; *Battisti C.* Tarracina — Tarraco.— Studi Etruschi, VI. Firenze, 1932, p. 287.

³³ *Fletcher Valls D.* Problemas de la cultura ibérica. Madrid, 1960.

³⁴ *Ibid.*, p. 76—77. Основные выводы Д. Флетчера нашли свое подтверждение в работе А. Аррибаса (*Arribas A.* Los Iberos. Madrid, 1965; глава «Cultura ibérica»). В то же время Л. Перикот, глава каталонской школы специалистов по иберийской культуре, склонен повысить дату возникновения ее до VI в. до н. э. (*Pericot L.* Corpus Vasorum Hispanorum. Prólogo. Cerámica del Cerro de San Miguel de Liria. Museo de la Diputación de Valencia. Madrid, 1954), а П. Бом-Гимпера продолжает настаивать на более широком ареале ее распространения (*Bosch-Gimpera P.* Le problème de la céramique ibérique.— Comptes rendus des Séances de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. P., 1955, p. 395; *idem.* Todavía el problema de la cerámica ibérica.— Cuadernos del Instituto de Historia. Serie Antropológica, 2. México, 1958, p. 53).

³⁵ *Fletcher.* Problemas..., p. 115.

³⁶ Подробнее см. *Далин В. М.* Историки Франции. М., 1981, с. 174—217; *Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «новой исторической науки».— ВИ, 1984, № 8, с. 32—50.

³⁷ *Maluquer J.* La cerámica con asas de botón y el final de la cultura megalítica del N. E. de la Península Ibérica.— Ampurias, IV, 1942, p. 171 sq.

³⁸ *Giry J.* Fouilles sur la place de la Médelline.— Bulletin de la Société Archéologique de Béziers. IX. Béziers, 1943, p. 93; *Lantier R.* Recherches archéologiques en Gaule.— Gallia, III, 1943; *Jannoray J.* Le Cayla de Mailhac (Aude).— Gallia, IV, 1949, p. 200; *Audibert J.* La céramique de la «Polada» dans le Midi de la France.— Revue d'Études Ligures, XXIII, 1957, p. 192—227.

оно нарушилось, то для последующих периодов истории иберийской культуры они считают возможным изучать лишь связи и их характер между конкретными регионами³⁹. С этой целью представители французской археологической школы провели раскопки в ряде поселений Западного Прованса и Лангедока, которые античные авторы называли иберийскими⁴⁰. В общей сложности ими были подвергнуты археологическому обследованию 29 поселений так называемой французской Иберии, среди которых такие крупные местные центры, как Enserune, Agathe, Besaga, Cayla de Mailhas и другие⁴¹. Все они датируются ими VI—I вв. до н. э. и обнаруживают очевидное сходство с иберийскими центрами Испании по своему местоположению, планировке и архитектуре. Керамика обеих Иберий тоже идентична с точки зрения хронологии, типологии и декора⁴². Установлено, что даже монеты, появившиеся здесь в IV в. до н. э., обнаруживают очевидные черты сходства с монетами испано-иберийских центров⁴³. Идею о языковом родстве до- и запирейских иберов проводит Х. Жанноре⁴⁴. Весь этот конкретный материал позволяет исследователям поставить вопрос о характере связей французских и испанских иберов. Так возникают две гипотезы, которые продолжают развиваться и в настоящее время: теория миграции, наиболее распространенная в 1940—1960-е гг., и теория искомого присутствия иберов по обе стороны Пиренеев. Создатель первой теории П. Бош-Гимпера и его последователи К. Жюльен и А. Шультен считают, что в начале VI в. до н. э. испанские иберы, теснимые кельтами, были вынуждены поселиться в Южной Галлии⁴⁵. П. Бош даже обосновывает тезис о военном характере иберийского господства над туземцами-кельтами⁴⁶. Однако его соотечественники Х. Малукер и Л. Перикот⁴⁷, а также их французские и английские коллеги критикуют его за пренебрежение к хронологии и античной традиции⁴⁸. Так в полемике с теорией миграции окончательно побеждает гипотеза автохтонности. В качестве основных доводов ее авторам служат: 1) единый урбанистический образец обеих Иберий, 2) идентичность монет, керамики и другого археологического материала и, главное, 3) античная традиция. Х. Хокс, пожалуй, первым высказал идею о генетическом родстве иберов Испании и неолитического населения Эро⁴⁹, Ж. Жанноре, Х. Малукер и Л. Перикот нашли достаточно убедительные материальные обоснования этого тезиса. Более того, они считают возможным говорить о своеобразном континуитете этнокультуры этой зоны начиная со времени земледельческих культур эпохи неолита⁵⁰. Д. Флетчер, принявший первую часть данного тезиса, резко выступил против идеи отождествления носителей этой культуры с лигурами, как известно, широко распространенной в европейской литературе

³⁹ Ponsich P., Pous de A. Les champs d'urnes de Millas.— Études Roussillonnaises, I, Perpignan, 1951, p. 1.

⁴⁰ См., в частности, Polyb., III, 40, 41—47; Strabo, IV, 1, 5—6; Av., 591, и др.

⁴¹ Регулярные отчеты о раскопках за 1940—1960-е гг. и публикации материалов содержатся в специальных бюллетенях типа «Bulletin de la Société Archéologique de Béziers» и археологических журналах «Rhodania» и «Gallia».

⁴² Lamboglia N. La cerámica precampana de la Bastida.— Archivo de Prehistoria Levantina, V, Valencia, 1954, p. 105.

⁴³ Lantier R. La Cayla de Mailhac (Aude).— RA, 6 Serie, v. XVIII, 1941, p. 107; Rolland H. Cerámica ibérica de St. Blaise.— AEA, XXVI, 1954, p. 384. На это указывают также и испанские нумизматы, в частности А. Бельтран, осуществивший в 1950-х гг. самостоятельные раскопки Сан-Блеза (Beltrán A. Las excavaciones del oppidum de St. Blaise.— AEA, XXV, 1952, p. 380).

⁴⁴ Jannoray J. Enserune, P., 1955, p. 421; об этом же см. Tovar A. Léxico de las inscripciones ibéricas.— In: Estudios dedicados a R. Menéndez Pidal. Madrid, 1951, V, II, p. 273; idem. Extensión de la lengua ibérica en Andalucía.— Zephyrus, Salamanca, 1956, v. VII, p. 81.

⁴⁵ Обстоятельно литературу см. Fletcher. Problemas..., p. 110.

⁴⁶ Bosch-Gimpera. La formación..., p. 137.

⁴⁷ Maluquer de Motes. Pueblos ibéricos, p. 305 sq.; Pericot L. La España primitiva. Barcelona, 1950, cap. III.

⁴⁸ Jannoray. Enserune, p. 382 s.; Hawkes Ch. The Prehistoric Foundations of Europe to the Mycenaean Age. L., 1940. Подробнее дискуссию с П. Бошем см. в работе: Fletcher. Problemas..., p. 112 sq.

⁴⁹ Hawkes. Op. cit., p. 19. Справки ради следует заметить, что об этом говорил еще Х. Блед (Blade J. F. Les Ibères. P., 1892), отождествлявший иберов с аквитанами.

⁵⁰ Maluquer de Motes. Pueblos ibéricos, p. 305 sq.; Jannoray. Enserune, p. 382 s., а также Fletcher. Problemas..., p. 113—114.

1930—1950-х гг.⁵¹ С этой целью он проанализировал единственное упоминание о лигурах в Испании: *lacus Ligusticus*. Э. Пайс и другие сторонники теории о лигурах как коренном населении Испании, Прованса, тирренской Италии и Сицилии переводят его как Лигустиинское, т. е. Лигурийское, озеро⁵². Д. Флетчер предлагает иную этимологию: *Ligusticus* (<*Ligustrum*, т. е. *lacus Ligusticus* — «это озеро, берега которого поросли бирючиной, или волчьей ягодой»⁵³). Не признает он и давнюю теорию лингвиста П. Кречмера о сицилийских сиканах как аборигенах Испании, считая, что у них якобы не было необходимости покидать родину⁵⁴. В то же время ему импонирует предположение Э. Филиппона о весьма вероятном тождестве сиканов и секванов, а также приведенные Ж. Берар данные этнографии и лингвистики о том, что сиканы — это древнейшее самоназвание западнотирренских иберов⁵⁵. Однако в этом вопросе Д. Флетчер противоречит самому себе, поскольку, занявшись разбором этимологии слов «Иберия» и «иберы», он высказывает мнение о том, что оба они происходят от праиндоевропейского средиземноморского субстратного корня и означают соответственно «низинные, болотистые земли» и «обитатель таких земель», потому они должны нести в себе чисто географический смысл. Однако поскольку сиканы не имеют таких древних корней, то, следовательно, они и не могут быть самоназванием иберов, хотя их вполне можно трактовать как представителей одного из иберийских племен Франции, переселившихся в Сицилию.

Изложенные (по преимуществу автохтонистские) теории 1940—1960 гг. в целом исходят из исторически объективного закона о том, что народ является создателем культуры, а не культура создает народ, как это прокламировалось диффузионистами. В то же время очевидно, что испанисты этого времени не смогли избежать влияния различного рода геополитических и феноменалистских идей, абсолютизации каких-либо произвольно выбранных признаков культуры (керамики, языка и т. п.) и в конечном счете антиисторических выводов. Это, помимо прочего, следует рассматривать как неизбежный побочный результат их намерения вывести иберийскую культуру исключительно из местных основ. Тем не менее само это намерение сыграло и свою положительную роль, поскольку стало ясно, что одними лишь перемещениями культур во времени и пространстве решение проблемы их генезиса не исчерпывается и что необходимо применение новой теории и комбинированной методики исследования.

Впервые на это указал Х. Малукер де Мотес, считающий, что современное состояние источниковедческой базы позволяет заниматься не столько проблемой генезиса иберийской культуры, сколько ее развитием, и избежать тем самым упрощенческих выводов предшествующего периода⁵⁶. Существо его теории состоит в следующем: 1) культура формируется в процессе активного взаимодействия внутренних и внешних источников; 2) с наступлением своего рода равновесия между ними процесс формирования завершается, уступая место периоду расцвета и затем упадка. Конкретизируя свою теорию на иберийском материале он заключает, что древнейшая культура населения Пиренейского полуострова знала три больших периода: 1) во второй половине III тыс. происходит формирование мегалитизма, отражающего «сумму новых космогонических идей»; 2) в середине II тыс. до н. э. складывается культура Эль Аргар на базе металлургии бронзы и индивидуализации производства;

⁵¹ *Fletcher D.* Vaso de boca cuadrada de la provincia de Valencia. Comunicación al Congreso Arq. de Oviedo. Oviedo, 1959.

⁵² *Pais E.* Spagna et Italia. — In: Homenaje a J. Romón Melida. V. II. Madrid, 1934, p. 193.

⁵³ *Fletcher.* Problemas..., p. 22.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 17.

⁵⁵ *Bérard J.* La colonisation grecque de l'Italie Méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité. — In: *L'Histoire et la Légende*. P., 1941, not. 18.

⁵⁶ In: *Arribas A.* Los Iberos (раздел «Introducción», с. 1—12, написанный Х. Малукером). Следует отметить, что теория Х. Малукера явилась итогом его более чем 10-летних специальных занятий иберийской проблематикой; см. *Maluquer J.* Panoroma económico de la Edad de Hierro. — In: *Estudios de Economía antigua de la Península Ibérica*. Barcelona, 1968, p. 62—77; *idem.* El impacto colonial griego y el comienzo de la vida urbana en Cataluña. Barcelona, 1966, p. 24; *idem.* Nuevas orientaciones en el problema de Tartessos. — In: *Symposium de Prehistoria de la Península Ibérica*. Pamplona, 1959. Pamplona, 1960, p. 273—301 sq.

3) к рубежу VI—V вв. до н. э. можно говорить о собственно иберийской культуре, созданной обществом открытого типа, основанном на применении железа. Теория Х. Малукера нашла поддержку со стороны Х. Каро Барохи. Назвав своих коллег, как диффузионистов, так и автохтонистов, «механицистами», он выступил с призывом дальнейшего развития циклической теории Ратцеля — Мейера⁵⁷. По его представлениям, традиционно употребляемое понятие «цикл» не вполне адекватно отражает историческую действительность, поскольку фактический материал говорит о таком весьма распространенном явлении, как «скрещивание двух циклов», что затрудняет выявление четкого водораздела между ними. Он считает, что удобнее было бы оперировать понятием «ареал», обозначая им «территорию распространения той или иной культуры», в то время как за «циклом» в научном обороте традиционно закреплены «территория плюс время»⁵⁸. Переходя к конкретному исследованию, Х. Каро оперирует четырьмя ареалами: север — восток — юг — запад Пиренейского полуострова (с. 14), утверждая вслед за Страбоном, что, поскольку наиболее цивилизованные племена обитали в приморских и речных долинах, то ими в Испании должны были быть жители юга, действительно рано узнавшие города, монархическую власть, кастовый строй, клиентелу, а также законы и искусство (с. 15). Труднее, по его мнению, решается вопрос о восточной цивилизации побережья, поскольку она испытала «эффект скрещивания» с южной культурой, с одной стороны, и влияние со стороны «диких и невежественных племен» Месеты — кельтов — с другой (с. 14). Тем не менее автору представляется, что и этот культурный ареал развивался по пути урбанизации, хотя находился еще на стадии окончательного племенного или, как он уточняет, «межплеменного» строя (с. 15). Иначе ему кажется невозможным объяснить наличие иберийского алфавита и других элементов культуры Леванта в неиберийской зоне среднего течения Эбро (с. 15—17).

Так в современной испанистике делает свои первые шаги новое направление, заслугой которого является возрождение интереса и доверия к сведениям античной традиции и внедрение комбинаторной методики исследования наряду с активным использованием археологического материала. Большую роль в его утверждении сыграл I Международный коллоквиум по истории древнейшей экономики Пиренейского полуострова, состоявшийся в 1968 г. в Валенсии⁵⁹. Одним из первых последователей Х. Каро и Х. Малукера можно считать А. Аррибаса⁶⁰, для которого показателем уровня развития культуры является состояние материального производства⁶¹. Поскольку оно развивалось опережающими темпами в Тартессиде VIII—VI вв. до н. э., то здесь следовало бы ожидать и наиболее раннюю «кристаллизацию» (по терминологии автора) культуры, т. е. ее расцвет (с. 19—20). Однако этому помешало поглощение в результате скрещивания с финикийской культурой, оказавшейся более цельной и монолитной (с. 59).

Во Франции, как и в Испании также идет формирование устойчивого интереса к локальной истории. Однако мотивы этого интереса носят здесь иную методологическую подоплеку. Примером могут служить труды Э. Леруа-Ладюри, в которых весьма значительное место уделено вопросам климатологии, палеоботаники и даже гляциологии французской Иберии⁶². Поскольку в истории, по мнению Э. Леруа-Ладюри, важен демографический фактор, то подъем французского варианта иберийской культуры V в. до н. э. связан для него с исчезновением «ножниц» между ростом населения и отсутствием экономического прогресса, обусловленным прибы-

⁵⁷ Caro Baroja J. Estudios sobre la España antigua. Madrid, 1971, p. 15; *idem*. The City and the Country: Reflexions on Some Ancient Common Places.— In: Mediterranean country. P., 1963, p. 27—40. Предварительные соображения были изложены автором еще в конце 1950-х гг. См. Caro Baroja J. La ciudad y el campo.— Revista de dialectología y tradiciones populares. Madrid, 1959, XV, p. 381—400.

⁵⁸ Caro Baroja. Estudios..., p. 16.

⁵⁹ См. Estudios de Economía de la España antigua. Valencia, 1969.

⁶⁰ Arribas. Los Iberos; *idem*. Las bases económicas del Neolítico al Bronce.— Estudios de Economía..., p. 33—54.

⁶¹ Arribas. Los Iberos, p. 19—20.

⁶² Le Roy Ladurie E. L'Histoire Languedocienne. P., 1962; *idem*. Les paysans de Languedoc. P., 1966; *idem*. Démographie et funestes secrets: le Languedoc.— AHRF, 1966; *idem*. Histoire de climat depuis l'an mil. P., 1967, ect.

тием греков и организацией ими производящего хозяйства⁶³. Это приводит к статическому освещению местной социально-экономической структуры, хотя именно динамикой своего развития она подготовила формирование государственности еще к середине I тыс. до н. э. Другой французский исследователь Ф. Бенуа также считает демографию одной из основ⁶⁴. Но, очевидно, завышение роли демографического критерия порой заводит его как скрупулезного исследователя фактов в тупик. Так, к примеру, ему не удается ответить на поставленный в книге «Следы эллинизации Южной Галлии» в качестве основного вопрос: «Почему труднодоступный и малонаселенный Прованс явился тем не менее объектом колонизационных плаваний греков в Галлию?»⁶⁵.

В эти же годы во Франции намечается и принципиально иная концепция, известная как концепция «непрерывного экономического роста», созданная, видимо, под влиянием европейских неозолюционистов. В качестве реакции на активное распространение так называемой «серпальной», или математической, школы, возникшей в русле американской *New Economic History*, ее сторонники утверждают, что экономика является лишь одной из составных частей исторического объяснения, нельзя исключить из него людей. Их объединяет попытка создания модели внутреннего развития на базе двух основных факторов: непрерывности и имманентности роста. Эта позиция уводит французских испанистов в глубины энеолита (2200—1800 гг. до н. э.), когда, по их мнению, создается основа всей последующей гомогенности и автономности иберийской культуры⁶⁶. Эпоха бронзы (1400—600 гг. до н. э.) характеризуется весьма ощутимым родством всех основных элементов материальной культуры иберов и единством их религии, продолжавшей развиваться на основе местного мегалитизма.

Так же прочно утверждается в европейской испанистике рубежа 1960—1970-х гг. метод изучения культурных зон и ареальных контактов в рамках теории *Volkskunde*. Глава валенсиянской школы археологов М. Таррадель создает концепцию, весьма своеобразно сочетающую автохтонистские и миграционистские принципы и критерии⁶⁷. Признавая изначальное существование единой западнотерраситской культуры койне, он считает тем не менее, что к эпохе бронзы она распалась на ряд локальных культур. С этого времени их сходство определяется якобы не генетической общностью, а степенью влияния иноземных цивилизаций. Так он объясняет большую близость культуры Валенсии к сицилийской, нежели к ее прямым соседям — каталонской и тартезийской (с. 4—7). Ее изучению он посвящает ряд работ, из которых итоговой является «История Валенсии»⁶⁸. Своими раскопками он показывает общность поселений Валенсии и Сицилии с точки зрения их географии, планировки и характера. То же самое относится к некрополям, керамике, оружию. Автор приводит также выводы антропологов о гомогенности и единстве физического типа обитателей обоих регионов: они принадлежали к средиземноморскому типу, 42% были долихоцефалами и только 3% брахицефальны⁶⁹. Оба ареала характеризуются большой плотностью населения, ибо на территории одной только Валенсии методом радиоуглеродного анализа выявлено семь поселений энеолитического времени. На про-

⁶³ *Le Roy Ladurie*. Les paysans..., p. 328.

⁶⁴ *Benoit F.* Observations sur les routes de commerce grécoétrusque.— In: Actes du Colloque sur les influences helléniques en Gaule. Dijon, 1957, p. 16.

⁶⁵ *Benoit F.* Recherches sur l'hellénisation du Midi de la Gaule. Aix-en-Provence, 1965, p. 115—116.

⁶⁶ *Guilaine J.* L'Age du Bronze en Languedoc occidental. Roussillon, Ariège, Paris, 1968, p. 38—52, 77; *Briard J.* Les dépôts bretons et l'Age du Bronze atlantique.— In: Travaux du Laboratoire d'Anthropologie de la Faculté des sciences de Rennes. Rennes, 1965, p. 206; *Louis M., Taffanel O.* Le premier Age du Fer Languedocien. Ed. de l'Institut International d'Etudes Ligures. Bordighera, 1960, III, p. 378; *Hawkes Ch.* Las relaciones atlánticas del mundo tartésico.— In: Tartessos y sus problemas. Barcelona, 1969, p. 185 sq.

⁶⁷ *Tarradell M.* Prólogo.— In: *Martín G.* La supuesta colonia griega de Hemeroscopion. Estudio arqueológico de la zona Denia — Javea. Valencia, 1968, p. 4—11; *idem.* Introducción.— In: *Llobregat Conesa E.* Contestania ibérica. Alicante, 1972, p. 1—17.

⁶⁸ *Tarradell M.* Historia del País Valencià. Valencià, 1969.

⁶⁹ *Tarradell.* Historia..., p. 41 (cp. *Charles R.* Problèmes de chronologie méditerranéenne.— Cahiers Ligures de Préhistoire et d'Archéologie. 1963, XII, pt. 2, p. 181—204, где приводится практически такое же соотношение для французской Иберии).

тяжении эпохи бронзы (1500—500 гг.) здесь наблюдается дальнейшая стабилизация жизни. Почти все из 51 обнаруженного поселения приобретают городские черты: фортификацию, линейную планировку зданий, внедрение металлургии и т. д. Обобщая, автор считает возможным объяснить такой вариант прогресса влиянием восточно-средиземноморских народов юга Малой Азии и округа Библа (с. 57). С эпохи железа культура юга Валенсии, прочно ассимилировав все эти влияния, вступает в свой иберийский период (с. 62). Североваленсийский ареал он предлагает считать контактной зоной, поскольку здесь, так же как и в Каталонии, наблюдается одновременное усиление культурных влияний индоевропейцев — носителей культуры полей погребальных урн (с. 63). Греки своей колонизационной деятельностью еще более отдалили друг от друга все основные культурные иберийские зоны — ареалы Западного Средиземноморья, поскольку его восточное побережье стало местом их постоянного жительства (Великая Греция), а на крайнем западе они ограничились воспроизведением финикийской, т. е. торговой, модели эксплуатации (с. 63—64). Так как греки более активно сотрудничали с Провансом — Лангедоком, то французская Иберия подверглась их более интенсивному культурному влиянию, нежели Каталония и Валенсия. К тому же последний регион, будучи особенно труднодоступным с моря, поздно привлек внимание греков и, следовательно, более всего сохранил свое исконное этнокультурное лицо таким, каким оно начало оформляться еще в эпоху неолита. Поэтому М. Таррадель предлагает считать именно Валенсию ядром иберийской культуры (с. 71). Из ее носителей ведущую роль играли этетаны, обитавшие от Картахены до Эбро и имевшие центром Азайлу. Наиболее яркой характеристикой их самобытности, по мнению автора, является расписная керамика, представленная к настоящему времени несколькими тысячами сосудов с изображениями самых различных сюжетов войны и мира (с. 102). Духовная культура продолжает таить в себе множество загадок. С уверенностью автор говорит лишь о существовании какого-то варианта синкретической религии, впитавшей ряд малоазийских культов (богини Плодородия, Быка и т. д.) и не требовавшей особых по конструкции и размерам храмов (с. 102—103). Письмо иберов Валенсии также испытало, по мнению М. Тарраделя, глубокое малоазийское влияние, пришедшее прежде всего из архаической Ионии. Одним из возможных ключей дешифровки иберийского языка автор считает вслед за М. Гомесом Морено и Х. Каро Барохой баскский язык и его структуру, поскольку «оба они не были индоевропейскими, но принадлежали к доиндоевропейским» и характеризовались такими общими признаками, как наличие начальных *f* и *g*, отсутствие консонантных групп типа «глухая + плавная» и т. д. (с. 90).

В полном соответствии с концепцией М. Тарраделя написана монография его ученика Э. Льебрегата об истории Контестании (Южной Валенсии), представляющей автору «очагом культурного возрождения» или «Иберией в самом узком смысле слова»⁷⁰. По мнению автора, это своеобразный осколок культуры Старой Валенсии, переместившийся в более северный район. Так, вводя понятие континуитета, Э. Льебрегат намечает прямое родство культуры иберийской Контестании с тартессийской, утверждая одновременно, что своеобразный «ренессанс» последней оказался исторически возможным благодаря культурному воздействию греков (с. 7). Представляет самостоятельный интерес раздел о политической организации Контестании, в котором автор развивает идею Х. Каро о господстве элементов родового строя среди контастан середины I тыс. до н. э.⁷¹ Э. Льебрегат настаивает на наличии у них межплеменного объединения на основе амфиктионии и с вероятным политико-религиозным центром в Сайтаби⁷². Его выводы строятся на широком археологическом материале с применением сравнительного метода его анализа по «математическому» принципу. Другой заслугой автора следует признать объективно трезвое отношение к теории физического и человеческого единства, поскольку для него демография является «не хозяйкой, а служанкой» (с. 166), и потому он использует ее лишь как средство, например для обоснования уже упомянутой теории континуитета; изучение урба-

⁷⁰ *Llobregat Conesa E. Contestania ibérica. Alicante, 1972, p. 7, 166.*

⁷¹ *Caro Baroja J. Los pueblos de España. 2a ed. Barcelona, 1980, p. 117, 145 sq.*

⁷² *Llobregat Conesa. Contestania..., p. 169—170.*

низма имеет целью выяснение социально-политической структуры Контестанин. Характерно, что Э. Льебрегат сознательно отказывается от принципа сравнительного изучения основных ареалов иберийской культуры, считая, что для этого «еще не созрело время, ибо остальные (кроме Контестанин.— В. К.) зоны пока изучены слабо: раскопки ведутся, но обобщение отсутствует» (с. 165).

Если на рубеже 1960—1970-х гг. Э. Льебрегат был единственным последователем М. Таррадела, то вскоре в Испании, а затем и во Франции появляется целая плеяда исследователей конкретных зон иберийской культуры⁷³. Среди них выделяется М. Альмагро Горбеа, в своей попытке выяснения степени иноземного влияния на иберийскую культуру Экстремадуры создавший так называемую теорию «равноденствия»⁷⁴. Подобно Э. Льебрегату он выводит ее истоки из тартессийской культуры Риа Уэльва (900—750 гг. до н. э.), возникшей как продукт последовательного и длительного воздействия на местный мегалитизм различных атлантических и европейско-континентальных культур (с. 491). Однако в собственно иберийскую она развилась в силу последовательного воздействия на нее: 1) предшественников финикийцев, этническая дефиниция которых не представляется автору возможной (900—750 гг.); 2) финикийцев; 3) в гораздо меньшей степени греков (750—600 гг.) (с. 492). Если ее праиберийский вариант (700—600 гг.) характеризуется появлением керамики на местном гончарном круге, то древнеиберийский — разработанной типологией и орнаментикой сосудов (600—450 гг.) (с. 492). Свой расцвет эта культура переживает в 450—200 гг. до н. э., а к рубежу новой эры она сходит с исторической арены (с. 149). Таким образом, очевидно практически полное совпадение основных выводов М. Альмагро и Э. Льебрегата относительно иберийской культуры Контестанин и Экстремадуры, ибо при всех своих различиях классической поры оба варианта признаются генетически родственными, восходящими к тартессийской культуре Андалузии. Эта идея влияния Тартесса на оформление восточнопиренейской культуры находит все больше сторонников в Испании. В частности, ей было уделено специальное внимание на II Международном коллоквиуме по археологии Восточных Пиренеев⁷⁵.

Наименее исследованными остаются иберийская культура индикетов (приморская Каталония) и секванов (Западный Лангедок). Это объясняется прежде всего слабой археологической изученностью эпохи поздней бронзы — раннего железа в данных регионах, что вызывает большие трудности в решении проблемы происхождения соответствующих вариантов иберийской культуры. Если долгое время господствовала теория их иберизации из испанского Леванта, то в последние два десятилетия все большее распространение приобретает сформулированная еще П. Бошем идея о ее формировании *in situ* на базе последовательного развития (*desarrollo lineal*) местной культуры рубежа II—I тыс. до н. э. на всем протяжении от Роны до Андалузии⁷⁶. Свою лепту в возрождение этой идеи внесла теория физического единства, следуя которой, Пиренеи перестали считаться непреодолимым барьером⁷⁷. В настоящее время исследователи начали интенсивное изучение *Rhône-Culture*, чтобы затем методом *ad contrarium* приступить к исследованию ее прямой соседки — иберийской культуры Лангедока. В этом направлении работают Ф. Бенуа, Ж. Жюлли, Ж. Солье и др.⁷⁸, изучившие ряд крупных поселений нижнего течения Роны, которые, по их мнению, превратились к началу эпохи железа (VII—VI вв. до н. э.) в *oppida* (*cités*)⁷⁹. Можно думать, что свое-

⁷³ Все они приняли участие в Международном симпозиуме, посвященном происхождению иберийской культуры. См. *Els Orígens del món ibèric*.— Ampurias, 38—40. Barcelona, 1976—1978.

⁷⁴ *Almagro Górzea M.* El bronce final y el período orientalizante en Extremadura. Madrid, 1977, p. 488, 494—495.

⁷⁵ *Arteaga O.* Los Pirineos y le problema de las invasiones indoeuropeas.— In: *Els pobles pre-romans del Pirineu*. 2 Colloqui Internacional d'Arqueologia de Puigcerdà. Puigcerdà, 1978, p. 16—17, 21.

⁷⁶ *Solier J.* Les oppida du Languedoc «ibérique» aperçu sur l'évolution du groupe narbonnais.— *Els pobles pre-romans del Pirineu*, p. 160—161.

⁷⁷ *Arteaga.* Los Pirineos..., p. 21.

⁷⁸ *Jully J. J.* Koiné commerciale et culturelle phénico-punique et ibéro-languedocienne en Méditerranée occidentale à l'âge du fer.— *AEA*, 1975, 48, p. 22—23; *Solier.* Les oppida du Languedoc..., p. 167; *Benoit F.* Histoire d'Avignon. Aix-en-Provence, 1976, p. 33.

⁷⁹ *Benoit.* Op. cit., p. 35—38.

го рода теоретическим руководством авторам послужила работа Д. Русселя «Племя и город. Исследование социальных групп греческих городов в архаическую и классическую эпоху»⁸⁰, поскольку они намечают практически идентичную греческой картину трансформации туземных фил в города, в то время как фратрии эволюционируют постепенно в «аристократическую элиту» (*genos noble*) и рядовое сельскохозяйственное население (*genos ouvert*). Им импонирует также весьма продуктивная идея Д. Русселя о городе как своего рода политической структуре, которую он высказал в противовес традиционной теории Фюстель де Куланжа и Глотца о городе как объединении различных этнических групп в производственных целях (с. 83—84). Аналогичную картину представляет, по мнению Ж. Солье, М. Альмагро Баша и М. Мартина Ортеги, каталонский вариант иберизма⁸¹. В попытке объяснения специфики зон Лангедока и Ампурдана авторы исходят из идеи примата европейского влияния над средиземноморскими, не лишенной в данном конкретном случае основания, поскольку, действительно, обе они рано и глубоко узнали культуру полей погребальных урн⁸².

Так в европейской испанистике второй половине 1970-х гг. все более утверждает-ся предложенный М. Тарраделем метод сравнительного изучения конкретных зон иберийской культуры. Он положил конец господствовавшей со времен утверждения в Испании франкизма догме об изначальности исторической границы между Испанией и Францией и одновременно опроверг идею исторического единства Испании, провозглашенную в те же годы⁸³. Последователи этого метода избирают в качестве модели для сопоставлений первоначально только тартессийскую культуру. Однако невозможность поставить все точки над *i* приводит к возрождению теории европеизма, по которой культура Юго-Западной Галлии и Северо-Восточной Испании стала считаться иберийской только восприняв влияние культуры полей погребальных урн, и под лозунгом этой теории в 1978 г. состоялся II Международный коллоквиум по археологии Ампурдана⁸⁴.

Ареальные исследования упираются в проблему исходной базы, или очага, т. е. требуют возвращения к проблеме генезиса иберийской культуры, вытесненной, как мы старались показать, в 1930—1940 гг. изучением ее развития. В этом заключается их плодотворность и перспективность. Первые успехи в этом направлении были достигнуты во второй половине 1970-х гг. При этом, думается, испанистов подводит к ним скорее сам материал, нежели какая-либо особо стройная теория, ибо ее создание является, по признанию самих исследователей, актуальной задачей европейской испанистики⁸⁵. Без нее, одними только миграциями или последовательными перемещениями культуры от Андалузии до Лангедока невозможно объяснить синхронизм в формировании различных локальных вариантов иберийской культуры. С другой стороны, теория ее местного происхождения также потеряла свое некогда решающее значение, поскольку накопленный более чем за столетний период ее изучения материал свидетельствует об очень давнем присутствии в ней многочисленных элементов Востока, оказывавших к тому же нередко свое определяющее влияние. Не решает проблемы и европеистская теория «археодивиллизации», признающая историческое единство европейской цивилизации, уходящей корнями в эпоху неолита.

Первую попытку создания новой концепции можно связать, по нашему мнению, с теорией «аккультурации», впервые среди испанистов сформулированной М. Альмаг-

⁸⁰ *Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique.* P., 1976.

⁸¹ Подробнее см. *Aurora Martín A. Ullastret. Guía de las excavaciones y su museo. Gerona, 1977, p. 19—21.*

⁸² Подробнее об этом см. *Almagro Basch M. Resistencia y asimilación de elementos culturales del Mediterráneo occidental en la Iberia preromana.*— In: *Assimilation et résistance*, p. 117—130.

⁸³ *Cura-Morera M. Contribució a l'estudi de les poblacions pre-romanes de l'interior de Catalunya.*— In: *Els pobles...*, p. 184.

⁸⁴ «Els pobles pre-romans del Pirineu». 2 Colloqui Intern. d'Arqueologia de Puigcerdà. Puigcerdà, 1978. См. специальные доклады: *Arteaga. Los Pirineos...*, p. 16—24; *Maya González. Las necrópolis tumulares ilerdenses*, p. 83—97; *Solier. Les oppida...*, p. 153—162.

⁸⁵ *Blázquez J. M. Las raíces clásicas de la cultura ibérica. Estado de la cuestión. Últimas aportaciones.*— AEA, 1979, 52, p. 143, 163; *idem. Historia de España. T. II, p. 1. Introducción*, p. 4; *Abad Casal L. Consideraciones en torno a Tartessos y el origen de la cultura ibérica.*— AEA, 1979, 52, p. 185.

ро Горбеой в 1981 г.⁸⁶ Для М. Альмагро аккультурация иберийской культуры — это длительный процесс усвоения всех основных компонентов воздействовавших на нее культур. Его результатом явилась «как бы новая культура, ассимилировавшая элементы колониальной культуры» (с. 4). Процесс аккультурации для него — по существу третья фаза колониационного процесса, тогда как первый — это предколониационный и второй — собственно колонизация (с. 2). Однако аккультурация становится возможной в том случае, если местное население само обнаруживает предрасположенность к восприятию, в то время как ассимиляция (будучи, по его мнению, другим возможным результатом колонизации) осуществляется обычно насильственным путем (с. 2—3). Иначе говоря, для М. Альмагро Горбеа аккультурация — это импульс, исходящий из самих иберов, тогда как ассимиляция есть действие, направленное на них⁸⁷. На основании своей теории автор выделяет две зоны аккультурации: Уэльва — Нижний Гвадалквивир и средиземноморское побережье. Наиболее ранней и плодотворной была первая, сумевшая развить фиджийско-ориенталистические нормы и традиции во всех основных сферах материальной деятельности, а также в религии и письме: религиозный и лингвистический синкретизм (с. 9). Во второй зоне аккультурация, сдерживаемая в основном ограниченным «набором» естественных условий и обусловленным им относительно низким уровнем социально-экономической структуры, была менее интенсивной; она позже проявила себя и не была такой ярко выраженной (с. 10). Однако с течением времени именно эта вторая зона обнаружила склонность к восприятию культуры первой, результатом чего и явилось возникновение сложной и своеобразной иберийской культуры (с. 12). Гарантией эффективности своей теории М. Альмагро Горбеа считает ее синтетический характер и полное соответствие выводам конкретных исследований второй половины 1970-х гг.

Концепция М. Альмагро Горбеа более, чем все предыдущие, порывает с традиционным подходом к иберийской культуре как собранию исторических ценностей, созданных древнейшим населением Иберии и Юго-Западной Галлии в системе прежде всего духовного производства. Автор отказывается от попыток характеризовать культуру как готовый результат творчества и стремится выявить его процесс. Его интересует также способ освоения ценностей культуры, их распределения и воспроизводства. Иначе говоря, он придает большую важность процессам жизни культуры: ее экстенсивного распространения путем регионального синтеза в процессе взаимодействия с другими культурами и интенсивного роста, развития в умах поколений. В этом, как нам представляется, состоит перспективность концепции М. Альмагро Горбеа. Однако ее значение еще более возросло бы, если бы ее создателю удалось включить в ее ткань человека, производящего и осваивающего культурные ценности и выступающего, таким образом, центральным явлением самой культуры.

В. И. Козловская

⁸⁶ *Almagro Gorbea M.* Forte di contatto e processi di acculturazione tra colonizzatori e indigeni nelle Penisola Ibérica. Материалы Международного коллоквиума «Forme di contatto e processi di trasformazione nella società antiche (Oriente e Occidente)». Cortona, 24—30 maggio 1981.

⁸⁷ Для сравнения данного определения с принятым в нашей науке понятием аккультурации см., к примеру, *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978, с. 283 слл.

НОВАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЕГИПТОЛОГИИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР XXII СЕРИЯ

I. РАСКОПКИ

- G. Castel, D. Meeks. Deir el-Medineh 1970, Rapport.* Le Caire, 1980, Fouilles d'IFAO, v. 12: Fasc. 1 — Gournet, Marée Nord.— 64 p., ill, 28 pl.; Fasc. 2 — Gournet Sud.— 43 p., ill., 18 pl.
- P. Charvát. The Pottery: Czechosl. Excavations at Abusir, the Mastaba of Ptahshepses.* Praha, 1981, 295 p.
- W. De Coulson, A. Albert. Cities of the Delta; pt. I — Naukratis: Preliminary Report on the 1977—78 and 1980 Seasons.* Malibu-Undena, 1981, XIV + 106 p., ill, VII pl.
- W. B. Emery a. o. The Fortress of Buhen (Rec.: CdE, 113, 1982, p. 94—100; OLZ, 77, 1982, 6, p. 550—553).*
- R. A. Fazzini, H. Peck. Excavating the Temple of Mut.— Archaeology, 36, 1983, 2, p. 16—23.*
- H. Goedicke (Rec.): E. Edel. Die Felsgräbernekropole der Qubbet et Hawa bei Assuan, II.— BiOr., XXXVIII, 1981, 5/6, S. 582.*
- N. C. Grimal (Rec.): G. T. Martin. The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara. L., 1981.— BiOr., 39, 1983, 5/6, p. 538—539.*
- F. W. Hinkel. Auszug aus Nubien. B., 1978, 104 p., ill., 23 pl. (Rec.: Ch. Mays tre.— CdE, 112, 1981, p. 295—297; OLZ, 77, 1982, 6, S. 553—554).*
- F. W. Hinkel. The Archaeological Map of the Sudan. 2. The Area of the South Lybian Desert. B., 1979, 156 p., 26 pl.*
- B. J. Kemp. Automatic Analysis of Predynastic Cemeteries: A New Method for an Old Problem.— JEA, 68, 1982, p. 5—15.*
- Z. Kiss, M. Rodziejewicz. Wykopaliska na Kom ed-Dikka a topografia starożytniej Aleksandrii.— Meander, 36, 1981, 6, s. 337—341.*
- Ch. Leblanc. Le dégageement de la tombe de Ta-Nedjemy.— BSFE, 89, 1981, p. 32—47.*
- J. Leclant. Fouilles et travaux en Egypte et au Soudan, 1979—1980.— Or, 51, 1982, 1, p. 49—122; 1980—1981 — ib., 4, p. 411—492.*
- M. Megally. Two Visitors' Graffiti from Abûsir.— CdE, 112, 1981, p. 218—240.*
- K. Mysliwies. EDFU — szanse archeologii.— Meander, 36, 1981, 6, s. 309—314.*
- A. Rosenwasser (Rec.): T. Sâve-Söderbergh. The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia.— CdE, 113, 1982, p. 89—94.*
- P. L. Shinnie, R. J. Breadly. The Capital of Kush, I: Meroe Excavations 1965—1972. B., 1980, XVII + 317 p., ill., 23 pl. + 8 pl. (Rec.: G. Trigger, BiOr, XXXVIII, 1981, 5/6, p. 601).*
- The Temple of Queen Hatshepsut: Results of the Investigation and Excavation Works of the Polish-Egyptian Archaeological Mission, 1972—1973.* Warsaw, 1980, 107 p.
- J. Vercoutter, Cinq ans de fouilles de l'IFAO dans les oasis, 1977—1981.— BSFE, 92, 1981, p. 14—32.*
- M. Verner. Les recherches archéologiques de l'Institut tchécoslovaque d'égyptologie à Abousir.— BSFE, 91, 1981, p. 6—21.*

M. Verner. *Excavations at Abusir. Season 1980/1981 — Preliminary Report.*— ZAS, 109, 1982, 2, S. 157—166.

A. Vila. *La prospection archéologique de la vallée du Nil, au sud de la cataracte de Dal (Nubie soudanaise), Fasc. II.* P., 1979, 134 p., ill. (BAH—JI.)

II. ПУБЛИКАЦИИ

S. M. el-Adly. *Az amulett a mai Egyptoban.* Budapest, 1981, 108 p.

Sch. Allam. *Einige hieratische Ostraka der Papyrussammlung der Staatlichen Museen zu Berlin.*— SMB FB, 22, 1982, S. 51—62.

M. L. Bierbrier. *Play in Cambridge.*— JEA, 68, 1968, p. 85—92.

M. Biatak, E. Reiser-Haslauer. *Das Grab des Anch-Hor, Oberhofmeister der Gottesgemahlin Nitokris, vol. II.* Wien, 1982, X + 154 (308) S. (EJI)

L. Bongrani | Fanfoni, F. Haikal, G. Nolli. *Le sarcophage № 22.954 du Musée Vatican.*— RSO, 52, 1978, 3—4, p. 163—182.

J. Bourriau. *Three Monuments from Memphis in the Fitzwilliam Museum.*— JEA, 68, 1982, p. 51—59.

E. Bresciani. *Kom Madi 1977—1978: Le pitture murale del Cenotafo di Alessandro Magno. (Le temple d'Anubis et la chapelle d'Imhotep).* Pisa, 1980, 62 p., 24 pl., ill.

W. Brunsch. *P. Würzburg Inv. № 43 — eine koptische Verzichterklärung.*— ZAS, 108, 1981, 2, S. 93—105.

R. A. Caminos. *The Rendells Mummy Bandages.*— JEA, 68, 1982, p. 145—155.

W. E. H. Cockle. *Complaint against a Policeman.*— JEA, 68, 1982, p. 272—276.

S. Cauville. *Une offrande spécifique d'Osiris: le recipient de dattes (m'd} nbnr).* RdE, 32, 1980, p. 47—64.

J. J. Clère. *La Stèle de Sankhptah, Chambellan du Roi Râhotep.*— JEA, 68, 1982, p. 60—68.

C. Crozier-Brelot (Rec.): L. H. Lesko. *Index of the Spells on Egyptian Middle Kingdom Coffins.*— CdE, 111, 1981, p. 62—63.

M. Dewachter. *Un nouveau «fils royal» de la XVIIIe dynastie: Qenamou.*— RdE, 32, 1980, p. 69—73.

I. E. S. Edwards. *The Bankes Papyri I and II.*— JEA, 68, 1982, p. 126—133.

M. H. van Es. *Das Totenbuch des Ptahmose. Ein Beitrag zur weiteren Diskussion.* ZAS, 109, 1982, 2, S. | 96—121.

Sami Farag. *Une inscription memphite de la XIIe dynastie.*— RdE, 32, 1980, p. 75—82.

H. G. Fisher. *A Didactic Text of the Late Middle Kingdom.*— JEA, 68, 1982, p. 45—50.

R. Giveon. *A New Kingdom Stela from Sinai.*— Israel Exploration Journal, 31, 1981, 3/4, p. 168—171.

A. H. Gordon. *A Glass Bead of Ahmose and Amenhotep I.*— JNES, 41, 1982, 4, p. 295—298.

N. Grimal. *Etudes sur la propagande royale égyptienne.* Le Caire, IFAO, 1981: v. I — *La stèle triomphale de Pt(ankh)y au Musée du Caire, JE 48862 et 47086—47089.* XXVII + 364 p., ill, 7 pl.; v. II — *Quatres stèles napatéennes au Musée du Caire, JE 48863—48866. Textes et indices.* XV + 115 p., facs., 25 pl.

M. Hainsworth (Rec.): B. G. Trigger. *The Meroitic Funerary Inscriptions from Arminna, Pennsylvania-Yale Expedition.*— RdE, 32, 1980, p. 149—150.

R. Hari. *Un troisième Djehoutyfefer, directeur du trésor?*— Or, 52, 1983, 2, p. 230—232.

W. Helck (Rec.): K. A. Kitchen. *Rameside Inscriptions, v. II.*— BiOr, XXXVIII, 1981, 1/2, p. 30—31; v. III.— BiOr, XXXIX, 1982, 3/4, p. 270—271; ZAS, 76, 1981, 5, p. 450—455.

N. Jenkins. *The Boat beneath the Pyramid: King Cheops' Royal Ship.* L., 1980, 184 p.

J. Karkowski. *The pharaonic Inscriptions from Faras (Inscrypcie faraonskie z Faras).* Warszawa, 1981, XI + 372 s. (EJI)

G. T. Martin. *Two Monuments of New Kingdom Date in North American Collections.*— JEA, 68, 1982, p. 81—84.

H. de Meulnaere. La Statue d'un vizir Thébain, Philadelphia University Museum E. 16025.— JEA, 68, 1982, p. 139—144.

A. M. Mousa. The Offering Table of Imenisonb of Ita.— Or, 1982, 51, 2, p. 257—258.

M. A. Nur el-Din. A Demotic Text on a Torso at Leiden.— CMRO, LXI, p. 33—38.

M. Pezinn. Les étiquettes de momies de la collection Le Blant.— RdE, 32, 1980, p. 144—145.

G. Pynch. Childbirth and Female Figurines at Deir el-Medina and el-Amarna.— Or, 52, 1983, 3, p. 405—414.

G. Posener. Un Papyrus d'El-Hiteh.— JEA, 68, 1982, p. 134—138.

P. Posener-Krieger. Fragments de papyrus provenant de Saqqarah.— RdE, 32, 1980, p. 83—93.

J. R. Rea. Lease of a Red Cow called Thayris.— JEA, 68, 1982, p. 277—282.

A. Roccati. Su un passo di Hardjedef.— JEA, 68, 1982, p. 16—19.

A. Schulman, R. Gophna. An Archaic Egyptian «Sezekh» from Tell Ma'ahaz.— Israel Exploration Journal, 31, 1981, 3/4, p. 165—167.

Ch. C. Van Siclen III (Rec.): T. G. H. James. Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum, v. I. From Dynasty I to the End of Dynasty XVIII.— JNES, 41, 1982, 4, p. 299—301.

J. Sliwa. Egyptian and Nubian Pottery in the Cracow Collections.— Prace archeologiczne, 1982, Zeszyt 6, 59 p., ill.; Warszawa, 1982, 59 p. (ВГБИЛ)

J. Sliwa. Ceramica egipska i nubijska w zbiorach Museum Archeologicznego w Krakowie. Cz. I. Toszke zach. i Ermenne vsch.— Materialy archeologiczne, 21, 1981, s. 125—137.

H. S. Smith, A. Kuhrt. A Letter to a Foreign General.— JEA, 68, 1982, p. 199—209.

H. Szymanska-Wasyłowska. Egipskie figurki terakotowe z okresu ptolemejskiego i cesarstwa rzymskiego w zbiorach Museum Archeologicznego w Krakowie.— Materialy archeologiczne, 1982, 21, s. 141—170.

W. J. Tait. A Demotic Word-list from Tebtunis: P. Carlsberg 41 A.— JEA, 68, 1982, p. 210—227.

A. P. Thomas. Some Palimpsest Fragments from the Maru-Aten at Amarna.— CdE, 113, 1982, p. 5—13.

J. D. Thomas. Unedited Merton Papyri, II.— JEA, 68, 1982, p. 283—289.

B. Vachala. Neue Salbölpaletten aus Abusir — Addendum.— ZÄS, 109, 1982, 2, S. 171.

E. Varga. Une tête de bois peint en Egypte.— BMHB, 53, 1979, p. 5—16.

M. Verner. The False-door of Khekeretnebtu.— ZÄS, 109, 1982, 1, S. 72—74.

G. Vittmann. Eine demotische Teilungsurkunde aus dem Jahr 230 v. Chr. (Papyrus Berlin P. 3089).— ZÄS, 109, 1982, 2, S. 166—171.

G. Wessetzky. Cônes funéraires du Musée des Beaux-Arts.— BMHB, 53, 1979, p. 17—20.

V. Wessetzky. Sírűpök a szépművészeti múzeumban (Комментарий на венгерском яз.).— ib., p. 231—233.

V. Wessetzky. Amulettes de coeur au Musée des Beaux-Arts.— BMHB, 54, 1980, p. 5—11.

III. ИСТОРИЯ

C. Roubet, N. el Hadidi, 20 000 ans d'environnement préhistorique dans la vallée du Nil et le désert Egyptien.— Antropologie, 82, 1981/82, 1, p. 31—57.

R. Schild, F. Wendorf. The Prehistory of an Egyptian Oasis (Bir Sahara).— Wrocław, 1981, 155 p., 16 pl.

B. Williams. Notes on Prehistoric Cache Fields of Lower Egyptian Tradition at Sedment.— JNES, 41, 1981, 3, p. 213—222.

A. Ben-Tor. The Relations between Egypt and the Land of Canaan during the Third Millennium B. C.— JJS, 33, 1982, 1/2, p. 3—18; AJA, 85, 1981, 4, p. 449—452.

N. Kanawati. Deux conspirations contre Pépy Ier.— CdE, 112, 1981, p. 203—207.

- A. J. S p e n c e r. *First and Second Owners of a Memphite Tomb Chapel.*— JEA, 68, 1982, p. 20—26.
- A. S p a l i n g e r. *Remarks on the Family of Queen H.'s. nbw and the Problem of Kingship in Dynasty XIII.*— RdE, 32, 1980, p. 95—116.
- R. D. A n d e r s o n. *Qasr Ibrim: Watchdog of the Nile.*— Archaeology, 35, 1982, 5, p. 58—60.
- F. G o m a a. *Ägypten während der ersten Zwischenzeit.* Wiesbaden, 1980, 170 S.
- W. J. M u r n a n e (Rec.): *S. Ratié. La reine Hatchepsout. Sources et Problèmes.*— BiOr, XXXIX, 1982, 1/2, p. 54—56; R. Tefnin — CdE, 111, 1981, p. 70—74.
- C. M e y e r. *Senenmut: Eine prosopographische Untersuchung. (Diss.)*. Hamburg, 1982, XV + 337 S. (БЛ)
- W. H e l c k. *Wo errichtete Thutmosis III. seine Siegesstele am Euphrat?* — CdE, 112, 1981, p. 241—245.
- P. V a n d e n b e r g. *Nefertiti.* București, 1980, 431 p., ill. (На румынск. и словацк. яз.); *Nofretete: Archeol. Biogr.*, Zagreb, 1981, 375 s., ill. (На сербск. яз.)
- E. K. W e r n e r (Rec.): *J. Samson, Amarna. City of Akhnaten and Nefertiti (Nefertiti as Pharaoh).*— CdE, 112, 1981, p. 280—284.
- M. E a t o n - K r a u s s. *Miscellanea Amarnensia.*— CdE, 112, 1981, p. 245—264.
- B. H a l p e r n, J. H u e h n e r g a r d. *El-Amarna Letter 252.*— Or, 51, 1982, 2, p. 227—230.
- M. M o d e. *Nechuempaton — ein Offizier der Kampfwagen aus El-Amarna.*— HBO, 4, 1982/1983, S. 19—27.
- B. v a n d e W ä l l e (Rec.): *R. Krauss. Das Ende der Amarnazeit . . .*, CdE, 111, 1981, p. 74—76.
- C. D e s r o c h e s - N o b l e c o u r t. *Tutanchamon. Zycie, smierc, odrodzenie.* Warszawa, 1980, 218 s. (МГУ)
- J. A. K r u c h t e n. *Le décret d'Horemheb: Traduction, commentaire.* Bruxelles, 1981, X + 252 p.
- K. A. K i t c h e n. *Pharaoh Triumphant: the Life and Times of Ramesses II, King of Egypt.* Warminster, 1982, VII + 272 p., ill.
- Ph. W a n d e n b e r g. *Ramses der Grosse: eine archäologische Biographie.* Bern — München, 198-, 368 S., 8 Taf., ill.
- R. J. L i c h t e n b e r g, A. C. T h u i l l i e z. *Sur quelques aspects insolites de la radiologie de Ramses II.*— BMSA, 8, 1982, 3, p. 323—330.
- J. B u c k l e r. *The Theban Hegemony, 371—362 BC.* Cambr. Mass., 1980, 341 p., ill. (МГУ)
- J. Y o y o t t e. *Le general Thouti et la perception des tributs syriens.*— BSFE, 92, 1981, p. 33—49.
- H. A l t e n m ü l l e r. *Tausret und Sethnacht.*— JEA, 68, 1982, p. 107—115.
- K. A. K i t c h e n. *The Twentieth Dynasty Revised.*— JEA, 68, 1982, p. 116—125.
- A. M a c y R o t h. *Some New Texts of Herihor and Ramesses IV in the Great Hypostyle Hall of Karnak.*— JNES, 42, 1983, 1, p. 43—53.
- E. G r a e f e. *Untersuchungen zur Verwaltung und Geschichte der Institution der Gottesgemahlin des Amun vom Beginn des neuen Reiches bis zur Spätzeit.* Wiesbaden, 1981, XVI + 247 S. (БЛ)
- W. B a r t a. *Die Mondfinsternis im 15. Regierungsjahr Takelots II.*— RdE, 32, 1980, p. 3—17.
- F. v. K a e n e l. *Les mésaventures du conjurateur de Serket Onnophris et son tombeau.*— BSFE, 87/88, 1980, p. 31—45 (XXX d.).
- A. B. L l o y d. *The Inscription of Ujdahorresnet, a Collaborator's Testament.*— JEA, 68, 1982, p. 166—180.
- P. S a l m o n. *La politique égyptienne d'Athènes (VIe et Ve s. avant J. C.).* Bruxelles, 1981, XXXII + 306 p., carte. (ГБИЛ).
- P. H e r z. *Diva Drusilla. Ägyptisches und Römisches in Herrscherkult zur Zeit Caligulas.*— Historia, 30, 1981, 3, S. 324—336.

Нубия

- W. Y. Adams. *Meroitic North and South: A Study in Cultural Contrasts*. B., 1976, 190 p.
- R. Fisher. Die schwarzen Pharaonen.— BiOr, XXXIX, 1982, 3/4, S. 330—331.
- F. W. Hinkel. *Kolloquium für Nubische Studien*, Den Haag 1979.— EAZ, 21, 1980, 4, S. 725—727.
- N. B. Millet. *Social and Political Organization in Meroe*.— ZÄS, 108, 1981, 2, S. 124—141.
- I. Müller. *Die Verwaltung der nubischen Provinz im Neuen Reich*.— EAZ, 23, 1982, 3, S. 465—470.

Антропология

- G. Billy. *Affinités morphologiques entre anciennes populations d'Égypte et de Nubie*.— BMSA, 8, 1982, 3, p. 265—273.
- G. Billy, M. C. Chamba. *Les restes humains des necropoles pharaoniques de Soleb*.— *Antropologie*, 85, 1981/1982, 1, p. 59—90. (G. Rousselet, *Etude odontologique et J. Dastugue, Les pièces pathologiques*— ib., 2, p. 240—250).
- T. Dziężykrai-Rogalsky. *Dalsze badania antropologiczne w oazie Dakhlen (pustynia zachodnia, Egipt) w 1980 r.*— *Przegląd antrop.* (Poznan), 47, 1982, 2, s. 317—326.
- E. Prominska. *La stature des habitants de l'Oasis de Dakhleh sous la XXVIe dynastie et à l'époque Ptolemaïque*.— BMSA, 8, 1982, 3, p. 275—280.
- «Bone Loss and Dietary Stress in an Adult Skeletal Population from Sudanese Nubia».— BMSA, 8, 1981, 3, p. 307—322.
- E. Strouhal. *Current State of Anthropological Studies on Ancient Egypt and Nubia*.— BMSA, 8, 1891, 3, p. 231—249.

Общие труды

- C. Aldred a. o. *L'empire des conquérants. L'Égypte au Nouvel Empire (1560—1070)*. P., 1979, 349, p., ill. (пер. с англ.)
- E. Brunner-Traut (Rec.): J. Leclant, ed. *Le monde égyptien, I*.— BiOr, XXXVIII, 1981, p. 584—591; II.— BiOr, XL, 1983, 1/2, p. 61—68.
- The Cambridge History of Africa, v. I*, Cambridge, 1982: 1) B. G. Trigger. *The Rise of Civilisation in Egypt* — p. 478—547; 2) B. J. Kemp. *Middle Kingdom and Second Intermediate Period in Egypt* — p. 658—769; 3) D. O'Connor. *Egypt, 1552—644 B. C.* — p. 830—940.
- R. E. Freed. *The Art of Living in the New Kingdom Egypt*.— *Archaeology*, 35, 1982, 3, p. 60—63.
- Chr. Jacq. *L'Égypte des grands pharaons: l'histoire et la légende*. P., 1981, 250 p.
- H. J. Katzenstein. *Gaza in the Egyptian Texts of The New Kingdom*.— JAOS, 102, 1982, 1, p. 111—113.
- J. Leclant. *Égypte pharaonique et Afrique*. P., 1980, 11 p. (БЛ)
- J. Málek. *The Original Version of the Royal Canon of Turin*.— JEA, 68, 1982, p. 93—106.
- P. H. Newby. *Warrior Pharaoh: the Rise and Fall of the Egyptian Empire*. L., 1980, 212 p. (БЛ)
- A. Nibbi. *A Fresh Look at the Egyptian Environment of the Pharaonic Period*.— PEQ, 113, 1981, p. 89—99.
- F. de Salvia. *La problematica della reazione culturale egea all'influenza culturale della civiltà egizia durant l'età arcaica*.— Or, 52, 1983, 2, p. 201—214.
- G. Scandone Matthiae (Rec.): G. Hölbl. *Beziehungen der ägyptischen Kultur zu Altitalien*.— BiOr, XXXVIII, 1981, 1/2, p. 68—71.
- A. Spalinger (Rec.): E. Hornung. *Grundzüge der ägyptischen Geschichte*.— CdE, 111, 1982, p. 68—70.
- J. Osing. *Strukturen in Fremdländerlisten*.— JEA, 68, 1982, p. 77—80.
- G. P. F. Wanden Boorn, on the «Duties of the Visier».— Or, 51, 1982, 3, p. 369—381.
- J. M. Weinstein. *The Egyptian Empire in Palestine: A Reassessment*.— BASOR, 241, 1980, p. 1—28.

S. A l l a m. *Wie der Altägypter in der Zeit des Neuen Reiches kaufte und verkaufte.*— *Altertum*, 27, 1981, 4, S. 233.

S. A l l a m. *Eheschliessung und Scheidung in Altägypten.*— *Altertum*, 29, 1983, 2, S. 117—123.

M. D e l l a M o n i c a. *La classe ouvriere sous les Pharaons. Etude du village de Deir el-Medineh.* P., 1980, 199 p., ill.

A. D e m b s k a (Rec.): Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц.— *Przegląd orientalistyczny*, Warszawa, 1981, 2, s. 178—180.

E. E n d e s f e l d e r. *Zur Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten.*— *OLZ*, 77, 1982, 5, S. 437—441.

E. E n d e s f e l d e r. *Zur Entwicklung der Bewässerungstechnik in Ägypten, in: Produktivkräfte und Gesellschaftsformationen in vorkapitalistischer Zeit.* B., 1982, S. 141—146.

N. G r i m a l (Rec.): G. Sée. *Naissance de l'urbanisme dans la vallée du Nil.*— *RdE*, 32, 1980, p. 147—149.

J. J. J a n s s e n. *Gift-Giving in Ancient Egypt as an Economic Feature.*— *JEA*, 68, 1982, p. 253—258.

N. N a ' a m a n. *Economic Aspects of the Egyptian Occupation of Canaan.*— *Israel Exploration Journal*, 31, 1981, 3/4, p. 173—185.

P. W. P e s t m a n. *L'origine et l'extension d'un manuel de droit Egyptien.*— *JESHO*, 26, 1983, 1, p. 14—21.

B. P o r t e n, H. Z. S z u b i n. 'Abandoned Property' in Elephantine: A New Interpretation of Kraeling 3.— *JNES*, 41, 1982, 2, p. 123—132.

J. M. R a v e n. *The 30th Dynasty Nespamedu Family.*— *OMRO*, LXI, 1980, p. 19—32.

M. R i p i n s k y. *Camel Ancestry and Domestication in Egypt and Sahara.*— *Archaeology*, 36, 1983, 3, p. 21—27.

M. E l - S a g h i r, D. V a l b e l l e, *Per-Merou (Kommir) et le district de la Gazelle dans le IIIe nome de haute Egypte.*— *BSFE*, 91, 1981, p. 22—30.

A. J. S p a l i n g e r. *Aspects of the Military Documents of the Ancient Egyptians.* New Haven/London, 1982, XV + 258 p., ill. |

F. S t e i n m a n n. *Untersuchungen zu den in der handwerklich-künstlerischen Produktion beschäftigten Personen und Berufsgruppen des Neuen Reichs, II.*— *ZÄS*, 109, 1982, 1, S. 66—72; 2, S. 149—156.

M. S t o f. *Untersuchungen zur Bevorratung und Lagerung von Getreide im alten Ägypten.*— *EAZ*, 23, 1982, 3, S. 453—464.

S. P. V l e e m i n g. *The Sale of a Slave in the Time of Pharaoh Py.*— *OMRO*, LXI, 1980, p. 1—8. |

V. РЕЛИГИЯ

J. F. A u b e r t. *Nouvelles observations sur les chaouabtis de Deir el Bahari et autres de la 21^e dynastie.*— *CdE*, 111, 1981, p. 15—30.

A. I. B a d a w y. *The Spiritualization of Kagemni.*— *ZÄS*, 108, 1981, 2, S. 85—93.

H. B e i n l i c h. *Ein Morgenlied an Osiris aus dem Hathor-Tempel von Dendara.*— *RdE*, 32, 1980, p. 136—138.

W. B e l t z. *Ägyptische Prädispositionen für die Gnosis.*— *HBO*, 4, 1982/1983, S. 71—87.

A. B e v e r e s c o, A. F e n o g l i o. *I misteri dell' antico Egitto: Scienza, religione e magia.* Torino, 1980, 247 p., ill., 4 pl.

R. S. B i a n c h i. *Egyptian Mummies: Myth and Reality.*— *Archaeology*, 35, 1982, 2, p. 18—25.

B. B r i e r. *Ancient Egyptian Magic.* N. Y., 1980, 322 p. (БЛ)

J. B r i n k s. *Die Sedfestanlagen der Pyramidentempel.*— *CdE*, 111, 1981, p. 5—14.

J. F. B o r g h o u t s. *The Ram as a Protector and Prophet.*— *RdE*, 32, 1980, p. 33—46.

W. J. C h e r f. *The Function of the Egyptian Forked Staff and the Forked Bronze Butt: A Proposal.*— *ZÄS*, 109, 1982, 2, S. 86—97. (*Anti-snake symbols*).

A. R. D a v i d. *The Ancient Egyptians: Religious Beliefs and Practices.* L., 1982, XVI + 260 p., ill., 8 pl.

P. H. Derchain (Rec.): G. Englund. Akh — une notion religieuse dans l'Égypte pharaonique (Uppsala).— CdE, 113, 1982, p. 75; OLZ, 77, 1982, 5.]

M. Dewachter. Un nouveau type de cônes funéraires.— RdE, 32, 1980, p. 140—141.

M. Gilula. An Egyptian Etymology of the Name of Horus? — JEA, 68, 1982, p. 259—265.

S. Herrmann (Rec.): H. Schlögl. Der Sonnengott auf der Blüte.— OLZ, 77, 1982, 2, S. 127—130.

L. Kakosy. The Nile, Euthenia, and the Nymphs.— JEA, 68, 1982, p. 290—298.

L. Kuchman Sabbahy. Observations on Bes-pots of the Late Period.— ZÄS, 109, 1982, 2, S. 147—149.

C. Kunderewicz. Religie Egiptu, «Religie Blieskiego Wschodu i dawnej Europy». Warszawa, 1981, S. 91—118.

U. Luft (Rec.): K. Martin. Ein Garantsymbol des Lebens.— OLZ, 76, 1981, 1, S. 17—18.

M. Lurker. The Gods and Symbols of Ancient Egypt. L., 1980, 142 p., ill.

B. H. Stricker. De praehelleense ascese (vervolg). De gelofte.— OMRO, LXI, p. 209—251. (II).

Tadema Sporry A. and Tadema Auke A. Egyptische mummies en hun geheimen. Haarlem, 1981, 168 p. (На голл. яз.) (ВГБИЛ)

F. Teichmann. Der Mensch und sein Tempel. Bd. I. Ägypten. Stuttgart, 1978, 205 S. (БЛ).

E. F. Wente. Mysticism in Egypt? — JNES, 41, 1982, 3, p. 161—180.

E. F. Wente. Funerary Beliefs of the Ancient Egyptians. An Interpretation of the Burials and the Texts.— Expedition, 24, 1982, 2, p. 17—26.

E. F. Wente (Rec.): H. A. Schlögl. Der Gott Tatenen nach Texten und Bildern des Neuen Reiches.— JNES, 42, 1983, 2, p. 155—156.

J. Yoyotte. Une monumentale litanie de granit: les Sekhmet d'Amenophis III et la conjuration permanente de la déesse dangereuse.— BSFE, 87/88, 1980, p. 46—75.

VI. КУЛЬТУРА

Литература

P. Auffret. Hymnes d'Égypte et d'Israël: Etudes de structures littéraires. Fribourg — Göttingen, 1981, 316 p.

J. Baines. Interpreting Sinuhe.— JEA, 68, 1982, p. 31—44.

O. D. Berlev (Rec.): G. Posener. L'Enseignement loyaliste.— OLZ, 76, 1981, 1, S. 14—15.

E. Blumenthal. Die Prophezeiung des Neferti.— ZÄS, 109, 1982, 1, S. 1—27.

M. Lichtheim. Ancient Egyptian Literature. A Book of Readings. v. 3 — The Late Period.— Berkeley, 1980, XIV + 228 p.

U. Kaplony-Teckel. Spätägyptische Mathematik.— OLZ, 76, 1981, 2, S. 117—124.

C. Lalpueche. La littérature égyptienne. P., 1981, 128 p. (БЛ)

E. Никлово. Житейската философия на древните египтяне.— Филос. мисъл, 38, 1982, 10, с. 99—104. (На болг. яз.)

B. Menu. Note sur les inscriptions de S²-mwt surnommé Kyky.— RdE, 32, 1980, p. 141—144.

P. Vernus. Derechef les inscriptions de S³-mwt surnommé Kyky.— RdE, 32, 1980, p. 145—146.

B. vande Walle (Rec.): W. Helck. Die Lehre für König Merikare: CdE, 113, 1982, p. 69—70.

Архитектура

I. E. S. Edwards. The Pyramids of Egypt. Harmondsworth, 1980, 319 p., ill., 16 pl.

E. Graefe (Rec.): A. Dieter. The Temple of Mentuhotep at Deir el-Bahari, I. Architektur und Deutung.— BiOr, XXXVIII, 1982, 1/2, S. 38—43.

F. W. Hinkel. Pyramide oder Pyramidenstumpf? Ein Beitrag zu Fragen der Planung konstruktiven Baudurchführung und Architektur der Pyramiden von Meroe (Teil A)—ZÄS,

108, 1981, 2, S. 105—124; (*Teil B*) — 109, 1982, 1, S. 27—61; (*Teil C und D*) — 109, 1982, 2, S. 127—147.

J. Lipińska. *Problemy kanonu w architekturze egipskiej*.— *Meander*, 36, 1981, 6, S. 315—318.

M. Marciniak. *Dolina Królów w przekasach starożytnych*.— *Meander*, 36, 1981, 6, s. 303—307.

W. J. Murnane (Rec.): *R. A. Parker, J. Leclant, J. C. Goyon. The Edifice of Taharqa by the Sacred Lake of Karnak*.— *JNES*, 42, 1983, 3, p. 233.

M. Verner. *Eine zweite unfollendete Pyramide in Abusir*.— *ZÄS*, 109, 1982, 1, S. 7.

B. van de Walle (Rec.): *G. Goyon. Die Cheops-Pyramide: Geheimnis und Geschichte*.— *CdE*, 111, 1981, p. 82—83.

L. I. Wente (Rec.): *Al. Badawy. Coptic Art and Architecture*.— *JNES*, 41, 1982, 4, p. 306—307.

Изобразительное искусство

C. Aldred. *Egyptian Art in the Days of the Pharaohs, 3100-320 B. C. L.*, 1980, 252 p.

Africa in Antiquity: the Arts of Ancient Nubia and the Sudan. B., 1979, 199 S., ill., 14 pl.

E. J. W. Barber. *New Kingdom Egyptian Textiles: Embroidery vs. Weaving*.— *AJA*, 86, 1982, 3, p. 442—445.

B. V. Bothmer. *On Realism in Egyptian Funerary Sculpture*.— *Expedition*, 24, 1982, 2, p. 27—40.

N. Cherpion (Rec.): *Reliefs des alten Reiches, T. 2*.— *CdE*, 111, 1981, p. 95—96.

W. K. Davies. *The Origin of the Blue Crown*.— *JEA*, 68, 1982, p. 69—76.

L. Gorelik, A. J., Gwinnett. *Ancient Egyptian Stone Drilling*.— *Expedition*, 25, 1983, p. 40—47.

J. G. Griffiths. *Eight Funerary Paintings with Judgement Scenes in the Swansea Wellcome Museum*.— *JEA*, 68, 1982, p. 228—252.

R. Hari (Rec.): *I. Beste. Skarabäen, T. 1—3*.— *CdE*, 112, 1981, p. 287—289.

F. Hintze, ed. *Africa in Antiquity: the Arts of Ancient Nubia and the Sudan*. B., 1979, 199 p., ill., 14 pl.

T. G. H. James. *A Wooden Figure of Wadjet with Two Painted Representations of Amasis*.— *JEA*, 68, 1982, p. 156—165.

D. Kurth. *Zur Erklärung des Bildmotivs auf Einem der Prunkohrringe Tutanchamuns*.— *ZÄS*, 109, 1982, 1, S. 62—65.

J. Lipińska. *Sztuka egipska*. Warszawa, 1982, 343 p., ill., IV pl.

M. Martens-Czarnecka. *Les elements décoratifs sur les peintures de la cathédrale de Faras*. Varsovie, 1982, 128 p.

R. S. Merrillees. *An Essay in Provenance: The State Minoan I B Pottery from Egypt*.— *Berytus*, 28, 1980, p. 1—45.

A. M. Moussa. *Two Decorated Columns from Memphis*.— *Or*, 51, 1982, 3, p. 390.

W. J. Murnane (Rec.): 1) *K. Martin. Reliefs des Alten Reiches, Teil 1—2 (Pelizaeus-Museum, Hildesheim)*; 2) *E. Martin-Pardey. Plastik des Alten Reiches, Teil. 2*.— *JNES*, 42, 1983, 3, p. 232.

A. Roccati (Rec.): *W. A. Ward. Studies on Scarab Seals, v. I: pre-12 th Dynasty Scarab Amulets. With an Appendix on the Biology of Scarab Beetles*.— *Or*, 51, 1982, 3, p. 399—400.

M.-H. Rutschowskaya. *Scènes de vendages: une tapisserie [copte] d'époque romaine*.— *BSFE*, 89, 1981, p. 16—31.

W. K. Simpson. *Egyptian Sculpture and Two-dimensional Representation as Propaganda*.— *JEA*, 68, 1982, p. 266—271.]

M. Stooß. *Die Darstellung des Kindes im alten Ägypten*.— *WZMLU*, 27, 1978 1, p. 115—121.

M. Stooß. *Die Stempelsiegel mit Spiralmustern im Alten Ägypten*.— *HBO*, 4, 1982/1983, S. 29—55.

VII. ЯЗЫК

- W. Barta. *Bemerkungen zur Semantik des Substantivs ḥprw.*— ZÄS, 109, 1982, 2, S. 81—86.
- S. Cauville. *Shn-rhyt: une désignation de la nécropole d'Edfou.*— RdE, 32, 198, p. 135—136.
- D. Devauchelle. *L'arbre rdmt.*— RdE, 32, 1980, p. 65—68.
- D. Devauchelle. *Les anthroponymes P₃-t et P₃-ḥm.*— RdE, 32,] 1980, p. 138—139.
- A. M. Dodson. King (KU) st-k? — ZÄS, 108, 1981, 2, S. 171.
- R. O. Faulkner. *A Coffin Text Miscellany.*— JEA, 68, 1982, p. 27—30.
- C. Grave. *Northwest Semitic šapānu in a Break-up of an Egyptian Stereotype Phrase in EA 147.*— Or, 1982, 51, 2, p. 161—182.
- J. D. Ray. *The Carian Inscriptions from Egypt.*— JEA, 68, 1982, p. 181—198.
- G. Roquet. *Aspects critiques de la méthode appliquée à la reconstruction comparative du lexique égyptien ancien.*— CdE, 113, 1982, p. 14—54.
- H. M. Schenke. *Zur Bildung der Nomina in der ägyptischen Sprache.*— OLZ, 77, 1982, 3, S. 229—235.
- P. Vernus. *Etudes de philologie et de linguistique.*— RdE, 32, 1980, p. 117—134.
- S. P. Vleeming. *La phase initiale de démotique ancien.*— CdE, 111, 1981, p. 31—48.
- W. Vyčichl. *À propos de la flexion nominale en égyptien et en semitique.* CdE, 113, 1982, p. 55—64.
- W. A. Ward. *Old Kingdom sš 'nsw n ḥft-ḥr «Personal Scribe of Royal Records», and Middle Kingdom sš'n nsw n ḥft-ḥr «Scribe of the Royal Tablet of the Court».*— Or, 51, 1982, 3, p. 382—389.
- L. V. Žabkar. *A Hymn to Osiris Pantocrator at Philae. A Study of the main Functions of the sdm. f Form in Egyptian Religious hymns.*— ZÄS, 108, 1981, 2, S. 141—171.

КОПТСКИЙ ЯЗЫК

- A. I. Elanskaya (Rec.) G. M. Browne. *Michigan Coptic Texts.*— CdE, 112, 1981, p. 389—392.
- F. Hintze. *Beiträge zur meroitischen Grammatik.* B., 1979, 214 S. (Rec.: OLZ, 77, 1982, 1, S. 28—31).
- B. Layton. *The «Missing» Fragments of a Shenute Homily.*— Or, 52, 1983, 3, p. 424—425.
- L. B. MacCull. *The Coptic Archive of Dioscorus of Aphrodito.*— CdE, 111, 1981, p. 194—196.
- P. H. Poirier. *Fragments d'une version copte de la «Caverne des Tresors».*— Or, 52, 1983, 3, p. 415—423.

VIII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Библиография

- W. Barta (Rec.): W. Decker. *Annotierte Bibliographie zum Sport im alten Ägypten.*— OLZ, 76, 1981, 1, S. 19—21.
- «Bibliografia metodica degli studi di egiptologia e di papirologia».— AEgyptus, 62, 1982, 1/2, p. 288—344.
- K. J. Cathcard, P. Donlon. *«Edward Hincks» (1792-1866). A Bibliography of his Publications.*— Or, 52, 1983, 3, p. 325—356.
- J. F. Borghouts (Rec.): G. Posener. *Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir el Médineh, N°s 1267—1409 et 1410—1606 (Tome III, fasc. 1—2 — Le Caire, 1978).*— CdE, 111, 1981, p. 63—66.]
- H. J. Drexhage. *Deutschsprachige Dissertationen zur alten Geschichte, 1844—1978.* Wiesbaden, 1980, 142 S. (БЛ).]
- G. Hölbl. *Die Aegyptiaca von Kition.*— Or, 51, 1982, 2, p. 259—264.]
- Sujets de Thèses VII.*— BSFE, 89, 1981, p. 50—51.

История науки

- E. Blumental. *Ägyptologie] in Leipzig bis zum zweiten Weltkrieg.*— WZMLU, 28, 1979, 1, S. 119—129.

J. Cl. Degardin. À propos des objets rapportés par l'expédition de Lepsius. — RdE, 32, 1980, p. 136—138.

J. Cassar. Humanité d'Auguste Mariette. — BSFE, 90, 1981, p. 12—28.

M. S. Drower. Gaston Maspero and the Birth of the Egypt Exploration Fund (1881—3). — JEA, 68, 1982, p. 299—317.

A. Nibbi (Rec.): T. G. H. James, ed., «The Egypt Exploration Society 1882—1982». — BiOr, XL, 1983, 1/2, p. 68—73.

N. Lewis. Papyrus and Ancient Writing: The First Hundred Years of Papyrology. — Archaeology, 36, 1983, 4, p. 31—37.

W. Müller. Die Papyrusgrabung auf Elephantine 1906—1908. Das Grabungstagebuch der 3. Kampagne. — SMB FB, 22, 1982, S. 7—50.

Хроника

C. Berger. Quatrième réunion internationale d'études méroïtiques. — Or, 51, 1982, 2, p. 265—267.

C. Berger. Table Ronde «Prospection et sauvegarde des Antiquités de l'Égypte». — Or, 51, 1982, 2, p. 268—270.

J. F. Borghouts (Rec.): D. Meeks. Année lexicographique, Tome I (1977). — CdE, 112, 1981, p. 268—275.

C. Crozier-Brelot. Egyptologie et informatique. — CdE, 111, 1981, p. 49—54. Editorial Foreword. — JEA, 68, 1982, p. 1—4.

L'Égyptologie en 1979: Axes prioritaires de recherches. P., 1982, T. I, 306 p.; t. II — 327 p. (БЖ)

J. Leclant, P. van Moorsele. Cinquième conférence internationale de la Société des Etudes Nubiennes, Heidelberg, 20—25 septembre 1982. — Or, 52, 1983, 2, p. 271—273.

S. Wenig. (Rec.): First International Congress of Egyptology, Cairo, Oct. 2—10 1976. Acts. Ed. W. F. Reineke, B., 1979, 704 S. — EAZ, 22, 1981, 2, S. 340—342.

J. Yoyotte, Informations: Archives Champollion; Archives Saint-Ferriol; Centenaire de la mort d'Auguste Mariette; Conférences, Expositions, Cinéma; Colloque international «L'Égypte et la mer»; 3e Congrès international des égyptologues (1982). — BSFE, 89, 1980, p. 12—15.

Музеи

P. L. Armitage, J. Clutton-Brock. A Radiological and Histological Investigation into the Mummification of Cats from Ancient Egypt. — Journal of Archaeological Science, (L.), 8, 1981, 2, p. 185—196.

J. L. Chappaz, CORPUS ANTIQUITATUM AEGYPTIARUM. Geschichte, Ziele, Richtlinien und Arbeitsbeispiele für das Erfassen ägyptischer Altertümer in Form eines Lose-Blatt-Kataloges. — BiOr, XXXIX, 1982, 5/6, S. 545—551. (Rec.: OLZ, 77, 1982, 1, S. 18—21).

Th. G. H. James. The British Museum and Ancient Egypt. L., 1981, 32 p. (БЖ) *Egypt. Travel Guide. Museums.* — Archaeology, 35, 1982, 2, p. 48.

W. Müller. Ägyptisches Museum und Papyrussammlung. Jahresberichte 1979. — SMB FB, 22, 1982, S. 223—224.

Set Your Sights for Egypt. — Archaeology, 36, 1983, 2, p. 48.

I. Vozil. Restauration d'un cercueil momiforme de basse époque. — BMHB, 53, 1980, p. 17—22.

D. Wildung. Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst. Neuerwerbungen. — MJBK, XXXIII, 1982, S. 187—202.

Ch. Ziegler. Une découverte inédite de Mariette, les bronzes du Sérapeum. — BSFE, 90, 1981, p. 29—44.

Некрологи

P. L. Shinnie. A. J. Arkell. 1898—1980. — ZAS, 108, 1981, 2, S. V—VII.

L. Krzyżaniak. Professor dr. Kazimierz Michałowski (1901—1981). — Fontes archaeologici Poznaniensis 30, 1981, s. 110—112.

Prof. Kazimierz Michałowski 1.1.1981. — BSFE, 90, 1981, p. 3—4.

Prof. M. A. Korostovtzev. — BSFE, 90, 1981, p. 4.

I. S. Katznelson. — BSFE, 91, 1981, p. 3.

E. Dinkler. — BSFE, 92, 1981, p. 5.

H. E. Семпер

СИМПОЗИУМ «АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА-5»

С 17 по 20 апреля 1984 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходил очередной симпозиум «Античная балканистика» по комплексной теме «Карпато-Балканский регион в диахронии». С кратким содержанием запланированных докладов его участники могли ознакомиться по заранее опубликованным тезисам¹.

Отличительной особенностью данного симпозиума явилось то, что на этот раз в центре внимания специалистов, помимо традиционной проблематики, связанной с изучением этногенеза народов Балкан и сопредельных территорий, оказались такие остро дискуссионные вопросы, как выявление доиндоевропейских и «кавказоидных» элементов в балканском языковом субстрате, локализация прародины и пути передвижений носителей древнейших индоевропейских диалектов, происхождение и история фракийцев, их язык и культура. Всего на симпозиуме заслушано и обсуждено 40 докладов и сообщений, которые были сгруппированы по тематическому принципу.

Возможности обнаружения и идентификации доиндоевропейских языковых слоев в Карпато-Балканском регионе стали предметом рассмотрения в различных аспектах: лингвистическом, археологическом и т. д. Вяч. Вс. Иванов (Москва) в докладе «К проблеме языковой принадлежности носителей культур линейно-ленточной керамики и ледьелской культуры Центральной Европы V—IV тыс. до н. э.» высказал мысль о вероятной взаимосвязи, прослеживаемой по археологическим материалам практики переработки молочных продуктов с биологическими особенностями древних популяций, представителей которых органически не могли усваивать свежее молоко. Им усматривается ряд северокавказско-баскских (безусловно неиндоевропейских) параллелей к реконструируемым чертам ледьелской культуры. Рассматривая древнейших обитателей Карпато-Балканского региона как племена той языковой семьи, к которой принадлежат северокавказские и другие языки, докладчик склонен приписывать им создание наиболее ранних систем письма и предписьма. Выступавшие при обсуждении доклада И. М. Дьяконов и А. А. Молчанов отметили, что применение различных способов употребления молока и производных продуктов у древних и современных народов связано прежде всего с местными температурно-климатическими условиями, необходимостью консервации образующихся пищевых избытков и локальными традициями. Они предостерегли от смешения понятий «письменность» (применимого только к фонетическому письму, передающему речевые формы и появляющемуся с возникновением цивилизации) и «предписьменность» (приложимого к другим системам передачи и фиксации информации, известным еще первобытному человеку; сюда относится «предметное письмо», пиктография и т. д.).

В докладе Р. В. Гордезиани (Тбилиси) «Древнейшие балкано-картвельские языковые параллели» были предложены гипотетические сходжения между картвельскими языками и догреческими языками Балкан (прежде всего «пеласгским»). Обнаружение картвелизмов в языковом материале Европы, главным образом на ее юго-востоке, могло бы, по мнению докладчика, объясняться распространением картвельского элемента в IV—II тыс. до н. э. за пределами Кавказа.

В. А. Воробьев (Ленинград) выступил с докладом «Индоевропейское и неиндоевропейское в греческой медицинской терминологии». Проведенный им тонкий лингвистический анализ специальной лексики, используемой Гиппократом (анатомической, клинической, фармацевтической), показал, что словами индоевропейского происхож-

¹ См. Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к Международному симпозиуму. М., 1984, 54 с.

дения обозначались внешние органы и те внутренние органы, которые играли определенную роль при жертвоприношениях, в то время как неиндоевропейские термины связаны с внутренним строением и функционированием человеческого организма.

В докладе А. А. Молчанова (Москва) «Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и эгейский)» ставится вопрос о соотношении этих двух совокупностей языковых фактов. Докладчик показал, что даже при неполной дешифровке текстов линейного письма А минойский язык присутствует в них как нечто целостное и территориально компактное, а «эгейский» является по сути дела суммой фактов, которые относятся к разным доиндоевропейским языковым слоям, существовавшим на обширной территории Эгеиды.

В. М. Сергеев (Москва) в докладе «Структурно-статистический анализ киприотского текста из Энкоми» привел результаты проведенных им подсчетов частотности и дистрибуции слоговых знаков в недешифрованном тексте на глиняной табличке, найденной в 1953 г. на острове Кипр. Предложенные для отдельных графем фонетические значения позволяют исследователю прочесть морфемы, корни и целые слова, которые интерпретируются им как хурритские. Данную точку зрения поддержал И. М. Дьяконов. А. А. Молчанов отметил, что предположение о литературном содержании текста из Энкоми нелегко согласовать с его структурой, более соответствующей специфическим особенностям списка. Неясным остается также вопрос о возможности распространения выводов о языковой принадлежности текстов, выполненных киприотским письмом в XIII—XII вв. до н. э., на надписи более раннего времени (XVI—XV вв. до н. э.), графемы которых обнаруживают наибольшую близость к силлабограмам критского линейного письма А.

Проблеме прародины и миграций и.-е. племен были посвящены три доклада и «круглый стол», где состоялась оживленная дискуссия. Е. Е. Кузьмина (Москва) в докладе «Миграции в евразийских степях и Подунавье в свете некоторых археолого-этнографических данных» показала, что анализ традиционных этнически значимых категорий материальной культуры (гончарства, домостроительства, костюма), нашедших отражение как в археологическом материале и этнографических реликтах, так и в ритуалах и соответствующей специальной терминологии у ведических ариев и древних ираноязычных народов, указывает на родство культуры предков индиранцев и других индоевропейских народов и, главное, не на переднеазиатское, а на европейское происхождение этого культурного комплекса.

В докладе Л. А. Лелекова (Москва) «Начальные и вторичные очаги индоевропейских миграций» сопоставлены свидетельства различных видов источников, подтверждающие историческую реальность миграций индоевропейцев на протяжении тысячелетий. В системе ориентиров лингвистического и ввелингвистического характера для гипотетической локализации первичных и вторичных миграционных очагов выделены: предполагаемая автохтонность индоевропейцев, особенно балтов, в зоне «древнеевропейской» гидронимии (т. е. к северу, востоку и западу от Карпат); специфические признаки и.-е. культурной типологии в Карпато-Балканском регионе; особые древние сходства и эксклюзивы вблизи Карпато-Балканского ареала с участием протогреков (ясень как мировое дерево в мифологиях Греции и Скандинавии, перенос греками и иранцами общиндоевропейского названия бука соответственно на дуб и вяз). Отмечена вторичность всех очагов и направлений миграций II тыс. до н. э.

Т. В. Гамкрелидзе (Тбилиси) представил тезисы доклада «К гипотезе об „азиатской прародине“ индоевропейцев. Почему исключаются Балканы как область распространения и.-е. праязыка и как ареал для локализации и.-е. прародины», принципиальные положения которого, ранее уже изложенные докладчиком совместно с Вяч. Вс. Ивановым², послужили базой для дис кussion на «круглом столе».

² Ср. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, № 3, с. 3—27; они же. Миграция племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. — ВДИ, 1981, № 2, с. 11—13, и другие работы этих исследователей.

Открывший дискуссию И. М. Дьяконов (Ленинград) отметил методическую точность и надежность индоевропейской языковой и соответственно культурной реконструкции, используемой Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым, добавив, что спор идет только об интерпретации последней. По мнению докладчика, для какого-то раннего периода Балканы — ареал, приемлемый для и.-е. прародины. Как считает И. М. Дьяконов, гипотеза Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова порождает массу трудностей при обращении к археологическим, лингвистическим, антропологическим и иным материалам³. Е. Е. Кузьмина, поддерживавшая мнение И. М. Дьяконова, добавила, что почти вся Средняя Азия в V—III тыс. до н. э. (когда Амударья впадала в Каспийское море), покрытая болотами и озерами, была населена неолитическими охотниками и рыболовами. Никаких следов производящего хозяйства и массовых миграций типа индоевропейских археологам там обнаружить не удалось.

О первостепенном значении данных гидронимии, заставляющих искать прародину индоевропейцев в V—IV тыс. до н. э. где-то на обширной территории от Рейна до Днестра и Дона, включающей также и Балканы, говорил И. Дуриданов. Л. А. Гиндин отметил, что используемые в системе доказательств Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «древнеевропейско»-хетто-лувийские гидронимические тождества Б. Розенкранца сам этот исследователь склонен толковать как показатель движения из Европы в Анатолию.

Е. Н. Черных (Москва), суммировав основные моменты праиндоевропейской языковой схемы (экология, коневодство, социальная стратификация, языковые контакты с семитами и картвелами), пришел к выводу о том, что, по данным археологии, все они вместе присутствуют лишь в сложившейся не ранее середины IV тыс. до н. э. огромной циркумпонтийской провинции⁴, в которой роль наиболее динамичного элемента играли подвижные скотоводческие племена степной зоны. Л. А. Гиндин, поддержав данный вывод, предложил рассматривать его в качестве ведущего к компромиссу.

Коснувшись наличия в картвельском языке индоевропейизмов, *Г. А. Климов* (Москва) предложил истолковывать их как результат языкового взаимодействия в IV—III тыс. до н. э. в районе к югу, а не к северу от труднопроходимого Кавказского хребта. *Е. А. Хелимский* (Москва), считая необходимым уделить больше внимания точке зрения, связанной с возвращением к индо-хеттской гипотезе, допустил возможность разграничения двух и.-е. прародин — более ранней (малоазиатской) и более поздней (в Северном Причерноморье и на Балканах). *Л. А. Лелеков* вслед за И. М. Дьяконовым констатировал принципиальное несоответствие определяющих черт общества у древних индоевропейцев и народов Ближнего Востока (прежде всего в отношении социального строя и сакральной организации). *А. Ю. Милитарев* (Москва) признал предложенные в работах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова семито-индоевропейские изоглоссы вполне доброкачественными. Однако, по его мнению, неясно, говорят ли они о контактах именно на уровне праязыковой общности или нет.

Председательствовавшим на «круглом столе» Вяч. Вс. Ивановым были перечислены главные доводы в пользу концепции о переднеазиатской прародине индоевропейцев. При этом он напомнил, что для реконструкции и.-е. праязыка (датируемого V—IV тыс. до н. э.) с помощью сравнительно-исторического метода используются тексты на всех древних и.-е. языках, а также данные более поздних языков. Часть выявленных таким образом языковых фактов, а именно лексические значения, позволяют реконструировать общий культурный фонд. Вяч. Вс. Иванов ответил на ряд возражений своих оппонентов и, подводя итоги состоявшейся в ходе «круглого стола» дискуссии, которая поставила перед исследователями новые вопросы, отметил ее несомненную плодотворность.

Наибольшее (около половины) количество докладов и сообщений на симпозиуме касалось тех или иных аспектов изучения древних и.-е. языков и этносов Карпато-

³ В развернутом виде его контраргументацию см.: *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ, 1982, № 3, с. 3—30; № 4, с. 11—25.

⁴ Подробнее об этом феномене говорилось в одном из докладов на предыдущем аналогичном симпозиуме, ср. *Мерперт Н. Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. — В кн: Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология». 2—4 декабря 1980 г. М., 1980, с. 39—42.

Балканского региона. *И. Дуриданов* (София) в докладе «Фракийцы, дакийцы, романцы и славяне в свете языковых данных» произвел стратификацию топонимической лексики Северо-Восточных Балкан, вычленив из нее географические названия, имеющие как фракийское и дакийское, так и более позднее латинское и славянское происхождение. Картографирование топонимов с композитными основами, которые считаются характерными для фракийского (-bria «город», -raga «деревня», -diza/-dizos «крепость») и дакийского (-dava/-deva/-daba «город») языков демонстрирует их преимущественное распространение соответственно во Фракии и на территории Дакии, Малой Скифии, Нижней и Верхней Мезии.

Ю. В. Откупщиков (Ленинград), выступивший с докладом «Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе», сделал попытку обосновать тезис о приходе с севера в Грецию до греков предков карийцев, а также части фракийцев и фригийцев. Подтверждение этому он видит в реконструируемой словообразовательной структуре ряда топонимов (прежде всего *ss*-образований).

В докладе *Л. А. Гиндина* (Москва) «К древнебалкано-балтийским языковым отношениям» были подвергнуты критическому разбору изоглоссы, приведенные ранее *В. П. Нерознаком*⁵ для установления «палеобалкано(-албано-)балто-славянских лексических встреч». Все рассмотренные конкретные примеры признаны докладчиком некорректными. Утверждение *В. П. Нерознака* о том, что «поиски следов палеобалканской топонимии к востоку от Карпат не представляются перспективными», находятся, как отметил *Л. А. Гиндин*, в противоречии с археологическими, историческими и языковыми фактами (ср. традиционные исследования о фракийцах в Северном Причерноморье). К мнению докладчика присоединились выступившие в прениях *В. Э. Орел*, *А. Н. Анфертьев* и др.

В. П. Яйленко (Москва) в докладе «Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии» привел список северопричерноморских топонимов и этнонимов с предложенными для них параллелями в палеобалканском ономастическом и ином языковом материале. По мнению докладчика, приведенные им названия оставлены в Среднем и Нижнем Поднепровье проживавшим на этой территории на протяжении античного периода фрако-дакийским и иллирийским населением.

С. Р. Тогтасьева (Ленинград), прочитавший доклад «О передвижении согласных во фракийском языке», остановился на концепции, разработанной *Д. Дечевым* и *В. Георгиевым*. По его мнению, можно говорить скорее о переходе во фракийском смычных в интердентальные спиранты, чем о передвижении согласных в традиционном смысле слова. Докладчик высказал сомнение в достоверности этимологий, на которых основана традиционная схема фракийского передвижения согласных, а также восстановление прочих черт фонетики данного языка. В прениях по докладу *Л. А. Гиндин*, *И. Дуриданов*, *О. С. Широков* согласились с наличием значительных трудностей в реконструкции консонантизма во фракийском на основе греческих и латинских транскрипций, подчеркнув в то же время заведомую условность положений о передвижении согласных в этом языке (например, по сравнению с таким явлением в германских и армянском языках). *Л. А. Гиндин* отметил, что замена придыхательности на спирантизацию во фракийском в принципе ничего не меняет. Главным в любом случае остается вопрос: можно ли считать фракийский и дакийский в связи с трактовкой смычных (наличие/отсутствие передвижения) отдельными языками, или только близкородственными диалектами?

Доклад *А. Н. Анфертьева* (Ленинград) «Ранняя Македония: перспективы исследований» представлял собой обзор источниковедческой базы для изучения указанной темы. Обращаясь к одному из центральных вопросов македонской предистории (связанному в то же время с кардинальными проблемами индоевропейистики) — вопросу о пребывании на территории этой страны фригийского населения, *А. Н. Анфертьев* отверг как недостоверную античную традицию о фригийцах-бригах, живших в Македонии.

Д. С. Раевский (Москва) в докладе «Эллиническое искусство на службе скифского и фракийского общества. Некоторые аспекты сопоставления» выявил и пояснил различия

⁵ *Нерознак В. П.* Палеобалкано-балто-славянские языковые интерреляции. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983, с. 39—41.

в репертуаре мотивов, используемых греческими мастерами в декорировке изделий художественного ремесла, специально оформлявшихся применительно к запросам заказчиков во Фракии и Скифии.

Доклад *В. Л. Цымбурского* (Москва) «Гомеровский Πείρος ∞ фракийский 'Πρωος ∞ хеттский Piḡaš» строился по принципу комплексного использования современной методики филологического (на уровне текста) и лингвистического анализа. Один из персонажей «Илиады» — предводитель союзных Трое фракийцев Пейрос на основании ряда лексических и культурологических сопоставлений отождествлен исследователем с хеттским богом Пирвой и фракийским богом Херосом. Для преодоления затруднений в сближении имен двух последних (переход р > h) В. Л. Цымбурский для фракийской формы предложил раннекельтское влияние. Точка зрения докладчика вызвала оживленную дискуссию.

В докладе *Л. С. Баюн* (Москва) «Отражение индоевропейской ритуальной терминологии в ономастике древней Анатолии и Балкан» приведен новый материал, свидетельствующий о близости восточнобалканского и западноанатолийского языковых ареалов как с точки зрения синтаксических структур, так и в плане общности сравнительно большей части лексического фонда.

Н. Н. Казанским (Ленинград) были представлены три небольших этюда. В первом из них микенское pa-ra-ku сопоставлено с хеттским (из хаттского) ḫa-pal-ki, что приводит к новой интерпретации («железо» вместо «серебро», по Дж. Чэдуику) одного из обозначений металла в древнейшем греческом диалекте. Во втором обращено внимание на сходство гомеровского πῶτρον ἐπισπεῖν «умереть» (букв. «встретить выпавшее на долю») с аккадским ana šimtu allāku «умереть» (букв. «прийти к своей судьбе»), свидетельствующее, по мнению Н. Н. Казанского, о сходстве представлений о смерти у греков — современников Гомера и вавилонян. В третьем этюде в научный оборот вводятся два образца гипотетического «троянского письма», интерпретируемого докладчиком как прототип линейных письменностей Эгейды (несущие их сосуды, происходящие из раскопок Г. Шлимана в Трое, датируются где-то в пределах второй половины III тыс. до н. э.). В выступлении по данному сообщению А. А. Молчанов квалифицировал последовательности геометризованных знаков на туловах троянских сосудов как хорошо известный археологам так называемый «распавшийся» (неупорядоченный) орнамент, вполне типичный для керамики неолита—энеолита Дунайско-Балканского региона (не случайно то же определение дали им хранители археологической коллекции Берлинского музея, в котором находятся сосуды).

А. Б. Черняк (Ленинград) в докладе «Лингвистическая ситуация на Нижнем Дунае в середине IV в. сквозь призму готской орфографии» остановился на причинах использования в созданном Ульфиллой готском алфавите в функции [j] знака, восходящего к латинской букве g.

В докладе «Социальные и лингвистические аспекты раннего кельтского общества» *А. А. Королев* (Москва) обосновал тезис о крайней архаичности древнеирландских законов (составленных и редактированных в VI—VII вв., зафиксированных в письменной форме в VIII в.) и отраженной в них структуре древнеирландского общества. Изоляционизм и высокая степень застойности общественной жизни Ирландии позволили сохраниться здесь, как считает докладчик, до середины I тыс. н. э. кастовому строю и другим консервативным чертам, находящим аналогии в обществе древней Индии.

Атрибуции ритона с протомой крылатого коня и сценой гигантомахии, найденного в 1982 г. при раскопках скифского святилища близ аула Уляп (Адыгейская АО), как произведения греко-фракийской торевтики посвятил свое сообщение *Ф. Р. Балонев* (Ленинград).

И. А. Левинская (Ленинград) в докладе «К вопросу о фракийском происхождении культа Θεός ὕψιστος» пересмотрела всю аргументацию, выдвигавшуюся различными исследователями в пользу того или иного мнения о функционировании и истоках синкретического культа Бога Высочайшего, имевшего почитателей в Египте, Греции, Малой Азии, Фракии и Северном Причерноморье. Данный культ, согласно ее заключению, генетически связан с иудаизмом, на что, в частности, указывает употребление в относящихся к нему надписях слова προσευχή, которое может означать только иудейскую молитву, а не языческий храм.

Ф. В. Шелов-Коведлев (Москва), сделавший сообщение «Об интерпретации монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ», выступил в поддержку традиционной точки зрения о чеканке их в одном из греческих городов Северо-Восточного Причерноморья для правителей соседнего племени синдвов.

Г. П. Чистяков (Москва) в докладе «О трех группах топографических текстов у Павсания» заново разграничил источники информации, собранной греческим путешественником и антикварием III в. в его «Описании Эллады».

Доклад *И. В. Шталь* (Ленинград) «Античный мир о пигмеях и журавлях в соотношении с исторической реальностью в Карпато-Балканском регионе» был посвящен интерпретации многовариантного мифологического сюжета как корреспондирующего с некоторыми конкретными древнепричерноморскими реалиями.

Более поздний хронологический период затрагивала группа близких по тематике докладов и сообщений, в которых объектом изучения являлась славянизация Карпато-Балканского пространства. *С. Б. Бернштейн* (Москва) прочитал доклад «Проблемы славянизации Балкан и вопросы диалектного членения древнеболгарского языка». По его мнению, изучение современных болгарских диалектов методами лингвогеографии дает основание полагать, что древнеболгарский язык членился на два основных диалекта, различия между которыми в существенно преобразованном виде отражаются в противопоставлении двух диалектных зон на территории нынешней Болгарии. Сравнение данных современных болгарских диалектов и историко-лингвистических фактов дает, согласно выводам докладчика, возможность сравнительно точно установить границы между двумя несинхронными колонизационными потоками славян: более ранний и мощный двигался через Верхнюю Мезию и распространился почти на весь юг Балкан (вплоть до Пелопоннеса), второй шел восточнее и привел к заселению Нижней Мезии и Хемуса. По мнению выступившего в прениях И. Дуриданова, для решения поднятого комплекса вопросов требуется более строгая дифференциация фактов.

В докладе *Г. Г. Литаврина* (Москва) «Элементы этносоциальной структуры древнеславянского общества в левобережье Дуная в VI—VII вв.» были затронуты вопросы о характере поселений и смене господствующей формы хозяйства (смене подсечно-огневого земледелия пашенным) у древних славян в указанный период, о появлении у них частной собственности, о путях развития в славянской среде имущественной и социальной дифференциации и об упрочении власти над племенем отдельных возвысившихся родов.

Г. П. Клепикова (Москва) в докладе «Проблема „карпатской миграции славян“ в свете новых данных лингвистической географии» акцентировала внимание на тех благоприятных возможностях, которые работа над Общекарпатским диалектологическим атласом (ОКДА) создает для исследования карпато-южнославянских связей в плане проверки и детализации идей В. М. Иллича-Свитыча относительно времени и условий миграции славян из области прародины.

Л. В. Куркина (Москва) в докладе «Паннония как один из центров славянских миграций» основное внимание уделила генетическим отношениям северо-западной группы южнославянских диалектов, определяемым различными изоглоссами, из которых наибольший интерес представляют изоглоссы с диалектами чешско-словацкой языковой области и болгарско-македонской диалектной зоной. Взаимосвязи указанных ареалов прослеживаются и на лексическом уровне, а также по этнографическим материалам. Это сходство территориально удаленных диалектов отражает, как думает исследовательница, генетическую и территориальную близость части западных и южных славян, локализуемую в Паннонии, в праславянскую эпоху. В последовавшей затем дискуссии подчеркивался вторичный характер указанного центра славянских миграций.

В докладе *Е. П. Наумова* (Москва) «Менандр о вторжениях „варваров“ во второй половине VI в.» было раскрыто значение отрывков из «Истории» Менандра, и в первую очередь сообщений этого византийского историка о событиях 559—582 гг. применительно к проблеме «варварских» вторжений и славянизации Балкан. Рассмотрение социальной терминологии, используемой Менандром (ср. термины «этнос», «филон», «патроа»), приводит к уточнению перевода двух важных пассажей: упоминания о «народе славян» во Фракии (581 г.) и сообщения об использовании Византией аваров против славян, заселявших земли к северу от Дуная.

Анализ памятников ранневизантийской письменности занимал основное место и в докладе *С. А. Иванова* (Москва) «Передатировка „Диалогов“ Псевдо-Кесария и место славян в структуре этнографических описаний Прокопия». Исследование тех приемов и принципов, которыми руководствовался Прокопий Кесарийский при описании «варварских» народов, показывает, что историк рассказывал своим читателям о славянах как о племени, совершенно им неизвестном. Этот вывод находит подтверждение в новой датировке и локализации «Диалогов» Псевдо-Кесария, предложенных *Р. Ридингером* (по заключению которого данное произведение было написано около 550 г. в Константинополе, где тогда работал Прокопий). Выступившие затем оппоненты *Л. А. Гиндин*, *А. Н. Анфертьев* и другие — усмотрели значительный элемент ответственности в построении докладчиком его системы доказательств.

А. К. Гаврилов (Ленинград) прочел доклад «Славянское СЖПОСТАТЬ и его греческий источник». Он предложил видеть истоки слова сжпостать в заимствовании греч. ἀποστάτης, имевшего тот же набор значений и ту же эмоциональную насыщенность.

Несколько докладов из числа предложенных вниманию участников симпозиума оказались тесно связанными по содержанию с работой по обнаружению древнебалканских элементов в современных балканских языках. В докладе *И. А. Калужской* (Москва) «Об одном названии винограда в балканских языках» была предпринята попытка этимологического отождествления нескольких древних и современных балканских названий винограда — греч. ρῆξ, ρῶξ, др.макед. ράματα, лат. gasēnus, алб. gush, рум. strugure, корневая часть которых может быть возведена к форме *szag- (или *szog-). Исследовательница видит в этих лексемах средиземноморское название винограда, распространенное в древности на Балканах и сохранившееся до наших дней в румынском и албанском языках.

В. Э. Орел (Москва) в сообщении «К этимологии славянского строительного термина koliba» представил новый топонимический материал, свидетельствующий о распространении данного термина на северо-западе Славии. Это заставило докладчика пересмотреть имеющиеся этимологии и выдвинуть гипотезу о связи данного термина с чисто славянскими образованиями от kolybati/*kolēbati. Полемизируя с *В. Э. Орлом*, *Л. А. Гиндин* возразил против подобного пересмотра давно установленных этимологий, отметив, что достаточные основания для него отсутствуют.

Т. Ф. Семенова прочла доклад «Румынское посредство в распространении тюркизов на карпато-балканской территории», в котором доказывалось, что слой тюркских заимствований в румынском языке достаточно велик, а представлены в нем в основном элементы кыпчакские (куманские, печенежские, татарские) и огузские.

Участники симпозиума обсудили также исследовательскую программу «Этногенез фракийцев», подготовленную *Я. Бестом*. В целях более детального ознакомления всех присутствовавших специалистов с концепцией автора программы, являющегося секретарем Международного фракологического комитета, относительно роли и удельного веса фракийского субстрата в древней Греции был заслушан подробный реферат (докладчик *В. Л. Цымбурский*) его книги, написанной совместно с *Э. фон Реден*⁶.

В резолюции, подводившей итоги работы симпозиума, было отмечено, что данный научный форум характеризовался широкой постановкой проблем, связанных с этно- и глоттогенетическими процессами на Балканах с древнейших времен вплоть до раннего средневековья, причем особое внимание было уделено вопросам методики исследования, критики источников, доброкачества исходного материала. Симпозиум вновь продемонстрировал бесспорную важность и эффективность междисциплинарного подхода к обсуждаемым вопросам, что отразилось в оживленной и плодотворной дискуссии по всем докладам.

А. А. Молчанов

⁶ *Reden S. von, Best J. G. P. Auf der Spur der ersten Griechen: woher kamen die Mykener? Neue archäologische Kenntnisse über die Herkunft der Griechen. Köln, 1981.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

VELLEIUS PATERCULUS
HISTORIA ROMANA
ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Перевод с латинского и комментарии *А. И. Немировского*

СХIV. О дела, для рассказа не выдающиеся, но подлинные и истинные своей добродетелью и величайшей пользой, в высшей степени привлекательные опытом и исключительной человечностью! За всю Германскую и Паннонскую войну никто из нас, будь он выше или ниже по положению, не оказывался без заботы Цезаря об излечении и поправке здоровья, словно бы все его помыслы были совершенно свободны от бремени столь великих дел и направлены на одно это. (2) Была наготове запряженная повозка; была в общем распоряжении его лектика — [применение] ее довелось испытать и мне, подобно другим. Не было никого, кому бы не оказались полезными для поправки здоровья то лекари, то кухонные принадлежности, то переносная баня, предназначавшаяся лишь для него [одного]. Не хватало только дома и домашних, но не ощущалось недостатка ни в чем из того, что бы они могли бы нам предоставить или чего у них можно было попросить. (3) Добавлю и то, с чем каждый из очевидцев тотчас согласится, как и с другим, о чем я рассказал: он ездил на коне всегда один вместе с теми, кого приглашал, большую часть летних экспедиций обедал сидя. Тех, кто нарушал дисциплину, он прощал, лишь бы это не становилось вредным примером; его предупреждения были частыми, он делал и выговоры, карал очень редко и придерживался среднего, многого не замечая, кое-чему препятствуя.

(4) Успехом зимней кампании было завершение войны, и с наступлением лета вся Паннония запросила мира, тогда как оставшиеся очаги войны еще сохранялись в Далмации. О том, как эта столь многочисленная, необузданная молодежь, незадолго до того угрожавшая Италии рабством, снесла оружие, которым сражалась, к реке под названием Батин³²⁷ и вся простерлась у ног императора и как один из ее выдающихся вождей — Батон — был взят в плен, а другой, Пиннет, сдался сам, я, надеюсь, расскажу в главном своем труде по порядку.

³²⁷ Река Батин как место сдачи паннонцев упомянута лишь Веллеем. Ее обычно отождествляют с р. Босной, правым притоком Савы (см. *Колосовская*. Паннония..., с. 5).

(5) Осенью армия с победой возвратилась в зимние лагеря, и Цезарь поставил во главе всех войск М. Лепида ³²⁸, человека очень близкого к Цезарям по имени и судьбе, вызывавшего восхищение и уважение в той мере, в какой каждый мог его знать или понимать, и, как считалось, добавившего новый блеск к великому имени, от которого происходил.

СХV. Цезарь обратил внимание и оружие к бремени другой, Далматской войны. Каким поощником и легатом оказался для него в этой области мой брат Магий Целлер Веллейян, свидетельствуют похвалы самого Цезаря и его отца и те многочисленные почести, которыми он наградил его, увековечивая, во время своего триумфа. (2) В начале лета Лепид вывел войска с зимних квартир, направляясь к императору Тиберию через территорию племен, не задетых и не затронутых до того бедствиями войны и поэтому неукротимых и неистовых, и, преодолев препятствия местности и вражеские силы с большими потерями для сопротивляющихся, разорив поля, уничтожив постройки, вырезав население, прибыл к Цезарю, счастливый победой и отягощенный добычей. (3) И за то бы ему полагался триумф, будь это осуществлено под его ауспигиями, сенат в согласии с мнением выдающихся граждан одарил его триумфаторскими отличиями. Эта летняя кампания положила конец величайшей войне: (4) ведь далматские племена — перусты и дезидиаты, почти неодолимые благодаря обитанию в горах, неукротимости нрава, также исключительными навыками боя и главным образом узости лесистых ущелий, были усмирены лишь тогда, когда их почти полностью перебили не только под предводительством, но силой и оружием самого Цезаря. (5) Никогда мне, ни в этой столь великой войне, ни в Германской, не приходилось видеть и восхищаться большим, чем то, что император никогда не считал возможность победы настолько благоприятной, чтобы не принимать во внимание потери воинов, и всегда наиболее славной считал самую безопасную; он сообразовывался скорее со своими убеждениями, чем с молвой, и никогда решения вождя не направлялись суждением войска, но войско направлялось предусмотрительностью вождя.

СХVI. Великие свидетельства доблести проявил во время Далматской войны Германик, посланный во многие труднодоступные районы. Также консуляр Вибий Постум ³²⁹, получивший назначение в Далмацию, заслужил триумфаторские отличия за усердие и славные подвиги. Подобную честь за несколько лет до этого заслужили в Африке Пассиен ³³⁰ и Косс ³³¹, люди, знаменитые доблестями, хотя и неодинаковыми. Но Косс закрепил память о победе даже в когномене сына, юноши, рожденного стать образцом всех доблестей. (3) Что касается сотоварища подвигов! Постума, Л. Апрония ³³², в этой же войне, то он исключительной доблестью заслужил те почести, которые впоследствии получил. О, если даже не было засвидетельствовано более значительным опытом всемогущество Фортуны! Но и в делах такого рода ее сила могла бы быть познана в полной мере. Ведь и Элий Ламия ³³³, человек старинных правил, но умеряющий древнюю строгость исключительным дружелюбием, самым блестящим образом исполнявший свои обязанности в Германии и Иллирике, а вскоре затем в Африке, не получил триумфаторских почестей не потому, что у него не доставало заслуг, но случая. (4) И А. Лициния Нерву Силиана, сына П. Силия, которым недостаточно восхищались даже те, кто его знал, хотя он и проявил себя так, что не было лучше гражданина и честнее полководца, чем он, преждевременная смерть лишила и блага почетнейшей дружбы принцепса, и вознесения до высочайшего положе-

³²⁸ М. Эмилий Лепид, сын Павла Эмилия Лепида и Юлии, внучки Августа, друг и полководец Тиберия (ср. *Dio Cass.*, LVI, 15, 3).

³²⁹ Вибий Постум, выходец из всаднической семьи г. Ларина, консул-суффект 5 г. н. э., сменивший Германика в качестве наместника новой провинции — Далмации, в 12—13 гг. — наместник Азии.

³³⁰ Л. Пассиен Руф, консул 4 г. до н. э. См. о нем также *Quint.*, *Inst.* VI, 1, 50; *Tac.*, *Ann.* VI, 20, 1.

³³¹ Корнелий Косс Лентул, консул 1 г. до н. э., в 5—7 или 6—8 гг. — проконсул Африки, разгромивший гетулов. Его когномен «Гетульский» получил сын, консул 26 г. н. э. (*Flor.*, II, 31, 40; *Oros.*, VI, 21, 18).

³³² Л. Апроний, «новый человек», в 8 г. н. э. принимал участие в кампании против далматов, которой руководил Постумий, в 9 г. н. э. — наместник Далмации, в 15 г. как легат Германика получил «триумфаторские отличия».

³³³ В «А» и «Р» — etiam. Aelius Lamia — дополнение Рункена.

ния, достигнутого его отцом³³⁴. (5) Если кто скажет, что я искал повода для упоминания об этих людях, то я с ним соглашусь, но ведь честная, непредубежденная правдивость у порядочных людей — не преступление.

CXVII.] Едва Цезарь положил конец Паннонской и Далматской войнам, как менее чем через пять дней после столь великих деяний из Германии пришло горестное известие о гибели Вара и уничтожении трех легионов и стольких же конных отрядов и шести когорт³³⁵. Но Фортуна была исключительно милостива к нам хотя бы в том, что к этому не был причастен Тиберий...³³⁶ Надлежит задержаться на причине поражения и личности Вара. (2) Квинтилий Вар, происходивший скорее из известной, чем знатной, семьи, был от природы мягким человеком спокойного нрава, неповоротливым и телом и духом, пригодным скорее к лагерному досугу, чем к военной деятельности. Что он не пренебрегал деньгами, доказала Сирия, во главе которой стоял, — бедным он вступил в богатую страну, а вернулся богатым из бедной. (3) Будучи поставлен во главе войска, которое было в Германии, он воображал, что людей, которых не мог укротить меч и не обладающих ничем человеческим, кроме голоса и тела, сможет умиротворить правосудие. (4) С этими намерениями он вступил в глубинные области Германии и протянул летнюю кампанию, словно бы находясь среди людей, радующихся сладости мира, и разбирая по порядку дела с судейского возвышения.¹

CXVIII. Что касается германцев (кто этого не испытал, едва поверит, — несмотря на чрезвычайную дикость, они необыкновенно хитры — от рождения народ лжецов), то они придумывали один за другим вымышленные поводы для тяжб: то втягивали друг друга в ссоры, то благодарили, что римское правосудие положило им конец и что их дикость смягчается новизной неведомой им дисциплины, что споры, обычно завершавшиеся войной, прекращаются законом. Всем этим они привели Квинтилия в состояние такой беззаботности, что ему казалось, будто он в должности городского претора творит суд на форуме, а не командует войском в центре германских земель.

(2) Тогда вялостью нашего полководца как поводом для преступления воспользовался Арминий, сын вождя этого племени, Сигимера, юноша, знатный родом, в бою отважный, с живым умом, неварварскими способностями, с лицом и глазами, носящими отблеск его души, по праву заслуживший римское гражданство и введенный во всаднический ранг. Он весьма здраво сообразил, что никто не может быть быстрее застигнут врасплох, чем тот, кто ничего не опасается, и что беспечность — самая частая причина несчастья. (3) Итак он сделал своими соучастниками сначала немногих, а вслед за тем большинство: он говорил, он убеждал, что римлян можно победить, и, связав планы с действиями, назначил время выступления. (4) Вару это становится известным благодаря Сегесту, верному и знаменитому человеку из этого племени. Он также требовал...³³⁷ рок над замыслами и притупил у Вара всю остроту ума. Ведь дело обстоит так, что обычно божество, чью судьбу задумает изменить, сокрушает и его замыслы, и (что печальнее всего) случившееся кажется заслуженным, и несчастье превращается в вину. Итак, Вар отказывается верить, выразив надежду, что расположение к нему германцев соответствует его благодеяниям. После первого предупреждения недолго оставалось ждать второго.

CXIX. Об обстоятельствах столь страшного несчастья, тяжелее которого не испытывали римляне в столкновениях с внешним миром после разгрома Красса в Парфии, мы, как это сделали и другие, попытаемся рассказать в надлежащем сочинении. Здесь же нам остается его оплакать. (2) Армия, выделяющаяся своей доблестью, первая из римских армий по дисциплине и опытности в военном деле, была окружена из-за вя-

³³⁴ А. Лициний Нэрва Силиан, консул 7 г. н. э., наместник провинции Галлии. В примечании последней части этого предложения, вызвавшей множество эмендаций, мы следуем за Ж. Элегаром (Velleius Patereculus..., p. 123).

³³⁵ Ср. *Tac.*, *Ann.* I, 3, 6; 43, 1; 55—65; *Flor.*, II, 30; *Dio Cass.*, LVII, 22. Номера легионов — 17, 18, 19.

³³⁶ В «А» и «Р» — *ducem causa persona moram exegit*. У Штермана — *duce ** causa et persona moram exegit*. Мы следуем этому толкованию текста, понимая под *duce* Тиберия.

³³⁷ Лакуну в этом месте некоторые издатели заполняют с помощью текста Тацита (*Ann.* I, 58, 2): «он также требовал, [чтобы заговорщики были закованы, но уже возобладал рок] над замыслами».

лости своего полководца, вероломства врага и несправедливости судьбы. Воины не имели даже возможности сражаться и беспрепятственно производить вылазки, как они этого хотели. Некоторые из них даже жестоко поплатились за то, что вели себя как подобает римлянам по духу и оружию; запертые лесами и болотами, попавшие в западню, они были полностью перебиты теми врагами, которых прежде убивали, как скот, так что их жизнь или смерть зависела от их гнева или их сострадания. (3) У военачальника хватило духа скорее для того, чтобы умереть, чем для того, чтобы сражаться: он пронзил себя по примеру отца и деда ³³⁸. (4) Что касается двух префектов лагерей, то настолько же славным был пример Л. Эггия ³³⁹, насколько позорным — Цейония ³⁴⁰: когда была потеряна большая часть войска, он был инициатором сдачи, предпочитая покончить с жизнью лучше во время казни, чем в бою. Что же касается Нумония Вала ³⁴¹, легата Вара, человека, во всем остальном уравновешенного и честного, то он подал ужасный пример: оставив пехоту, лишённую поддержки конницы, он вместе с другими бежал к Рену. Судьба отомстила ему за это: он не пережил покинутых, но был убит как перебежчик. (5) Полусожженное тело Вара было в ярости растерзано врагами. Его отрубленная голова, посланная Марободу и переправленная им Цезарю, была, однако, почётно погребена в родовом склепе.

СХХ. При этих новостях Цезарь мчится к отцу: постоянный защитник Римской империи берётся за привычное ему дело. Посланный в Германию, он укрепляет Галлии, размещает войска, усиливает опорные пункты и, оценивая себя в соответствии со своим величием, а не с самоуверенностью врагов, угрожавших Италии новым нашествием кимвров и тевтонов, переправляется с войском за Рен. (2) Он несёт войну, тогда как отец и отечество довольствовались тем, что ее отражали, проникает все глубже, отворяет рубежи, опустошает поля, сжигает дома, разметает все на своем пути и с величайшей славой возвращается в зимние лагеря с войском, сохранив всех, кого переправил через реку.

(3) Следует привести правдивое свидетельство о Л. Аспренате ³⁴², который, воюя в качестве легата при своем дяде, Варе, энергичными и смелыми действиями двух легионов сохранил в таком великом бедствии войско нетронутым и, своевременно спустившись в нижние зимние лагеря, также укрепил в верности колебавшиеся племена, по эту сторону Рена. Но некоторые, однако, сочтут, что он, хотя и спас живых, присвоил имущество погибших вместе с Варом, вступив, насколько захотел, в наследство павшего войска. (4) Достоин похвалы также доблестное поведение префекта лагеря Л. Цедидия ³⁴³ и тех, кто был окружен вместе с ним бесчисленным полчищем германцев в Ализоне ³⁴⁴. Преодолев все трудности, ставшие невыносимыми из-за нехватки необходимого и неодолимыми из-за вражеской силы, он, презрев безрассудство планов Вара и медлительность провидения, воспользовался представившимся случаем и сружьем обеспечил себе возвращение к своим. (5) Из этого видно, что Вару, человеку, бесспорно, серьезных и благих намерений, но погубившему себя и превосходнейшее войско, скорее недоставало полководческой мудрости, чем доблести у воинов. (6) При виде мучений, которым германцы подвергали пленников, замечательный, достойный своего старинного рода поступок совершил Кальд Целий: схватив звено цепи, которой был закован, он ударил им себя по голове и, поскольку сразу вытекли кровь и мозги, испустил дух.

СХХI. У императора Тиберия, вступившего в Германию, и в дальнейшем доблесть и счастье были теми же, что вначале. Разбив вражеские силы в сухопутных и морских

³³⁸ См. II, 71, 3.

³³⁹ Л. Эггий (Eggius), выходец из плебейского рода, давшего во II в. до н. э. трех консулов.

³⁴⁰ Эпизод другим авторам неизвестен. Цейсий в качестве должностных лиц по-являются лишь со II в. до н. э.

³⁴¹ Другим авторам этот Нумоний Вала неизвестен, но его имя засвидетельствовано в легендах римских монет.

³⁴² Л. Ноний Аспренат, консул-суффект 6 г. н. э., друг Августа (*Tac.*, *Ann.* I, 53; III, 18; *Suet.*, *Aug.* 56, 3; *Plin.*, *NH.* XXXV, 164).

³⁴³ В. Базанов читает имя Caedius (*Basanoff V. Caedius primipilaris* (*Ad. Vell.* II, 120, 4). — *Latomus*, 10, 1951, p. 285).

³⁴⁴ Aliso, согласно Диону Кассию, — крепость, построенная Друзом в стране хатов, у слияния рек Ализон и Липпе (*Dio Cass.*, LV, 28, 6). Эпизод об осаде Ализона германцами фигурирует в качестве примера у Фронтиня (*Strateg.* III, 15; IV, 7).

операциях, он устранил огромную опасность, возникшую в Галлиях, раздоры среди черни во Виенне³⁴⁵, скорее обуздывая, чем карая. И тогда сенат и римский народ предоставили Тиберию своим постановлением по предложению его отца власть над всеми провинциями, равную той, которой он обладал сам³⁴⁶: ибо было бы абсурдно, чтобы ему не подчинялись те, кто был им освобожден, (2) и чтобы тот, кто первым отправился им на подмогу, не мог бы претендовать на равный почет. По возвращении в Рим он отметил триумф над паннонцами и далматами, уже давно ему назначенный, но отложенный из-за бесконечных войн. Кто бы удивился его великолепию, раз это касается Цезаря? И кто бы, право, не восхитился расположением Фортуны? Ведь мы не из слухов узнали, что самые известные вражеские вожди не пали в сражениях, но во время триумфа увидели их в цепях! К этому были причастны я и мой брат, сопровождая [колесницу] среди знаменитых мужей, удостоенных выдающихся наград.

СХХII. Не говоря уже о прочих чертах, среди которых сияет и выделяется исключительная умеренность Тиб. Цезаря, кого не удивит, что, бесспорно заслужив семь триумфов, он довольствовался тремя? В самом деле, у кого возникнет сомнение, что за возвращение Армении, во главе которой он поставил коронованного им собственноручно царя, и за упорядочение восточных дел он не заслужил овации и что за победу над винделиками и ретами он недостоин был вступить в город на колеснице? (2) И затем, после умирновления, когда в ходе трехлетней непрерывной войны были сломлены силы германцев, разве не должен был быть ему предоставлен и им получен такой же почет? А когда после поражения, понесенного Варом [totius]³⁴⁷, была сокрушена та же Германия, разве триумф не должен был быть наградой величайшему полководцу за исход событий, даже более благоприятный, чем ожидали? Но в отношении такого человека не знаешь, чему больше удивляться, что он постоянно превышал меру трудов и опасностей, или тому, что он ограничивал свои почести?

СХХIII. Мы подошли ко времени, когда страх был наивысшим. Ведь после того как Цезарь Август послал в Германию своего внука Германика, чтобы погасить последние очаги войны, он вознамерился послать сына Тиберия в Иллирик, чтобы закрепить миром то, что завоевано оружием. Сопровождая Тиберия и предполагая в то же время присутствовать на состязании атлетов, устроенном в его честь неаполитанцами, он прибыл в Кампанию. И хотя уже ощущались признаки слабости и начало ухудшения здоровья, он, собравшись с духом для того, чтобы проводить сына, расстался с ним в Беневенте, а сам вернулся в Нолу. И поскольку здоровье его ухудшалось с каждым днем, он, желая оставить все после себя в полной сохранности, знал, кого призвать, и срочно вызывает сына; тот летит к отцу отечества быстрее, чем этого ожидали. (2) Тогда, провозгласив, что спокоен, Август, заключенный в объятия своего Тиберия, препоручил ему его и свои собственные дела и уже приготовился к концу, как того требует рок; поначалу кое-как оправившись при одном взгляде и словах ободрения столь дорогого человека, вскоре, когда рок избавил его от всякой заботы, на семьдесят шестом году жизни, в консульство Помпея и Апулея, возвратился к своему началу, вернув небу небесную душу³⁴⁸.

СХХIV. Не только мне, столь спешащему, но и тому, кто располагает временем, невозможно выразить, каким был тогда ужас у людей, каким — волнение сената, каким — замешательство народа, каким страхом был охвачен Рим, на каком близком расстоянии между спасением и гибелью мы тогда находились! Достаточно того, что я передам общее мнение: мы боялись крушения всего мира, но даже не почувствовали,

³⁴⁵ Виенна — город в Нарбонской Галлии, на берегу Родана (Роны). Во времена Августа Виенна была главным городом аллоброгов (*Strabo*, IV, 1, 14). О беспорядках во Виенне другим древним авторам неизвестно.

³⁴⁶ Ср. *Suet.*, Tib. 21, где речь идет о законе, предоставившем Тиберию ту же власть в провинциях, какой пользовался Август.

³⁴⁷ Испорченное место: в «А» — totius, в «Р» — ocus. Штегман принимает чтение ocus, Вудмен — totius и после него постулирует лакуну; мы следуем за Вудменом.

³⁴⁸ В источниках представлены две версии кончины Августа; см. *Hellegouarc'h J. Velleius Paterculus. Histoire Romaine*. P., 1982, p. 271. Рассказ Веллея согласуется с тем, что сообщает Светоний (*Aug.* 98, 10; Tib. 21, 2), и расходится со сведениями Тацита (*Ann.* I, 5), Диона Кассия (*LVI*, 30), Аврелия Виктора (*Epit.*, I, 27) об отравлении Августа Ливией и о вызове Тиберия не самим Августом, а Ливией. Выражение «вернуться к своим началам», как заметил Ж. Эллегар, является омонимическим: initia — вечные принципы, производящие четыре элемента и сами эти элементы.

что он колеблется. Столь огромным было величие одного лишь человека, что ни честным людям...³⁴⁹, ни против злодеев не понадобилось браться за оружие. (2) Все государство превратилось в театральную сцену, на которой сенат и римский народ сражались с Цезарем, чтобы он наследовал отцовское место, а тот — чтобы быть гражданином, равным другим, а не привилегием, возвышающимся над всеми. Наконец, он был побежден скорее доводами разума, чем увлечением к должности, поскольку мог видеть, что то, чего он не брал под защиту, погибает и он единственный, отказывавшийся от принципата едва ли не дольше, чем другие бились с оружием, чтобы его захватить.

(3) После того как его отец ушел к богам и тело его получило человеческие почести, а имя — божеские, первой задачей Тиберия как принцепса было устройство комиций по плану, собственноручно составленному божественным Августом. (4) В то же время мне и моему брату довелось быть кандидатами Цезаря, назначенными преторами непосредственно за знатнейшими гражданами и жрецами: и мы были последними кандидатами, предложенными божественным Августом, и первыми, кого рекомендовал Тиберий.

СХХV. Вскоре государство получило награду за свои молитвы и проникательность. И вскоре нам стало ясно, что бы мы претерпели, не добившись Тиберия, и чего мы достигли, его добившись. Ведь войско, действовавшее в Германии и находившееся под непосредственным командованием Германика, и одновременно легионы, находившиеся в Иллирике, будучи охвачены каким-то бешенством и ненасытной страстью к беспорядкам, потребовали себе нового военачальника, новый устав, новое управление. (2) Они даже осмелились угрожать, что дадут сенату, принцепсу законы, и сами попытались установить себе размер жалования, сроки службы. Прибегли к оружию. Обнажили мечи. И безнаказанность привела к едва ли не крайним степеням насилия, и недоставало того, что повел бы против государства, но не тех, кто бы за ним последовал³⁵⁰. Однако зрелый опыт военачальника в короткое время все это успокоил и ликвидировал, многое обуздав, кое-что обещав, не теряя своего достоинства, сурово наказав главных виновников, остальным вынеся мягкое порицание. (4) В то время как Германик в большинстве случаев прибеж к прощению, Друз, посланный отцом на такой же пожар военной смуты, вздымающийся огромным пламенем, проявил старинную суровость и пресек дело, опасное для него и гибельное как самим фактом, так и примером, мечами тех же воинов, которыми был осажден сам. (5) Единственным помощником в этом был для него Юний Блез³⁵¹, человек, не знаю, более ли полезный в войну или ценный в мирное время. Несколько лет спустя, являясь проконсулом в Африке, он был провозглашен императором и заслужил триумф. Что касается Испаний³⁵² и войска, там находящегося под командованием имевшего верховную власть [М. Лепида, о чьих] доблестях и знаменитых кампаниях в Иллирике мы говорили раньше, то он их содержал в полном мире и спокойствии, поскольку обладал в избытке непреклонным благочестием в решениях и авторитетом для осуществления того, что решил. В приморской части Иллирика его тщательности и надежности во всех отношениях подражал Долабелла, человек благороднейшей простоты³⁵³.

СХХVI. Нуждаются ли в подробном изложении деяния этих шестнадцати лет, прошедшие у всех на глазах и запечатлевшиеся в памяти? Отца своего Цезарь обожествил не властью, а истинной религией, не провозгласил, но сделал богом (2). На Форум призвано доверие, с Форума удален мятеж, с Марсова поля — домогательства³⁵⁴,

³⁴⁹ Доводы Вудмена (Velleius Paterculus, p. 221) в пользу того, что перед словом *peque* в тексте имеется лакуна, мы считаем убедительными.

³⁵⁰ Намек на отказ Германика возглавить восставшие легионы. Ср. *Tac.*, App. I, 33 sqq.

³⁵¹ Кв. Юний Блез, консул-суффект 10 г. н. э. В 14—20 гг. — наместник Паннонии, где после смерти Августа восстали легионы (*Tac.*, App. I, 16, 1; *Dio Cass.*, LVII, 4). В 21—22 гг. Юний Блез — наместник Африки, где вел успешную борьбу против восставших во главе с Такфаринатом и получил триумфальные украшения. Вскоре после раскрытия заговора Сеяна казнен Тиберием. Вряд ли особые похвалы Веллея в адрес Юния Блеза связаны с тем, что тот был племянником Сеяна.

³⁵² Принимаем чтение «Р»: ac Hispanias.

³⁵³ П. Корнелий Долабелла, консул 10 г. н. э. В год смерти Августа был легатом в Иллирике (CIL, III, 1741). Подробнее о нем см. *Tac.*, App. LIV, 26.

³⁵⁴ Под удалением мятежа (*seditionis*) с Форума и раздоров (*ambitia*) с Марсова поля понимаются прекращение деятельности трибунных и цензуриатных комиций и передача

из курии — раздоры, и возвращены государству одряхлевшие из-за долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату — величие, к судьям — вескость; подавлен театральный мятеж; всем или внушено желание, или вменено в обязанность поступать правильно: (3) все правое окружено почетом, а дурное наказывается; низший чтит обладающего властью, но не боится, могущественный идет впереди низшего, но не презирает его. Когда цены на хлеб были умереннее? Когда мир — отраднее? Распространившись до восточных и западных пределов, достигнув самого севера и юга, Августов мир сохранил самые отдаленные уголки всего мира свободными от разбоя. (4) Великодушие принцепса защитило от случайных потерь не только граждан, но и города. Восстановлены города Азии³⁵⁵, провинции освобождены от злоупотреблений магистратов³⁵⁶: достойным обеспечен заслуженный почет, злодеям — наказание, запоздавшее, но хоть какое-то³⁵⁷; личное благоволение одолено справедливостью, домогательства — доблестью; ведь наилучший принцепс своими поступками поучает своих граждан действовать правильно, и если он велик в своей власти, то еще более велик своим примером.

CXXVII. Редко выдающиеся мужи для управления тем, что дала им судьба, не пользовались услугами великих помощников, как оба Сципиона — двумя Лелиями³⁵⁸, сравнив их во всем с собою, как божественный Август — М. Агриппой, а после него для того же — Статиллем Тавром³⁵⁹, новизна рода которых нисколько не воспрепятствовала им неоднократно быть консулами, добиваться триумфов и многочисленных жреческих должностей. (2) На самом деле, великие дела нуждаются в великих помощниках (да и для малых дел ощущается их недостаток), и важно для государства, чтобы те, чье использование необходимо, выделялись достоинством и польза подкреплялась бы авторитетом. (3) Следуя этим примерам, Тиб. Цезарь имел и имеет во всем разделяющего с ним бремя принцепата, выдающегося помощника Элия Сеяна, происходящего от отца, принцепса всаднического сословия³⁶⁰, по материнской же линии принадлежащего к семье очень славного и древнего происхождения, отмеченной почетными отличиями³⁶¹, имевшего консулами братьев, родных и двоюродных, дядю; сам же он показал себя в высшей степени деятельным и верным. Его физическая крепость соответствует силе духа. (4) Человек не угрюмой суровости, веселости, достойной древних времен, активности, внешне подобной праздности, ничего для себя не добивающийся и в силу этого получающий все, ценящий себя меньше, чем его ценят другие, лицом и образом жизни безмятежный, но неусыпный разумом³⁶².

CXXVIII. Давно уже в оценке достоинств этого человека мнение граждан соперничает с мнением принцепса. Для сената и римского народа не ново считать наиболее достойное самым знатным. Ведь и те, кто впервые, еще до Пунической войны (триста лет назад), подняли Тиб. Корункания, «нового человека», до высшей власти, окружили наряду со всеми другими почестями великим понтификатом³⁶³, и те, кто

их выборных функций сенату. См. выше — 104, 3 об упорядочении положений комиций. Тацит (Апп. I, 15) изображает эту же реформу как выполнение намерений Августа.

³⁵⁵ Речь идет о помощи городам, разрушенным землетрясением 17 г. н. э. (Тас., Апп. I, 46, 2; II, 26, 1; *Dis Cass.*, VII, 10, 3; *Suet.*, Tib. 32, 2).

³⁵⁶ Ср. Тас., Апп. I, 15, 1.

³⁵⁷ Принимаем не чтение, которое предлагает Липсий, — аequa, а чтение Вудмена — aliqua.

³⁵⁸ Гай Лелий Старший выполнял дипломатические поручения Сципиона Старшего, Гай Лелий Младший (Мудрый) был другом Сципиона Эмилиана. Тем не менее вряд ли правомерно сопоставление их с М. Агриппой и Элием Сеяном.

³⁵⁹ Статилий Тавр, префект Рима при Августе, консуляр (Тас., Апп. III, 72; VI, 11). Тацит указывает, что, несмотря на преклонный возраст, Статилий Тавр успешно справлялся с обязанностями по обузданию рабов и беспокойных граждан.

³⁶⁰ Отец Сеяна, Л. Сейус Страбон, был всадником из этрусского города Вольсиний — *CIL*, XI, 2707; Тас., Апп. IV, 1; *Iuv.*, X, 74 sqq. Важнейшие вехи его карьеры — префект претория в Риме и префект Египта.

³⁶¹ Мать Сеяна — Коскония Галитта из рода Коскониев. Наиболее влиятельным в этом роде был М. Косконий, претор 135 г. до н. э., наместник Македонии в 134-132 гг. до н. э.

³⁶² В описании Тацита эта черта Сеяна представляла наибольшую опасность для государства (Апп. IV, 1).

³⁶³ Тибериус Корунканий из Тускула был консулом 280 г. до н. э. и первым из плебеев, добившимся занятия жреческой должности pontifex maximus. Уже у Цицерона Корунканий — пример древних римских доблестей (*Cic.*, *De sen.* 15, 43).

Сп. Карвилия, рожденного во всадническом состоянии ³⁶⁴, и вскоре после него М. Катона, нового поселенца в Риме и даже выходца из Тускула, и Муммия Ахейского возвеличили консулатом, цензурой, триумфами, (3) и те, кто Г. Мария, неизвестного по происхождению, считали вплоть до его шестого консульства бесспорным принципом римского народа, и те, которые воздали столь многим М. Туллия, так что почти с их одобрения он достиг первенства, которого желал, и те, которые не отказали Азинию Поллиону ни в чем из того, что добывается наизнатнейшими людьми с великими усилиями, — все они прекрасно знали: чей дух более доблестен, тому и больше воздается. (4) Естественное подражание этим примерам побудило Цезаря проверить Сеяна как помощника в облегчении бремени своих обязанностей принцепса, и он побудил сенат и римский народ к тому, чтобы они более охотно призвали в качестве защитника своей безопасности того, кого на деле узнали как лучшего.

СХХІХ. Но, дав как бы общую [картину] ³⁶⁵ принципата Тиберия Цезаря, рассмотрим подробности. С каким благоразумием он вызвал в Рим Раскуполо, погубителя племянника Котиса, с которым он делил ту же власть ³⁶⁶. В осуществлении этой операции была исключительно важной помощью консуляра Помпония Флакка ³⁶⁷, рожденного для всего, что должно быть выполнено надежно, и благодаря своей непритязательной доблести всегда заслуживающего славу, но к ней не стремящегося. (2) С какой жесткостью Цезарь провел дело [Друза Либона] как сенатор и судья, а не как принцепс [и правитель], проявив скорее пунктуальность, чем суровость ³⁶⁸. С какой быстротой неблагодарного, замышлявшего переворот... подавил! Какие уроки он преподавал своему Германику и, дав ему военную выучку во время совместной службы, принял покорителем Германии! Какими почестями он воодушевил юношу во время триумфа, величие которого соответствовало великолепию совершенных им дел! (3) Сколько раз он удостоил народ публичных раздач! С какой охотой (если на то была воля сената) он восполнял сенаторам ценз, чтобы не возобладала бы роскошь и честная бедность не пострадала из-за лишения сенаторского достоинства ³⁶⁹! С каким почетом он отправил своего Германика в заморские провинции ³⁷⁰! Какими энергичными мерами, целебной силой своих решений, имея в качестве помощника и исполнителя своего сына Друза, он заставил уйти Маробода, цеплявшегося за рубежи захваченного им царства, словно — не в обиду его достоинству будь сказано — змея, затаившаяся в земле! Как достойно и в то же время надежно он содержал Маробода ³⁷¹! Какую тяжелую войну в Галлиях, развязанную первым их человеком Сакровиром и Юлнем Флором, он подавил с такой удивительной быстротой и доблестью, что римский народ раньше узнал о победе, чем о войне: вестник победы прибыл раньше, чем вестники опасности! (4)!

³⁶⁴ По всей видимости, имеется в виду Спурий Карвилий Максим, консул 293 г. до н. э., герой войны с этрусками и самнитами. По остроумному предположению Р. Сайма (op. cit., p. 262 ff.), Карвилий избран в качестве примера, поскольку он построил святилище Форс-Фортуны, одного из наиболее почитаемых плебейских божеств (*Liv.*, X, 46, 14). Форс-Фортуне оказывалось почитание в царствование Тиберия (*Tac.*, Ann. II, 41, 1), и в частности Сеяном (*Dio Cass.*, LVIII, 7, 2—3).

³⁶⁵ Все издатели сходятся на том, что в предложении *sed proposita quasi universa principatus Ti. Caesaris... singularecensiamus* перед словом *singula* имеется лагуна. Из слов, какими предлагали ее заполнить, — *forma*, *imagine*, *tabella* — мы вслед за Ж. Эллегуаром (*Lire et comprendre*, p. 253) выбрали последнее, которое в подобном же обороте употребляется Л. Аннеем Флором.

³⁶⁶ После смерти царя Фракии Реметалка Август разделил Фракию между сыном царя Котисом и его братом Раскуполом. После смерти Августа Раскупол вторгся во владения племянника и убил его в 17 или 18 г. (*Tac.*, Ann. II, 65 sqq.).

³⁶⁷ Л. Помпоний Флакк, наместник соседней с Фракией Иллирии, близкий друг Тиберия (*Suet.*, Tib., 42, 1).

³⁶⁸ Испорченное место, которое мы переводим, опираясь на восстановление Вудмена (*Velleius Paterculus...*, p. 266).

³⁶⁹ Ср. *Tac.*, Ann. I, 75, 3, где сообщается об оказании финансовой помощи Проперцию Целеру с санкционированием этой милости через сенат. О щедростях по отношению к народу см. *Tac.*, Ann. II, 42, 1; *Suet.* Tib. 54.

³⁷⁰ На самом деле речь шла о почетной ссылке.

³⁷¹ Заключив в 9 г. н. э. договор о союзе с Римом, Маробод оставался ему верен. Он не оказал помощи восставшим германцам, которые после разгрома Вара начали с ним войну. Римляне не выполнили своих союзнических обязательств и не оказали Марободу поддержки. Это было причиной восстания Маробода, подавленного Римом; Маробод был доставлен в Равенну, где содержался с почетом (*Tac.*, Ann. II, 45—46; 62—63).

Равным образом Африканская война, внушавшая не меньший ужас и постоянно расширявшаяся, благодаря его ауспiciям и рекомендациям была вскоре похоронена ³⁷².

СХХХ. А какие сооружения он воздвиг от своего имени и от имени своих близких! С какой благочестивой, выходящей за пределы человеческих возможностей щедростью он возвел храм своему отцу ³⁷³! С каким пылом великодушия он восстановил уничтоженные огнем здания Гн. Помпея! Он считал необходимым взять под свою защиту все, что когда-либо выделялось славой, как бы родственное себе. (2) Какое душевное благородство он проявил в других случаях, как и недавно во время пожара на горе Целии ³⁷⁴, возместив ущерб людям всех сословий из своего собственного имущества! При каком спокойствии людей он осуществил набор войска, предмет постоянного и чрезвычайного страха, без смятения среди набранных! (3) И если дозволит природа и разрешит человеческая посредственность, я осмеливаюсь вместе с богами спросить: чем он заслужил, что против него имел преступные планы сначала Друз Либон ³⁷⁵, затем [выступившие против него] Силий ³⁷⁶ и Пизон ³⁷⁷, одного из которых он возвел в высокую должность, а другому повысил достоинство? Чтобы перейти к большему, хотя и это он считал величайшим, за что он потерял сыновей юношами? ³⁷⁸ За что — внука от своего Друза! (4) Какие страдания, М. Виниций, терзали его душу на протяжении этих трех лет! Каким долго скрываемым и от того еще более жестоким пламенем сжигало его грудь, когда от невестки, а когда от внука он вынужден был страдать, негодовать, краснеть ³⁷⁹? К несчастьям этого времени добавилась потеря матери, женщины достойнейшей и во всем более подобной богам, чем людям ³⁸⁰, власть которой никто не чувствовал, разве лишь при избавлении от опасности или повышении в должности.

СХХI. Труд мне надлежит закончить молитвой: О, Юпитер Капитолийский, и ты, Марс Градив ³⁸¹, множитель и установитель римского имени ³⁸², и ты, хранительница вечного огня Веста, и вы, все боги, которые распространили мощь Римской империи до крайнего предела земель, — вас всенародно заклинаю и молю: охраняйте, сохраняйте, поддерживайте это состояние, этот мир [этого принцепса] ³⁸³, (2) а когда он исполнит долговременную службу смертного, как можно позднее определите ему преемников, да таких, чьи плечи были бы достаточно крепки, чтобы вынести бремя власти над миром, которую, как мы чувствуем, выносят его, намерения всех граждан, если они благие ³⁸⁴, [поддержите, если нечестивые, сокрушите!]

³⁷² Имеется в виду достаточно длительная война Рима с нумидийцами, возглавляемыми Такфаринатом (*Tac.*, *Ann.* II, 52; III, 20 sqq.; IV, 23 sqq.). Опираясь главным образом на оценку Веллеем Патеркулом этой войны, Р. Сайм утверждает, что он живой историк (*Syme R. Mendacity in Velleius*. — *AJPh*, XCIX, 1978, p. 45—63).

³⁷³ Храм Августа на Палатине, постройку которого начал Тиберий, а завершил Калигула.

³⁷⁴ Гора Целий (*Caelimontium*) — район Рима, уничтоженный пожаром в 27 г. Тацит (*Ann.* IV, 6, 4) объясняет щедрость Тиберия желанием погасить враждебную ему молву.

³⁷⁵ М. Скрибоний Либон Друз — знатный юноша, обвиненный в подготовке государственного переворота в 16 г. н. э. (*Tac.*, *Ann.* II, 11; 27—32; IV, 29, 31; *Suet.*, *Tib.* 25).

³⁷⁶ Г. Силий в 24 г. был обвинен в предательстве и по приказу Тиберия кончил жизнь самоубийством (*Tac.*, *Ann.* IV, 18 sqq.). Под повышением достоинства, очевидно, имеется в виду то, что в 7 г. до н. э. Силий был коллегой Тиберия по консулату.

³⁷⁷ Гн. Кальпурний Пизон, друг Августа и Тиберия, консул 7 г. н. э. В 17 г. он вступил в конфликт с Германиком и, по слухам, его отравил. После неудачной попытки распространить свою власть на всю Сирию он возвратился в Рим, где, будучи обвинен, добровольно ушел из жизни (*Tac.*, *Ann.* II, 43, 2; 55—71; 81, 3; III, 11—15).

³⁷⁸ Имеются в виду смерть Германика, приемного сына Тиберия, и Друза, его родного сына.

³⁷⁹ Веллей Патеркул имеет в виду жену Германика Агриппину и Нерона Юлия Цезаря, сына Агриппины.

³⁸⁰ Смерть Ливии, супруги Августа и матери Тиберия в 29 г. Выражение «более подобной богам, чем людям» отражает ее официальное обожествление.

³⁸¹ *Gradius* — постоянный эпитет Марса от глагола *gradior* — «шестьствовать», включающий также понятия «непреклонный», «незыблемый».

³⁸² *auctor*] *et stator Romani nominis*. Если *auctor* воспринимается в свете легенды о Марсе как отце Ромула, давшего свое имя городу, то эпитет *stator*, как метко заметил Вудмен (*Velleius Paterculus*, p. 280), в применении к Марсу необычен: он входит в титулатуру Юпитера. Поскольку в тексте *stator* корреспондирует со словами *status*, *statio*, его следует перевести «установитель», а не «останавливающий бегущих» или «хранитель».

³⁸³ «этого» принцепса — добавление Юста Липсия.

³⁸⁴ На слове *ria* обрывается «Р». Слова *iuvate aut impia confringite* — дополнение Халма.

ADD ENDA ET CORRIGENDA

Книга, глава	Напечатано	Следует читать
I, 4,4	острове Лемносе	острове Лесбосе
I, 6,2	Нина и Семирамиды	Нина и Семирамиды, основавших Вавилон
I, 10,4	он стал умолять	он, напомнив по порядку о своих делах, стал умолять
I, 14,8	Флоралии, была основана	Флоралии, и два года спустя была основана
I, 15,5	шестое Мария была выведена колония Эпоредия	шестое Мария, у багиенов, была выведена колония Эпоредия
I, 18,1	в каждом роде красноречия	в каждом роде красноречия на протяжении многих лет, в большом количестве произведений
II, 2,5	распределения полей	по распределению полей и основанию колоний
II, 9,5	но труд о гражданских войнах Суллы	но труд о гражданских и сулланских войнах
II, 12,4	на Равдинских полях	на Равдинских полях, по эту сторону Альп
II, 12,6	которые захватили власть	которые, продлив свои должности, захватили власть
II, 15,3	в тот год обязанности	за год до того обязанности
II, 17,7	в Италию для участия в переписи	в Италию из провинций для участия в переписи
II, 18,1	в воинском счастье	в воинском счастье, всегда могучий духом
II, 23,3	над префектами Митридата	над префектами Митридата в районе Афин, Беотии, Македонии
II, 24,3	высадился в Брундизии	Возвратившись в Италию, он высадился в Брундизии
II, 24,4	не выпускал из рук того, что имел	не оставлял того, что предпринял
II, 25,1	и городах) стремившийся	и городах Кампании), стремясь
II, 26,3	ее собственное женское мужество	возвысившись мужеством, она заставила забыть о дурной репутации отца.
II, 27,1	необученных воинов	непоколебимых в желании биться до конца воинов.
II, 27,2	дух римских воинов окреп, и враги отступили	римское войско воспрянуло, а вражеское упало духом.
II, 29,4	в свободном государстве	в свободном государстве, правящем народами
II, 30,2	надежную победу, а себе	надежную победу, уничтожив свою партию, а себе
II, 31,4	Оптиматы выступили против, но планы их нападения потерпели крах.	Среди оптиматов не было согласия, а планы их были одолены силой.
II, 35,4	претор и другие люди	претор во второй раз и другие люди
II, 37,5	государственные круги	государственные круги
II, 38,4	впервые ввели войска Гай и Публий	впервые ввели войска Гней и Публий
II, 42,3	тогдашнему наместнику этой части Азии	ведь он одновременно правил этой провинцией и Азией
II, 52,6	ни один из граждан не был забыт родиной	родине не пришлось кого-либо оплакивать, кроме павших в бою
II, 53,2	Но кто сохраняет память	Но кто в несчастье сохраняет память
II, 53,3	египетского подданного	египетского раба
II, 55,3	позднее оказался в нем консулом и претором	в этом году соединил претуру с консульством

Книга, глава	Напечатано	Следует читать
II, 66,3	жить в памяти	жить в памяти всех веков
II, 61,4	позорно бежать из Италии	позорно и в одиночку бежать из Ита- лии
II, 69,1	Долабелла убил в Азии	Именно тогда Долабелла убил в Азии
II, 69,2	Криспа Марция	Криспа Марция
II, 69,3	Над Антонием он одержал верх в войне	Антонию он угрожал войной

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955
 АИУ — Археологические открытия на Украине
 АП — Археологічні пам'ятки
 АС — Археологический сборник
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
 ИП — Исторически преглед
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 НО — Надписи Ольвии
 ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
 ОДПИ — Одеський державний педагогічний Інститут
 СГМИИ — Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им.
 А. С. Пушкина
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 УІЖ — Український Історичний журнал
 АА — Acta Archeologica
 АЈ — Antiquaries Journal
 AnnScAtene — Annuario della Scuola archeologica di Atene e delle missioni Italiane in
 Oriente
 ANSMN — American Numismatic Society. Museum Notes
 Anz. Wien — Anzeiger der Akademie der Wissenschaften. Wien
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BIFAO — Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire
 BMC, The Ptolemies — *Poole R. S.* British Museum. Catalogue of Greek Coins. The Pto-
 lemies, Kings of Egypt. London, 1883
 BSA — Annual of the British School at Athens
 Bull. ép.— Bulletin épigraphique
 CdE — Chronique d'égyptologie
 ID — Incriptions de Délos
 IEJ — Israel Exploration Journal
 IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae
 IGCH — *Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M.* An Inventory of Greek Coin Hoards.
 N. Y., 1973
 IINA — Istituto Italiano di numismatica antica
 JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRS — Journal of Roman Studies
 LAAA — Annals of Archaeology and Anthropology of the University of Liverpool
 LBW — *Le Bas Ph., Waddington W. H., Foucart P.* Voyage archéologique en Grèce et en
 Asie Mineure. P., 1847—1870
 MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Instituts für ägyptische Altertumskunde in Kairo.
 Wien
 NC — Numismatic Chronicle
 NS — Numismatic Studies
 PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology
 QDAP — Quarterly of the Department of Antiquities of Palestine
 RA — Revue archéologique
 REG — Revue des études grecques
 Rev. Arch.— Revue archéologique
 RN — Revue numismatique. VIe Serie. Paris
 SB Wien — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Wien
 SEG — Supplementum epigraphicum graecum
 SEHWW — *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World.
 V. I—III. Oxford, 1941
 Wb.— *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. B. I—V. Berlin,
 1971.
 ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Абаев В. И.</i> (Москва) — Древнеперсидское <i>abičariš</i> в Бехистунской надписи (К вопросу о социальном характере термина)	3
<i>Согомонов А. Ю.</i> (Владимир) — Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики	8
<i>Рубан В. В.</i> (Николаев) — Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э.	26

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Голенко В. К.</i> (Москва) — Монеты ранних Селевкидов в собрании Государственного Исторического музея	47
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Новые боспорские декреты	57

ДОЪЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Белова Г. А.</i> (Москва) — Об одном древнеегипетском топониме ('bw rsj)	73
<i>Драчук В. С.</i> (Киев), <i>Кутайсов В. А.</i> (Симферополь) — Исследование Керкинитиды	82
<i>Кац В. И.</i> (Саратов) — Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм	87
<i>Бейнарлович Л. Е.</i> (Минск) — Проблема справедливости и принципы власть в «Государстве» Платона	113
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — Боспор и Египет в III в. до н. э.	126
<i>Лопухова О. Б.</i> (Москва) — Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе	139
<i>Ляпустина Е. В.</i> (Москва) — Виллы в западных провинциях Римской империи	161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Старкова К. Б.</i> (Ленинград) — Две новые книги о Кумране (И. Д. А м у с и н. Кумранская община. М., 1983; E u g e n V e r b e r. Kumranksy rukopisi iz ređina kraj Mrtvog mora. Beograd, 1983)	187
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Два сабейских словаря (J. C. Biella. Dictionary of Old South Arabic, Sabaean Dialect.— Harvard Semitic Studies, 25. Harvard, 1982; A. F. L. Beeston, M. A. Ghul, W. W. Müller, J. Ruckmans. Dictionnaire Sabéen. Louvain-la-Neuve — Beyrouth, 1982)	192
<i>Козловская В. И.</i> (Владимир) — Генезис культуры в современной зарубежной историографии	197
<i>Семпер Н. Е.</i> (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии.	210

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Молчанов А. А.</i> (Москва) — Симпозиум «Античная балканистика-5»	220
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Веллей Патеркул.</i> Римская история. Книга вторая. Перевод и комментарии <i>А. И. Немировского</i> (Москва) (окончание)	227
---	-----

CONTENTS

<i>V. I. Abaev</i> (Moscow) — Old Persian <i>abičariš</i> in the Behistum Inscription	3
<i>A. Yu. Soghomonov</i> (Vladimir) — Greek Settlements in the Near East and Their Ethno-Cultural Contacts in the Archaic Period	8
<i>V. V. Ruban</i> (Nikolaev) — Some Features of the Historical Development of the Olbian <i>chora</i> in the Fourth and Third Centuries B. C.	26

PUBLICATIONS

<i>V. K. Golenko</i> (Moscow) — Coins of the Early Seleucids in the Moscow Historical Museum	47
<i>V. F. Shelov-Kovedyayev</i> (Moscow) — New Bosphoran Decrees	57

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>G. A. Belova</i> (Moscow) — The Ancient Egyptian Toponym <i>'bw rsj</i>	73
<i>V. S. Drachuk</i> (Kiev), <i>V. A. Kutaisov</i> (Simferopol) — Excavation] Results on the Site of Kerkinitis	82
<i>V. I. Katz</i> (Saratov) — Typological and Chronological Classification of Chersonesian Magistrates Stamps	87
<i>L. Ye. Beinarovich</i> (Minsk) — Justice and the Principles of Rule in «The Republic» of Plato	113
<i>M. Yu. Treister</i> (Moscow) — Bosphorus and Egypt in the Third Century B. C.	126
<i>O. B. Lopukhova</i> (Moscow) — Some Data on the Renting of Temple Lands in Delos	139
<i>Lyapustina Ye. V.</i> (Moscow) — Villas in the Western Provinces of the Roman Empire	161

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS]

<i>K. B. Starkova</i> (Leningrad) — Two New Books on Qumran (I. D. Amusin. <i>Kumranskaya obschina</i> . M., 1983; Eugen Verber. <i>Kumransky rukopisi iz perinaj kraj Mrtvog mora</i> . Beograd, 1983)	187
<i>A. G. Lundin</i> (Leningrad) — Two Sabaeen Dictionaries (J. C. Biella. <i>Dictionary of Old South Arabic, Sabaeen Dialect</i> . — Harvard Semitic Studies, 25. Harvard, 1982; A. F. L. Beeston, M. A. Ghul, W. W. Müller, J. Ryckmans. <i>Dictionnaire Sabéen</i> . Louvain-la-Neuve — Beyrouth, 1982).	192
<i>V. I. Kozlovskaya</i> (Vladimir) — The Genesis of Iberian Culture in Modern Foreign Historiography	197
<i>N. Ye. Semper</i> (Moscow) — New Foreign Literature on Egyptology	210

SCIENTIFIC EVENTS

<i>A. A. Molchanov</i> (Moscow) — Symposium «Ancient Balkanistics — 5»	220
--	-----

SUPPLEMENT

<i>Velleius Paterculus. Historia Romana. Translation by A. I. Nemirovsky</i> (Moscow)	227
---	-----

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.11.84	Подписано к печати 21.01.85	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 21,0+1 вкл.	Усл. кр.-отг. 117,6 тыс.	Уч.-изд. л. 24,3
Тираж 5505 экз. Зач. 764		

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 2 р. 50 к.
Индекс 70119

В магазинах «Академкнига»

имеются в продаже:

Ан?
Идреева Ж. В. ПРИМОРЬЕ В ЭПОХУ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК. 1977. 240 с. 2 р. 02 к.

Монография написана на основании археологических материалов и вводит в научный оборот большое количество данных. Значительное внимание в книге уделено показу изменений, происшедших на протяжении железного века в различных сферах деятельности древнейшего населения края, обосновывается периодизация культур рассматриваемого времени, а также дается их характеристика. Автор выявляет особенности исторического процесса в Приморье и рассматривает предпосылки формирования раннефеодальных государств в южной части Дальнего Востока.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков, географов.

ДРЕВНЕРУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА И ЕЕ БЫТОВАНИЕ В СИБИРИ. Сборник. 1982. 271 с. 2 р. 20 к.

Сборник посвящен проблемам древнерусской и старопечатной книги на территории Сибири, дается характеристика отдельных памятников и их сибирских редакций, а также различных источников по истории Сибири периода феодализма, в первую очередь летописных. Публикуются обзоры крестьянской письменности.

Работа предназначена для научных работников — историков и филологов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24, 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.